

**XIII МОСКОВСКАЯ
ЮРИДИЧЕСКАЯ НЕДЕЛЯ**

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Сборник статей

Часть 1

Москва, 2024

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

**XXIV Международная научно-практическая конференция
(Кутафинские чтения)**

**XXIV Международная научно-практическая конференция
Юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова**

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Часть 1

Теоретические основы суверенитета государства и практические проблемы его реализации

Пространство и границы суверенитета в историко-правовой ретроспективе

Эра человека и машины: историческая динамика государственно-правовых перемен

Исторический суверенитет: право в истории и история права

Идея суверенитета: истоки, философский смысл, современное значение

Информационный суверенитет Российской Федерации: проблемы правового обеспечения
в условиях современных вызовов и угроз

Вектор на Восток: новые предметы для сравнительных правовых исследований

Москва
Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
2024

УДК 34(470+571)
ББК 67.4(2)я43
П685

Председатель редакционного совета сборника

Синюков В. Н., проректор по научно-исследовательской деятельности Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Редакционная коллегия

Корнев А. В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права; *Исаев И. А.*, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права; *Рыбаков О. Ю.*, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии; *Минбалеев А. В.*, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий; *Губин А. М.*, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой управления и экономики; *Соколова Н. А.*, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права, научный руководитель Научно-исследовательского института; *Козырева А. Б.*, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права; *Румянцева В. Г.*, кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права; *Беляев М. А.*, кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой философии и социологии; *Добробаба М. Б.*, доктор юридических наук, профессор кафедры информационного права и цифровых технологий; *Чубукова С. Г.*, кандидат юридических наук, доцент кафедры информационного права и цифровых технологий; *Голубев С. С.*, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры управления и экономики; *Машитлов А. С.*, специалист по маркетингу отдела научных мероприятий и молодежной научной деятельности Научно-исследовательского института

П685 Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы : сборник докладов XIII Московской юридической недели : в 4 ч. Ч. 1. — М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. — 280 с.

ISBN 978-5-907670-44-0

21–24 ноября 2023 г. в рамках XIII Московской юридической недели состоялась совместная XXIV Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) и XXIV Международная научно-практическая конференция Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова на тему «Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы».

В сборник включены материалы конференций, круглых столов, дискуссионных площадок, в том числе с международным участием. Доклады представлены учеными, преподавателями и практиками из разных городов России, а также из других стран.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, обучающихся юридических вузов и факультетов. Представляет интерес для руководителей органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

УДК 34(470+571)
ББК 67.4(2)я43

Научное издание
Правовое обеспечение суверенитета России: проблемы и перспективы
Часть 1
Сборник докладов

Подписано в печать 23.03.2024. Формат 60×90/16

ISBN 978-5-907670-44-0

© Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА
И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Жилинская В. С. Адаптивные механизмы социальных регуляторов	7
Ибрагимова Э. Ю. Правовая политика в области национальных интересов	10
Иванов А. Е. Государственный суверенитет и международное право: между юридическим монизмом и правовым скептицизмом	13
Исаков И. Н. Гармонизация федерального законодательства в регионах – эффективное средство укрепления суверенитета России	16
Печатнова Ю. В. Введение в экономический анализ права Ричарда Познера	19
Самушкин Н. Д. Государственный суверенитет в условиях технологической революции	20
Седнев В. В., Войтов А. В. Правовые принципы денацификации	22
Ставицкий А. О. Политический режим как правовая категория и фактор устойчивого развития государства	26
Борисов С. А. Правовой статус личности в условиях укрепления государственного суверенитета России	27
Ахрамеев П. С. Трансформация государственного суверенитета в условиях сетевого общества	29
Кулиева А. М. Цифровизация правового пространства как фактор трансформации сущности государственного суверенитета	31
Минаева А. И. Цифровые технологии как средство обеспечения государственной власти	34
Чинаев В. В. Суверенитет государства в цифровом пространстве: концепции и риски	36
Шадже А. М., Шадже Л. А. Суверенитет как основа устойчивого развития России	40
Егоров А. А. Учение о формах государства в трудах А. П. Кунцына	43
Корнев А. В. Суверенитет: трансформация идеи и практики	45
Королева Е. В. Правовой суверенитет: постановка проблемы	48
Базилев А. А. Суверенитет и его сущностное значение в контексте марксистского политико-правового учения	50
Чечельницкий И. В. Категория «средства» в государственной правозащитной деятельности	53
Козырева А. Б. Цивилизационные особенности России в трудах отечественных и мировых классиков	57

ПРОСТРАНСТВО И ГРАНИЦЫ СУВЕРЕНИТЕТА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ЭРА ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПЕРЕМЕН

ИСТОРИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРАВО В ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ ПРАВА

Байгарина А. Е. Этатизм и суверенитет: историко-правовой аспект формирования государственной власти	62
Беляев М. П. Обладали ли имперские чины в Священной Римской империи суверенитетом?	64
Бухтоярова О. А. Право на труд в системе публичной власти	67
Гордеев А. Г. Правовые аспекты суверенитета в СССР и его последствия для современной России	71
Грищенко Л. Л., Грищенко В. В. Исторические предпосылки и современное состояние создания и развития наукоградов в России	73

Ермаков В. А. Концептуальные аспекты исторического суверенитета в русской школе естественного права	77
Зин Н. В. К вопросу о гражданской идентичности и патриотизме в России	80
Матюк Ю. С. Формирование технологического суверенитета России в контексте современных геополитических вызовов	82
Михель Д. Е. Историческая парадигма правового развития общества в транснациональном измерении	84
Мун В. А. Российские правовые традиции в области оказания социальной помощи нуждающимся (середина XIX – начало XX в.)	87
Соколова А. А. Искусственный интеллект и право в ценностном измерении	90
Широкалова Г. С. Оценки настоящего как основа суверенитета	92

ИДЕЯ СУВЕРЕНИТЕТА: ИСТОКИ, ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ, СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Артемов В. М. Нравственная философия как основа профессиональной этики и критерий суверенности отечественного права	96
Беляев М. А. Регуляторная политика как инструмент достижения государством суверенных целей развития	100
Васильева М. И. Отражение лексемы «суверенитет» в русском языке (диахронический аспект)	102
Лихтер П. Л. Гносеологическая категория «истина» как модификация идеи блага в «Государстве» Платона и современной социологии права	103
Лукьященко А. В. Ансимов М. А. Искусственный интеллект и суверенитет человеческого Я	105
Марков С. М. Является ли идеология <i>causa finalis</i> государственного суверенитета?	111
Морозов М. Ю. Суверенитет, автономия, личность: к проблеме истинности форм общественного бытия в немецкой классической философии	114
Николашкина В. Е. Риторические и понятийные аспекты суверенитета	117
Никулина И. А. Русский язык как одна из основ российской государственности	120
Огородников А. Ю. Переход от актора-имитатора к актору-субъекту в укреплении государственного суверенитета	123
Пржиленский В. И., Пржиленская Ю. Г. Евразийство и космизм: взаимодействие двух философских течений	127
Рыбаков О. Ю. О значении суверенитета в современных условиях	130

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Минбалеев А. В. Обеспечение кибербезопасности и международной информационной безопасности в системе обеспечения информационного суверенитета	134
Добробаба М. Б. Проблема достаточности правового обеспечения мер государственной поддержки ИТ-отрасли в условиях санкций	137
Ефремов А. А. Государственный суверенитет в информационном пространстве: проблемы правового обеспечения	140
Шейкин А. Г. Регулирование искусственного интеллекта как неотъемлемое условие обеспечения цифрового суверенитета	143
Евсиков К. С. Правовой режим «метавселенных» как способ обеспечения технологического суверенитета	147

Холодная Е. В. О роли цифровых технологий в обеспечении информационного суверенитета РФ: правовые задачи и перспективы	151
Брянцев И. И., Брянцева О. В. Цифровой суверенитет как фактор повышения эффективности государственного управления	153
Химченко А. И. Информационный суверенитет как фактор доверия в цифровой среде	157
Мильшин Ю. Н. Цифровизация контрольной деятельности как условие обеспечения законности	161
Магдилова Л. В. Правовые основы государственной цифровой платформы	163
Пашнина Т. В. О значении информации о деятельности государственных органов в обеспечении информационного суверенитета современной России	166
Никишин В. Д., Осипов Д. П. Понятие и сущность информационного суверенитета	169
Пальянова Н. В. Перспективы импортозамещения программного обеспечения в России	173
Мартынова Т. Л. Технологический суверенитет отрасли связи	177
Таран К. К. Правовая оценка цифровой трансформации бизнеса в условиях санкционного давления	179
Шельменков В. Н. Отношение к морально-этическим аспектам при использовании современных биомедицинских технологий	181
Игумнов В. В. Правовое обеспечение цифрового профилирования как составляющей суверенитета России	185
Окишев Б. А. Проблема правового определения понятия «передача персональных данных» в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»	188
Долунц В. С. Обеспечение информационного суверенитета при формировании регулирования технологий виртуальной реальности	191
Жарков К. К. Информационно-правовое обеспечение технологического суверенитета в транспортном комплексе Российской Федерации	193
Майоров А. А. Обеспечение информационного суверенитета России при применении системы дистанционного электронного голосования в избирательном процессе	196
Степанова А. Е. Сетевая экология как путь к укреплению национального суверенитета в глобальном информационном пространстве	199
Лагаева В. П. Влияние искусственного интеллекта на цифровой суверенитет России	201
Соловкин С. В. Закономерности развития публично-правового регулирования процессов автоматизированного сбора данных о человеке в условиях цифровой трансформации	204
Одинцов В. И. Анализ вопроса включения роботов в перечень технических средств реабилитации	207
Конорев В. Д. Проблема правового обеспечения интеллектуального суверенитета России	209

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Черныш А. Я. Организационно-правовые проблемы формирования инновационно-инвестиционных проектов модернизации высокотехнологичных систем	212
Ильин С. Ю. К вопросу оценки стоимостных показателей устойчивости функционирования отраслевого управления в условиях современной хозяйственной конъюнктуры	215
Богданов В. В., Косарев А. С., Дюндик Е. П. Проблемы обеспечения экономического суверенитета и пути его повышения	217
Ельшин В. А., Гимадеев А. Д. Применение инвестиционного подхода для эффективного функционирования и развития высокотехнологичных промышленных предприятий	220
Щербаков А. Г. Экономический и технологический суверенитет современной России в условиях нового геополитического порядка	225

Гимадеев А. Д., Ельшин В. А. Возможности адаптации стратегического управления высокотехнологичными промышленными предприятиями в новых условиях современности	228
Проскурин Б. В., Яхонт В. В. Управление рисками инвестиционной деятельности компании как фактор ее экономической безопасности в условиях нестабильной экономической среды	232
Чеботарев С. С., Чеботарев В. С. Научно-методическое обеспечение экономической безопасности региона (субъекта федерации) России	234
Бевза В. О. Кадровый резерв как инструментарий обеспечения кадрового суверенитета оборонно-промышленного комплекса	237
Голубев С. С., Илькун А. А. Проблемы кадрового суверенитета для реализации новых технологий и пути его повышения на примере вертолетных компаний	241
Пашенко Д. С. Стратегия и тактика развития корпоративного ИТ-ландшафта в условиях технологического эмбарго и ускоренного импортозамещения	245
Романенко Н. Ю., Ушаков А. Н., Канкулов М. М. Проблемы технологического суверенитета и пути его решения	251
Белоконев С. А., Белокопытов К. В., Слободчиков М. И. Технологическая независимость в документах стратегического планирования в сфере ОПК	253
Губин А. М., Гончарова Т. Э. Проблемы обеспечения правового суверенитета Российской Федерации в современных условиях с учетом международного опыта	256
Коломиец А. Г. Практические государственные инициативы по достижению технологического суверенитета в строительной отрасли	258
Волкова Ю. А., Воронов В. В. Актуальные проблемы спортивного суверенитета России и способы его обеспечения	260
Тихомирова Е. С., Власенкова А. Н. Актуальные проблемы культурного суверенитета России и способы его обеспечения	264
Чхутиашвили Л. В. Искусственный интеллект в государственном контроле	268
Чхутиашвили Н. В. Повышение производительности труда как условие достижения технологического суверенитета в современной России	269
Стрельникова Е. В. Импортозамещение в условиях внешних санкций	271

ВЕКТОР НА ВОСТОК: НОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Палюлин А. Ю. Опыт идеологических запретов в партийных системах Запада как правовой фактор обеспечения национального суверенитета	276
Базина О. О. Проблемы изучения права Китая в современной России	279

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СУВЕРЕНИТЕТА ГОСУДАРСТВА И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ

Жилинская В. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры теории государства и права

Адаптивные механизмы социальных регуляторов

«Времена меняются, и мы меняемся вместе с ними» — говорили древние римляне. И мысль эта по-прежнему актуальна, несмотря на века, отделяющие нас от той эпохи. Если что и отличается, то лишь скорость и глобальный характер происходящих в обществе изменений.

Как и тысячи лет назад поведение людей нуждается в регулировании, и базовые нормативные социальные регуляторы, такие как религия, обычаи, право и мораль сохраняют свою роль. Однако содержание норм претерпевает определенные изменения. Для разных регуляторов это характерно в разной мере, однако каждому из них приходится так или иначе проходить определенную трансформацию, чтобы не утратить своего влияния в современном обществе.

Меняется также соотношение и значимость социальных регуляторов на различных исторических этапах. Так, на протяжении значительной части истории человечества имел место приоритет религии, а все остальные регуляторы в той или иной степени были производны от нее.

С течением времени влияние религии постепенно снижалось и хотя оно и по сей день достаточно велико в отдельных регионах мира, всё же на современном этапе поведение большинства людей в большей мере зависит от требований норм права и морали.

Социальные регуляторы также обладают разной степенью консервативности, поэтому какие-то из них изменяются достаточно легко, другие же, напротив, имеют относительно слабые адаптивные механизмы. Так, к примеру, право максимально пластично и в теории правовые нормы могут меняться государством в течение очень короткого периода. А противовес этому нормы религии зачастую воспринимаются как незыблемые и неизменные.

При этом перемены, происходящие в современном мире, требуют модернизации практически всех социальных норм, пусть и в разной мере. Очевидно, что отказ от приспособления к изменившимся условиям жизни и мышления человечества неизбежно влечет за собой падение авторитета социальных регуляторов, снижение их эффективности, и в конечном итоге может привести к утрате ими своей основной функции.

В любом случае даже наиболее консервативным регуляторам приходится считаться с тем, что современное общество не тождественно тому, в условиях которого и для которого они когда-то формировались.

Так, обычаи, сама сущность которых подразумевает, что их авторитет связан с длительностью их применения, по природе своей минимально приспособлены к трансформации и модернизации. Между тем и они вынужденно меняются с течением времени. Часть попросту утрачивает свое значение и отмирает, другие же подвергаются переменам в большей или меньшей степени. Иногда это происходит стихийно, а иногда под влиянием целенаправленной деятельности государства.

В качестве примера можно привести упразднение в советское время празднования Рождества. Атеистическая направленность государства подразумевала упразднение всех религиозных праздников, однако уничтожить связанные с ними обычаи, укоренившиеся в сознании и поведении людей, оказалось намного сложнее. Со временем власти советского государства пришлось смириться с тем, что люди не хотят жертвовать привычными обычаями и продолжают соблюдать их, пусть даже в отрыве от религиозной сути праздника. Тогда было принято официальное решение перенести рождественские обычаи на празднование Нового года. Так, религиозные обычаи приобрели характер светских, обросли традициями Нового времени и в какой-то части существенно изменились.

Религия как социальный регулятор также подразумевают не просто стабильность, а практически неизменяемость. В первую очередь в догматической своей части, но даже обрядовую часть сложно изменить, не вызвав существенного резонанса в среде верующих. Почти все попытки модернизации религии встречают довольно серьезное сопротивление. Это вполне объяснимо, учитывая какую роль религия играет в жизни людей. С догматами веры и исполнением религиозных обрядов связывается не только и не столько благополучие в земной жизни, но и последующее вечное существование бессмертной души.

Очевидно, что нормы, регулирующие как земное, так и посмертное существование не должны легко меняться по чьей-то прихоти, иначе они вряд ли смогут служить надежной опорой и исполнять свою основную функцию. Консерватизм религии заложен в самой ее природе. Однако история знает примеры, когда, казалось бы, неизменяемые нормы веры и положение церкви в одночасье менялись и довольно радикально.

Разумеется, ярче всего это может проиллюстрировать почти мгновенная Реформация в Англии шестнадцатого века. Католицизм сменяется на англиканское вероисповедание по воле короля Генриха Восьмого, а далее уже англиканская религия претерпевает существенные изменения то в более радикальную, то в более консервативную форму на протяжении всего его правления.

Очевидно, что подобные революционные перемены в сфере действия столь консервативного социального регулятора, как религия чреватые крайне неблагоприятными социальными последствиями. Следствием Реформации в Европе стали религиозные и гражданские войны во многих государствах, зачастую тянувшиеся на протяжении десятилетий.

Между тем с течением времени становится очевидно, что полностью избежать любых изменений в догматической и обрядовой части религиозных учений если и возможно, то не всегда выгодно для эффективного воздействия религии на человека и общество. При этом негативный опыт резкой трансформации дает основания для предпочтения крайне осторожной и постепенной модернизации религиозных догматов.

Модернизация в религиозной сфере строится на сочетании принципов преемственности и новации. Ярким примером может служить проведение римско-католической церковью в середине двадцатого века Второго Ватиканского собора, целью которого была модернизация католической церкви и преодоление вставших перед ней вызовов.

Отток верующих из церкви, конфликт между религиозным и научным мировоззрением, ускорение ритма жизни, смена приоритетов и ценностей: всё это влияло на то, что миллионы людей оказывались перед выбором между религиозными и светскими ценностями, и часто отдавали предпочтение последним.

В свою очередь, такое положение вещей поставило перед выбором саму церковь – или меняться, подстраиваясь под современное общество, или хранить неизменяемость догматов, продолжая при этом терять прихожан. Римско-католическая церковь выбрала путь умеренной модернизации, вследствие чего были внесены изменения не только в социальную доктрину церкви, но в определенной мере затронуты сами догматические основы вероучения.

Несмотря на значительное сопротивление со стороны консервативных сил, как внутри самой церкви, так и в среде верующих Второму Ватиканскому собору во главе с Иоанном-Павлом Вторым удалось внести изменения, на базе которых был выстроен новый баланс между требованиями религии и церкви и тем, что диктовала человеку жизнь в современном обществе.

Мораль по природе своей является более гибким нормативным регулятором, а следовательно, проще трансформируется и приспосабливается к изменениям в общественных отношениях. Однако важно помнить, что изначально нормы морали формировались на основе норм религии и по большому счету дублировали их. Именно поэтому достаточно долго моральные нормы как минимум в рамках одного социума были единообразными, не порождали сомнений и споров. Но с тех пор, как в большинстве регионов мира наблюдается падение авторитета религии, мораль также утрачивает ранее присущую ей гомогенность и приобретает не только более самостоятельное содержание, но и зачастую входит в прямое противоречие с нормами религии.

Итак, мораль становится более значимым и сильным социальным регулятором на современном этапе развития человечества. Но в то же время она ослабляется именно за счет своей неоднородности. Если раньше в рамках одного общества человек мог более-менее уверенно судить о том, что хорошо и что плохо, то сейчас содержание большинства моральных норм может породить ожесточенные споры.

Однако мораль как социальный регулятор не ограничивается усилением влияния на общество, расширением и дифференциацией своего содержания. Кроме того, она вырабатывает новые адаптивные механизмы, основанные в том числе на достижениях научно-технического прогресса, основным из которых является Интернет. В первую очередь примером подобного механизма может служить так называемая «культура отмены».

Культура отмены относительно новое явление, хотя прототипы его можно найти как в далеком, так и в недавнем прошлом. Так, к примеру, в средневековой Европе лицу, поправшему нормы религии и морали могли вымазать ворота дегтем и вывалить в перьях, чтобы любой прохожий знал, что в этом доме проживает нарушитель общественных норм. А века спустя, в советском обществе практиковались бойкоты и осуждающие собрания, на которых члены того или иного коллектива высказывали всеобщее неодобрение нарушителю или демонстративно игнорировали его существование.

Однако в прошлом любые подобные методы носили локальный характер и только появление международной сети Интернет сделало возможности такого ostracism практически безграничными. Теперь любой человек из любого уголка планеты имеет возможность высказать осуждение кому угодно, включая личностей, с которыми у него нет ни малейшего шанса пересечься в реальной жизни.

Культура отмены сложное и неоднозначное социальное явление, она имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К условно положительным аспектам можно отнести возможность использовать внеправовые способы воздействия на политических деятелей, медийных персон или корпорации, если их поступки и высказывания, формально оставаясь в рамках закона, нарушают нормы морали и представления общества о допустимом и недопустимом.

Отрицательные же стороны вытекают как из самой природы данного явления, так и из неоднородности современной морали. Сложно одобрительно оценивать, по сути, коллективную травлю той или иной персоны или корпорации, даже если «жертва» дает веский повод для такого осуждения. Тут следует оговориться, что имеются в виду случаи культуры отмены, лежащие именно в плоскости морали, а не нарушения, реальные или предполагаемые, правовых норм, таких как обвинения в насилии, коррупции и т.п.

Основная же проблема, связанная с культурой отмены заключается в том, что из-за неоднородности современной морали в рамках общества нет согласия относительно обоснованности обвинений. В обществе с разнонаправленными моральными векторами, часть людей будет считать, что обвинения и следующие за ними действия справедливы, а другая часть будет категорически отрицать их справедливость и обоснованность. Так, имели место случаи, когда корпорация, подвергшаяся культуре отмены со стороны части населения, приносила извинения за свои действия, послужившие причиной, и тут же становилась объектом отмены для части населения с противоположными моральными установками.

В целом культура отмены представляется довольно эффективным механизмом для привлечения внимания к нарушениям моральных норм, но в то же время ей свойственны огульность и необоснованность обвинений, субъективность восприятия, а зачастую и откровенная жестокость по отношению к личности.

Но сам факт существования и функционирования подобного механизма свидетельствует в пользу того, что сегодня санкции за нарушение моральных норм, так называемое общественное осуждение, далеко не так бессильны, как принято было считать, и зачастую являются более суровыми и несут для личности более неблагоприятные последствия, чем санкции правовых норм, применяемые от лица государства.

Таким образом, можно прийти к выводу, что на современном этапе основные социальные регуляторы претерпевают изменения не только содержательного характера, но также меняются методы их воздействия на общество. Иногда довольно сложно однозначно оценить благоприятны такие

перемены или негативны, однако невозможно отрицать их наличие и стремление нормативных социальных регуляторов приспособиться к условиям жизни современного общества.

Ибрагимова Э. Ю.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кандидат юридических наук, старший преподаватель
кафедры теории государства и права

Правовая политика в области национальных интересов

В настоящее время вокруг понятия «национальный интерес» по-прежнему ведутся активные научные споры и дискуссии, как среди отечественных, так и среди зарубежных правоведов.

Своими идейными корнями концепция национальных интересов восходит к эпохе Возрождения и отражена в работах Н. Макиавелли¹ и в работах его последователей – Ж. Бодена, Ж. Руссе-де-Мисси, Ж. Де. Сильон, А. Ришелье² и др.

В научный оборот термин «национальный интерес» был введен в 1935 г. американским ученым – Р. Нибуру и историком Ч. Бирду³, которые включили данное понятие в Оксфордскую энциклопедию социальных наук.

В наиболее развернутой форме концепция «национального интереса» была сформулирована представителем школы политического реализма Г. Моргентау в книге «В защиту национального интереса»⁴.

В дальнейшем понятие «национальные интересы» рассматривалось и разрабатывалось с различных перспектив такими зарубежными учеными, как Дж. Розенау, У. Липпман, Дж. Кеннан, К. Уолтц, Э. Фернисс и др.

Отечественные исследователи также изучали понятие «национальных интересов». Заслуживающими внимания являются диссертации Д. И. Победаша «Эволюция американского политического реализма как метода исследования международных отношений»⁵, а также В. Н. Конышева «Эволюция американского политического реализма как метода исследования истории международных отношений»⁶.

Стоит отметить, что оформленное Г. Моргентау понятие «национальных интересов» не подверглось кардинальным преобразованием, о чем свидетельствует защищенная в 2022 г. кандидатская диссертация «Понятие «национальные интересы» в теориях политического реализма рубежа XX–XXI вв.»⁷. Согласно реалистской парадигме понятия «национальный интерес» и «государственный интерес» неделимы, поскольку национальные интересы являются универсальной категорией, включающей в себя ряд задач, одной из которых является отстаивание суверенитета государства на международной арене, а также выгодного положения государства внутри мировой политики⁸.

Сторонники правового плюрализма разделяют данные определения и отмечают, что тождество «государственных» и «национальных» интересов – это подмена общественных интересов государственными. Благополучие населения и достаточный уровень безопасности – это то, что является национальным интересом общества⁹.

¹ Machiavelli N. Książę: wyd. 2 na podstawie wydania z 1920 roku. Kręty, 2004.

² Общая и прикладная политология / под ред. Жукова В. И., Краснова Б. И. 1997. С. 80.

³ R. Nieburg, His Religious, Social and Political Thoughts / ed. by Ch. W. Kegley and R. W. Breall. N. Y., 1956.

⁴ Morgenthau H. Politics among Nations. N. Y., 1948 ; In Defence of National Interest. N. Y., 1952.

⁵ Победаш Д. И. Эволюция американского политического реализма как метода исследования истории международных отношений : дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2007. 294 с.

⁶ Конышев В. Н. Эволюция американского политического реализма как метода исследования истории международных отношений : дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2005. 465 с.

⁷ См. подробнее: Рожков А. А. Понятие «национальные интересы» в теориях политического реализма рубежа XX–XXI вв. : дис. ... канд. полит. наук. М., 2022. 185 с.

⁸ Указ. соч.

⁹ Beard C. A. The Idea of National Interest: An Analytical Study in American Foreign Policy. New York : Macmillan, 1934. P. 81–83.

Таким образом, приведенные позиции зарубежных и отечественных исследователей демонстрируют, что устоялась дихотомия понятия «национальные интересы».

В работе понятие «национальные интересы» будет рассматриваться через призму реалистического подхода ввиду того, что всеобщей парадигмой согласования интересов в пределах существующих социальных групп, а также сохранения общности нации является государство. Из этого следует, что идея национального интереса возникает в оболочке представления о государственном интересе¹.

Стоит отметить, что данное понятие прочло вошло в лексикон государственных деятелей и используется в различных официальных правовых актах целеполагания, которые являются не только средством выражения правовой политики, но и источником права политико-идеологического характера².

Официальное понятие «национальные интересы» закреплено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации³, в одном из самых современных документов, который определяет правовые и идейные основы государственной политики, где под национальными интересами Российской Федерации понимаются «объективно значимые потребности личности, общества и государства в безопасности и устойчивом развитии»⁴. В части 1 ст. 25 Стратегии национальной безопасности перечислены объективно значимые потребности: «1) сбережение народа России, развитие человеческого потенциала, повышение качества жизни и благосостояния граждан;

2) защита конституционного строя, суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, укрепление обороны страны;

3) поддержание гражданского мира и согласия в стране, укрепление законности, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности от противоправных посягательств, развитие механизмов взаимодействия государства и гражданского общества;

4) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия;

5) устойчивое развитие российской экономики на новой технологической основе;

6) охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата;

7) укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России;

8) поддержание стратегической стабильности, укрепление мира и безопасности, правовых основ международных отношений»⁵.

Реализация Стратегии национальной безопасности Российской Федерации началась в 2021 г., и в настоящее время данная Стратегия составляет правовую основу для более 50 нормативных правовых актов и актов целеполагания⁶. Для ее дальнейшего воплощения в жизнь было разработано 25 проектов нормативных правовых актов⁷, в которых затронуто суверенитета.

Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 разработана Стратегия экономической безопасности РФ⁸, которая направлена на реализацию стратегических национальных приоритетов России. Стратегия

¹ Стоит отметить, что в пространственно-географическом плане сфера национальных интересов не ограничивается национальной территорией и простирается за ее пределы, однако не произвольно, а в соответствии с реальной базой реализации национальных интересов государства.

² См., например: Азархин А. В. Целеполагание в современном законодательстве: к вопросу об эффективности правовой политики в России // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 51--54; Мушинский М. А. Стратегии, концепции, доктрины в правовой системе Российской Федерации: проблемы статуса, юридической техники и соотношения друг с другом // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 488–499.

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.07.2021.

⁴ Указ.ист.

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 03.07.2021.

⁶ Согласно СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 27.10.2023.

⁷ Согласно СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 27.10.2023.

⁸ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 290.

экономической безопасности определяет экономические вызовы и угрозы для безопасности нашей страны, а также предлагает механизм их предотвращения и устранения. В Стратегии экономической безопасности определены цели, задачи и ориентиры госполитики в сфере обеспечения экономической безопасности на федеральном, региональном, муниципальном и отраслевом уровнях. Стратегия консолидирует усилия органов государственной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и др., направленные на обеспечение экономической безопасности в целях защиты национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации¹. В Стратегии экономической безопасности дано определение экономического суверенитета, под которым понимается «объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств»².

Для исполнения Стратегии экономической безопасности было разработано 9 проектов нормативных правовых актов³ затрагивающих приоритетные секторы экономики на федеральном и региональном уровнях⁴. Например, в проекте постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидий автономной некоммерческой организации «Агентство по технологическому развитию»⁵ было подчеркнуто, что на российском рынке возник дефицит сервоприводов, в связи с тем, что импорт осуществлялся из зарубежных государств. Отсутствие на отечественном рынке конкурентных сервоприводов ставит под угрозу технологический суверенитет России. Главенствующим элементом в механизме данного инфраструктурного проекта будет выступать центр научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по электродвигателям и сервоприводам (далее – Центр) создаваемый для обеспечения технологической независимости.

В проекте постановления требования, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности и оценка их соблюдения, возложенная на государственные и муниципальные органы контроля⁶.

Утвержденная Указом Президента РФ от 31.03.2023 № 229 Концепции внешней политики Российской Федерации⁷ представляет собой систему взглядов на национальные интересы РФ во внешнеполитической сфере, в Концепции отражены базовые принципы, стратегические цели, среди которых главенствующую роль занимает обеспечение безопасности Российской Федерации, ее суверенитета во всех сферах и территориальной целостности, основные задачи и приоритетные направления во внешней политики России⁸.

Для реализации настоящей Концепции разработан проект распоряжения Правительства РФ «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года»⁹. Стратегии призвана обеспечить укрепление общероссийской гражданской идентичности, единства и сплоченности российского общества, усилить культурное и гуманитарное развитие как основу экономического процветания, государственного суверенитета и цивилизационной самобытности страны, а также повысить качество жизни в России.

¹ Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 290.

² Указ. ист.

³ Согласно СПС «КонсультантПлюс» по состоянию на 27.10.2023.

⁴ Проект «Основных направлений цифровизации финансового рынка на период 2022–2024 годов» // СПС «КонсультантПлюс»; Проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Развитие Северо-Кавказского федерального округа» // СПС «КонсультантПлюс»; Проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации «Воспроизводство и использование природных ресурсов» // СПС «КонсультантПлюс» и др.

⁵ СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Проект постановления Правительства РФ «О внесении изменений в Правила предоставления из федерального бюджета субсидий автономной некоммерческой организации «Агентство по технологическому развитию» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

⁸ Указ. ист.

⁹ СПС «КонсультантПлюс».

Иванов А. Е.Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Кандидат юридических наук, преподаватель
кафедры теории государства и права**Государственный суверенитет и международное право:
между юридическим монизмом и правовым скептицизмом**

Международное публичное право традиционно воспринимается в качестве площадки для внешних сношений независимых политических обществ или сферы общения между суверенными правительствами (суверенами)¹. Оно, будучи основанным на взаимных договоренностях высших политических властей, есть система правил и полезный инструмент, изначальная и непосредственная функция которого – поддержание мира между нациями на основе добровольного признания, присоединения и исполнения конвенционально установленных требований, исходящих от коллективной «воли» международного сообщества.

Однако опыт современной эпохи красноречиво, к великому сожалению, свидетельствует о том, что авторитет международного права оказывается подорванным и, сохраняя известное влияние и воздействия на взаимоотношения стран, начинает восприниматься некоторыми правопорядками в качестве воплощения классического (но всё же лишённого разумности) конфликта юридического и фактического. Действительно, нет нужды прибегать к серьёзному анализу, чтобы подтвердить возможные или реальные факты злоупотребления возможностями, предоставляемыми указанным комплексным инструментом, различными политическими силами и фракциями.

Указанные обстоятельства, с учетом значимости разрешения этого вопроса для бытия национального суверенитета, приводят нас к мысли о том, что целесообразно было бы вновь обратиться к двум, казалось бы, диаметрально противоположным и непримиримым взглядам и концепциям, этому давно закопанному «топору войны», для современного анализа международного права. Речь пойдет о так называемых юридическом монизме и правовом скептицизме, в наиболее полной, по всей видимости, форме представленные в работах Ганса Кельзена и Джона Остина соответственно.

Руководствуясь формальными критериями, обычно относимыми для описания сущности нормативных правовых актов, Дж. Остин отказывает международному праву в возможности именоваться «правом в строгом смысле слова» на том основании, что в этой системе отсутствует алгоритм централизованного и организованного вменения, нет международной законодательной власти, а также присутствует резонное сомнение в возможности легального ограничения политической власти, предваряющей бытие правовой плоскости и имманентно возвышающейся над ней². Проводя аналогию с позицией Дж. Локка, концепцию Дж. Остина также можно в указанной части охарактеризовать тезисом, в соответствии с которым «все государи и правители независимых государств во всем мире находятся в естественном состоянии»³ по отношению друг к другу.

Тезис о примате политики над юридической формой и объективной нормой в концепции Дж. Остина часто подвергается суровой критике⁴. Противники Дж. Остина, в частности, сам Г. Кельзен, обычно опираются на так называемую «аутентичную» критику, подвергая анализу рассматриваемую концепцию исключительно с позиции строгого юридического позитивизма. Их логика понятна: если государство есть правовой порядок, включивший в себя нормы международного права как позитивного

¹ Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined and the Uses of the Study of Jurisprudence*. London, John Murray, Albemarle Street. 1832. С. 207–208.

² Austin J. *Centralization* // *Edinburgh Review*. 1847. Т. 85. № 171. С. 222 ; Austin J. *The Province*. С. 275, 287, 374, 376 ; Austin J. *Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive Law*. 1885. Т. 1. С. 356 ; Austin J. *Lectures on Jurisprudence, or the Philosophy of Positive Law*. 1885. Т. 2. С. 745.

³ Локк Дж. *Сочинения* : в 3 т. Т. 3, М., 1988. С. 269.

⁴ Харт Г. Л. А. *Понятие права* / пер. с англ. ; под общ. ред. Е. В. Афонасина и С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. С. 29, 218, 223 [и др.]; Austin J. *The Province of Jurisprudence Determined and the Uses of the Study of Jurisprudence*. London : Weidenfeld. 1954. С. Xiii).

права, то последние являются настолько же обязательными для государства-корпорации, насколько обязательными являются для него нормы собственного (национального) позитивного права¹.

Сугубо формальная интерпретация международного права делает честь юридическому позитивизму, ибо показывает высокий стандарт приложения догматического метода к соответствующему предмету, но этот взгляд оказывается слишком узким и, вероятно, губительным для концепции

Дж. Остина. Международное право в концепции Г. Кельзена приравнивается к позитивному праву (хотя и признается «примитивным», с чем спорит Г. Харт²), подход Дж. Остина, напротив, утверждает о конечной (хотя и условной) независимости верховной политической власти.

Применительно к проблеме международно-правовой ответственности, именуемой Дж. Остином «национальной или гражданской с точки зрения санкции»³, правовед обычно упрекается за отождествление последствий международных санкций с последствиями, наступающими за нарушение моральных норм⁴ — порицанием, отказом заключать договоры и соглашения о сотрудничестве, а также особыми формами, например, политическими и экономическими «санкциями» или инициацией военных действий⁵.

Дж. Остин и Г. Кельзен, таким образом, представляют две различные традиции понимания международного права: «национальную» и «международную» соответственно. Г. Кельзен оказывается возмущен позицией, утверждающей, что «национальное право и международное право — это две совершенно разные и взаимонезависимые системы норм, такие как позитивное право и мораль»⁶. Он полагает, что государство вполне способно оставаться суверенным, будучи субъектом международного права — правового децентрализованного «союза государств»⁷. С ним солидаризируются многие правоведы, указывая, что международные нормы являются не только лишь инструментом морали и конвенционального самообязывания, но предстают в качестве «правового» условия пребывания такой власти в международном сообществе, предъявляя формально равные требования ко всем участникам общения⁸.

Стоит отметить, что для самозамкнутого (но, безусловно, образца высочайшего качества применения догматического метода) нормативизма Г. Кельзена характерно, что его восприятие международного права в качестве позитивного предполагает нормативное единство всех существующих правопорядков. Это, думается, невозможно, ибо феномена «общечеловека» и «усредненного правопорядка» не существует в том же безусловном смысле, в котором существует практически любой современный национальный правопорядок⁹. Иными словами, если бы мы назвали международный правопорядок принудительным правовым порядком (в строгом смысле позитивного права), то мы выдали бы желаемое за действительное.

По нашему мнению, концепция Дж. Остина, отказывающаяся поворачиваться спиной к эмпирическим фактам, представлена в гораздо более выгодном свете. Мы вынуждены констатировать, что сфера политики из раза в раз доказывает конечный моральный характер «основной нормы международного права», часто не способной предупредить или преодолеть кризисные ситуации. Эта система, представленная с формальной и фактической точки зрения нормами обычного права и морали, имеющими вид норм позитивного права¹⁰, противоречива (что располагает к злоупотреблению ее возможными пробелами) в целом ряде взаимоисключающих норм, касающихся, например,

¹ Кельзен Г. Чистое учение о праве. 2-е изд. / пер. с нем. М. В. Антонова и С. В. Лезова. СПб.: ООО Издательский дом «Алеф-Пресс». 2015. С. 397–417; Kelsen H. Principles of International Law. New York: Rinehart & Company. 1952. С. 18.

² Kelsen H. The Pure Theory of Law and Analytical Jurisprudence // Harvard Law Review. 1941. Т. 55. № 1. С. 66; Харт Г. Л. А. Понятие права. С. 201. Об этом же см., например: Williams G. L. International Law and the Controversy Concerning the Word Law // Brit. YB Int'l L. 1945. Т. 22.

³ Austin J. Lectures. Т. 2. С. 575; курсив наш — А. И. Эта же позиция автора встречается и в других местах, см.: там же. С. 635, 754 и др.

⁴ Austin J. The Province. С. 147, 316.

⁵ Kelsen H. The Pure Theory of Law and Analytical Jurisprudence. С. 66.

⁶ Указ. соч. С. 67.

⁷ Кельзен Г. Чистое учение о праве. С. 415–417.

⁸ Еллинек Г. Общее учение о государстве: Юридический центр-Пресс; Санкт-Петербург; 2004. С. 683; Харт Г. Л. А. Понятие права. С. 223–227, 268.

⁹ Ross A. Towards a Realistic Jurisprudence. A Criticism of the Dualism in Law. Copenhagen: Munksgaard. 1946. С. 108–109.

¹⁰ Austin J. Lectures. Т. 2. С. 569.

проблемы международной правосубъектности и легитимности некоторой реально существующей публичной власти¹. Ее жизнеспособность упирается в постоянную и единообразную поддержку и признание со стороны всех или преобладающего большинства ее участников.

Это, однако, не означает, что суверенная власть имеет безусловный неограниченный характер, позволяющий ей руководствоваться исключительно собственными интересами. В указанной части (но не в части конечных выводов о сущности международного права, действительно обязательного лишь постольку, поскольку гарантией действенности его предписаний выступает само международное сообщество, признающее полезность не ситуативного, но постоянного «морального» связывания себя этими требованиями, единообразно воспринимаемыми и применяемыми) «этические» взгляды Дж. Остина во многом совпадают с представлениями Г. Еллинека, Г. Кельзена и Г. Харта².

С опорой на мнение Дж. Остина целесообразно заметить, что, несмотря на безусловную важность национального суверенитета, сам суверенитет не должен быть безусловен. В интересах наций – мирно сосуществовать с соседями и остальным миром, ибо это наиболее выгодная, полезная и разумная форма бытия политических сил. Если такая мера и является неудобством, то возможный отрицательный характер ее воздействия на независимое политическое общество меркнет, без всяких сомнений, рядом с ярким пламени «зла», распаленного взаимной враждой наций³.

С учетом опыта XX и XXI вв. мы могли бы сказать, что широко и печально известное «право сильного», способное формировать (если к нему как к максиме собственного поведения прибегает некоторое политическое общество) «общественное мнение» сообщества суверенных властей, также должно учитываться для оценки релевантности выводов теории Дж. Остина. С нами, вероятно, согласятся, если мы скажем, что существование «подлинной» системы международного права, призванного регулировать поведение стран-участниц на основе общих для всех суверенных властей принципов, напрямую упирается в баланс сил на международной арене и никак не приемлет гегемонии некоторой державы. Существование одного или двух «центров силы» есть, вероятно, состояние усугубляющегося неравенства, отрицания свободы, полезности и порядка, разжигающее, а не разрешающее социальные конфликты как между отдельными лицами, так и между целыми народами⁴.

Jus gentium или современное международное право предполагает идею «естественного права» – обязательной для всех нормативной системы. Однако никакой, даже самый высокий идеал, не имеет никакого смысла для человека, если он не воплощается в действительности. Состояние несправедливости в общении между нациями, этот диктат, склонение и навязывание, тождественно отрицанию всеобщности и универсальности «естественно-правовых принципов» международного права. Отказ любого правопорядка признавать «общечеловеческие» ценности в качестве таковых есть, по сути, смертельный удар по универсальности, требуемой самой сущностью таких прав⁵. Бытие такого права оказалось бы невозможным, поэтому идею «международной морали» надлежит помещать в центр какого-либо нормативного регулирования.

Без учета указанных обстоятельств ни бытие истинного международного права, ни бытие национальных правопорядков, верховенство которых в своих собственных делах не оспаривалось бы, мыслится маловероятным. Указанный принцип взаимного морального сдерживания, может и, по всей видимости, должен восприниматься в качестве руководящего мерила, благодаря которому отрицающее собственное назначение международное право, этот надполитический институт и «моральный» авторитет, целесообразно привести в должное (для возвращения утраченной способности выступать критерием равенства и справедливости для заведомо неравных субъектов) состояние.

¹ Austin J. The Province. С. 213–215, 223, 377.

² Указ. соч. С. 224, 319. О благотворном влиянии «международной морали» на национальное право см.: Austin J. Lectures. Т. 2. С. 636, 754.

³ Austin J. List on the principles of the German Customs-Union // The Edinburgh Re-view: or critical journal. 1842. Т. 75. № 152. С. 526, 546.

⁴ По этой теме см.: Камаровский Л. А. Современные общества мира // Русская мысль. 1896. № 10. С. 117; Камаровский Л. А. Об основной задаче международного права. М., 1897. С. 3–4.

⁵ Austin J. Lectures. Т. 2. С. 566.

Исаков И. Н.

МИЭТ «Национальный исследовательский университет
«Московский институт электронной техники»
Институт высокотехнологичного права,
социальных и гуманитарных наук (ВП СГН)
Кандидат юридических наук, доцент

Гармонизация федерального законодательства в регионах – эффективное средство укрепления суверенитета России

Вопросы о государственной целостности и государственном суверенитете, как незыблемых и взаимосвязанных конституционных принципах федеративного устройства России, всегда находились в поле зрения юридической науки и вызывали у исследователей теоретический и практический интерес, сопровождающийся научными дискуссиями¹. Сегодня в связи с реальными внешними угрозами, выражающимися в стремлении стран НАТО посягать на суверенитет Российской Федерации и военными действиями на Украине, внимание к этим вопросам многократно возросло.

В статье актуализируется вопрос о роли законодательства субъектов РФ в гармонизации федерального законодательства в регионах, ориентированного на укрепление единства федеративного государства и обеспечение его суверенитета.

В этом аспекте акцентируем внимание на том, что в современных федеративных государствах, в том числе и Российской Федерации, развиваемая идея о расширении в демократическом государстве круга субъектов правотворчества, наделенных правом издавать нормы первичного регулирования, предопределила переход к разноуровневому правовому регулированию, получившему сегодня широкое применение на практике. Это заметно модернизирует роль законодательного регулирования в системе нормативных регуляторов общественных отношений. Так, в новых реалиях субъекты РФ, как целостные интегративные образования, наделяются полномочием самостоятельно формировать *законодательный* уровень правового регулирования.

С появлением такого уровня регулирования необходимо возросла роль федерального законодательства в качестве первичной основы законодательного регулирования в регионах. В то же время происходит процесс сокращения объема правового регулирования на федеральном уровне и предметов ведения Российской Федерации.

С этих позиций накопленный опыт законодательного регулирования, в том числе и в сфере обеспечения суверенитета России позволяет говорить, что в субъектах РФ полноценно выполняется сегодня две функции: 1) конкретизируется федеральное законодательство по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, переданных последним для самостоятельного исполнения на региональном уровне; 2) устанавливаются нормы первичного правового регулирования вне предметов ведения и полномочий Российской Федерации и предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. При этом, как уже отмечалось, во втором случае, т.е. при установлении норм первичного регулирования первоосновой выступает правомочие на их принятие, позволяющее не только конкретизировать вопросы исполнения предметов совместного ведения, но и дополнять федеральные законы нормами первичного регулирования, учитывающими специфику региона и особенные интересы его жителей. Это, бесспорно, гармонизирует федеральное законодательство в регионах и, таким образом, конституционные принципы «государственной целостности», «государственного суверенитета», «равноправия и самоопределения народов», «разграничения предметов ведения и полномочий» и др. могут быть наполнены новым содержанием.

¹ Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю. Пути формирования канадского федерализма (историко-государствоведческое исследование) // Известия вузов. Поволжский регион. Общественные науки, 2015. № 2. С. 5–16; Гуляков А. Д., Саломатин А. Ю., Малько А. В., Макеева Н. В. Генезис федеративной государственности в мировом измерении (проект сравнительного историко-государствоведческого исследования) // Наука. Общество. Государство. Электронный научный журнал, 2016. № 3; Сенякин И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов, 2007 и др.

В этой связи, опираясь на 30-летний опыт законодательного регулирования в субъектах РФ, автор этих строк пытается обосновать, что переход субъектов РФ к самостоятельному уровню законодательного регулирования, сопровождаемый сокращением предметов ведения Российской Федерации и в целом объема правового регулирования на федеральном уровне, не несет в себе угрозу государственной целостности, а напротив, укрепляет суверенитет России. Находясь в системном единстве с волей федерального законодателя, законы субъектов РФ, принятые в пределах их полномочий, развивают федеральные законы в том направлении, чтобы за счет средств своего бюджета устанавливать более высокие стандарты социальной направленности, превышающие минимальные государственные стандарты удовлетворения материальных и духовных благ жителей регионов.

Итак, исследование показывает, что законодательный уровень правового регулирования, осуществляемый в субъектах РФ, играет чрезвычайно важную роль в гармонизации федеральных законов, повышении их авторитета, что, в свою очередь, позитивно влияет на укрепление единства федеративного государства и обеспечение государственного суверенитета России. В качестве подтверждения можно привести некоторые наиболее значимые аргументы.

1. Несмотря на то что каждый четвертый субъект РФ имеет статус республики (государства) и принимает свою конституцию¹, все субъекты РФ, независимо от своего статуса, наделены равным правом издавать учредительные акты и принимать собственные нормы первичного правового регулирования, закрепляющие особенные интересы жителей своего региона. В данном случае обращает на себя внимание то, что при унифицированном двухуровневом (федеральном и региональном) законодательном регулировании, ориентированном на укрепление федеративного государства и обеспечение государственного суверенитета, наблюдается тенденция расширения полномочий субъектов РФ, вызванная передачей им совместных с Российской Федерацией предметов ведения для самостоятельного исполнения, а также наделением субъектов РФ полномочиями дополнять федеральные законы новым содержанием. Так, Конституция Республики Башкортостан, определила Республику «демократическим правовым государством в составе Российской Федерации» (курсив мой ИИ), выражающим волю и интересы всего многонационального народа Республики². Указание на то, что Республика находится «в составе Российской Федерации» подтверждает важность укрепления единства и суверенитета федеративного государства, а положение, что в Республике «выражается воля и интересы многонационального народа» свидетельствует о важности учета и реализации особенных интересов различных категорий населения Республики и необходимо требует принятия собственных норм первичного правового регулирования.

В этом контексте можно рекомендовать субъектам РФ, имеющим статус республики (государства), закрепить в своих конституциях положение о единстве законодательной воли данной республики с волей федерального законодателя и гармонизации совокупности таких волей на региональном уровне законодательства. Представляется, что это способствовало бы укреплению единства Российской Федерации и обеспечению ее суверенитета, не посягало бы на предметы ведения и полномочия Российской Федерации, под предлогом исполнения принципов «саморегуляции республик» или их «природной автономии».

Что касается законодательных (представительных) органов краев, областей, городов федерального значения и других субъектов РФ, то реализация установленных федеральным законом норм, закрепляющих правомочие регионов, дополнять федеральные законы новым содержанием, априори находится в системном единстве с волей федерального законодателя и служит важным условием обеспечения суверенитета Российского государства.

2. Позитивная роль гармонизации федерального законодательства в регионах в обеспечении государственного суверенитета активно проявляется во вхождении местного самоуправления в соответствии с Конституцией РФ и Федеральным законом от 21.12.2021 № 414-ФЗ (ст. 1) в единую систему публичной власти и взаимодействию законодательных и исполнительных органов субъектов

¹ Исключение составляет Республика Калмыкия, которая именует свою Конституцию «Степным уложением».

² Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 № ВС-22/15 // URL: <https://docs.cntd.ru/document/935100256/> (дата обращения: 20.10.2023).

РФ по ключевым вопросам местного значения. Первостепенную роль в данном случае играет наделение местного самоуправления полномочием самостоятельно издавать нормы первичного регулирования, имеющие собственные квалифицирующие признаки. Используя высокую практическую значимость таких норм, представительные органы местного самоуправления закрепляют дополнительные права, т.е. принимают собственные «муниципальные стандарты», превышающие минимальные стандарты материальных и духовных благ, установленные государством. Такая деятельность создает дополнительные условия для гармонизации федерального законодательства и обеспечения государственного суверенитета в правотворческой деятельности муниципальных образований. Например, закрепленное в ст. 5 Устава муниципального образования городского округа Екатеринбурга базовое положение «об общности интересов населения округа», объединяет жителей округа, мотивирует исполнение особенных интересов населения, вытекающих из специфики обычаев и традиций Урала, что, бесспорно, гармонизирует региональные и муниципальные интересы¹. Думается, что это опосредованно способствует и укреплению единства федеративного государства и его суверенитета.

В то же время исследование показывает, что для полноценного решения вопросов местного значения, включая установление дополнительных материальных и духовных благ отдельным социальным группам, поступающих в муниципальный бюджет финансовых средств явно недостаточно. Как отмечается в литературе, Россия длительное время не считалась страной, в которой местное самоуправление отвечает потребностям российского общества². Многие муниципальные образования в поисках легитимных средств пополнения своего бюджета периодически пересматривают порядок владения, пользования и распоряжения муниципальной собственностью, корректируют порядок формирования и исполнения муниципального бюджета в сторону усиления его социальной направленности.

3. В обеспечении государственного суверенитета активно участвуют региональные органы исполнительной власти посредством конкретизации федеральных законов, закрепляющих предметы совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ и переданных последним для их самостоятельного исполнения. Как нам представляется, правовые нормы Правительства РФ, иных органов исполнительной власти, призванные обеспечить исполнение первичных норм, не образуют самостоятельного уровня правового регулирования, поскольку не наделены полномочием принимать нормы первичного регулирования либо изменять их первоначальный смысл. Такие нормы входят в образованные уровни первичного регулирования в качестве субэлемента и обеспечивают реализацию принципа равенства, признанного юридической наукой первоосновой в ряду всеобщих правовых принципов.

Таким образом, по нашему представлению, названные положения актуализируют формирование законодательного уровня правового регулирования в субъектах РФ, а также правотворческую деятельность в муниципальных образованиях, о чем говорят многие авторы в своих исследованиях³.

Гармонизация федерального законодательства в регионах как мера долговременная и перспективная может быть поставлена в Российской Федерации в качестве одной из ее приоритетных задач в сфере обеспечения суверенитета Российского государства.

¹ Устав муниципального образования «город Екатеринбург» (с изм. и доп.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/802035533> / (дата обращения: 20.10.2023).

² См.: Авакьян С. А. А есть ли в России местное самоуправление? // Российская Федерация сегодня. 2009. № 16.

³ Барциц И. Н. Федеральное и региональное законодательство: требование соответствия // Право и политика. 2001. № 3 ; Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015 ; Исаков И. Н. Правовая политика и законотворчество субъектов Российской Федерации / под ред. А. В. Малько. М. : Юрлитинформ, 2014 ; Ишеков К. А. Реализация конституций и уставов субъектов Российской Федерации органами государственной власти : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013 ; Румянцев П. А. Развитие государственного механизма в субъектах Российской Федерации (на материалах Приволжского федерального округа) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань. 2016 ; Шишкин С. И. Иркутская область в системе федерализма // Российский федерализм: конституционные предпосылки и политическая реальность : сборник докл. М., 2000. С. 100 ; Эбзеев Б. С., Карапетян Л. М. Российский федерализм: равноправие и асимметрия конституционного статуса субъектов // Государство и право. 1995. № 3. С. 3–12. и др.

Печатнова Ю. В.Алтайский государственный университет
Аспирант, преподаватель кафедры теории и истории государства и права**Введение в экономический анализ права Ричарда Познера**

Ричард Познер считается наиболее цитируемым и выдающимся американским правоведом современности¹. Основной сферой научных интересов Ричарда Познера являются проблемы взаимодействия права и экономики.

Значительное влияние на формирование идей Ричарда Познера по экономическому анализу права оказало сотрудничество со специалистами, заложившими основы изучения права и экономики: Рональдом Коузом, Джорджем Стиглером, Милтоном Фридманом, Гэри Беккером, Гарольдом Демсецем, Уильямом Ландесом, Бернардом Мельцером и др.

Практический опыт работы судьей также оказал непосредственное влияние на научные взгляды Ричарда Познера, в которых отражалось скептическое отношение к действующему правовому регулированию и отмечались его низкая действенность и эффективность.

Первая статья Р. Познера по экономическому анализу права «Убийство или причинение вреда для защиты имущественных интересов» была посвящена коллизии права на защиту своей собственности и права защищать собственность только способами, оправдывающими ценность защищаемого блага.

Анализ американского правового регулирования разочаровал Р. Познера, поскольку изученная им судебная практика оказалась неоднозначной и противоречивой².

Р. Познер обнаружил склонность к формализму, которая заключалась в рассмотрении элементов состава правонарушения изолированно друг от друга, а также тенденцию растворять решение сложных юридических вопросов в риторических высказываниях (например, о трансцендентальной ценности человеческой жизни), а также нежелание видеть реальных практических результатов, которые правовая система стремится достичь.

Согласно Р. Познеру, судьи должны разрешать дела, учитывая реально сложившуюся практическую ситуацию и применяя к ней адекватные правовые принципы.

Идеи Р. Познера, изложенные во второй статье «Теория небрежности», развивают предыдущие рассуждения о деликтной ответственности с точки зрения экономической теории. В указанной научной статье Р. Познер анализирует американскую судебную практику по деликтным правонарушениям за 1875–1905 гг. и пытается показать, что влияние экономических факторов на правовые решения никогда не было явным и отчетливым, вместе с тем проникновение экономической теории в правовую науку уже можно обнаружить в XIX в.

Обе статьи были важны для иллюстрирования методов, основ экономического анализа права, а также необходимости его использования.

Логичным и успешным завершением изучения вопросов взаимодействия права и экономики стала публикация в 1973 г. научной работы «Экономический анализ права»³.

Основная идея работы в том, что в основе принятия правовых решений лежит идея экономической эффективности.

Р. Познер формулирует основное экономико-юридическое правило «максимизации богатства», предполагающее, что общество должно достигать такие результаты, которые принесут наибольшее количество благ для наибольшего числа людей.

Соответственно, богатство — это ценность, выраженная в денежном эквиваленте. Оно измеряется тем, сколько люди готовы заплатить за что-либо или, если что-либо уже находится в их собственности,

¹ Дорохин В. С. Ричард Познер и экономический анализ права // Право. Журнал Высшей школы экономики, 2014. С. 17–19.

² Домнарский У. Ричард Познер. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2016. С. 70.

³ Познер Р. А. Экономический анализ права : в 2 т. / пер. с англ / под ред. В. Л. Тамбовцева. СПб. : Экономическая школа, 2004. 976 с.

тем, сколько они готовы получить, чтобы отказаться от того, что они имеют. Единственный вид предпочтения, который имеет значение в системе максимизации богатства — это рыночный оборот.

Общество, направленное на максимизацию богатства в отличие от общества, направленного на максимизацию полезности (счастья), создаст этически привлекательное сочетание счастья, прав, свобод и возможностей делиться с менее удачливыми членами общества.

Обзоры на «Экономический анализ права» Р. Познера публиковались во многих научных журналах. Особенной критике научная работа Р. Познера подверглась со стороны американских экономистов.

Так, американский экономист Артур Аллен Лефф отрицал принцип рационального поведения, максимизирующего богатство, поскольку не всякая ценность измеряется готовностью платить за нее¹.

В ответ на многочисленную критику Р. Познер сообщил, что она представляется ему лестной, поскольку ясно иллюстрирует интерес, вызванный к его книге, в связи с чем те или иные критические высказывания не могут вызвать беспокойство у автора или подорвать его веру в собственное детище².

Таким образом, несмотря на весомую критику экономистов, неоспоримым достижением идей экономического анализа права Р. Познера является попытка через изложение и объяснение взаимодействия экономики и права сделать право более практико-ориентированным, реалистичным и конкретным.

Самушкин Н. Д.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Аспирант кафедры теории государства и права

Государственный суверенитет в условиях технологической революции

Современное общество, устойчиво вступившее в эпоху цифровых инноваций, переживает трансформацию привычных социальных практик, переход некоторых из них из материальной среды в виртуальную, или цифровую, среду.

В этой связи наблюдается децентрализация привычной нам иерархии отношений, выстраивание совершенно новых, независимых сетей взаимодействия членов общества, которые с трудом поддаются государственному контролю и в этой связи государство сталкивается с серьезными вызовами, которые могут стать рисками для его авторитета и публично-властной монополии.

При этом меняется и подход к определению политической власти, ее внешнему выражению: государство также трансформируется в силу объективных причин, проникает в цифровую среду, реализует механизм «электронного», «цифрового» государства, а государственный механизм и его элементы воспринимаются уже как сложная технологическая система: первостепенное значение обретают не морально-этическая или идеологическая составляющая механизма власти, а ее способность к установлению равновесия, консенсуса между членами данного общества, способность управлять, то есть строгое выполнение своей функции, а важнейший принцип технологии управления обществом — это организованность, системность, способность моделировать общественную жизнь³.

Изменения касаются многих сторон и общественной жизни в целом и государственно-правовой составляющей. Децентрализация влечет анонимность социальных взаимодействий, в связи с чем субъектность, понимаемая в том числе и как конкретная определенность носителя прав и обязанностей, также претерпевает изменения: как отмечает профессор Э. В. Талапина, «в виртуальном пространстве субъект часто прячется за так называемой виртуальной личностью, или цифровым образом, его псевдоним (nickname, сетевое имя) может маскировать субъекта⁴.

¹ Домнарский У. Ричард Познер. Нью-Йорк: Издательство Оксфордского университета, 2016. С. 75.

² Указ. соч.

³ Isaev I., Kornev A., Lipen S., Zenin S. The «Machine of Power» and Aspects of Political Balance // Quaestio Rossica. Vol. 8. 2020. № 3. P. 989–990.

⁴ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2 (254). С. 6.

В этой связи профессор В. Н. Синюков также пишет, что «Цифровизация влияет на весь спектр общественных взаимодействий, что неизбежно приводит к трансформации государства и права. Цифровому обществу должно соответствовать цифровое государство. Правовое регулирование в таком государстве осуществляется в рамках новой правовой реальности, обозначаемой как цифровая правовая среда»¹.

- Отставание права как социального института
- консерватизм методологии регулирования
- негибкость формы
- перманентные пробельность и избыточность
- социальная изолированность
- экономическая неэффективность

В. Н. Синюков подчеркивает, что «изменяется характер социальности: в него постепенно входят на правах субъектов и новых нетипичных объектов явления, по старой юридической классификации имеющие неживой, не субъектный и не объектный характер, – инженерия генома, биотехнологии, Интернет, искусственный интеллект»². Как следствие, право в привычном понимании не обеспечивает надежной защиты интересов субъекта в мире новых технологий и уже сейчас замещается неправовыми регуляторами. В ближайшем будущем право в его нынешней системе будет не в состоянии контролировать новые гибридные сущности.

Человекоцентризм права эволюционирует в сторону техноцентризма, не утрачивая приоритета человеческого по отношению к технико-материальным объектам³.

В то же время, по замечанию профессора А. В. Корнева, «формы не подменяют, а тем более не отменяют сущность и содержание. Право будет существовать ровно столько, сколько отпущено нашей цивилизации»⁴.

Таким образом, государству приходится поспевать за неуклонным ростом влияния технологий на различные сферы общественной жизни и стоять во главе регулирования инноваций в целях гармоничного развития общества и самосохранения государства как такового. Следовательно, в современных условиях государственный суверенитет следует толковать расширительно, включать в указанное понятие не только признак независимости от других государств, но и способность сохранять свою идентичность в условиях перманентной технологизации, вести независимую политику в области регламентации общественных отношений в сфере разработки, внедрения и использования инноваций, осуществлять контроль над системно значимыми, критическими отраслями инновационного производства, которые могут иметь двойную, то есть в том числе и негативную направленность. Следует учитывать, что обезличение пользователя сети Интернет может носить целенаправленный характер, что угрожает основам человеческого общежития в целом. Как подчеркивает профессор А. В. Корнев, «современная цивилизация, по сути, развивается по пути постепенного преодоления идентичности национального общества и человека»⁵.

Кроме того, своевременное и адекватное государственное регулирование инноваций выступает необходимым условием сохранения суверенитета и на международной политической арене, свидетельством выживаемости государства в современном мире. В этой связи профессор А. В. Корнев отмечает, что в свое время основными источниками японского «экономического чуда» в середине XX столетия стали инвестиции, передовые технологии и ставка на перманентное увеличение экспорта⁶.

¹ Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // *Lex russica*. 2019. № 9 (154). С. 10–11.

² Синюков В. Н. Право XX и XXI веков: преемственность и новизна // *Lex russica*. 2021. Т. 74 № 2. С. 16.

³ Синюков В. Н. Цифровое право и проблемы этапной трансформации российской правовой системы // *Lex russica*. 2019. № 9 (154). С. 10–11.

⁴ Корнев А. В. Юридическая деятельность в цифровую эпоху: понятие, содержание, формы // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 6. С. 29.

⁵ Корнев А. В. Цифровые технологии, правовые риски и проблема их минимизации // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. Т. 16. № 9. С. 15.

⁶ Корнев А. В., Королева Е. В. Экономический суверенитет в контексте современных моделей экономики // *Lex russica*. 2022. Т. 75. № 11. (192). С. 92.

Помимо этого, следует учитывать, что «технологии помогают более рационально и эффективно производить продукты, но они ни в коей мере не заменяют все то, что человек потребляет и в чем он нуждается»¹.

Подводя общий итог, отметим следующие ключевые позиции: современная технологическая революция, сформировавшая качественно новый, фундаментальный подход к мирозерцанию, основанный на сочетании материального и нематериального (цифрового) компонентов, отразилась и на правовой форме, которая всё более интегрируется с правилами технического характера, вследствие чего изменяется и характер юридической деятельности и юридического образования, требующий подготовки специалистов междисциплинарного типа, способных сочетать фундаментальные правовые и высокотехнологичные формы регулирования общественных отношений. Конкуренция пространств (цифрового и аналогового) требует от государства своевременных и адекватных решений, способных защитить права и свободы граждан, обеспечить стабильное функционирование общественных институтов, и тем самым гарантировать государственный суверенитет, выраженный в способности государства свободно реализовывать свои функции, не подвергаясь внешнему воздействию со стороны других государств (в первую очередь технологически развитых) и негосударственных актов, располагающих мощной материально-технологической базой. Такой суверенитет может быть обеспечен только при соблюдении главного условия: ориентации государства на развитие национальных технологий (информационных, биомедицинских, космических).

Седнев В. В.,

Донбасский государственный университет юстиции
Министерства юстиции Российской Федерации (ДГУЮ МЮ РФ)
доктор медицинских наук,
профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики

Войтов А. В.,

Донбасский государственный университет юстиции
Министерства юстиции Российской Федерации (ДГУЮ МЮ РФ)
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики

Правовые принципы денацификации

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью исполнения решения Президента РФ В. В. Путина, объявленного в Обращении от 24.02.2022, в соответствии со ст. 51 ч. 7 Устава ООН, с санкции Совета Федерации и во исполнение ратифицированных Федеральным собранием договоров о дружбе и взаимопомощи с Донецкой Народной Республикой и Луганской Народной Республикой, о проведении специальной военной операции на территории Украины, одной из целей которой указана денацификация. Также задача денацификации Украины актуализирована президентом России В. В. Путиным на Петербургском международном экономическом форуме одна из ключевых².

Глава ДНР Д. В. Пушилин, 04.04.2022 на первом заседании Государственного комитета обороны, дал поручение подготовить правовые акты по денацификации, т.к. имевшееся на тот момент законодательство по противодействию экстремистской и террористической деятельности не в полной мере соответствовало задаче денацификации.

Сам термин «денацификация» предложен сотрудниками Министерства обороны США в 1943 г., именно как юридическое понятие, означавшее деятельность по изменению правовой системы Германии по окончании II мировой войны, программа денацификации была утверждена Потсдамским

¹ Корнев А. В. Изучение истории политических и правовых учений в российском правоведении в XX – начале XXI в.: условия, направления, результаты // Lex russica. 2020. Т. 73. № 4. С. 132.

² Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ) 14–17 июня 2023 / РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20230616/ukraina-1878727166.html/>.

соглашением в 1945 г.¹ Достаточно быстро термин приобрел более общий смысл, как тотальное очищение немецкого и австрийского обществ, их политики, экономики, судебной системы, культуры и средств массовой информации (далее – СМИ) от нацистской идеологии, путем предотвращения деятельности в указанных сферах бывших членов национал-социалистической партии Германии и членов организаций и структур СС, а также путем роспуска или нейтрализации организаций, связанных с нацизмом. Сама же деятельность по денацификации означает процесс, который проходил в Германии и Австрии после Второй мировой войны с целью удаления нацистской идеологии из всех сфер жизнедеятельности людей. Соответственно, и на современном этапе, главная цель денацификации – искоренить нацистскую идеологию из мировоззрения и мироощущения людей².

Рассматривая³ денацификацию украинского государства как комплекс мероприятий, а также их результат, направленные на ликвидацию украинских националистических организаций и объединений, очищение общества, культуры, образования, СМИ, экономики, юриспруденции и политики от влияния любого рода античеловеческой идеологии, которая основана на решении компетентного органа, возможно определить, что денацификация должна затрагивать (перечень не является исчерпывающим):

– в сфере идеологии: а) ревизию и отмену принятых нормативных правовых актов, закрепляющих националистическую идеологию и практику, б) контроль информационных источников открытого доступа; в) введение цензуры (на ограниченный, но достаточно длительный срок); г) формирование нетерпимости к национализму, прежде всего украинскому;

– в сфере практики: а) закрепление полинационального и полиязычного устройства государства в Конституции; б) ревизия и отмена (ограничение доступа) нормативных правовых актов либо информационных источников неограниченного пользования, устанавливающих, а также пропагандирующих необоснованные ограничения либо привилегии для количественно неопределенных групп населения на основе какого-либо юридически не значимого признака (за исключением ограничений, установленных международным законодательством) на основе националистической идеологии; в) ограничение доступа к государственной службе, педагогической, информационной, общественной и иным видам деятельности активистов украинских националистических организаций (пожизненно, либо на длительный срок); г) запрет националистически-ориентированных СМИ, а также введение цензуры (на ограниченный, но достаточно длительный срок); д) открытие архивов, содержащих сведения о деятельности националистов;

– в атрибутике: а) запрет националистической символики, в том числе сходной до степени смешения; б) смена (возврат прежних) названий топонимов; в) демонтаж националистических объектов и знаков.

Часть указанных мероприятий может быть осуществлена в относительно краткие сроки, но основная задача – изменение сложившейся идеологии представляется длительной, т.к. затрагивает сферу социального, общественного и индивидуального, в которых правовое регулирование имеет пределы. Так, Германия, находившаяся под властью нацистов 6 лет (1939–1945), в которой почти сразу после капитуляции была начата денацификация, официально объявила о ее завершении в 1992 г.⁴ Украина во власти нацистов с 2014 г. (при этом государственной политикой украинский национализм стал в 2004 г., после т.наз. «Померанчевой революции» и прихода к власти В. Ющенко).

Исходя из задачи денацификации, необходимо представить основу, исходные положения и ключевые идеи, которые лежат в ее основе. Принято, что базис и идея, которые лежат в основе любой

¹ Денацификация – Denazification. URL: <https://ru.wikibrief.org/wiki/Denazification>.

² Почему Украине нужна денацификация / Деловая газета «Взгляд» от 03.03.2022. URL: https://news.rambler.ru/conflicts/48240753/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink.

³ Седнев В. В. Денацификация: операционализация понятий // Пути повышения эффективности управленческой деятельности органов государственной власти в контексте социально-экономического развития территорий : материалы VII Международной науч.-практ. конференции (Донецк, 6–7 июня, 2023 г.). Секция 3. Теоретико-правовые и философско-психологические основы обеспечения социальных инноваций в деятельности органов государственной власти / ФГБОУ ВО «ДОНАУИГС». Донецк: ДОНАУИГС, 2023. 288 с. С. 182–187.

⁴ Гаспарян А. С. Денацификация Украины: страна невыученных уроков. Санкт-Петербург [и др.]: Питер, 2018. 202 с. С. 32.

целенаправленной деятельности, отождествляются с принципами¹, в данном случае – денацификации. Принимая, исходя из вышеизложенного определения денацификации и перечня ее составляющих, что денацификация – это во многом правовая проблема, насущным становится определение правовых принципов денацификации. Под принципами права, вслед за В. Н. Карташовым (2002) понимаются «исходные нормативно-руководящие начала (императивные требования), определяющие общую направленность правового регулирования общественных отношений»².

Для раскрытия сущности принципов денацификации, в связи с проведением на территории Украины специальной военной операции, следует, кроме общих принципов права, также исходить из принципов международного гуманитарного права (далее – МГП), так как денацификационный процесс в данном случае, возник вследствие вооруженного противостояния между государствами, что, в свою очередь, непосредственно реализуется в МГП. При этом следует подчеркнуть, что, подобно Великой Отечественной войне, окончание боевых действий между армейскими формированиями на Украине, вовсе не будет означать окончание противостояния с националистической деятельностью, как идеологической, так и террористической. Это делает актуальными принципы МГП на весь период денацификации как украинского государства, так и освобожденных территорий.

По своей сути МГП призвано снизить негативные последствия вооруженного противостояния, а именно максимизировать гуманность и минимизировать военную необходимость. Основываясь на этих принципах, МГП налагает запрет на некоторые действия, например, бесполезные в военном отношении, совершаемые с особой жестокостью. Некоторые же нормы этого права представляют собой компромисс между военной необходимостью и требованиями гуманности³. Так, принцип пропорциональности допускает случайные потери жизни среди гражданского населения в случае нападения, однако нападение не допускается, если существует опасность того, что случайные потери среди гражданского населения будут чрезмерными по отношению к военному преимуществу, которое предполагается получить⁴.

Также актуален анализ применения нацифицированным государством таких основополагающих принципов, как: верховенство закона; равенство перед законом; контроль за соблюдением закона; взаимная ответственность государства и гражданина; единство права и закона; принцип «разрешено все, что не запрещено законом» и т.д. Эти принципы соответствуют концепции «правового государства»⁵ и, соответственно, при формировании принципов денацификации необходимо руководствоваться не только общеправовыми принципами и принципами МГП, но и принципами правового государства.

Таким образом, закономерен вопрос о том насколько соответствует законодательная база денацифицируемого государства общеправовым принципам, МГП, понятию правового государства. Для ответа необходим некий процесс, который мог бы предоставить некое заключение (результат, вывод и т.д.) соответствия законодательства государства общеправовым принципам, МГП, понятию правового государства. Это и представляет цель и, одновременно, средство денацификации ее правовом аспекте.

Исходя из предложенного понятия В. Овчинским, Ю. Ждановым и В. Коваленко (2022) понятия «нацификации», как деятельности, незаконной с точки зрения как международного, так и российского уголовного права, а именно – геноцид мирного населения, реабилитация, признание и одобрение нацизма и нацистских преступлений, распространение, пропаганда и оправдание основополагающих принципов и идей нацистской идеологии Третьего рейха, включающей идею расового превосходства,

¹ Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. Изд. 2-е перераб. и доп./ отв. ред. проф. М. Н. Марченко. М. : ИКД: Зерцало-М, 2002. Т. 2. 528 с. С. 75–86.

² Указ. соч. С. 75.

³ Черниченко С. В. Международное право: современные теоретические проблемы / С. В. Черниченко; Дипломат. акад. МИД РФ. М. : Междунар. отношения, 1993. 294 с. С. 230–237.

⁴ Doswald-Beck L., Vite S. Le droit international humanitaire et le droit des droits de l'homme // *Revue internationale de la Croix-Rouge* N. 800. Genève, 1993. 99–128 p. P. 105.

⁵ Тихомиров Ю. А. Правовое государство: проблемы формирования и развития // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование, 2011. Вып. 5. С. 93–109. С. 93–109; Галиева Г. А., Сакаева В. Ф. Правовое государство: сущность, принципы и особенности формирования // *Экономика и социум*, 2014. № 3 (12). С. 452–454.

а также отрицание фактов и преступлений, установленных приговорами Международных военных трибуналов для суда и наказания главных военных преступников стран нацистского блока Оси Рим-Берлин-Токио и других стран гитлеровской коалиции¹, были рассмотрены, случайным образом отобранные, один Закон Украины от 21.02.2014 № 743-VII «О недопущении преследования и наказания по поводу событий, которые имели место во время проведения мирных собраний, и признании утратившими силу некоторых законов Украины» и один широко распространяемый, созданный в 1929 г., текст – «Десять заповедей украинского националиста». Для анализа были использованы специально разработанные разновидности юридических экспертиз: денацификационная и антидискриминационная. Денацификационная экспертиза, предназначена для выявления и фиксации националистических, нацистских концептов для их последующего устранения либо отмены нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), ограничения доступа к информационным источникам, а антидискриминационная экспертиза – для оценки нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов), а также реформ образования, науки, СМИ, образовательных и культурных проектов и т.п. в целях выявления в них факторов, способствующих нарушению равенства прав и свобод человека, деформации традиционных духовно-нравственных ценностей, для их последующего устранения либо отмены.

Как показал анализ вышеуказанных текстов, нацифицирующие признаки затрагивают не только сферу защиты прав и свобод человека и гражданина, но и сферу применения основополагающих принципов правового государства. Также установлено, что деятельностью основой рассматриваемых нацифицирующих признаков является, по сути, экстремистская деятельность, как на уровне идеологическом, так и законодательном. Следует отметить, что анализированные материалы не являются для современного украинского государства исключительными, а отражают общую, устойчивую государственную, прежде всего политику.

На основании вышеизложенного приходим к выводу о том, что принципы денацификации должны включать: принципы правового государства, принципы противодействия экстремизму, принципы международного гуманитарного права, причем именно в таком порядке, отображающем их значимость и актуальность для целей специальной военной операции.

Исходя из вышеизложенного, принципами денацификации являются (перечень не является исчерпывающим):

1. Верховенство закона.
2. Равенство перед законом.
3. Контроль за соблюдением закона.
4. Взаимная ответственность государства и гражданина.
5. Единство права и закона.
6. Принцип гуманности.
7. Принцип недопустимости дискриминации и ксенофобии.
8. Принцип неотвратимости ответственности и наказания за пропаганду и деятельность в соответствии с античеловеческой (нацистской, ксенофобической и т.п.) идеологией, нарушение норм и принципов международного гуманитарного права.
9. Принцип нормальности (у лиц, находящихся под защитой, должна быть возможность вести как можно более нормальную жизнь).
10. Принцип государственной и международной защиты покровительствуемых лиц (лица, проживающие на «освобожденной» территории, а также лица – жертвы вооруженного конфликта).
11. Охрана гражданских объектов, культурных ценностей и наследия, не противоречащих традиционным ценностям.

¹ Овчинский В., Жданов Ю., Коваленко В. Обыкновенный фашизм в XXI веке. URL: <https://karaulovlife.ru/news/vladimir-ovchinskij-jurij-zhdanov-vera-kovalenko-obyknovennyj-fashizm-v-xxi-veke/>.

Ставицкий А. О.
ООО НПФ «СВЯЗЬ – СЕРВИС» LLB,
юрисконсульт

Политический режим как правовая категория и фактор устойчивого развития государства

Не секрет, что в научной и философской литературе категории и понятия выступают синонимами. Большая советская энциклопедия определяет «понятие» как форму мышления, отражающую существенные свойства, связи и отношения предметов и явлений в их противоречии и развитии; мысль или систему мыслей, обобщающую, выделяющую предметы некоторого класса по определенным общим и в совокупности специфическим для них признакам. В то же время под категорией понимается «наиболее общие и фундаментальные понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства и отношения явлений действительности и познания. Категории возникли и развиваются как результат обобщения исторического развития познания и общественной практики. Из данных определений можно заключить, что «категория» определяется через «понятие», которое характеризуется тем, что является, «наиболее общим», «фундаментальным».

Выдающийся отечественный правовед А. М. Васильев во вступительной части к своей монографии¹ справедливо отмечает, что «для анализа категориального аппарата теории права характеристика теории государства и права приобретает существенное значение. Основанием для выделения теории государства и права в общей системе общественных наук служит объект познания – государственно-правовая надстройка». Поскольку в советский период большая часть гуманитарных наук находилась под монопольным влиянием марксистско – ленинской идеологической концепции, Андрей Михайлович был вынужден исследовать категориальный аппарат, опираясь на доктрину диалектического материализма. При всей однобокости тогдашней идеологической повестки, автор предельно емко определяет, что знания, выражаемые отдельными категориями и понятиями, в составе теории организуются, достигают той полноты и определенности, которые позволяют использовать их в практической деятельности и для получения новых результатов...

В данной статье предлагаю рассмотреть политический режим как правовое явление и категорию, поскольку, как известно, в свете общемировой политической повестки он подвергается огульной критике, навешиванию ярлыков, а зачастую и подмене понятий.

Этимология понятия политического режима происходит от *regimen* (лат.) – управление, руководитель. Политический режим – сравнительно новое понятие в современной науке государства и права, хотя в специфических смыслах он использовался уже с XIX в. В отличие от формы правления, которая предполагает скорее описательно – теоретическое наполнение, политический режим представляет собой конкретный способ реального функционирования государственной власти. До середины XX столетия доминировал государствоцентристский подход в изучении государства и права, однако в 60-х гг. наблюдается смещение аналитического фокуса от собственно государства к политической системе. Габриэль Алмонд определяет политическую систему как совокупность институтов и органов, формулирующих и воплощающих в жизнь коллективные цели общества и составляющих его групп².

В категории политического режима делается акцент на реальных процессах властвования. Другими словами, декларируемые нормы могут быть одни, а реальные политические практики – принципиально другими. Таким образом, категория политического режима подразумевает сочетание и взаимодействие формальных и неформальных институтов и практик.

Зарубежные критики российской политической системы, особенно в последние годы, всё чаще говорят об антидемократическом характере отечественной политической системы, о постоянных нарушениях прав и свобод человека и гражданина. Российские общественные деятели и правящая

¹ Васильев А. М. Правовые категории: методологические аспекты разработки системы категорий права : монография. Репр. изд. М. : Норма : Инфра-М М., 2021. С. 24.

² Алмонд Г. Сравнительная политология сегодня: мировой обзор / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. М. : Аспект Пресс, 2002. С. 78.

элита в ответ и небезосновательно критикуют страны Запада, поправки ими прежде незыблых и основополагающих прав и свобод. В чем же причина столь масштабного разочарования и скатывания в политический и правовой радикализм? Дело в том, что публичная власть как политико-правовая категория, официально вошедшая в российский юридический лексикон в результате июльских поправок к Конституции РФ 2020 г., представляет собой нечто большее, чем просто политический режим. Ввиду развития гражданского общества и правосознания в последние десятилетия, она реально трансформировалась в политическую систему. Ту самую, которую Дэвид Истон представлял в качестве «черного ящика», у которого есть «входы», представляющие собой требования и поддержку, и «выходы» в виде решений и действий¹. В то время как большинство западных аналитиков и советологов представляли эту категорию застывшей и неизменной со времен распада Советского Союза.

Однако иллюзии до 2022 г. были свойственны и ключевым акторам российской властно-политической системы, а порой и бизнес-сообщества. Ярким тому подтверждением служило излишнее доверие нашей элиты кредитно-финансовым институтам, которые стали заложниками политической конъюнктуры, поправ фундаментальные публично-правовые принципы как в отношении государств, так и по отношению к частным лицам, не имеющим к политической повестке никакого отношения. По сути, и те и другие столкнулись с применением прежде невиданных запрещенных приемов со стороны западных партнеров.

Из этого следует, что изначальная традиционная трактовка правовых и политических категорий претерпела значительную трансформацию. Устоявшаяся типология правовых и политических акторов, законы их работы и взаимодействия, сформулированные такими классиками правоведения и политической мысли, как Морис Дюверже, Хуан Линц и Альфред Степан, более не соответствуют стремительно меняющимся реалиям, а их характеристики авторитарных режимов, среди которых можно выделить ограниченный плюрализм, отсутствие господствующей идеологии, деполитизацию и формально очерченные границы власти без лидера и господствующих элит, всё больше применимы к западным неолиберальным политическим конструктам.

Подводя логический итог своей статьи, считаю уместным процитировать выдержку из статьи отечественных правоведов – методологов науки о государстве и праве Ивана Сергеевича Самощенко и Владимира Михайловича Сырых, рассмотревших вопрос о соотношении правовых категорий и понятий с общими и частными методами познания. Высказав ряд убедительных доводов о роли правовых категорий и подчеркнув, что они выступают как ступени познания, «через которые правовая наука движется к новым результатам»², авторы, по существу, раскрыли методологическую роль правовых категорий в познании права. И как справедливо отметил Андрей Михайлович Васильев, «научные понятия – это содержательные представления о закономерном и существенном в явлениях и процессах окружающего мира. Поэтому при оценке роли юридических понятий на первый план выступает вопрос о том, насколько верно, адекватно, объективно отражено в них познание действительности».

Борисов С. А.

НИЦ НТП ПБ ФГБУ ВНИИПО МЧС России
научный сотрудник сектора 3.5.2. отдела 3.5

Правовой статус личности в условиях укрепления государственного суверенитета России

Современные тенденции развития международной обстановки находят выражение в формировании новых вызовов и угроз миру и международной безопасности, стабильному и независимому развитию современных государств. В качестве объекта прямых и косвенных

¹ Истон Д. Категории системного анализа политики / Антология мировой политической мысли : в 5 т. Т. 2 Зарубежная политическая мысль. XX в. М. : Мысль, 1997. С. 629–642.

² Самощенко И. С., Сырых В. М. О методах познания государственно-правовых явлений. Сов. Государство и право. 1975. № 9. С. 10–11.

посягательств нередко выступают суверенитет¹ и конституционный строй государств. Кроме того, названные тенденции оказывают влияние на правовой статус личности в Российской Федерации.

В соответствии со ст. 4, 80 Конституции Российской Федерации суверенитет Российской Федерации распространяется на всю ее территорию. Президент РФ является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти².

По мнению Президента РФ В. В. Путина, «как только Россия стала заявлять о своих интересах, стала повышать свой суверенитет, экономику и возможности Вооруженных Сил, потребовались другие инструменты влияния на нашу внутривнутриполитическую жизнь, в том числе достаточно тонкие инструменты через различные организации, которые получают финансирование из-за границы»³. Отбросив все общепризнанные нормы международного права, страны Запада не скрывают своей цели – ослабить, разобщить и уничтожить в конечном счете нашу страну, добиться разграбления ее ресурсов и разрушения ценностей российского народа. Под западный удар попало все наше общество. Долгие годы мы воспитывали у себя уважение к западным правовым идеям, считали их ценности более авторитетными, чем свои собственные юридические эталоны и опыт истории отечественного права. Часть российского общества оказалась в зависимости от западного влияния на нашу внутривнутриполитическую жизнь, в том числе через коммерческие и некоммерческие организации, получающие финансирование из-за границы»⁴.

Дальнейшие меры по охране суверенитета получили развитие в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»⁵.

Согласно названной Стратегии целями обеспечения государственной и общественной безопасности являются защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности, защита основных прав и свобод человека и гражданина, укрепление гражданского мира и согласия, политической и социальной стабильности в обществе, совершенствование механизмов взаимодействия государства и гражданского общества, укрепление законности и правопорядка, искоренение коррупции, защита граждан и всех форм собственности, традиционных российских духовно-нравственных ценностей от противоправных посягательств, защита населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Вместе с тем, несмотря на принятые Президентом Российской Федерации и органами государственной власти Российской Федерации меры по охране суверенитета, США и ее союзники, используя политические, экономические и информационные инструменты, оказывают, как правило, отрицательное влияние на развитие личности, российского общества и государства.

Как точно отметил заместитель Председателя Совета Безопасности Д. А. Медведев: «Запад своими действиями вынуждает россиян все покупать дороже, блокирует банковские карты, ограничивает возможности передвижения по миру. В связи с этим очевидным является тот факт, что санкции направлены против обычных граждан, потому что западный мир их ненавидит. Этого прощать нельзя»⁶.

¹ Жинкин С. А. Теория государства и права : курс лекций. Ростов н/Д, 2022. С. 45–47.

² Конституция Российской Федерации // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.

³ Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Официальный сайт Президента РФ. 9 декабря 2021 г.

⁴ Обращение Президента РФ // Официальный сайт Президента РФ. 21 сентября 2022 г.

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁶ В Совбезе РФ объяснили, против кого направлены санкции Запада / <https://www.pnp.ru/politics/medvedev-obyasnil-protiv-kogo-napravleny-sankcii-zapada.html>.

Общеизвестно, что правовой статус личности возникает, изменяется и прекращается у субъектов в зависимости от их профессиональной деятельности, характера правоотношений, в которых они участвуют и других обстоятельств¹.

В названных обстоятельствах правовой статус личности, с одной стороны, сталкивается с санкциями США и ее союзников, которые ограничивают экономические, культурные и иные права, свободы, а также возлагают новые экономические и иные обязанности. С другой стороны, правовой статус личности, сталкивается с требованиями Российской Федерации по усилению участия личности, социальных групп, общества в вопросе обеспечения суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности Российской Федерации.

Таким образом, в современной России правовой статус личности, сталкивается, с одной стороны, с санкциями США и ее союзников, а с другой стороны, сталкивается с усилением участия личности в укреплении суверенитета нашей страны. Правовой статус личности в условиях укрепления российского государства требует дальнейшего совершенствования, исходя из динамики общественных отношений.

Ахрамеев П. С.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
аспирант кафедры теории государства и права

Трансформация государственного суверенитета в условиях сетевого общества

Концепция 4-й промышленной революции, как нового логического этапа развития современных технологий, была предложена президентом Всемирного экономического форума в Давосе Клаусом Швабом². Данная теория предполагает, что в обозримом будущем человеческая цивилизация будет базироваться на использовании киберфизических систем, совмещающих в себе компьютерные и программные технологии в сфере, кибернетики, построенные по сетевому принципу.

В рамках данной парадигмы все большее значение приобретает цифровизация и сетевизация общественных отношений. Начинает формироваться «информационное» общество, в котором благодаря новым технологическим условиям, возникающим в данный исторический период, генерирование, обработка и передача информации становятся фундаментальными источниками производительности и власти³. Социум переходит в сферу компьютерных и цифровых технологий, приобретая структуру блокчейна, то есть многоуровневой, открытой, децентрализованной выстроенной по определенным правилам системы непрерывных взаимодействий последовательной цепочки блоков. Каждый из входящих в систему блоков является независимым элементом сети и в случае нарушения связи способен перестроить модель взаимодействия с другими элементами, сохраняя внутри себя информацию, накопленную ранее. Соответственно, ключевыми характеристиками технологии «блокчейн» являются: децентрализация, неизменность, анонимность и прозрачность.

Построенная по сетевой модели система основывается на самостоятельности и равенстве каждого отдельно взятого элемента. Положенная на социальную структуру технология «блокчейн» создаст реальность, в которой каждый общественный актор становится равноправным членом сети. Подобная концепция будущего не вызывает одобрения среди членов юридического сообщества и государственных деятелей, ведь уравнивание всех элементов сетевого общества означало бы становление государства в один ряд с другими общественно-политическими организациями и утрату государственного суверенитета.

В парадигме глобализации и сетевизации всего мирового сообщества постепенное снижение странами уровня своего суверенитета является неотъемлемой жертвой прогресса и международного

¹ Тихомирова Л. В., Тихомиров М. Ю. Юридическая энциклопедия / под ред. Тихомирова М. Ю. М., 2005. С. 675.

² Шваб, К Четвертая промышленная революция / К Шваб. М. : Эксмо, 2022. С. 12.

³ Информационная эпоха: Экономика, общество и культура / М. Кастельс; пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана; Гос. ун-т. Высш. шк. экономики. М., 2000. С. 42.

сотрудничества. Мануэль Кастельс называет это кризисом национального государства¹, которое утрачивает контроль над экономической сферой, монетарной и бюджетной политикой, организацией торговли в государстве. Развитие мировых сетей приводит к утрате национальной культурной идентичности, под угрозу ставится информационный суверенитет. В таких условиях утрата внешнего национального суверенитета кажется неизбежным.

Однако что происходит с внутренним суверенитетом? Трансформация механизма государства в контексте сетевизации предполагает конструирование сложно структурной организации государственных акторов по принципу децентрализации, распределения полномочий, более комплексного участия институтов демократии в политической жизни страны. Сеть не предполагает иерархию государственного механизма, переходя от вертикального взаимодействия к горизонтальному, а разделение властей в такой модели теряет свою значимость. Центральная власть, как главный координатор политической и общественной жизни в государстве в «сетевой геометрии», разделяет компетенцию и свои функции с органами местного и регионального управления, а также общественными организациями и иными институтам гражданского общества.

При этом сетевые взаимодействия вполне могут существовать и не на основе компьютерных сетей. По сути, сетевая структура исторически является очень старой формой социальной организации. Одними из первых сетевых видов коммуникации можно назвать орденские сети и сети лож тайных обществ². В качестве сетевых структур Г. А. Князев видит также конфедерации³.

Обозначенное, казалось бы, означает, что сетевое государство в силу самой своей сущности не способно обладать одним из ключевых признаков классической государственной модели – суверенитетом, как способностью самостоятельно принимать решения в области внутренней и внешней политики.

Однако полагаю, что утрата национального суверенитета не является неизбежной угрозой трансформации механизма государства в условиях сетевизации. Возвращаясь к технологии «блокчейн» стоит заметить, что в рамках сетевой структуры всегда существует блок генезиса. Это первоначальный блок всей сети, у которого нет родительского блока в отличие от остальных⁴. Грегори Бейтсон указывает, что отдельные элементы в рамках сети имеют также свою внутреннюю сетевую структуру, что позволяет каждому элементу иметь самостоятельное значение⁵.

В рамках общемировой сети государства можно представить, как сетевые структуры внутри более сложной сетевой организации. В контексте отдельной страны государственный механизм вполне обоснованно было бы определить, как блок генезиса, который является родоначальником других блоков сети, при этом занимая рядом с ними равное значение.

В этой логике кажутся интересными предпринимаемые в нашей стране попытки создания изолированной общественно-политической сети посредством локализации и ограждения от международных связей цифровых технологий и создания национальной платежной системы в условиях геополитических конфликтов и санкционной политики против России. Успешные примеры построения аналогичных национальных сетей можно встретить в Китае и КНДР.

Исходя из изложенного, сохранение национального суверенитета в условиях сетевого общества представляется возможным исходом трансформации государственного механизма. «Сетевое» измерение не поглощает все срезы социальной реальности; система ее традиционных координат

¹ Власть коммуникации : учеб. пособие / М. Кастельс ; пер. с англ. Н. М. Тылевич ; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. С. 46.

² Павлютенкова М. Ю. Роль и место социальных сетей в публичной политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2015. № 3. С. 73.

³ Князев Г. А. Конфедерации прошлого – сетевые государства будущего? // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2008. № 5 (280). С. 33.

⁴ Носиров З. А. Анализ блокчейн-технологии: основы архитектуры, примеры использования, перспективы развития, проблемы и недостатки В. М. Фомичев // Системы управления, связи и безопасности. 2021. № 2. С. 38.

⁵ Философия науки. Вып. 16: Философия науки и техники / Рос. акад. наук, Ин-т философии ; отв. ред.: В. И. Аршинов, В. Г. Горохов. М. : ИФ РАН, 2011. С. 16.

продолжает существовать»¹. Можно констатировать, что даже в условиях сетевизации государство сохраняет свою сущность, действуя в сетевом обществе и сетевом формате в системе сетевых связей. Возможно и совмещение сетевого построения механизма государства и традиционным подходом к его функционированию, в рамках которого отдельные отрасли политического управления будут децентрализованы между равными субъектами, а наиболее важные сферы останутся в иерархичной парадигме вертикальной организации государства, сохраняющего существенно важную долю своего суверенитета, как основополагающего общественно-политического актора. Выбор модели развития для России еще предстоит сделать, однако я полагаю, что трансформация государственного механизма и встраивание его в структуру сетевого общества является абсолютно обоснованным и закономерным этапом развития нашего государства.

Кулиева А. М.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
аспирант кафедры теории государства и права

Цифровизация правового пространства как фактор трансформации сущности государственного суверенитета

В настоящее время едва ли возможно представить сущностное изучение любого правового явления вне рассмотрения вопроса условий его существования в цифровой плоскости: новые реалии правовой действительности таковы, что повсеместная диджитализация ставит перед нами задачу переосмыслить и такие базисные понятия, как государственная власть со всеми ее гранями. Государственный суверенитет же, будучи не просто одним из признаков власти, но и абстрактным выражением сущности самого государства, очень чувствителен к происходящим в общественно-правовом поле переменам. В правовом поле стоит достаточно острый дискурс о перспективах переосмысления суверенитета государства: ряд ученых видит в происходящих переменах – переходе правовых инструментов в «цифру» – угрозу суверенитету, называя подобный риск одним из существенных минусов цифровизации правового пространства. В Стратегии национальной безопасности, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, укрепление суверенитета страны в информационном пространстве указано целью обеспечения информационной безопасности, а также упоминается о расширении использования информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств, подрыва их суверенитета и нарушения территориальной целостности, что, по мнению законодателя, представляет угрозу международному миру и безопасности².

Для наиболее полного понимания особенностей процесса трансформации сущности суверенитета под влиянием цифровизации, кратко обозрим подходы к его определению, существующие в отечественной правовой науке. По мнению ученого Н. И. Палиенко, суверенитетом является не сама государственная власть, но лишь определенное ее свойство, в силу которого она является высшей и независимой правовой властью. Если мы называем такое-то государство суверенным, то этим выражаем, что оно обладает в пределах своей территории высшей и независимой властью. В этих пределах суверенная государственная власть не имеет ни равной себе, ни высшей над собой власти³. О. Е. Кутафин полагал, что «суверенитет государства – это свойство государственной власти самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на его территории и за ее пределами в международном общении»⁴. Советский юрист И. П. Трайнин определял

¹ Липень С. В. Сетевая парадигма и современное государство в юридических исследованиях начала XXI в // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 10 (119). С. 17.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», п. 56 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 20.11.2023).

³ Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 438–439.

⁴ Козлова Е. И., Кутафин, О. Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 120.

суверенитет как высшую власть, неограниченной внутри государства и независимой во внешних отношениях¹. А. Б. Венгеров утверждал, что государственный суверенитет является одной из важнейших черт государства и заключается в верховенстве и независимости от какой-либо иной власти, в обладании права и возможности осуществлять внутреннюю и внешнюю политику от имени всего общества внутри и вне страны². Все подходы к определению суверенитета государства можно условно разделить на две тенденции понимания этого междисциплинарного и комплексного явления: первая тенденция заключается в понимании суверенитета как признака или свойства государства; вторая (и наиболее распространенная) – заключается в том, что суверенитет является не просто одной из характеристик государства как общественного института, но и связан с государственной властью непосредственно, является неотделимым свойством государственной власти и даже отождествляется с ней. Этот исторически сложившийся дискурс о природе государственного суверенитета – является ли суверенитет признаком (свойством) государства или свойством государственной власти или собственно государственной властью³, развивается в науке по сей день. По справедливому замечанию С. В. Каламанова, поставить знак равенства между государственной властью и суверенитетом будет не корректным: «Безусловно, государственная власть олицетворяет государство, выступает и действует от его лица. Посредством власти государство реализует свою внутреннюю и внешнюю политику. Но суверенитет принадлежит не ей, а государству, так как именно государство вступает в правоотношения с другими суверенными государствами... Следовательно, суверенитет следует рассматривать именно как атрибут государства. Только суверенитет придает государству особый, уникальный статус по сравнению с другими политическими институтами (верховенство), равно как и в международном сообществе (независимость)⁴. Для целей выявления влияния процесса цифровизации на государственный суверенитет продержимся классического определения суверенитета как одну из характеристик власти, которой обладает государство, а суверенность власти государства как ее верховенство и независимость по отношению к властям всех лиц и организаций, находящихся как в пределах, так и за пределами территории государства⁵.

Говоря о трансформации сущности государственного суверенитета, нельзя обойти вниманием набирающее популярность в теории права понятие «цифровой суверенитет».

Правовед В. Бурла отмечает, что цифровизация ведет к размыванию категории «государственный суверенитет», расширяя границы ее классического понимания⁶. Понятие «цифровой суверенитет» или «информационный суверенитет» (И. С. Ашманов, один из специалистов, стоящих у истоков этого относительно нового для России понятия, отождествлял первое определение со вторым, раскрывая эти понятия как право государства определять свою информационную политику самостоятельно, распоряжаться инфраструктурой, ресурсами, обеспечивать информационную безопасность и т.п.⁷) в настоящее время не закреплено в российском законодательстве. В общих чертах его можно раскрыть как способность государства сохранить независимость над сферами распространения власти государственных институтов в цифровом пространстве. Правоведы выделяют наиболее важные компоненты цифрового суверенитета, технически обеспечивающие национальную безопасность: поисковая система, социальные сети, операционная система и программное обеспечение, микроэлектроника, сетевое оборудование, национальный сегмент сети Интернет, платежная система, собственные средства защиты, криптографические алгоритмы и протоколы, навигационная система

¹ Трайнин И. П. К вопросу о суверенитете // Советское государство и право. 1938. № 2. С. 75.

² Венгеров А. Б. Теория государства и права. М., 2005. С. 92.

³ Каламанова С. В. Государственный суверенитет: проблемы определения понятия // Социология власти. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennyy-suverenitet-problemy-opredeleniya-ponyatiya> (дата обращения: 06.11.2023).

⁴ Указ. соч.

⁵ Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права : учебник для вузов. М. : Спарк, 1998. С. 35.

⁶ Бурла В. Цифровизация – фактор трансформации государственного суверенитета как международно-правовой категории в документах ООН и ценности в конституциях государств – членов СНГ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 12 (76). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-faktor-transformatsii-gosudarstvennogo-suvereniteta-kak-mezhdunarodno-pravovoy-kategorii-v-dokumentah-oon-i> (дата обращения: 08.11.2023).

⁷ Ашманов И. С. Информационный суверенитет России: новая реальность // Россия навсегда. 13.05.2013. URL: <http://rossiyanavsegda.ru/read/948/> (дата обращения: 07.11.2023).

отмечая при этом, что наиболее слабым стороной суверенитета в киберпространстве для нашего государства является техническая¹. Из этого перечня следует, что угроза национальной безопасности, которая рассматривается рядом ученых как негативный аспект цифровизации, на самом деле является маркером для выявления аспекта государственной жизни, требующего более эффективного правового регулирования и технической оснащенности. Получается, что степень независимости государства сегодня можно определить степенью суверенности его правовых инструментов в информационном пространстве.

На наш взгляд, восприятие цифровизации как дестабилизирующего фактора, приводящего к угрозе государственного суверенитета, является неким преувеличением и односторонним взглядом на проблему. Особенностью цифровизации правового регулирования является ее свойство обнаруживать пробелы в национальном законодательстве, «подсвечивать» слабые места в государственном регулировании. Рассмотренные потенциальные риски, с которыми может встретиться наше государство в процессе диджитализации, легко устранимы при актуализации механизма правового регулирования, являющимся системой методов воздействия права на общественные отношения. При этом достоинства, которые государственные институты приобретают в процессе цифровизации, на наш взгляд, однозначно стоят потраченных на соответствующие меры усилий.

Безусловно, влияние цифровых технологий на суверенитет является скорее косвенным, нежели прямым. Однако отставание от мировых тенденций диджитализации чревато слабой позицией государства в мировой экономике, ограничением возможностей инновационного развития снижение конкурентоспособности их компаний (особенно в сравнении с транснациональными корпорациями, ориентированными на самые экономически развитые страны), ограниченность инструментария для обеспечения национальной безопасности и т.д.² В этом смысле первостепенной задачей, стоящей перед нашим государством, является независимость от зарубежных серверов и систем, создание конкурентоспособных операционных систем и программного обеспечения. Не менее важным является вопрос развитого правового регулирования такой конституционной ценности, как государственный суверенитет, причем норм национального законодательства однозначно недостаточно, необходимы межгосударственные механизмы охраны государственного суверенитета. Суверенитет является неотделимой составляющей государственности и будет существовать, пока существует подобная организационно-правовая форма общественной жизни. Безусловно, представление о независимости государства сегодня значительно отличается от того, о чем рассуждали правоведы еще 100 или 50 лет назад. Требуется переосмысления и вопрос баланса между общественными и частными интересами, ведь индивид еще никогда не был так экономически и технологически свободен от императива государственной власти со времен ее повсеместного установления как сейчас, когда цифровое право отстает от «цифры» и насчитывает в себе множество пробелов. Однако это вовсе не означает, что понятие суверенитета ослабевает. Оно лишь трансформируется под современные реалии: теперь гражданам необходима защита их частных интересов в цифровом пространстве, а перед государством стоит задача отстаивать интересы своего общества в киберпространстве и исполнять свои функции в самом передовом с технологической точки зрения ключе, приобретая наибольшую цифровую независимость и обеспечивая своим институтам надежную защиту в новой цифровой реальности. От эффективности этой защиты зависит эффективность государственного управления.

¹ Бухарин В. В. Компоненты цифрового суверенитета Российской Федерации как техническая основа информационной безопасности // Вестник МГИМО. 2016. № 6 (51). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/komponenty-tsifrovogo-suvereniteta-rossiyskoy-federatsii-kak-tehnicheskaya-osnova-informatsionnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 08.11.2023).

² Шинкарецкая Г. Г., Берман А. М. Цифровизация и проблема обеспечения национальной безопасности // Образование и право. 2020. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-i-problema-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti> (дата обращения: 08.11.2023).

Минаева А. И.Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ассистент кафедры теории государства и права

Цифровые технологии как средство обеспечения государственной власти

Научно-технологическое развитие России представляет собой процесс превращения науки и технологий в ключевой фактор обеспечения способности страны эффективно отвечать на технологические вызовы. Частью технологического развития является процесс цифровизации, который предопределяет постановку дискуссии о цифровом суверенитете государства, под которым гипотетически можно понимать следующее:

- цифровой суверенитет как противоположность доцифрового суверенитета государства (такой подход связан с формированием принципиально нового цифрового пространства);
- цифровой народный суверенитет (пользователи являются носителями суверенитета в цифровом пространстве и при этом обладают максимальной свободой действий);
- цифровой суверенитет как возможность контроля государства над цифровыми данными, над созданием и использованием цифровых технологий;
- цифровой суверенитет как технологический суверенитет, то есть создание внутренних систем связи, собственного программного обеспечения, деятельность только национальных компаний в сфере цифровизации.

Таким образом, категория «цифровой суверенитет» может предполагать множество контекстов: от рассмотрения цифрового суверенитета как возможности контроля государства над цифровыми данными и цифровыми технологиями до восприятия указанной категории как полностью свободного от государственного контроля особого пространства, связанного с использованием цифровых технологий и цифровых данных различными пользователями, операторами. Полностью игнорировать активное внедрение цифровых технологий в систему государственного управления невозможно, однако необходим крайне осторожный подход к формированию таких категорий, как «цифровой суверенитет», поскольку очевидно, что верховенство государства на своей территории не может выражаться цифрами.

Как представляется, необходимо рассматривать цифровые технологии как новое средство реализации государственных функций, при этом осознавая возможные риски при использовании цифровых технологий государственными органами, в частности, в вопросах сохранения в тайне сведений, составляющих основу деятельности государственного аппарата.

Например, одним из направлений научно-технологического развития, связанным с использованием инновационных технологий, является внедрение системы «умный город» как совокупности технологий, объединяющей в себе различные цифровые технологий, аналитические сервисы, обрабатывающие данные, направленной на обеспечение управления инфраструктурой города. Проект «умный город» в настоящее время развивает Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации в рамках программы «Цифровая экономика».

«Умный город» обеспечивает большое количество аспектов функционирования региональной власти: обеспечивает межведомственное взаимодействие и документооборот, развитие городских пространств и транспорта, медицинское обслуживание, жилищно-коммунальное хозяйство, видеонаблюдение и видеоаналитику, сортировку и переработку отходов, сервисы оказания государственных услуг, контроль состояния окружающей среды, смс-информирование граждан, мониторинг состояния подземных инженерных систем, работу светофоров и другие аспекты.

Технологическая система «умный город» повышает комфорт для жителей, кроме того, позволяет представителям органов государственной власти повышать эффективность управления. Однако технологическим вызовом является обеспечение безопасности указанной системы, предотвращение внешних вмешательств в ее деятельность в целях избежания таких ситуаций, когда, представим, в результате внешней технологической атаки отключается электроснабжение целого огорода или сбивается настройка работы всех городских светофоров. В России уже на сегодняшний день

технологии «умного города» показывают высокую эффективность, поэтому одной из мер по повышению конкурентоспособности нашего государства на рынке новых технологий и достижению технологического лидерства может стать экспорт таких технологий в дружественные государства.

Также цифровая трансформация связана с необходимостью развития сквозных технологий, представляющих собой перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков. Сквозные технологии определяют перспективный облик экономики и отдельных отраслей в течение ближайших 10–15 лет¹. К сквозным технологиям в том числе относят большие данные («big data»), нейротехнологии и искусственный интеллект, квантовые технологии, новые производственные технологии (например, цифровое проектирование), системы распределенного реестра (блокчейн), технологии беспроводной связи, промышленный интернет (интернет вещей), технологии виртуальной и дополненной реальности.

Каждый из этих элементов уже сам по себе является перспективным направлением технологического развития, позволяющим государству выполнять свои функции и обеспечивать верховенство власти на своей территории.

Так, технология «big data» позволяет анализировать огромные массивы данных, в некоторых проблемных областях – весь мировой объем данных, и вытекающих из этого трансформационных последствий. Одним из ярких примеров использования больших данных является банковский сектор, поскольку на их основе и биометрической системы разработана система идентификации личности клиента, что позволяет снижать количество случаев мошенничества с денежными средствами пользователей банковских услуг. Технология «блокчейн» является перспективной не только для банковской индустрии, но и для осуществления регистрационных действий (ведения различных реестров), кроме того, указанные технологии позволяют проводить идентификацию участников тех или иных действий. Как справедливо отмечается, «в эпоху глобального цифрового общества доступ к технологиям намного важнее, чем доступ к деньгам, поскольку технологии позволяют фиксировать поведение пользователей в цифровой среде, а также формировать у них новые представления и привычки»².

«Интернет вещей» оказывает значительное влияние на экономику отдельных компаний и страны в целом, способствует повышению производительности труда и росту валового национального продукта. Сервисная модель экономики, которая создается в процессе этого перехода, основывается на цифровизации производства и иных традиционных отраслей, обмене данными между различными субъектами производственного процесса и аналитике больших объемов данных.

Нейротехнологии, созданные на основе принципов работы человеческой нервной системы, рассматривают мозг как нейросеть, что позволяет современным ученым понять работу мозга, мыслительные процессы, высшую нервную деятельность. Такие технологии могут помочь в повышении качества обучения, создания устройств для усиления памяти и анализа использования ресурсов мозга, а также повышать эффективность деятельности по созданию и развитию искусственного интеллекта.

Современные новейшие технологии также связаны с решением ряда социальных проблем в государстве. Так, для увеличения продолжительности жизни людей, улучшения состояния здоровья, обеспечения доступной и комфортной медицины важным направлением государственной политики является переход к персонализированной медицине, высокотехнологичному здравоохранению и технологиям здоровьесбережения. Одним из передовых направлений в этом контексте является развитие нейротехнологий, включая гибридный человеко-машинный интеллект, которые позволят значительно расширить ресурсы человеческого мозга и повысить его производительность за счет интеграции с техносферой.

¹ Раздел 2 распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года).

² Кочетков А. П. Маслов К. В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2022. № 2. с. 31–45 С. 39.

Нейронет станет следующим этапом развития нынешнего Интернета (Web 4.0), в котором взаимодействие участников (человек – человек, человек – машина) будет осуществляться с помощью новых нейрокомпьютерных интерфейсов, в дополнение к традиционным методам, а сами компьютеры станут нейроморфными (похожими на мозг) на основе гибридных цифро-аналоговых архитектур. Прогнозируется, что в области медицины появятся технологии, позволяющие использовать искусственные конечности и дополнительные органы чувств, которые к 2035 г. разовьются в доступное для массового потребителя нейрорегулирование бытовым пространством.

Еще одним перспективным направлением является развитие так геномных технологий (как набора технологий, используемых для изменения генетического состава клеток для создания улучшенных или новых организмов), которые позволят решить значительное количество социально-экономических проблем, например, клеточная терапия для излечения от ВИЧ и гепатитов. В настоящее время в России уже действует комплексная научно-технологическая программа «Постгеномная магистраль: от генетического редактирования к синтетической биологии» на 2018–2025 гг., которая призвана упорядочить этот процесс и обеспечить синхронизацию усилий в данном направлении, сделать их более эффективными и последовательными.

Цифровые технологии также задействованы в развитии системы здравоохранения, что, в частности, проявляется в распространении телемедицины – дистанционное диагностирование и лечение заболеваний. Действительно возможность в краткие сроки получить консультацию врача без необходимости его очного посещения стимулирует пользователей телемедицины обращаться именно к специалистам, быстрее выявлять заболевания и получать необходимые назначения. Однако оказание медицинской помощи в такой форме требует соответствующую основу: доступный Интернет, высокое качество связи, наличие необходимых технических навыков как у медицинских работников, так и у пациентов. Эти требования в определенной степени затрудняют применение телемедицины в сельской местности и на труднодоступных территориях. Таким образом, на данный момент нашему государству необходимо преодолеть ряд технических проблем для того, чтобы действительно реализовать данное направление.

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется в рамках государственной программы «Информационное общество». Федеральный проект направлен на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», которая определена Указом Президента РФ от 21.07.2021 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Указанный федеральный проект включает мероприятия цифровой трансформации системы государственного управления, связанные с обеспечением удовлетворенности граждан качеством предоставления социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде; общей цифровизацией процессов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций, а также создание возможностей для перехода на цифровое взаимодействие граждан, бизнеса и государства.

Цифровые технологии в конечном счете обеспечивают использование инновационных методов формирования политики государства и оценки ее влияния, а также дают возможность активного участия граждан в оценке действий государства за счет обратной связи¹.

Чинаев В. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
аспирант кафедры теории государства и права

Суверенитет государства в цифровом пространстве: концепции и риски

Уже не одно десятилетие в России и во всем мире продолжается процесс формирования и развития так называемого «цифрового пространства» – виртуальной среды, созданной с

¹ Кипервар Е. А., Мамай Е. В., Мизя М. С., Кипервар Е. А. Цифровое государственное управление: вероятные риски и новые возможности // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 10. С. 2236.

использованием цифровых технологий, и обеспечивающей возможность взаимодействия людей, хранения, распространения и обмена цифровыми данными. С развитием технологий, цифровая среда проникла во все сферы жизни, включая экономику, политику, право, образование и даже международные отношения, вследствие чего для государства возникают новые серьезные вызовы. В этой новой цифровой реальности суверенитет государства стал одним из ключевых вопросов.

В юридической науке суверенитет государства традиционно понимается как верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость во внешней сфере¹. На современном этапе, суверенитет, как правило, признается одним из важнейших признаков государства. В цифровой среде, суверенитет государства становится особенно актуальным в свете угроз, связанных с цифровыми технологиями. Неконтролируемый доступ к данным, кибератаки, передача информации внешним субъектам – всё это ставит перед государством, обществом и наукой новые задачи в области защиты суверенитета.

Относительно проблемы обеспечения суверенитета государства в цифровом пространстве необходимо выделить два основных аспекта. Первый аспект, технологический, предполагает обладание собственной цифровой инфраструктурой и достижение достаточного уровня развития отечественных цифровых технологий для преодоления зависимости от зарубежных поставщиков. Второй, который можно определить как юрисдикционный, связан с возможностью для государства в той или иной степени контролировать важные сервисы и системы, существующие в цифровом пространстве, принимать решения об использовании цифровых технологий в соответствии с присущими ему потребностями и ценностями.

Первый аспект тесно сопряжен с проблематикой обеспечения технологического суверенитета. Согласно весьма распространенному определению А. А. Афанасьева, технологический суверенитет – это достигнутый уровень реальной независимости страны в областях науки, техники и технологий, чем обеспечивается беспрепятственная реализация национальных интересов в техносфере с учетом существующих и перспективных угроз². Хотя содержание концепции технологического суверенитета весьма различно трактуется, как в науке, так и в правотворческой деятельности³, ряд характеризующих черт, так или иначе подчеркивается большинством авторов. Среди таких черт: овладение так называемыми критическими технологиями (как правило, к ним относят технологии, которые обеспечивают реализацию государством своих функций, а также те, с которыми связывается новый технологический уклад), отсутствие структурной зависимости от внешних поставщиков технологий, способность государства разрабатывать и использовать технологии для обеспечения собственных интересов без контроля со стороны других стран или организаций.

Вокруг юрисдикционного аспекта проблемы обеспечения суверенитета государства в цифровом пространстве ведутся активные дискуссии, как общественного, политического, так и научного свойства. Основой для таких дискуссий в первую очередь является вопрос о степени возможного и необходимого вмешательства государства в цифровую среду и контроля протекающих в данной среде процессов.

Наиболее активные противники идеи государственного регулирования цифрового пространства, исходят из недопустимости проявлений государственного суверенитета в данной среде. Еще в 1996 г., политический активист Джон Перри Барлоу, распространил свою «Декларацию независимости киберпространства»⁴ и изложенные в ней идеи и на сегодняшний день вызывают как обоснованную критику, так и значительную поддержку в среде киберанархистов и либертарианцев. Высказывались также и идеи относительно наличия в цифровой среде, в частности что касается киберпространства, некоего нового суверенитета, формировании «суверенных кибергосударств» и т.д.⁵, однако реального воплощения данные концепции не получили.

¹ Большой юридический словарь / под ред. А. Я. Сухарева, В. Д. Зорькина, В. Е. Крутских. М.: Инфра-М, 1999. С. 663–664.

² Афанасьев А. А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. С. 2377–2394.

³ Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. Т. 8 (74). № 4. С. 88–96.

⁴ Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace 1996 // Electronic Frontier Foundation. 1996. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence>.

⁵ Crypto Anarchy, Cyberstates, and Pirate Utopias. (2001) // Великобритания: Massachusetts Institute of Technology Press.

В настоящее время важнейшую роль в обеспечении устойчивой работы Интернета играет, созданная в 1998 г. и зарегистрированная в Калифорнии некоммерческая организация – Корпорация по управлению доменными именами и IP-адресами (ICANN). Еще одна американская организация, VeriSign, осуществляет поддержку двух корневых серверов и распределение общих доменов верхнего уровня. Подобная система неоднократно подвергалась критике в силу возможности влияния со стороны правительства США. Так, во время военной операции в Ираке, домен верхнего уровня данной страны (.iq) фактически был выведен из-под контроля иракских властей, а позднее управление данным доменом было передано органам, подконтрольным американской администрации¹. В то же время поддержка устоявшегося статуса широко распространена в США и некоторых других странах. В пользу данной системы выдвигаются такие аргументы, как возможное замедление инноваций Интернета в силу бюрократизации при международном регулировании, введение дополнительных местных налогов, например, на доменные имена² и ослабление защиты свободы мнений в Интернете.

Сохранение американской гегемонии в управлении цифровым пространством негативно оценивается с точки зрения соответствия национальным интересам Российской Федерации. Так, в Доктрине информационной безопасности³ указывается на стремление «отдельных государств использовать технологическое превосходство для доминирования в информационном пространстве», а также на то, что «распределение между странами ресурсов, необходимых для обеспечения безопасного и устойчивого функционирования сети «Интернет», не позволяет реализовать совместное справедливое, управление ими».

Одним из возможных ответов на обозначенную в Доктрине угрозу, может быть концепция цифрового суверенитета («суверенитет данных», «концепция суверенитета государства над ИКТинфраструктурой», «информационный суверенитет», «суверенитет в киберпространстве»). Цифровой суверенитет представляется как способность государства в собственных интересах осуществлять использование и управление цифровыми технологиями. Часто наиболее важным признаком цифрового суверенитета называют право на независимое управление цифровыми ресурсами, действующими в национальных сегментах цифрового пространства⁴. В политических и научных кругах Китайской Народной Республики данная идея оформилась в концепцию «киберсуверенитета», обосновывающей суверенное право государств на управление интернет-пространством. В России вопросы, касающиеся обеспечения цифрового суверенитета актуализировались с принятием Федерального закона от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», предполагающего организацию централизованного государственного управления интернет-трафиком и еще более в условиях информационного противостояния, обусловленного ростом геополитической напряженности.

Обеспечение контроля над цифровым пространством со стороны национальных правительственных структур безусловно имеет свои преимущества. В первую очередь такой подход минимизирует угрозы иностранного вмешательства с применением цифровых технологий в системы управления экономикой, вооруженными силами и государственным управлением, воздействия на каналы получения информации с целью манипуляции общественным мнением, давления посредством «отключения» от тех или иных сервисов, позволяет более эффективно противостоять преступности в киберпространстве. При этом концепция цифрового суверенитета не лишена и недостатков. Так, государственный контроль Интернета ограничивает информационный обмен и открывает возможности для слежения, лишения возможности использования интернет-пространства в целях политической

¹ Request of NCMC for redelegation of .IQ top-level domain // IANA Report? July 2005. URL: <https://www.iana.org/reports/2005/iq-report-05aug2005.pdf>.

² W. Kleinwächter De-mystification of the internet root: do we need governmental oversight? // Reforming Internet Governance: Perspectives from WGIG, New York NY: United Nations Publications, 2005.

³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // URL: <https://base.garant.ru/71556224/>.

⁴ Никонов В. А., Воронов А. С., Сажина В. А., Володенков С. В., Рыбакова М. В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

борьбы, сдерживания оппозиции. Данные недостатки возможно преодолеть лишь при активном вовлечении в процессы контроля над Интернетом институтов гражданского общества, а в силу того, что национальные правительства в куда большей степени могут быть привлечены к ответственности в случае возможных злоупотреблений, нежели зарубежные структуры, такой подход в большей степени соответствует общественным потребностям. Кроме того, пользователи «национального Интернета» оказываются в неравных условиях относительно субъектов, имеющих выход на глобальные платформы, что особенно чувствительно для бизнеса, научных и образовательных организаций.

Наиболее соответствующим интересам глобального сообщества видится путь создания эффективной и справедливой системы международного регулирования в цифровом пространстве, предполагающей защиту суверенных прав всех государств участников и обеспечение соблюдения прав и свобод человека. Начиная с состоявшегося в 2005 г. Всемирного саммита по вопросам информационного общества (WSIS), представителями самых различных стран при активном участии Российской Федерации и КНР, на повестку дня выводились многочисленные предложения относительно интернационализации управления цифровым пространством. Хотя, в 2005 г. не удалось добиться передачи полномочий от ICANN какой-либо международной организации, по итогам Саммита был создан Форум по управлению Интернетом, позволяющий государствам отстаивать свои интересы¹. В 2011 г. группой стран, включая Россию и Китай, в ООН был внесен проект Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, вызвавший неодобрения со стороны США и Великобритании². В дальнейшем в ходе Всемирной конференции по электросвязи (WCIT) выдвигались предложения по управлению Интернетом на базе Международного союза электросвязи. Данные предложения также вызвали острое неприятие со стороны США. Позиция относительно передачи главной роли в контроле над Интернетом структуре ООН активно продвигались китайской стороной в рамках Всемирного саммита по вопросам информационного общества 2015 г. (WSIS +10). Российский проект Конвенции о сотрудничестве в сфере противодействия информационной преступности, предложенный в 2017 г., также не был принят.

Таким образом, попытки построения новой системы управления глобальным информационным пространством на международном уровне имели только ограниченный успех, вследствие стремления США сохранить устоявшуюся модель и отсутствия единой позиции даже у стран, отрицательно воспринимающих американскую гегемонию, в первую очередь относительно допустимых границ государственного контроля над Интернетом³. Учитывая существенное обострение геополитической ситуации, вероятность изменения ситуации в ближайшие годы крайне невелика. В данных обстоятельствах, учитывая, что концепции Интернета как зоны неподконтрольной государственному суверенитету по большей части оказались несостоятельны, видится неизбежным дальнейшее развитие практик суверенного цифрового пространства в различных государствах, включая Россию. При этом в целях реализации государственных и общественных потребностей необходимо как окончательное преодоление структурной технологической зависимости в области цифровых технологий, так и выработка правового регулирования, обеспечивающего согласование интересов личности и государства в условиях растущего влияния со стороны последнего в цифровом пространстве.

¹ Jack Goldsmith and Tim Wu, *Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World* // Oxford University Press, 17 March 2006, 171 p..

² О. Демидов Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. 2013. № 1. С. 119–134.

³ Коровкин В. В. *Международное регулирование киберпространства: возможно ли эффективное взаимопонимание?* // Социальные новации и социальные науки, Москва ИНИОН РАН, 2020, № 1. С. 60–76.

Шадже А. М.,ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
доктор юридических наук, профессор, директор Института права**Шадже Л. А.,**ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»
аспирант кафедры философии и социологии

Суверенитет как основа устойчивого развития России

Сегодняшнее переформатирование мирового политического ландшафта, вызванное противостоянием между центрами силы за сферы влияния, выдвинуло на повестку дня проблему государственного суверенитета, вследствие чего в политико-правовом дискурсе данный феномен рассматривается как основа устойчивого развития Российской Федерации и ее субъектов.

Важным шагом на пути расширения понимания устойчивого развития является его связь с проблемой национальной безопасности и государственного суверенитета. В первую очередь, напомним, что в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400, определены цели и задачи государственной политики в области обеспечения национальной безопасности, упрочения суверенитета и устойчивого развития Российской Федерации на долгосрочную перспективу. «Защита конституционного строя Российской Федерации, обеспечение ее суверенитета, независимости, государственной и территориальной целостности»¹ отнесены в стратегическом документе к целям обеспечения государственной и общественной безопасности. Более того, определены приоритеты устойчивого развития России в ближайшее десятилетие с позиций обеспечения суверенитета и национальной безопасности. Подчеркнуто, что «стратегические национальные приоритеты Российской Федерации – важнейшие направления обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития Российской Федерации»².

Цели устойчивого развития (далее – ЦУР) РФ на современном этапе конкретнее определены в Послании Президента Федеральному Собранию 21 февраля 2023 г.³ В. В. Путин фактически объявил о новом курсе страны, направленном на устойчивое развитие. Во-первых, в Послании критикуются несоблюдаемые недружественными странами Запада ЦУР, принятые ООН. Во-вторых, анализируются нарушения норм международного права западными странами, которые пересматривают сложившееся мироустройство и осуществили череду войн по всему миру. В-третьих, внимание акцентируется на том, что международная политика, проводимая Россией, содействует построению нового многополярного мира, который нуждается в неделимой, равной для всех государств системе безопасности.

Напомним, что в общем виде современное понимание международной безопасности было сформулировано при создании ООН в первой статье Устава этой организации, в которой определяется ее главная задача: «Поддерживать международный мир и безопасность и с этой целью принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии или других нарушений мира и проводить мирными средствами, в согласии с принципами справедливости и международного права, улаживание или разрешение международных споров или ситуаций, которые могут привести к нарушению мира»⁴.

Ряд российских ученых признает недостаточность принятых ООН ЦУР и отмечают, что дисфункции управления устойчивым развитием со стороны западных стран приводят к целесообразности пересмотра подходов к реализации ЦУР в современных условиях. «Несовершенство современной концепции устойчивого развития всё же оказывается одной из серьезных причин того, что человечество не может идти достаточно быстро в направлении своего выживания, которое зависит не

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.11.2023).

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 17.11.2023).

³ Послание Президента РФ от 21.02.2023 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49010> (дата обращения: 17.11.2023).

⁴ Устав ООН. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 17.11.2023).

только от экологических факторов, о чем красноречиво свидетельствует обострившаяся современная геополитическая ситуация, приведшая к новой расстановке сил на мировой арене. Странно, что в состав ЦУР не вошло обеспечение мира и международной безопасности, ради которого была создана ООН¹.

Соглашаясь полностью с мнением коллег относительно несовершенства современной концепции устойчивого развития, связанной с обострившейся геополитической ситуацией, приведшей к новой расстановке сил на мировой арене, видится целесообразным включение в ЦУР пункта, касающегося безопасности всего человечества. Представляется, что данная цель может звучать таким образом: «Международная/глобальная/всемирная безопасность и национальный суверенитет». Учитывая появление нового набора приоритетных угроз и вызовов международной безопасности, связанных прежде всего с расширением НАТО на Восток, настало время для концептуального пересмотра 17 ЦУР.

Об этом неоднократно рассуждают коллеги, указывая на то, что, во-первых, «необходима разработка новых, соответствующих современным геополитическим тенденциям, Целей устойчивого развития, которые могут служить ориентиром для построения многополярного мира и будут адаптированы к реалиям нашей страны»²; во-вторых, «традиционная трехкомпонентная модель устойчивого развития (экология – экономика – социальная сфера) не способна охватить всю сложность взаимодействий без учета влияния политики и идеологии»³.

Что касается России, сегодня в условиях жесткого противостояния нашей страны с коллективным Западом вопрос обеспечения национальной безопасности и суверенитета стал основополагающим в политической повестке дня. Опираясь на трактовку сущности понятия «устойчивое развитие», можно констатировать, что исходным условием его обеспечения выступает именно суверенитет. По заявлению В. В. Путина 5 октября 2023 г. на пленарной сессии международного дискуссионного клуба «Валдай», «величие России на сегодняшний день заключается в укреплении ее суверенитета. А суверенитет основан на самодостаточности в технологиях, в финансах, в экономике в целом, в сфере обороны и безопасности»⁴.

Дискурсы о суверенитете актуализируются в периоды нарастания нестабильности, тревог, противоречий и конфликтного потенциала в жизни мирового сообщества. Сегодня при рассмотрении взаимоотношений РФ и Североатлантического альянса, в объяснениях причин санкционного давления присутствует аргументация, согласно которой Россия, оказавшись в эпицентре геополитической турбулентности, вынужденно защищается от гибридных угроз, созданных недружественными странами. Представляется, что в условиях формирования новой геополитической структуры – коллективного Востока, способного противостоять коллективному Западу, суверенитет России должен обеспечиваться с учетом глобальных вызовов национальной безопасности страны через приоритеты устойчивого развития. Именно суверенитет оберегает от вмешательства других государств во внутренние дела России.

Как известно, парадигма устойчивого развития основана на трех концептуальных составляющих – экономической устойчивости, социальной устойчивости и экологической устойчивости. В зависимости от уровня социоэколого-экономических систем устойчивое развитие может рассматриваться на глобальном, национальном, региональном и локальном уровнях. Мы солидарны с мнением ученых, которые трактуют стратегию устойчивого развития как план долгосрочных действий по обеспечению равновесного состояния экономической, экологической и социальной компонент территориального развития.

Следует заметить, что общепринятое в российском дискурсе понятие «устойчивое развитие» сформулировано практически в тех же терминах, которые применяются в науках о безопасности и суверенитете.

¹ Ильин И. В., Урсул А. Д., Урсул Т. А. Новые глобальные цели устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия XXVII. Глобалистика и геополитика. 2015. № 3/4. С. 79.

² Митяков С. Н. Новые цели устойчивого развития России // Развитие и безопасность. 2023. № 1. С. 33.

³ Костин А. И. Стратегия устойчивого развития и будущее мирового порядка // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 9. С. 109.

⁴ Заседание дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 17.11.2023).

При этом, рассматривая взаимосвязь государственного суверенитета и устойчивого развития, следует отметить неизбежность влияния первого на процессы становления второго. Идея упрочения суверенитета через устойчивое развитие нашла аргументацию и обсуждение 9 июня 2022 г. на заседании круглого стола Комитета Совета Федерации Федерального собрания РФ по международным делам «Суверенитет как важная основа социально-экономического развития России» (в рамках работы Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела РФ)¹.

Сегодняшняя международно-политическая ситуация свидетельствует о том, что геополитическое противостояние, конкуренция и соперничество между основными игроками на мировом политическом ландшафте будут нарастать. Совершенно очевидно, что для поддержания неконфронтационного миропорядка и создания новых правил игры на мировой арене требуются такие инструменты устойчивого развития и миролюбивого сосуществования, как налаживание многосторонних диалогических отношений и конструктивное взаимодействие всего мирового сообщества. Так что устойчивое развитие следует воспринимать не только как экономический рост, социальную ответственность и экологический баланс, но и как активное противодействие внешним факторам, способным поколебать внутреннюю систему и государственный суверенитет России. Представляется, что государство может обеспечить стратегическую стабильность общества только через устойчивое развитие, в котором суверенитет выступает исходной и фундаментальной основой.

Акцент на суверенитет в трактовке устойчивого развития, всё более распространяющегося на все сферы человеческой деятельности, высвечивает проблему перехода к новой модели развития цивилизации. При переходе к устойчивому развитию суверенитет становится, с одной стороны, одним из условий развития, с другой – необходимой составной частью. Таким образом, суверенитет является важным компонентом устойчивого развития России и обеспечения благополучия ее граждан. Другими словами, движение по пути устойчивости России следует понимать как достижение позитивных результатов в обществе и государстве, которые укрепляют суверенитет и национальную безопасность, а также способствуют поступательному развитию страны.

Представляется, что усиление взаимосвязи устойчивого развития и обеспечения суверенитета приведет к формированию системы «устойчивое развитие – суверенитет». Думается, что на пути к устойчивому будущему основополагающие функции государства можно разделить на две взаимосвязанные: во-первых, упрочение государственного суверенитета и обеспечение безопасности личности, общества, государства; во-вторых, устойчивое развитие, направленное на прогрессивные и ответственные изменения в стране.

Сегодня, когда кризис стал глобальным и угрозы существованию человечества обрели общепланетарный характер и масштаб, назрела необходимость формирования новой концепции устойчивого развития России, объединяющей такие ключевые задачи, как рост ВВП, увеличение реальных доходов населения и реализацию экологических программ.

Также необходима разработка новых ЦУР, соответствующих современным геополитическим тенденциям, которые, с одной стороны, могут служить ориентиром для построения устойчивой системы справедливого равного многополярного мира без доминирующего влияния одного государства (США) и будут адаптированы к реалиям нашей страны, с другой стороны – учитывать основополагающие параметры упрочения государственного суверенитета.

Таким образом, суверенитет является основой устойчивого развития, поскольку, во-первых, способствует адаптации государства к переменчивым условиям мира; во-вторых, позволяет странам эффективно управлять своими ресурсами без внешнего вмешательства, что способствует развитию внутренних рынков, инноваций и инфраструктуры; в-третьих, обеспечивает защиту культурного наследия и идентичности страны. Это важно для сохранения многообразия культур и традиций, поскольку способствует социальной устойчивости и разнообразию в глобальном контексте; в-

¹ Круглый стол на тему «Суверенитет как важная основа социально-экономического развития России» (в рамках работы Временной комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации). URL: <http://council.gov.ru/activity/activities/roundtables/140630/> (дата обращения: 17.11.2023).

четвертых, является фундаментом политической стабильности. Когда государство обладает контролем над своим будущим и ресурсами, это способствует уменьшению внутренних конфликтов и повышению общего уровня безопасности; в-пятых, не исключает глобального сотрудничества. Страны, обладающие сильным суверенитетом, могут вступать в отношения с другими государствами на основе взаимного уважения и равноправия. Глобальное сотрудничество способствует устойчивому развитию через обмен опытом, технологиями и ресурсами.

Егоров А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
кандидат юридических наук
Доцент кафедры теории государства и права

Учение о формах государства в трудах А. П. Куницына

В отечественной юридической литературе давно назрела потребность в комплексном политико-правовом исследовании форм государства в рамках учений о происхождении государства и права. На сегодняшний день отчетливо наметились тенденции по изучению воззрений на государство и право классиков отечественной политико-правовой мысли с учетом современного уровня развития знаний и принципа историзма. Ввиду этого обстоятельства некоторые концепции получают «второе дыхание», конструктивно доказывая состоятельность своих положений. В данном контексте следует обратиться к воззрениям профессора, действительного статского советника, одного из классиков отечественной дореволюционной юридической мысли Александра Петровича Куницына (1783–1840). Нельзя не отметить историческую обстановку, в рамках которой сформировались и получили свое воплощение его правовые воззрения.

Период конца XVIII – начала XIX в. в России был ознаменован процессами разложения феодального строя и развития капиталистического уклада. Класс помещиков, руководствуясь вековыми устоями феодализма, всеми силами и средствами стремился сохранить и упрочить свое привилегированное положение, что неизбежно приводило к ухудшению положения крестьян, являвшихся основной сословной категорией. В результате этого в стране вспыхивали народные восстания, жестоко подавляемые царскими войсками. Такие конкретно-исторические условия неизбежно порождали вопросы о прогрессивных и справедливых формах государственной организации жизни общества. А. П. Куницын как сторонник идей гуманизма и один из наиболее образованных людей своего времени предложил собственную концепцию форм государства.

По мнению А. П. Куницына, форма государства определяется совокупностью условий договора подданства¹. Будучи представителем теории естественного права, он полагал, что, согласно общественному договору, народ, предав часть своих прав верховной власти, сам решает, какой образ правления следует установить в государстве. В свою очередь, постановление народа о форме правления выступает неременным условием договором подданства и именуется им коренным законом. А. П. Куницын различал следующие критерии для классификации образов правления: число лиц, отправляющих верховную власть; способ приобретения верховной власти; пространство времени, в котором верховная власть принадлежит одному лицу; круг деятельности верховной власти; обширность прав, предоставляемых подданным². На основе этих критериев ученый подразделял образы правления на монархические, аристократические и демократические. Следует упомянуть его воззрения на монархию.

А. П. Куницын считал законной только такую монархию, которая избиралась бы народом и была обусловлена договором подданства³. Мыслитель полагал, что монархии бывают ограниченными, неограниченными и деспотическими. Решительно выступая против деспотических монархий, А. П. Куницын писал: «Когда монарх употребляет силы государства противно цели государства или

¹ Куницын А. П. Об образах правления : сборник. М., 1951. С. 622.

² Куницын А. П. Изображение взаимной связи государственных сведений. СПб., 1817. С. 13.

³ Куницын А. П. Об образах правления. С. 623.

подданных лишает первоначальных и производных прав для сохранения коих учредилось общество, тогда образ правления называется деспотическим»¹. По мысли ученого, такая форма правления противоречит интересам общества, так как весь народ превращается в собственность монарха, что, в свою очередь, разрушает государство². А. П. Куницын сформулировал свое авторское видение условий, при соблюдении которых установление монархии законно и соответствует интересам народа.

К числу этих условий он отнес следующие: только народ избирает монарха; народ определяет порядок наследования трона; при любой форме монархии суверенитет остается в руках народа; народ имеет право сопротивляться насилию³. По мнению Ф. Н. Смирнова, эти постулаты были продиктованы периодом крепостничества и выражали протест А. П. Куницына против тирании помещиков и царского самодержавия. Важно место в наследии А. П. Куницына занимает теория о республиканских образах правления.

А. П. Куницын полагал, что в республиканском государстве власть должна принадлежать всему народу, включая крестьянство. Собрание граждан республики он именовал народным сословием, которое «совершенно свободно может располагать всеми общественными делами, определять способ отправления верховной власти, издавать и изменять законы и определять все меры для достижения цели общества»⁴. При этом необходимо обеспечить равенство голосов всех членов народного сословия (собрания), чтобы избежать случаев замешательства, беспорядков и распрей. Само же народное сословие (собрание) вправе поручить ведение повседневных общественных дел своим уполномоченным лицам, которые приравнивались к государственным чиновникам и были подотчетны народу. А. П. Куницын отдельно выделял аристократическую республику.

По его мнению, для этой формы государство характерно принадлежность верховной власти отдельным вельможам или собранию вельмож, которое он именовал верховным сословием⁵. При этом аристократия должна выражать волю всего народа, который определяет следующие аспекты аристократического образа правления: количество вельмож; способ избрания вельмож; определение срока их полномочий – временно или постоянно; способ прихода к власти их приемников – избрание или назначение; основание возникновения права быть вельможей – знатность фамилии, владение имуществом или личные качества⁶. Отмечая зависимость формы правления от воли народа, А. П. Куницын считал, что по решению граждан возможно установление наследственной аристократии.

По его мнению, для наследственной аристократии характерна ситуация, когда право голоса в верховном сословии принадлежит известным фамилиям или связано с владением известным недвижимым имуществом. Эта форма правления уместна лишь в случае наличия соответствующей оговорки в договоре подданства. Следует отметить, что А. П. Куницын выделял еще и особую форму смешанного государственного строя.

По его убеждению, смешанным называется образ правления, одновременно имеющий черты монархии, аристократии и демократии⁷. В этом вопросе отчетливо прослеживается влияние на него идей Аристотеля и Полибия. Вместе с тем, если античные мыслители были убеждены в том, что образ правления определяется исключительно классом рабовладельцев, А. П. Куницын связывал решение этого вопроса с волей всего народа. Следует отметить, что А. П. Куницын выделил виды смешанной формы.

Власть в государстве может принадлежать одному лицу (монархический смешанный тип), а также вельможам или народу (аристократический смешанный тип или демократический смешанный тип). От этих образов правления необходимо отличать чистую монархию, чистую аристократию и чистую демократию. В этом подходе также прослеживается влияние на исследователя предшествующих этапов развития мировой политико-правовой мысли.

¹ Куницын А. П. Об образах правления. С. 623.

² Куницын А. П. Об образах правления. С. 624.

³ Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818–1820 гг. С. 144 ; Смирнов Ф. Н. Общественно-политические и правовые взгляды А. П. Куницына : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1965. С. 182

⁴ Куницын А. П. Об образах правления.

⁵ Куницын А. П. Об образах правления. С. 628–629.

⁶ Куницын А. П. Об образах правления. С. 629.

⁷ Куницын А. П. Об образах правления. С. 630.

Анализируя эти постулаты, Ф. Н. Смирнов не без оснований отмечает идеалистический характер теории А. П. Куницына, в основе которой лежит общественный договор между народом и верховной властью безотносительно к классовой структуре общества¹. Вместе с тем в условиях крепостничества учение А. П. Куницына имело прогрессивный характер, так как выражало взгляды передовых людей русского общества и опровергало идею неограниченной власти монарха.

Корнев А. В.,

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
заведующий кафедрой теории государства и права,
доктор юридических наук, профессор

Суверенитет: трансформация идеи и практики

Вначале было слово. Нам слишком хорошо знакома эта аксиома. Применительно к проблематике статьи следует признать первичность идеи. В повседневной жизни, тем более в практической политике, данная мысль приходит не часто. Между тем первичность идеи по отношению к практике, признавали многие выдающиеся мыслители в истории человечества. Начало, по всей видимости, заложил Платон, которого современники называли божественным. Речь идет не только о его специфической философской системе, и не только о том, что он был идеалистом. Мир идей по Платону и есть мир настоящий, подлинный. А тот мир, в котором мы пребываем, всего лишь тень мира идей. В данном случае речь идет о более узком подходе, в основе которого лежит мысль о признании первичности идеи, ее независимом существовании от того, что мы называем общественными отношениями или социальными практиками. Очень многие интеллектуалы признавали за идеями способность выступать вершителями судеб. От иных идей, которые разрабатывают в тиши кабинетов, могут гибнуть целые цивилизации (Г. Гейне). «Идеи правят миром» – именно так считали французские просветители-энциклопедисты. Даже основоположники исторического материализма признавали значимость идей – «идеи становятся материальной силой, если они овладевают массами».

Возникновение суверенитета, сначала как идеи, а уже потом, в качестве практической политики, было предопределено самим ходом европейской истории. Европоцентризм – идеология и специфическое миропонимание, базируется на признании Европы, а в целом западного культурного проекта, как единственно прогрессивного и по-настоящему цивилизованного. Конечно, это следует понимать, как некоторое упрощение.

Тем не менее за этой доктриной следует признать и определенную состоятельность. Западная цивилизация, как бы критически к ней не относиться, оказала на весь остальной мир колоссальное влияние. Кроме агрессивных войн, завоеваний и откровенного грабежа, запад как цивилизационный проект, трансформировал много полезного. Кроме науки и образования, в иные культурные парадигмы прочно вошли технологии, а также экономические, политические и правовые модели, которые были сформированы европейскими странами. Это в полной мере касается и суверенитета.

Западной цивилизации справедливо приписывают стремление к рациональным инновациям. Гуманизм, который являлся лейтмотивом эпохи Просвещения, исходил из самооценности человека, из его права строить «рай» на земле и жить так, как подсказывает ему собственный разум.

Европейскую цивилизацию называют христианской и юридической одновременно. Правда, к современности сегодня это трудно применить. Но тем не менее. Примерно с тринадцатого века европейцы определили право в качестве универсального регулятора общественных отношений. Связь религии и права была более чем заметной. Фюстель де Куланж не без оснований считает возникновение права в европейской цивилизации из религии. Закон имел у античных народов практически сакральный статус, а его нарушение расценивалось как святотатство. Да и потом, когда христианство стало государственной религией Римской империи, связь религии и права не прекращалась.

¹ Смирнов Ф. Н. Указ. соч. С. 200–201.

В период Средних веков юридическое наследие Рима не было особенно востребованным. Все изменилось после того, когда выдающийся богослов Фома Аквинский своими трудами «реабилитировал» римское право. Как наследие античной цивилизации, не знавшей Христа, оно не вписывалось в строгие каноны римской курии. Однако Аквинат посчитал, что римское право можно расценивать как выражение здравого смысла, разумной природы человека. Такой подход, по его мнению, нисколько не противоречит основам христианства. Со временем римское право прочно заняло свое место в университетских курсах, а на юридическом факультете оно стало основой юридического образования. Университетские профессора учили студентов не праву как таковому, а методу работы с ним. Между прочим, этот метод очень бы пригодился и сегодня, когда в учебных планах появилось столько «отраслей» права, что на классические отрасли права и общие академические дисциплины остается все меньше часов.

Римское право оказало серьезное влияние на каноническое и церковное право. Это очень заметно. Правда некоторые авторы не видят принципиальной разницы между церковным и каноническим правом. Церковь пыталась максимально расширять сферу своего влияния. Некоторые монархи не были вполне самостоятельными фигурами и находились под мощным влиянием Римской католической церкви.

Поэтому первым фактором, который поставил на повестку дня проблему суверенитета, было желание разграничить юрисдикции церкви государства. Монархам порой опека римской церкви была очень обременительной. Хотелось большей самостоятельности, а лучше независимости, ибо сказано «Кесарю – кесарево». Иными словами, государству необходимо было создать некоторую доктрину, положения которой ограничивали бы притязания церкви вторгаться в политическую сферу.

Кстати, католическая церковь оправдывала свое первенство в отношениях «церковь – государство» такими доктринами, как теория «Двух мечей», а также концепцией «Луны и солнца». Что касается теории мечей, то согласно ее положениям Бог один меч передал церкви, а второй – государству. Однако церковь вложила свой меч в ножны. Он не нужен ей, поскольку ее интересы должно защищать государство. И оно вправе применять силу. Надо сказать, что силу в отношении ко всем непокорным, а часто и невиновным, не сэкономила ни церковь, ни государство.

Еще одним фактором, который вызвал идею суверенитета, были религиозные войны. Надо прямо сказать, что европейская история не была вегетарианской. Европа не только огнем и мечом завоевывала географическое пространство, но не щадила сама себя, если можно так выразиться. Крестовые походы, инквизиция, крестьянские войны и пр. – всё это Европа. Пугачевское восстание закончилось тем, что шесть человек были казнены. Остальные (всего-32) были сосланы. Между тем революции, которые прокатились в Европе в 1948 г., имели печальные последствия. Только в одной Франции были казнены несколько тысяч. Затем, в этой же стране была потоплена в крови Парижская коммуна. Об этом предпочитают не вспоминать. Зато тоталитарную сущность нашего государства, причем на всех исторических этапах, не забывают отметить и сегодня. Вся проблема в том, что *драматические события европейской истории как-то подзабылись*. А сложные извивы российской цивилизации – нет. Просто потому, что они по историческим меркам произошли не так давно.

Религиозные войны сотрясали Европу. Реформация, начатая по инициативе Мартина Лютера, расколола европейский христианский мир на протестантов и католиков. Римская церковь требовала голову Мартина Лютера, но за него заступились влиятельные немецкие курфюрсты. Религиозные новации профессора богословия как нельзя лучше подходили для нарождающегося капитализма. Об этом очень хорошо написал М. Вебер («Протестантская этика и дух капитализма»).

В той же Франции апофеозом религиозных войн стала Варфоломеевская ночь (1572). По оценкам историков было вырезано около 20.000 гугенотов – французских протестантов. В одном только Париже погибло более 2 000 человек. Эта резня спровоцировала массовое бегство гугенотов в Северную Америку, где они компактно поселились в Луизиане и Квебеке.

Таким образом, более всего инициировали появление суверенитета как идеи противостояние светской и религиозной (церковной) власти, а также необходимость покончить с религиозными конфликтами. Не стоит забывать о религиозном характере Английской революции 1640 г. Отношения между англичанами и ирландцами и до настоящего времени оставляют желать лучшего. Религиозное

противостояние долгое время провоцировало террористические акты, которые были особенно заметными в 70-годы прошлого века.

Есть основания говорить и о роли средневековых городов в формировании идеи суверенитета. Некогда Б. Н. Чичерин, энциклопедически образованный юрист и философ заметил, что история России могла быть другой, если бы город играл такую же роль, как и в Европе. О чем идет речь?

Дело в том, что города размещались на чьих-либо землях: либо короны, либо крупных феодалов. Они были административными, политическими, культурными, а со временем стали и экономическими центрами.

Как политический и экономический игрок, город постоянно боролся за большую самостоятельность. Конечно, это раздражало крупнейших земельных собственников – феодалов, которые никак не хотели городской самостоятельности.

Можно сказать, что идея суверенитета давно витала в воздухе. Осталось только явить граду и миру более-менее оформленную идею. И такой мыслитель нашелся в лице адвоката и профессора юриспруденции университета в Тулузе Жана Бодена, автора знаменитой работы «Шесть книг о государстве».

В чем-то следуя Аристотелю, Ж. Боден полагал, что государство есть справедливое, «правовое управление множеством семей и тем, что у них общее, под суверенной властью».

Ж. Боден воздавал должное семье как основному институту общества. Она, то есть семья, имеет под собой экономическое основание в виде собственности. Одна из главных задач государства состоит в охране частной собственности.

Суверенитет есть величина постоянная и абсолютная, а более точно – это постоянная и абсолютная власть. Вот на этот аспект и хотелось бы обратить внимание в первую очередь. В своем первоначальном значении суверенитет представлял собой не признак государства, а свойство власти как таковой. Власть эта абсолютная, а стало быть, она не может мыслиться как нечто такое, что можно уменьшать в объеме. Кроме того, власть – величина постоянная.

Теперь уже как-то непринято упоминать о Ж. Бодене как теоретике абсолютизма. Когда сегодня его привлекают в качестве союзника разного рода политики и ученые для обоснования сепаратистских, местечковых интересов, то они либо не в курсе его истинных взглядов, либо сознательно извращают боденовскую точку зрения. После распада СССР в некоторых субъектах Российской Федерации представители формирующихся этнократических элит очень активно и некорректно использовали доктрину Ж. Бодена.

Принципиально важным является то обстоятельство, что французский юрист был категорическим противником всяческих проявлений сепаратизма, радикализма, своеволия элит и т.д.

Ж. Боден видел всё своими глазами: и религиозную резню, и противостояние церкви и государства, массовые бунты, сопротивление феодалов мероприятиям центральной власти. В силу этого суверенитет есть не отвлеченная доктрина, плод кабинетных размышлений, а насущная необходимость в наведении и поддержании элементарного государственного порядка. Никто кроме центральной власти не имеет права решать вопросы войны и мира, чеканить монету, устанавливать налоги и сборы, и тем более принимать законы.

Со временем, суверенитет как *свойство* власти стал квалифицироваться в качестве *признака* государства. В этом и состоит трансформация суверенитета от идеи к практике. Сегодня данную категорию понимают как самостоятельность государства, которая заключается в независимости внутренней и внешней политики, недопустимости вмешательства в национальную юрисдикцию.

Конечно, любые категории со временем могут менять свое содержание. Пусть и незначительно. В настоящее время проблема суверенитета стала чрезвычайно актуальной. Россия с успехом в настоящее время отстаивает свой суверенитет.

Королева Е. В.,Академии труда и социальных отношений
доцент кафедры теории и истории государства и права
кандидат юридических наук

Правовой суверенитет: постановка проблемы

В силу известных обстоятельств, проблема суверенитета обострилась в настоящее время. Сменился сам подход. И это самое главное, что можно отметить в этой связи. В относительно недавние времена в юридической науке имела место разногласия мнений на этот счет. Преобладающим был тезис о том, что в современном мире суверенитета как абсолютной независимости национального государства нет, и быть не может. Позиция, в целом противоречивая, но в чем-то и правильная. Минимизация суверенитета увязывалась с глобализацией, интеграцией и прочими сходными процессами. Конечно, глобализация доминировала. Многим казалось, что это необратимый процесс, который в конечном счете приведет к унификации политических, экономических, правовых систем. И даже коренным образом скажется на культуре, которая в каждой цивилизации имеет свои особенности. Такое понимание доминировало в отечественной политической и правовой науке. Да и в экономической. Многие ратовали за международное разделение труда, создание единого правового пространства. Но, увы, этим ожиданиям не суждено было свершиться. По чисто объективным причинам. Во многих государствах росло ощущение возможных серьезных потерь, прежде всего экономических, если бы такой курс продолжался. Действительно, иногда выгодней что-то купить у других, чем производить самому. Для экономического развития лучше всего покупать сырье. Если, конечно, его нет у той или иной страны. Но те страны, которые делают ставку на продаже невозможного сырья, попадают в неприятную ловушку. Они становятся просто сырьевыми придатками высокоразвитых государств. Достаточно посмотреть на экономическое сотрудничество нашей страны и Германии. Несколько десятилетий экономика этой страны процветала за счет покупки дешевого российского сырья. Себестоимость единицы продукции была относительно невысокой. Это давало возможность платить высокие заработные платы, предоставлять льготы, наладить стабильную пенсионную систему. Однако Германия не очень охотно делилась технологиями. В основном она продавала нам те промышленные продукты, которые создавались на использовании российских ресурсов.

Сегодня лидируют те страны, которые быстрее всего внедряют новые технологии. И прежде всего цифровые технологии. Конечно, технологизация несет не только одни блага, но и создает угрозы. Причем такие, с которыми человечество еще не сталкивалось. Но это уже совсем другой вопрос.

Любая доктрина может оставаться актуальной ровно до тех пор, пока не входит в тесное противоречие с реальностью. Конечно, и реальность не всегда учитывается в научных работах. К сожалению, данная тенденция и сегодня встречается. Однако несовпадение основополагающих положений, составляющих сердцевину любой доктрины, с реальными социальными практиками является основанием для их пересмотра. Это касается и такой сложной категории, как суверенитет.

Особенность современного момента состоит в том, что суверенитет стали «разлагать» на множество составляющих его элементов. Представляется, что это правильная позиция. Вполне обоснованно можно ставить на повестку дня не только политический суверенитет, но и другие его составляющие: экономический, технологический, финансовый, информационный, научный, продовольственный и пр. Правда, есть и иные точки зрения. Некоторые авторы считают, что в контексте суверенитета можно говорить только в двух аспектах: либо он есть, либо его нет.

По большому счету, с этим согласиться трудно. Так категорично к проблеме суверенитета подходить не стоит. К сожалению, мы очень часто радикально подходим к проблеме, пытаемся искать абсолютное в том, что всегда является относительным. И здесь кое в чем можно согласиться с противниками понимания суверенитета как категории абсолютной. Всему свое время. Категоричность была свойственна периоду феодализма. Тогда суверенность чаще всего наполняли не политическим, а экономическим содержанием, чувством собственности. Феодал считал, что даже птица, которая залетает на его территорию, нарушает его права.

Сегодня у суверенитета есть мощная экономическая составляющая. Государство не может быть суверенным, если оно экономически не состоятельно, зависит от других и без экономического содействия в любом виде обречено. Это очевидно. Экономическая зависимость есть самая настоящая узда. Кто попал в нее, теряет всякое право голоса.

Взять, к примеру, Европейский Союз. Германская экономика является локомотивом европейской экономической системы. Да, сегодня она переживает не самые лучшие времена. Строго следуя указаниям из Вашингтона, политическое руководство этой страны загоняет сама себя в угол. Конечно, оно надеется на тот экономический потенциал, который накоплен в предыдущие годы. Но и он не безграничен. Отказ от нашего сырья привел к тому, что немецкие фирмы меняют юрисдикцию. Они уходят за океан, в те же США. Естественно, юридически. Находясь по факту на немецкой земле, они будут наполнять бюджетную систему совершенно другого государства. Это похоже на абсурд, но тем не менее это так.

Но это Германия, «пострадавшая» от введения антироссийских санкций, но оставшаяся мощной экономической державой. А другие, те же прибалтийские государства. Они и в НАТО и в ЕС. А разве у них есть суверенитет? Разумеется, нет. Их экономика дотируется из средств ЕС, и прежде всего за счет германских отчислений. Именно по этой причине они делают ровно то, что им говорят делать. И они еще при этом чем-то гордятся. Такие отношения даже вассалитетом не назовешь. Вассал все-таки имел автономию от сеньора, твердо гарантируемую договором, который заключался в присутствии третьих лиц.

Итак, можно ли ставить проблему правового суверенитета? В настоящий момент, вне всякого сомнения. Времена сильно изменились. Правовая система Российской Федерации претерпевает самую серьезную трансформацию с начала 90-х гг. прошлого века. В те времена, как экономическая, так и политическая системы, были не просто реформированы. Они поменяли свою природу. И это самое главное. Если называть вещи своими именами, то произошла смена общественно-экономического строя со всеми вытекающими из этого последствиями. Правовая система также поменялась. Относительно незыблемыми остались только принципы права. Но и они стали наполняться совершенно новым содержанием, поскольку кардинально поменялась идеология. Общества и государства вне идеологии нет и быть не может. В этой части никакие конституционные положения принципиально ничего не меняют.

Правовая система стала выстраиваться под «международные стандарты». Это нашло свое конституционное закрепление. Конституция Российской Федерации в п. 4 статьи 15 установила: «Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».

Конституция РФ 1993 г. принималась после драматических событий октября этого года. Кстати, юридической оценки этих событий нет и до настоящего времени. Но дело не только в этом. Данная норма отражает ту тенденцию, которая была на тот момент. То есть наша страна вольется в семью «цивилизованных государств» и пойдет с ними нога в ногу к светлому будущему. Но нас туда не приняли, да и, по всей видимости, не собирались принимать. В очередной раз мы получили исторический урок. Ну а после Крымской весны 2014 г. наши отношения с «партнерами» наконец-таки приняли всем очевидный характер. Тем не менее правовая система нашей страны кардинально никак не менялась.

Тем не менее в 2020 в Конституцию 1993 г. были внесены существенные поправки. И они коснулись прежде всего тех вопросов, которые так или иначе связаны с суверенитетом российского государства.

Будем исходить из того, что суверенитет нужно понимать широко, комплексно. Данная категория может включать в себя множество граней, аспектов, составляющих и т.д. Не имеет принципиального значения слово, которое мы можем использовать.

«Проблема» в буквальном смысле означает трудность, затруднение. Если что-то именуется проблемой, то естественно, необходимо думать о том, как ее решить, или хотя бы минимизировать.

Учитывая комплексную природу категории «суверенитет», считаем возможным поставить проблему обеспечения правового суверенитета Российской Федерации как государства, которое имеет свои национальные интересы и больше не собирается ими жертвовать, как прежде. Ибо ни к чему положительному это не ведет. Только к потерям. В политике самое страшное состоит в том, что можно оказаться в роли «слабого, безвольного» игрока, с которым можно не считаться.

Принципиально важным обстоятельством является то, что Российская Федерация наконец-таки объявила, что она является правопреемником Союза ССР на своей территории, а также правопреемником (правопродолжателем) Союза ССР в отношении членства в международных организациях, их органах, участия в международных договорах. Это положение распространяется в отношении предусмотренных международными договорами обязательств и активов Союза ССР за пределами территории Российской Федерации.

Теперь в соответствии со статьей 79 Конституцией Российской Федерации, Россия может участвовать в межгосударственных объединениях и передавать им часть своих полномочий в соответствии с международными договорами Российской Федерации, если это не влечет за собой ограничения прав и свобод человека и гражданина и не противоречит основам конституционного строя Российской Федерации. Решения международных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Если обобщить, то масштабные поправки, внесенные в Конституцию Российской Федерации в 2020 г. однозначно свидетельствуют о курсе нашей страны на обеспечение полноценного суверенитета. Очень важным является положение о толковании международных договоров Российской Федерации, которые дают международные органы.

Действительно, толкование может быть различным. Тем более если нормы изложены на разных языках. Привычное уточнение по поводу идентичности и одинаковой силы не спасают положения. Любой перевод и оригинал никогда не будут совпадать. Даже норма, изложенная на русском языке, на практике может породить различные интерпретации.

Если говорить о толковании норм международными органами, то все значительно усложняется. Не секрет, что толкование может противоречить истинному смыслу правовой нормы. Поэтому Россия снимает с себя ответственность следовать толкованию международными органами договоров Российской Федерации, если они будут противоречить нашей Конституции.

В качестве итога можно сделать вывод о том, что правовой суверенитет является не только воображаемой конструкцией, но и инструментом реальной политики. Россия не будет больше поступаться своими национальными интересами. А их без подлинного суверенитета не обеспечить. Таким образом, правовой суверенитет является важной составной частью суверенитета Российской Федерации как комплексной политико-правовой категории.

Базилев А. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
аспирант кафедры теории государства и права

Суверенитет и его сущностное значение в контексте марксистского политико-правового учения

Приступая к рассмотрению такой категории, как суверенитет, прежде всего полагается целесообразным уяснить, что лежит за указанным понятием. Само собой разумеется, что с момента появления в общественном сознании категории суверенитета, ее содержание с ходом истории неизбежно трансформировалось, тем самым отражая как развитие исторического процесса, так и того, какое значение суверенитет принимал в отдельно взятой эпохе. С течением времени исследуемое понятие не только могло приобретать специфические черты, но и утрачивать свои отдельные элементы, в зависимости от того, какие концепции, описывающие общественное устройство, господствуют в

конкретном обществе. Поэтому является крайне важным определить задачи, подлежащие решению при рассмотрении исследуемого понятия.

Во-первых, для целей уяснения того, какие проблемы обеспечения суверенитета мы беремся решать, прежде всего необходимо понять какое понимание суверенитета мы принимаем в качестве отправной точки. Во-вторых, отталкиваясь от принятого понятия суверенитета мы сможем раскрыть его суть. Далее, сформировав представление о суверенитете, надлежит выявить те его моменты, на которые можно оказать влияние, принимая во внимание те условия, которые находятся вне сферы воздействия активного субъекта, помещенного в исторический контекст.

Изначально категория суверенитета возникает еще в XVI в. благодаря Жану Бодену, который понимал рассматриваемую категорию как власть верховного сюзерена в противовес власти вассалов. При этом власть верховного правителя, суверена, представлялась не просто как власть человека, но как власть непосредственно государства. Монарх как бы становился выражением государственной власти, олицетворяя ее и выступая в качестве политического субъекта, выражающего волю всего государства. При этом под суверенитетом в его истинном значении, Боден полагал абсолютную и непрерывную власть государства. В таком значении, следуя логике Бодена, власть диктатора пусть и с неограниченными полномочиями, не может считаться суверенной. Суверенитет, как категория, непосредственно связанная с территорией государства в пределах которой он отправляется, нашел свое окончательное выражение в Вестфальском мирном договоре 1648 г., которым можно условно обозначить исторический момент формирования национальных государств. Историческое значение Вестфальского мирного договора заключается не столько в закреплении конкретных границ национальных государств по итогам Тридцатилетней войны и остановку контрреформационных действий католической церкви, но и фактического оформления системы международных отношений и устранении ряда препятствий к развитию буржуазных отношений.

Далее, концепция суверенитета получила новое понимание в связи с развитием буржуазных идеологий, в частности Ж.-Ж. Руссо понимал под суверенитетом верховную власть народа. При этом не стоит впадать в заблуждение и полагать, будто именно будучи благодаря сформулированной концепции, новая сущность суверенитета обрела действительную жизнь. Все дело в том, что сам ход истории и развитие производительных сил побудило к движению общественное бытие, моменты которого обнаруживались отдельными учеными прошлого. Так, Маркс отмечал, что мыслители, обнаруживая и фиксируя в сознании эти моменты движения, могли своими идеями опережать современную им эмпирическую действительность¹. Народный суверенитет имел значение в зарождающихся буржуазных политико-правовых концепциях только как выражение действительной трансформации общественной жизни и начало ее преобразования на новый экономической лад, а именно – переход к буржуазным отношениям, где одним из препятствий для развития производительных сил являются отжившие отношения личной зависимости и несвободы отдельного индивида, характерные для эпохи феодализма.

В буржуазном обществе не может быть речи о верховной власти народа, так как власть фактически отправляет конкретное меньшинство – владельцы средств производства, держатели капитала, крупная буржуазия. Для того чтобы обнаружить это, достаточно отбросить идеологическую шелуху и трезво посмотреть на фактическое положение дел. Покуда государство является инструментом господствующего класса, последний предпринимает необходимые меры к тому, чтобы представить обывателю государственную власть как надклассовую силу, арбитра, уравнивающего интересы социальных групп, владельцев капитала и рабочих. В связи с указанным стала меняться и сама концепция суверенитета. В начале XX в. это стало очевидно и самим буржуазным ученым, о чем красноречиво свидетельствуют работы их наиболее ярких представителей, ставших объектом исследования и критики советских ученых, таких как Е. Б. Пашуканис. В качестве примера могут служить работы «К проблеме суверенитета» 1917 г. и «Авторитет в современном государстве» 1919 г. Гарольда Ласки, где последний приводит аргументы, которые коротко можно свести к тезису о том, что ожидаемые результаты демократического развития себя не оправдали и оказались

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. Сочинения. Т3 / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М. : Госполитиздат, 1955. С. 73.

неудовлетворительными. Указанное, как это отмечается в рассматриваемых работах, подтверждается завершением эпохи «социализированного» либерализма, начавшегося с 1906 г. и завершившегося мировой войной. Ласки открыто признает, что государство в конечном счете стало синдикатом чиновников. Как это отметил Пашуканис, политическая демократия, в сущности, остается фикцией до тех пор, пока экономическая власть полностью принадлежит капиталу. Обострение классово-борьбы вскрывает ложность политических концепций «общего блага» и «народного суверенитета». Сам Ласки подтверждает иллюзорность таких концепций и заключает, что способ организации государственных учреждений безразличен, поскольку практически ими будет отражаться господство актуальной экономической системы, а законодательство выражает мнение держателей экономической силы¹.

Современные исследователи сводят понятие суверенитета к верховенству и самостоятельности, независимости государства от иных органов и организаций, либо учреждений гражданского общества, а также других государств. Государство, утратившее суверенитет является частью другого суверенного государства².

В советский период происходили неоднократные пересмотры подхода к понятию суверенитета. Связано это было с теми же причинами, которые побуждали изменять наполнение понятия суверенитета на протяжении всей его истории – изменения объективных обстоятельств и исторически обусловленное развитие общественных отношений, в частности в рамках социалистического строя.

Покуда марксистская теория предполагает государство орудием классового угнетения, то немедленно после совершения социалистической революции оно тут же вступает в процесс собственного отмирания, поскольку в условиях отсутствия классов отпадает необходимость в таком инструменте подавления. Вместе с тем до момента, пока такое отмирание не произошло в окончательной форме, государственный суверенитет представляет собой один из необходимых элементов, обеспечивающих самостоятельность социалистического государства от внешнего вмешательства.

И. Д. Левин предлагает понять сущность суверенитета через то соотношение, в котором находится содержание суверенитета и его юридическое выражение, а также его материальное основание. Он подчеркивает, что суверенитет принадлежит государству, то есть определенной организации классового господства. Носителем «политического суверенитета» является господствующий в государстве класс, в то время как носителем суверенитета в его юридической форме является совокупность высших органов власти и государства, а также иные официальные орудия его диктатуры. Третьим моментом суверенитета является собственность, потому как именно опираясь на собственность как на свой реальный материальный базис и систему собственности, определяется занимаемое господствующим классом положение в производстве. Таким образом, политический суверенитет принадлежит классу, владеющему собственностью на орудия и средства производства³.

Согласно марксистским учениям, современная система международного рынка является одной из основ капиталистического способа производства. Одновременно, неизменным является факт, что собственники средств производства выступают как персонифицированный капитал, поэтому все действия таких собственников будут направлены на самовозрастание этой формы стоимости, то есть ими будут предприняты исчерпывающие меры к направлению капитала в те отрасли и юрисдикции, где норма прибыли наиболее высокая. По этой причине капитал является настоящим интернационалистом, а его владелец не имеет собственного отечества. Интересы капиталиста не определяются национальными интересами, покуда руководствуется он исключительно собственной целесообразностью, которая обеспечивает его статус собственника и может приумножить его состояние. Государство, являясь гарантом титула нетрудового дохода капиталиста неизбежно будет использовано для обеспечения интересов наиболее крупных и наиболее влиятельных держателей капитала. В такой ситуации обеспечение суверенитета выражается в способности владельцев средств производства выступать как консолидированный субъект с однородными интересами, связанными с

¹ Пашуканис Е. Буржуазное государство и проблема суверенитета // Вестник коммунистической академии. М. : Госиздат, 1925, Кн. 10. С. 300–312.

² Сырых В. М. Теория государства и права. М. : Юстицинформ, 2007. 703 с. С. 21.

³ Левин И. Д. Суверенитет. СПб. : Юридически центр Пресс, 2003. С. 63–64.

сохранением их собственности. В случае, если отдельные держатели капитала имеют существенные средства как в пределах национальной юрисдикции, так и за ее пределами, может возникнуть ситуация при которой владелец средств производства может пойти на определенные договоренности и уступки в пользу иных капиталистов, являющихся политическими оппонентами государства, в юрисдикции которого находится собственность рассматриваемого держателя капитала.

По своей юридической форме подобные действия могут выглядеть как самостоятельное и суверенное решение национального правительства, в то время как по своему содержанию такие действия могут влечь деструктивные последствия как для национальной безопасности и интересов граждан страны, так и для других держателей средств производства. Впоследствии это может проявляться как технологическая стагнация вследствие введения международных санкций, либо как износ основных фондов в долгосрочной перспективе и замедление экономического роста. Таким образом, одним из решающих способов обеспечения суверенитета государства является его технологическая независимость и развитое производство, размещенное в национальной юрисдикции, а также высокий уровень производительности труда и государственная поддержка базовых отраслей экономики. Одновременно, эффективные способы обеспечения защиты государственного суверенитета в его содержательной составляющей от произвола владельцев средств производства в рамках действующей системы не усматриваются, поскольку возможные ограничения на движение частной собственности не будут санкционированы правящим классом, так как именно свобода собственности и обеспечение титула нетрудового дохода является главным основанием жизнеспособности капиталистического способа производства.

Чечельницкий И. В.

первый заместитель руководителя рабочего аппарата
Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации,
докторант, старший преподаватель кафедры
теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Категория «средства» в государственной правозащитной деятельности

Категория средства в праве носит глубокий морально-нравственный и философский характер, поскольку напрямую восходит к проблемам справедливости, добра и зла, чести и достоинства личности. Для правозащитной деятельности она, безусловно, не менее актуальна, чем вопрос о ее целях. Необходимо отметить, что категория средства пользуется вниманием в отечественной юридической науке. Выделяются такие понятия, как правовые средства¹, средства обеспечения реализации правовых норм² или права³, средства в праве⁴, юридические средства⁵ и др. Еще более полярен разброс мнений относительно содержания данных понятий.

Одни авторы полагают, что «...правовые средства – это нормы права, индивидуальные предписания и веления, договоры, средства юридической техники, все другие инструменты

¹ Дорофеев А. В. Правовые средства и правовые стимулы: к вопросу о соотношении понятий // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 26–30 ; Даровских О. И. К вопросу о понятии «правовые средства» в уголовном судопроизводстве // Проблемы права. 2020. № 2. С. 123–126 ; Беляева Г. С. К вопросу о сущности и системе правовых средств // Административное и муниципальное право. 2015. № 3. С. 306–312 ; Волкова М. В. Правовые средства обеспечения прав и свобод человека: теоретико-правовой анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010. 205 с. ; Мильков А. В. К определению понятия «Правовые средства» // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 1. С. 111–113.

² Пискунова О. В. Общесоциальные и специально-юридические средства обеспечения реализации правовых норм // Изв. Саратов. ун-та. Серия «Экономика. Управление. Право». 2019. Т. 19, Вып. 4. С. 450–453.

³ Маркин А. В. Ответственность – средство обеспечения реализации права // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия : юридические науки. 2010. № 1. С. 45–49.

⁴ Шундилов К. В. Цели и средства в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1999. 182 с.

⁵ Смирнов А. П. Юридические средства защиты субъективных прав : дис. ... канд. юрид. наук. Омск. 2016. 192 с.

регулируемые в единстве характерного для них содержания и формы»¹. Другие считают, что «...правовые средства – это правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии); при помощи которых удовлетворяются интересы субъектов права, обеспечивается достижение социально полезных целей»². Третьи отмечают, что правовые средства – это «правовые установления (нормы права, юридически обеспеченные возможности (субъективные права), запреты, ограничения (юридические обязанности)) и деяния (технологии), способные организовываться в механизм правового регулирования для придания упорядоченной формы функциональным взаимодействиям социальных институтов»³. Думается, что истина где-то посередине и под правовыми средствами следует понимать совокупность инструментов и приемов организационного и юридического характера, направленных на установление, изменение или прекращение правоотношений.

К правозащитным средствам в науке относят правозащитные правомочия и долженствования в непосредственной и правоприменительной формах⁴; организационно-правовые средства и меры принуждения⁵; правозащитные средства, методы и приемы, которые прямо предусмотрены (дозволены) для этого Конституцией Российской Федерации, иными нормативными правовыми актами – применительно к государственной правозащитной деятельности⁶. Все средства государственной правозащитной деятельности целесообразно классифицировать на судебные и внесудебные; общие и специальные; правоприменительные, правотворческие и правопросветительские.

К судебным средствам государственной правозащитной деятельности относятся следующие: обращение в суд с административным правовым иском⁷; обращение в суд о пересмотре вступившего в законную силу решения или приговора суда⁸ и др.

К внесудебным средствам государственной защиты прав человека относятся следующие: проверка исполнения законов в связи с поступившей информацией о фактах нарушения закона⁹; принятие мер по предупреждению и пресечению нарушений прав и свобод человека и гражданина, привлечению к ответственности лиц, нарушивших закон, и возмещению причиненного ущерба и др.

Также средства государственной правозащитной деятельности можно подразделять на общие и специальные. Если первые из них характерны для двух и более государственных правозащитных органов, то вторые присущи лишь отдельным из них.

К общим средствам государственной правозащитной деятельности, в частности, относятся следующие: обращение к субъектам права законодательной инициативы с предложениями об изменении и о дополнении федерального законодательства¹⁰; направление в орган государственной

¹ Алексеев С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие и классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 14.

² Малько А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 1998. № 8. С. 66–77.

³ Нигматуллина Э. Ф. Правовые средства в земельном праве // Правовые вопросы недвижимости. 2021. № 2. С. 8–11.

⁴ Рагимов А. Т. Правозащитные отношения: вопросы теории и методологии : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2011. С. 14.

⁵ Анисимов П. В. Теоретические проблемы правового регулирования защиты прав человека : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 9.

⁶ Мархгейм М. В. Конституционная система защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 14.

⁷ п. 1, ст. 29 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; п. 2 ст. 11 ФЗ «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации»; п. 4 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»; п. 5 ч. 5 ст. 4 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

⁸ п. 3 ст. 29 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; пп. 6 п. 5 ст. 4 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»; пп. 4 п. 4 ст. 11 Федерального закона «Об уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации».

⁹ Указ. соч (п. 1 ст. 22).

¹⁰ п. 2 ст. 31 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; пп. 2 п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»; пп. 5 п. 1 ст. 5 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

власти, орган местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение правил, заключения с указанием мер по восстановлению прав¹ и др.

К специальным средствам государственной правозащитной деятельности следует относить такие, как: требование от руководителей и других должностных лиц выделения специалистов для выяснения возникших вопросов²; принятие мер, чтобы лица, совершившее преступления, были подвергнуты уголовному преследованию при наличии оснований полагать, что нарушение прав и свобод человека и гражданина имеет характер преступления³ и др.

Также средства государственной правозащитной деятельности целесообразно классифицировать на правоприменительные, правотворческие и правопросветительские в зависимости от цели использования того или иного средства. К правоприменительным средствам государственной правозащитной деятельности можно отнести следующие: проведение самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами проверки деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц⁴; обращение в Государственную Думу с предложением о создании парламентской комиссии по расследованию фактов и обстоятельств⁵ и др.

К правотворческим средствам относятся следующие: направление Президенту РФ мотивированных предложений об отмене постановлений и распоряжений Правительства РФ в случае их противоречия Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ⁶; направление в органы публичной власти мотивированных предложений о признании утратившими силу или приостановлении действия правовых актов и решений в случаях, если эти акты и решения нарушают права и законные интересы детей, либо о внесении в эти акты и решения изменений, направленных на обеспечение реализации и соблюдения прав и законных интересов детей⁷ и др.

Правопросветительские средства государственной правозащитной деятельности опосредуют следующие полномочия: разъяснение заявителю средств, которые тот вправе использовать для защиты своих прав и свобод⁸; обращение в Государственную Думу с предложением о проведении парламентских слушаний по фактам нарушения прав и свобод граждан⁹ и др.

Анализ указанных способов государственной защиты прав человека позволяет сделать несколько выводов.

Во-первых, именно наличие мощного системно выверенного инструментария у органов публичной власти, занимающихся защитой прав и свобод человека и гражданина, делает такую деятельность по-настоящему эффективной по сравнению с иными, в том числе негосударственными формами. Возможность воздействовать на нарушителя прав человека, от имени государства, принуждая его к справедливому и правомерному поведению, является сущностным признаком государственной защиты прав человека.

Во-вторых, анализ основных законодательных актов, регулирующих деятельность государственных правозащитников, показывает, что можно выделить как минимум 50 основных средств государственной правозащитной деятельности, которые используются для восстановления нарушенных прав граждан. Среди них наиболее обширный инструментарий в количественном

¹ ст. 27 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; пп. 3 п. 5 ст. 4 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

² п. 1 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» // Российская газета, № 229, 25.11.1995.

³ Указ. соч (п. 2 ст. 27).

⁴ п. 4 ст. 23 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; пп. 7 п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации».

⁵ пп. 1 п. 1 ст. 32 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

⁶ п. 3 ст. 6 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации».

⁷ пп. 3 п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации».

⁸ ст. 20 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»; пп. 1 п. 5 ст. 4 Федерального закона «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»; пп. 1 п. 1 ст. 27 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации».

⁹ п. 2 ст. 32 Федерального конституционного закона «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации».

соотношении закреплен за Уполномоченным по правам человека в РФ и Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей; за прокурорами; за Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка. Несколько уже инструментарий уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг. Вместе с тем с точки зрения эффективности указанных средств полномочия прокурора, конечно, превосходят компетенции иных государственных правозащитников, поскольку имеют обязательный характер для иных государственных органов.

При этом правоприменительные средства в законодательстве об институтах государственной защиты прав человека значительно превосходят правотворческие и правопросветительские. В этой связи в науке справедливо отмечается, что «просвещение и образование в области прав человека должны стать важной составляющей правовой политики государства, а также должны занять достойное место среди механизмов защиты прав и свобод человека и гражданина»¹.

В-третьих, в некоторых случаях специализированные правозащитные институты (уполномоченные по правам ребенка и по правам предпринимателей) обладают более существенными средствами защиты прав отдельных категорий граждан, чем такие универсальные правозащитные институты, как уполномоченный по правам человека и даже прокуратура².

В-четвертых, наблюдается несоответствие правозащитных средств, закрепленных в законах о специальных омбудсменах³. Присутствуют также коллизии в правовых нормах между законами о правозащитных институтах и иных органах государственной власти⁴.

В-пятых, чрезвычайный интерес представляет компетенция уполномоченного по правам потребителей финансовых услуг как в плане досудебного урегулирования споров в соответствующей сфере общественно-государственных отношений, так и в контексте осуществления функции медиатора. Представляется целесообразным распространить аналогичные практики и на иные институты государственной защиты прав человека.

На основании изложенного представляется целесообразным рекомендовать законодателю провести комплексную ревизию нормативных правовых актов, регулирующих данную сферу, и принять меры к их унификации, в том числе закрепить:

в ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» полномочие не только реагировать на нарушения прав граждан, но и содействовать в их реализации гражданам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации и нуждающимся в помощи;

в ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» норму о беспрепятственном посещении им мест принудительного содержания граждан по аналогии с законодательными актами о специализированных омбудсменах⁵;

в ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», а также в ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» норму о возможности одновременно с обжалованием в судебном порядке ненормативных правовых актов органов местного самоуправления, нарушающих права и законные интересы граждан, в том числе несовершеннолетних, выносить подлежащие немедленному исполнению в порядке, установленном законодательством РФ об общих принципах организации местного самоуправления, предписания о приостановлении их действия до

¹ Москалькова Т. Н. Защита прав человека : сборник статей и выступлений. М., 2020. С. 428.

² Например, право уполномоченного по правам предпринимателей выносить подлежащие немедленному исполнению предписания о приостановлении действия ненормативных правовых муниципальных актов своим решением или право уполномоченного по правам ребенка по своей инициативе участвовать в судебном процессе в интересах детей.

³ Например, в законе о бизнес-омбудсмене детально прописан его инструментарий по совершенствованию законодательства, тогда как в законе о детском омбудсмене этому важному направлению работы посвящен лишь один пункт.

⁴ Например, ст. 96 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁴ наделяет правом на обращение в Конституционный Суд РФ с индивидуальной или коллективной жалобой на нарушение конституционных прав и свобод Уполномоченного по правам человека в РФ, уполномоченных по правам человека в субъектах РФ, других уполномоченных по правам в отдельных сферах или отдельных категорий лиц, предусмотренных федеральными законами, тогда как отраслевые законы – только Уполномоченного по правам человека в РФ.

⁵ В настоящее время положение о праве Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации посещать без специального разрешения учреждения, исполняющие наказания, и следственные изоляторы для осуществления контроля закреплено в ст. 38 Закона РФ от 21.07.1993 № 5473-1 «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» // Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 33. Ст. 1316.

вступления в законную силу судебного акта, изданного по результатам рассмотрения заявления уполномоченного;

за Уполномоченным при Президенте РФ по правам ребенка полномочия о направлении в орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение правил, заключения с указанием мер по восстановлению прав и соблюдению законных интересов указанных субъектов;

за Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей права на проведение самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверки деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц;

закрепить во всех законодательных актах об омбудсменах норму об их праве обращаться в Конституционный Суд РФ;

закрепить за омбудсменами полномочия по досудебному рассмотрению споров в части своей компетенции, а также функции медиатора.

Козырева А. Б.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Кандидат юридических наук,

заместитель заведующего кафедрой теории государства и права, доцент

Цивилизационные особенности России в трудах отечественных и мировых классиков

О цивилизационных особенностях России писали многие отечественные и мировые классики. Каждый из них писал об этих особенностях по-своему, освещая данную научную проблему через свой личный научно-познавательный опыт и политические взгляды. Их точки зрения нередко конкурировали друг с другом и вызвали жаркие дискуссии. Предлагаем обратиться к некоторым из них.

Как возникла российская цивилизация?

Начнем с вопроса о возникновении российской цивилизации. А. Дж. Тойнби считал, что цивилизация в России появилась через отделение от эллинской цивилизации и приобщение к ее социальным ценностям путем подражания. Цивилизацию в России ученый, опираясь на специфику природной среды, относил к континентальному типу. Однако данная среда является пассивной и способна сыграть свою роль только лишь при наличии положительного фактора. В контексте российской цивилизации этим положительным фактором ученый выделял действие вызова (вызов природной среды и вызов человеческой среды) и ответа (динамика, направление и смысл движения цивилизации).

Немного о противостоянии России и Запада

Говоря о Российской цивилизации, невозможно не коснуться проблемы противостояния России и Запада, так как, по мнению многих ученых, данная проблематика занимает центральное место в контексте цивилизационных особенностей России.

Так, по мнению А. Дж. Тойнби, для России противостояние Западу это «самый удобный, ниспосланный свыше дар богов, который сам падает в руки Избранного народа». это то самое мировоззрение, позволяющее русскому народу... уберечь ее [Россию] от завоевания уже индустриализованным Западом»¹. Вместе с тем ученый отмечает, «на Западе бытует мнение, что Россия – агрессор, и если смотреть на нее нашими глазами [ученый имеет в виду западное население], то внешние признаки налицо». Здесь А. Дж. Тойнби приводит в качестве примеров присоединение к России в XVIII в. при разделе Польши львиной ее части и серьезное влияние на Польшу и Финляндию в XIX в. со стороны Российской империи. Однако ученый рассуждает дальше «...сторонний наблюдатель, если бы таковой существовал, сказал бы, что победы русских над шведами и поляками в XVIII в. – это лишь контрнаступление и что захват территории в ходе этих контрнаступлений менее

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Византийское наследие России. М. : Академический проект, 2022. С. 145.

характерен для отношений России с Западом, нежели потери с ее стороны до и после этих побед». Резюмируя, британский историк, социолог и философ пишет, «русские армии воевали на западных землях, однако они всегда приходили как союзники одной из западных стран в их бесконечных семейных ссорах».

Противостоянии России Западу А. Дж. Тойнби связывает с тем, что «почти тысячу лет русские принадлежали не к Западной цивилизации, но [а] к византийской – сестринскому обществу того же греко-римского происхождения, но тем не менее совершенно другой цивилизации. Российские члены византийской семьи всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние Западного мира и продолжают противиться по сей день. Чтобы обезопасить себя от завоевания и насильственной ассимиляции со стороны Запада, они постоянно заставляют себя овладевать достижениями западной технологии. Этот *tour de force* (рывок) был совершен по крайней мере дважды в русской истории: первый раз Петром Великим, второй – большевиками»¹. По мнению ученого, постоянный страх русских быть поглощенными западной цивилизацией ставит их перед дилеммой: идти по своему пути самостоятельно без оглядки на Запад, или, «чтобы спастись от опасности принудительной и полной вестернизации, они предпочитают перенимать у Запада кое-что выборочно, и здесь им приходится брать инициативу на себя, чтобы этот неприятный процесс прошел вовремя и держался в нужных рамках». Этот выбор приходится регулярно делать каждому поколению правителей России.

О противостоянии России и Запада в своем знаменитом труде «Россия и Европа» писал и наш отечественный геополитик Н. Я. Данилевский: «...Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды, как извлекает из Китая, Индии, Африки, большей части Америки и т.д., материалом, который можно бы сформировать и обдѣлывать по образу и подобию своему, как прежде было надеялась, как особенно надеялись немцы, которые, несмотря на препрославленный космополитизм, только от единой спасительной германской цивилизации чают спасения мира. Европа видит поэтому в Руси и в славянстве не чуждое только, но и враждебное начало»².

Немного шире на проблему противостояния России и Запада смотрит представитель серебряного века русской философии – В. С. Соловьев. Данное противостояние он понимает как конфликт между Востоком и Западом, который выражается в войнах между культурами, а это значит – между цивилизациями. Так, отмечал философ, «эта предстоящая вооруженная борьба между Европой и монгольской Азией будет, конечно, последнею, но тем более ужасною, действительно всемирною войною, и не безразлично для судеб человечества, какая сторона останется в ней победительницею»³. Далее, уже в XX в. о трагизме противостояния цивилизации американский политолог С. Хантингтон: «наиболее значимые конфликты глобальной политики будут разворачиваться между нациями и группами, принадлежащими к различным цивилизациям – столкновение цивилизаций станет доминирующим фактором мировой политики. Линии разлома между цивилизациями – это есть линии будущих фронтов»⁴.

По мнению советского и российского философа и политолога А. С. Панарина, Запад свое противостояние России сформулировал в идеологии неолиберализма, которая, как известно, отрицает существование сильного государства. По мнению ученого, такие сильные государства, как Россия мешают неолиберальной мировой элите, стремящейся к «золотому миллиарду», «прибрать к рукам» ресурсы более слабых, но богатых стран. В первую очередь, отстаивая свои взгляды, неолибералы обрушивают свою критику именно на русский народ, так как именно он «является одним из самых государственных, или «этатистских», в мире»⁵.

О западниках и славянофилах

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Византийское наследие России. М. : Академический проект, 2022. С. 141.

² Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 1991.

³ Соловьев В. С. Оправдание добра. Нравственная философия, М., 1996. С. 329.

⁴ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций // Политические исследования. 1994. № 1. С. 33.

⁵ Панарин А. С. Стратегическая нестабильность в XX веке. М., 2003. С. 205.

Развивая проблему славянофильства, невозможно обойтись без обращения к русской литературе, которая, как известно, является оплотом русской философской мысли и всего русского мировоззрения в целом. Конечно, в первую очередь здесь напрашивается вспомнить творчество великого русского писателя – Федора Михайловича Достоевского, труды которого пропитаны идеями русского мировоззрения. Так, писатель утверждал «я во многом убеждений чисто славянофильских, хотя, может быть, и не вполне славянофил. Славянофилы до сих пор понимаются различно. Для иных, даже и теперь, славянофильство, как в старину, например, для Белинского, означает лишь квас и редьку. Белинский действительно дальше не заходил в понимании славянофильства. Для других (и, заметим, для весьма многих, чуть не для большинства даже самих славянофилов) славянофильство означает стремление к освобождению и объединению всех славян под верховным началом России – началом, которое может быть даже и не строго политическим. И наконец, для третьих славянофильство, кроме этого объединения славян под началом России, означает и заключает в себе духовный союз всех верующих в то, что великая наша Россия, во главе объединенных славян, скажет всему миру, всему европейскому человечеству и цивилизации его свое новое, здоровое и еще неслыханное миром слово. Слово это будет сказано во благо и воистину уже в соединении всего человечества новым, братским, всемирным союзом, начала которого лежат в гении славян, а преимущественно в духе великого народа русского, столь долго страдавшего, столь много веков обреченного на молчание, но всегда заключавшего в себе великие силы для будущего разъяснения и разрешения многих горьких и самых роковых недоразумений западноевропейской цивилизации. Вот к этому-то отделу убежденных и верующих принадлежу и я»¹.

Нужно сказать, что взгляды Федора Михайловича скорее можно назвать евразийскими (о нем чуть ниже), чем славянофильскими. Так, в «Дневниках писателя» он отмечал, что «русскому ни за что нельзя обратиться в европейца, оставаясь хоть сколько-нибудь русским, а коли так, то и Россия, стало быть, есть нечто совсем самостоятельное и особенное, на Европу совсем не похожее и само по себе серьезное»². Великий русский писатель придерживался тезиса универсальности русской культуры и ее всечеловечности, что мало волновало славянофилов.

Безусловно, в контексте дискуссии западников и славянофилов не вспомнить про такое идейно-мировоззренческое движение, как *евразийство*, в центре которого стоит концепция России-Евразии как самобытной цивилизации, объединившей элементы Востока и Запада, самостоятельного географического и исторического мира, расположенного между Европой и Азией, но отличающегося от обеих в геополитическом и культурном аспектах³. Сама идея евразийства не нова и вобрала в себя принципы русского самосознания, сформировавшиеся еще в допетровские времена. Однако теоретические разработки евразийство получило в XIX–XX вв. Среди мыслителей разных времен, придерживающихся идеи евразийства, следует вспомнить М. В. Гоголя, Ф. И. Тютчева, А. А. Блока, М. В. Ломоносова, Н. М. Карамзина, Д. И. Менделеева, Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий, Л. Н. Гумилева и др. Так что такое идейно-мировоззренческое движение, как евразийство, поистине может назвать себя «не младше младших славянофилов, а старше старших»⁴. Евразийцы у славянофилов заимствовали идею соборности («идея единства во множестве»), которая представляет собой высший принцип существования личности, социальной группы, класса, государства и этноса⁵.

Некоторые ученые смотрят более широко на вопрос государственности, чем славянофилы. Так, философ К. Н. Леонтьев считал, что российская государственность должна быть не чем иным, как развитием своей собственной оригинальной славяно-азиатской цивилизации, а чисто славянское содержание русской идеи слишком бедно для всемирного духа России. Константин Николаевич считал Запад постоянной угрозой для России и призывал искать союзников на Востоке. Считал, что славянам

¹ Достоевский Ф. М. Дневник писателя 1877. Признания славянофила.

² Указ. соч.

³ Соболев А. В., Смирнов Д. В. Евразийство // Православная энциклопедия. М., 2008. Т. XVII: «Евангелическая церковь чешских братьев – Египет». С. 198–209.

⁴ Хоружий С. Русь – новая Александрия: страница из предистории евразийских идей // Начала. 1992. № 4 96). С. 17.

⁵ Шитихин П. Т. Взгляды евразийцев Л. Н. Гумилева на особенности цивилизационного развития России. Труды Нижегородской духовной епархии. 2009. С. 135–148.

нужно активнее сливаться с азиатскими народами, и для это создал концепцию славяно-азиатской цивилизации. В соответствии с данной концепцией Россия, будучи правопреемницей Византии, идеологически должна продолжить и ее историко-географическую судьбу. По мнению К. Е. Леонтьева, Россия не является чисто славянской страной: «азиатские, подвластные Короне русской провинции обширны, многозначительны по местоположению и весьма характерны по идеям своим, и при каждом политическом движении своем Россия должна неизбежно брать в расчет настроение и выгоды этих драгоценных своих окраин»¹.

Идея Азии наиболее ярко была отражена в творчестве русского философа П. Н. Савицкого, который утверждал: «без «татарщины» не было бы России»². По мнению ученого, именно с подачи монголов в Россию пришли жесткая государственность, единоначалие, служение подданных высшей идее, жертвенность и веротерпимость вошли в самосознание русского народа. Евразийцы называли Россию срединной цивилизацией: «громкая система равнин, именуемая российско-евразийским миром, как бы самой природой созданный колоссальный ассимиляционный котел. Тогда как в Европе и Азии временами можно было жить только интересами своей колокольни»³. А Н. С. Трубецкой добавляет: «судьбы евразийских народов переплелись друг с другом, прочно связались в один громадный клубок, который уже нельзя распутать, так что отторжение одного народа из этого единства может быть произведено только путем искусственного насилия над природой и должно привести к страданиям»⁴.

Основой российского мирозерцания евразийцы считали Православие, которое, на их взгляд, определяет символическое всеединство соборных личностей, выражающих и осуществляющих сверхиндивидуальное создание. Историческая задача русского народа представляется евразийцам в том, чтобы, раскрывая себя в своей Церкви, он помог создать возможность для самораскрытия в Православии других народов⁵.

Евразийцы не считали революции 1917 г. концом русской истории, для них это неизбежное следствие процесса европеизации России, которое в свое время начал Петр I. Евразийская позиция – это «третий путь» – не большевизма, не царизма, а некая «консервативная революция»⁶. Особенно идеи евразийства были распространены в период белой эмиграции (П. Н. Савицкий, Н. С. Трубецкой, Г. В. Фроловский, Г. В. Вернадский, Н. Н. Алексеев, Л. П. Красавин, Д. П. Святополк-Мирский и др.). Среди наших современников идеологию евразийства (неоевразийства, родоначальником которого является Л. Н. Гумилев) продолжает развивать знаменитый философ и идеолог А. Г. Дугин.

Среди активных критиков евразийства можно назвать Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, П. М. Милюкова, Ф. А. Степуна, Г. П. Федорова. Например, знаменитый правовед и философ И. А. Ильин отрицательно относился к эмигрантскому евразийству и считал его синтезом большевизма и антибольшевизма. Однако пытался всячески вступать в диалог с евразийцами и разделал с ними идею строительства нового государства (а не восстановления старого), не похожего ни на Российскую империю, ни на Советский Союз. Иван Александрович проповедовал строительство новой грядущей и единой России⁷, и его вера в свою идею была настолько крепка, что он даже подготовил проект Основного Закона Российской империи⁸. Считал, что русская интеллигенция в эмиграции должна прекратить заниматься пустословием и публичным поношением своей Родины, необходимо

¹ Шитихин П. Т. Взгляды евразийцев Л. Н. Гумилева на особенности цивилизационного развития России. Труды Нижегородской духовной епархии. 2009. С. 135–148; Леонтьев К. Н. Письма о восточных делах // Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 355.

² Савицкий П. Н. Степь и оседлость // Мир России – Евразия: Антология. М.: Высшая школа, 1995. С. 59.

³ Савицкий П. Н. Географические и геополитические основы евразийства // Евразия. Исторические взгляды русских эмигрантов. Указ. Изд. С. 117.

⁴ Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык, Указ. Изд. С. 331.

⁵ Шитихин П. Т. Взгляды евразийцев Л. Н. Гумилева на особенности цивилизационного развития России. Труды Нижегородской духовной епархии. 2009. С. 135–148.

⁶ Дугин А. Евразийский триумф // Савицкий П. Континент Евразия. Указ. Изд. С. 437.

⁷ Ильин И. А. О воспитании в грядущей России // О русском национализме: сборник статей. Симферополь. 2016. С. 165–186.

⁸ Проект Основного Закона Российской Империи (черновая схема, рукопись) // URL: https://www.culture.ru/catalog/archiv_ilina/ru/item/book/i-a-ilin-proekt-osnovnogo-zakona-rossiyskoy-imperii (дата обращения: 07.03.2023).

сосредоточиться на ее будущем и детально выстраивать идеологическую и юридическую основу для ее возрождения с учетом допущенных ранее ошибок¹.

Сегодня, когда Россия стоит на пороге грядущих перемен идеи Ивана Александровича Ильина, звучат по-особенному актуально. Нас ждет национальный выбор: интегрироваться в европейскую массу, забыв и оставив свою национальную, духовную и историческую идентичность, либо вернуться к самим себе, оттолкнуться от всех внешних сомнений, попрощаться с малодушием и найти моральные силы для строительства нового российского государства. Не восстановления тех государств, которые мы уже давно потеряли (например, такие мощнейшие державы, как Российскую империю и СССР), а именно строительства новой единой России с учетом прошлых горьких ошибок.

Президент РФ Владимир Владимирович Путин практически в каждой из своих речей делает акцент именно на идее единства российского: «...наше единство – основа достижения любых самых высоких целей²...», «...сила России в единстве и дружбе народов...»³, «...мы идем только вперед благодаря преданности Родине, воле и нашему единству...»⁴, «...[стена между Россией и Украиной]...результат работы тех сил, которые всегда стремились с подрыву нашего единства...»⁵, «...и это не фигура речи, мы все об этом хорошо знаем: когда народ России сплочен, един, нам нет равных. И это главнейшее условие всех наших достижений и всех наших побед»⁶ и т.д.

Возможно, когда-то словосочетание «единство российского государства» для кого-то звучало, как отметил наш национальный лидер, «фигурой речи», но на данный момент стало уже предельно ясно: дальнейший путь нашей страны будет связан с постепенным выстраиванием новой России именно на основе идеи единства российского государства. А уже какое мировоззренческое течение из рассматриваемых в этом параграфе нужно взять за основу строительства единой и грядущей России, а возможно, это вообще будет микс лучших идей всех отечественных мировоззренческих течений – этот выбор оставим молодому поколению. Россия прошла серьезный исторический путь и на своем личном опыте испробовала множество самых разных по своему содержанию идей, что позволяет современным молодым людям уподобиться пчелам: «гулять» по страницам отечественной истории и собирать лучший «мед» в виде эффективных идей для лучшей страны.

¹ Козырева А. Б. Идея единства российского государства в трудах Ивана Александровича Ильина: философско-правовой аспект (памяти 100-летию «Философского парохода») // Вестник МГУА. 2023. № 4. С. 111–121.

² Новогоднее обращение к гражданам России // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/67514> (дата обращения: 07.03.2023).

³ Путин: Сила России – в единстве и дружбе народов <https://rg.ru/2022/09/20/putin-sila-rossii-v-edinstve-i-druzhbe-narodov.html?ysclid=leyqvaxvo401537468> (дата обращения: 07.03.2023).

⁴ Послание Президента России Федеральному Собранию от 21.02.2022 // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/statements/70565> (дата обращения: 07.03.2023).

⁵ Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 07.03.2023).

⁶ Владимир Путин назвал единство народа главнейшим условием побед России <https://rg.ru/2023/02/26/putin-nazval-edinstvo-naroda-glavnejshim-usloviem-pobed-rossii.html?ysclid=leyti6ifba928888084> (дата обращения: 07.03.2023).

ПРОСТРАНСТВО И ГРАНИЦЫ СУВЕРЕНИТЕТА В ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

ЭРА ЧЕЛОВЕКА И МАШИНЫ: ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫХ ПЕРЕМЕН

ИСТОРИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ: ПРАВО В ИСТОРИИ И ИСТОРИЯ ПРАВА

Байгарина А. Е.

доцент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук

Этатизм и суверенитет: историко-правовой аспект формирования государственной власти

Сложная взаимосвязь между этатизмом – верой в неотъемлемую роль и авторитет государства – и суверенитетом – самостоятельностью государств в управлении своими внутренними делами – является одной из самых распространенных проблем на протяжении всей истории человечества.

Представление о том, что государство обладает естественным и законным правом на управление, возникло по мере того, как общество стремилось к организации и стабильности. Корни этатизма уходят в древние цивилизации, где правители и органы управления брали на себя власть над своими подданными. Древний Египет, Месопотамия, Древний Китай стали примерами ранних форм централизованной власти, заложив основу для развития этатизма.

Изначально суверенитет отождествлялся с единством власти, неограниченной позитивным законом. Это означало, что власть сосредоточена у государя, являющегося сувереном. Суверен-монарх не связан законами, которые он принимает.

Государство в древневосточных обществах, являющееся высшим сувереном, являлось одновременно верховным собственником земли. В этом можно проследить начала неограниченной власти над бесправными подданными, обрабатывающими землю. На Востоке этатизм выступал альтернативой частной собственности. Этатистская деспотия на Востоке характеризовалась властно-владельческими элементами управления, конвертирующими данную форму власти на материальные ценности, благосостояние.

В древневосточных деспотиях существовала наследственная передача власти, а вместе с властью наследовался доступ к земельной и иной собственности. По наследству передавались должности, статусы, полномочия и привилегии. Организация существования в восточных цивилизациях непосредственно происходила от власти, собственности, социальной иерархии. Включение в структуру государственной иерархии на Востоке обеспечивало правящим слоям доминирование в экономике. Статус, место в иерархии власти на Востоке являлось гарантией автономии от произвола.

Европейское средневековое феодальное общество характеризовалось децентрализованной системой управления. Однако элементы этатизма сохранялись, поскольку монархи стремились к консолидации власти. Борьба между монархами и феодалами ознаменовала собой поворотный период в эволюции государственной власти. Magna Carta 1215 г., хотя и касалась в первую очередь прав феодалов, заложила основу для идеи, что даже на правителей распространяются определенные правовые ограничения¹. В период Средневековья в связи с усилением соперничества двух властей – церковной и светской – идея суверенитета была сформулирована как средство противостояния государственной власти притязаниям папства на власть. Попытки государственной власти противостоять папским притязаниям достигли апогея в «споре об инвеституре» между папой

¹ Великая хартия вольностей 1215 г. // Хрестоматия по всеобщей истории государства и права / под ред. Батыра К. И. и Поликарповой Е. В. М. : Юрист, 2000. Т. 1. С. 370.

Григорием VII и императором Генрихом IV¹. Размежевание церкви и государства трансформировало эти субъекты политической жизни в самостоятельные институты.

Идеи и конструкции этатизма были в центре внимания мыслителей позднего Средневековья и Нового времени. В XVII в. в Германии была разработана идеология этатизма Х. Вольфом. В целях совершенствования человека государство может вмешиваться во все сферы жизни, включая частную сферу. Государство должно бороться с праздностью и расточительством, следить за тем, чтобы молодые люди рано вступали в брак, имели много детей, чтобы больше привлекать в страну умных и образованных иностранцев и не выпускать из страны квалифицированных работников². Государство ведает системой образования, выступает в качестве организатора всей экономики – от управления производством до распределения людей по сферам приложения труда.

Эпоха Возрождения стала свидетелем возрождения интереса к классической политической мысли. Такие мыслители, как Макиавелли, размышляли о природе политической власти в условиях перехода от феодализма к ранним формам современной государственности. Вестфальский договор 1648 г. часто упоминается как знаковое событие, закрепившее принцип государственного суверенитета, признающее право государств управлять своими внутренними делами без вмешательства извне. Эпоха Просвещения конкретизировала концепцию этатизма, сделав упор на разум, права личности и общественный договор. Такие мыслители, как Т. Гоббс, Дж. Локк и Ж.-Ж. Руссо, исследовали отношения между государством и его гражданами. Идея о том, что граждане добровольно отказываются от определенных свобод в обмен на защиту и управление, стала краеугольным камнем современной политико-правовой мысли. В силу признания договорного характера формирования государства Ж.-Ж. Руссо мыслит равное участие всех членов общества в принятии законов, защиты целостности общества, сохранения и поддержания порядка в обществе. Именно в этом смысле Ж.-Ж. Руссо рассуждает о неделимом и неотчуждаемом народном суверенитете³.

Под влиянием гуманистических и демократических идей содержание и значение понятия «суверенитет» изменилось. С утверждением республиканского строя, разделения властей, федерализма суверенитет уже не понимается как суверенитет только отдельного органа государства, не идентифицируется с централизованным, унитарным государством.

В процессе перехода государств к конституционализму создание письменных конституций становилось важнейшим шагом в определении границ государственной власти. Конституция Соединенных Штатов, принятая в 1787 г., является примером такого изменения, определяя полномочия и обязанности каждой ветви власти. Понятие «правительство законов, а не людей» отражает стремление обуздать потенциальные злоупотребления государственной власти. Эволюция политической практики свидетельствует, что принцип суверенитета ограничивается неотчуждаемыми правами и свободами человека. Для власти исключается возможность главенствовать над законом.

В эпоху технологического прогресса набирает силу глобализация, которая наступает на суверенитет государства. Противоречивость современной действительности такова, что с умалением значимости государства одновременно прослеживается тенденция заинтересованности в государстве. Процессы, происходящие в современном мире, касаются судьбы национального государства и национально-государственного суверенитета, а также неотъемлемых членов этого сообщества – граждан⁴. Исследователи констатируют появление позитивного этатизма нового типа, появление которого связывается с эпохой реализации «социального государства». Французский политический философ П. Бурдьё называет этот феномен «государством в головах» – удержанием в коллективном сознании требований государственной активности, в частности, сохранения защитной патерналистской

¹ История государства и права зарубежных стран : учебник / под ред. Исаева И. А., Филипповой Т. П. Проспект. 2012. С. 174.

² Сухов А. Н., Трыканова С. А. Выборы: теория и практика : учеб. пособие / под ред. А. Н. Сухова. Воронеж : Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. С. 15.

³ Морозов А. А. Прикладные аспекты философского знания : учеб. пособие / А. А. Морозов; Министерство внутренних дел Российской Федерации, Омская академия. Омск : ОМА МВД России, 2019. С. 29.

⁴ Никитина А. Г. Эволюция этатизма и государство в период глобализации / Транснациональные процессы: XXI век : монография / под общ. ред. Г. Ю. Семигина. М. : Современ. экономика и право, 2004. С. 299.

функции государства по отношению к своему народу¹. В современном мире концепция этатизма сталкивается с вызовами, поскольку общество решает проблемы защиты прав личности, глобализации и технологического прогресса. Дискуссии по вопросам баланса между государственной властью и свободами личности продолжают формировать политический дискурс. Появление современных технологий привносит новое измерение в рассуждения о суверенитете. Такие вопросы, как киберсуверенитет, конфиденциальность данных и регулирование развивающихся технологий бросают вызов традиционным представлениям о государственной власти. Современная цифровая трансформация политической организации общества усложняет властно-управленческую деятельность государства в условиях монополизации публичных и частных сервисов, традиционно реализуемых государством². Государства пытаются определить свою юрисдикцию в цифровой сфере, что подчеркивает необходимость международного сотрудничества и правовых рамок.

Этатизм и суверенитет сыграли неотъемлемую роль в формировании исторических и правовых основ государственной власти. От древних цивилизаций до современных конституционных демократий эволюция этих понятий отражает постоянное стремление к эффективному управлению. Понимание этого исторического континуума необходимо для того, чтобы ориентироваться в сложных отношениях между государством и его гражданами в настоящем и будущем.

Беляев М. П.

доцент кафедры юриспруденции
Российского университета кооперации,
кандидат исторических наук, доцент

Обладали ли имперские чины в Священной Римской империи суверенитетом?

Ранее общепризнанной была точка зрения, что Вестфальский мир предоставил имперским чинам фактически полный суверенитет. Этот мир заложил основы современного международного права и системы международных отношений независимых и равноправных национальных государств. Такие представления об итогах Вестфальского мира в настоящее время подвергаются критике³.

Например, по мнению канадского ученого С. Болака, главными вопросами Вестфальских мирных договоров были проблемы вероисповедания и территориальных приращений, а не создания суверенных государств, независимых от Империи, которая оставалась главным субъектом государственного и международного права. Религиозные споры между католиками и протестантами рассматривались такими имперскими учреждениями, как рейхстаг и суды⁴.

Американский историк Д. Крокстон считает, что хотя сословиям были предоставлены новые права, включая право заключать союзы с иностранными государствами и «территориальное право» в пределах своих владений, они демонстрируют пределы их суверенитета, а не его триумф. Во-первых, сословия заключали договоры с иностранными государствами задолго до Вестфальского мира. Имперский суверенитет был, по сути, более серьезно ущемлен Пассауским миром 1552 г., когда император предоставил дворянам право служить в качестве наемников даже в армиях своих врагов, тогда как Вестфальский мир запретил заключать союзы, направленные против Империи. Во-вторых, «*ius territoriale*», не понималось как суверенитет. Французские и немецкие ученые-юристы проводили различие между территориальной властью правителя и абсолютным суверенитетом Империи в целом. После 1648 г. сословия признавали императора своим сюзереном, посылали представителей на рейхстаг, платили общие налоги и даже собирали объединенную армию. Империя оставалась

¹ Спиридонова В. И. Эволюция идеи государства в западной и российской социально-философской мысли. М., 2008. С. 5.

² Доверие к государственным институтам в цифровую эпоху: модели и типология рисков : монография / под общ. ред. Мамычева А. Ю. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Владивостокский государственный университет. Владивосток : Изд-во ВВГУ, 2023. С. 18.

³ Иволина Л. И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. № 1. С. 97–98.

⁴ Болак С. Проявление силы Вестфальского мифа в международном праве // *Известия высших учебных заведений. Правоведение*. 2011. № 5. С. 149.

коллективным суверенным образованием. Поэтому, полагает Д. Крокстон, Вестфальский мир не может считаться основой суверенитета на основании предоставления его отдельным имперским чинам, поскольку они его не получили¹.

Исходя из анализа Вестфальских договоров, термин «государственный суверенитет» там не упоминается. Имперские чины получали согласно договорам территориальную власть (*ius territoriale*), которая в более позднее время интерпретировалась как территориальный суверенитет². Немецкие князья, обладающие этим правом, решали вопросы войны и мира, осуществляли правосудие на своей территории, создавали собственные органы исполнительной власти (включая полицейский аппарат), армию, систему финансов и налогообложения и законодательство³.

Еще Золотая булла 1356 г. предоставила курфюрстам судебный иммунитет, запретив их подданным обращаться с апелляциями в имперские суды (*privilegium non appellando*). Многим территориальным князьям также удалось добиться этой привилегии. На уровне отдельных княжеств сформировалась собственная независимая судебная система⁴.

Вестфальский мир стал лишь одним из этапов, протекающего в XV–XVIII вв. в Империи процесса территориализации – построения территориального государства Нового времени, который характеризовался укреплением территориального единства, концентрацией всех видов власти в руках территориального правителя и укреплением абсолютизма⁵.

По мнению Д. Крокстона и ряда других авторов, закрепление в Вестфальских мирных договорах веротерпимости, т.е. поддержка прав личности, ограничила суверенитет немецких князей⁶. С этим нельзя согласиться. Установление принципа веротерпимости позволило в значительной мере прекратить преследования населения по религиозному признаку, обеспечить взаимное и равное признание государств, относящихся к разным конфессиям. Участники Вестфальских соглашений искренне желали утвердить мир через уважение религиозных убеждений⁷. Однако на практике оказалось несколько по-другому. Если в Пруссии, государстве просвещенного абсолютизма и милитаризма, свобода вероисповеданий провозглашалась на официальном уровне, то в Австрии государство приходит к неограниченной власти над церковью («конфессиональный абсолютизм»)⁸. Поэтому говорить, что религиозный фактор как-то ограничил суверенитет, нет никаких оснований.

Вестфальские мирные договоры показывают огромную разницу в правовом и политическом статусе своих участников. Рядом с монархами стоят республики, рядом с суверенными державами – полусуверенные государственные образования и несuverенные члены более крупных политических единиц. Помимо унитарных государств, существовали композитарные с собственными правами для своих членов, наряду с великими державами присутствовали малые страны, а рядом с католическими государствами находились протестантские и православные. Международное право раннего Нового времени берет эти различия за отправную точку и прежде всего приписывает международную правоспособность и правосубъектность в равной степени всем этим государственным образованиям, поскольку они имеют соответствующий правовой статус. Решающим является не общий статус такого образования, а фундаментальная юридическая способность вести войну, заключать мир и другие

¹ Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. № 3. P. 573–574.

² Сафонов В. Е. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 115.

³ Комлева Ю. Е. Государственное устройство Германии в Новое время : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2007. С. 46.

⁴ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / ответ. ред. Т. П. Гусарова. М. : КДУ, 2011. С. 182.

⁵ Комлева Ю. Е. Государственное устройство Германии в Новое время : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2007. С. 46.

⁶ Croxton D. The Peace of Westphalia of 1648 and the Origins of Sovereignty // The International History Review. 1999. № 3. P. 575.

⁷ Борщ И. В. Вестфальский мир и религия в контексте эволюции публичного права в Европе // Современная Европа. 2023. № 1. С. 181.

⁸ Комлева Ю. Е. Государственное устройство Германии в Новое время : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2007. С. 48.

договоры, осуществлять дипломатические сношения. Суверенитет в смысле полной независимости и самостоятельности внутри страны и на международной арене еще не имеет решающего значения. Достаточно ограниченной правоспособности, чтобы действовать во внешних делах. Особенно это касалось имперских чинов¹.

По Вестфальскому миру за ними было закреплено право заключать союзы с иностранными государствами. Такие договоры не должны были быть направлены против императора, имперского мира и нарушать положения Вестфальских мирных договоров. Признание за имперскими чинами этого права открыло им возможность участвовать в международных отношениях и европейских делах. Ранее, Пражским миром 1635 г. был установлен запрет соглашений с иностранными державами².

В 1648 г. суверенитет не был предпосылкой для международной правоспособности и членства в европейской системе государств, равно как и для равенства в отношении статуса. Некоторые имперские чины попытались получить суверенитет за пределами Империи, чтобы иметь возможность действительно участвовать в европейской политике на равных³.

Наряду с территориализацией в Европе шел процесс монархизации, то есть стремление к суверенитету средних и малых государств. В результате ряд территориальных правителей Германии превратились в королей, а также повысился их статус в европейской системе государств⁴. Титулы королей во второй половине XVII–XVIII вв. получили курфюрсты Пфальца, Саксонии, Бранденбурга и Ганновера. Королевский титул стал существенной частью могущества бранденбургских курфюрстов из династии Гогенцоллернов и позволил им добиться наибольшего политического успеха⁵. На территории их владений (Бранденбург, герцогства Пруссия и Клеве-Марк), часть из которых входили в Империю, образовалось королевство Пруссия.

Несостоятелен тезис о том, что Империя обладала полным суверенитетом. Например, С. Болак указывает, что по Вестфальскому миру рейхстаг обладал всей властью в Империи: издавал законы, объявлял войну, устанавливал налоги, осуществлял высшую юрисдикцию на ее территории⁶.

Если до 1653 г. по окончании работы каждого рейхстага принимались постановления, получавшие с санкции императора силу имперского закона, то после того, как рейхстаг стал постоянно действующим органом, по согласованию между сословным комитетом и короной принимались имперские резолюции. Вестфальский мир зафиксировал и новый механизм решения религиозных вопросов. Они принимались не большинством голосов, а «полюбовным соглашением» католической и протестантской частями рейхстага. Такой механизм исключал острую конфронтацию, но предусматривал трудный переговорный процесс⁷. Следовательно, работа рейхстага полностью зависела от имперских чинов.

Процесс интернационализации усилил влияние иностранных держав на формирование внутривосточного курса Империи, которая являлась эпицентром европейских интересов. Имперские князья, обладавшие правом проводить самостоятельную внешнюю политику, часто вступали в союзы с иностранными державами, вследствие чего попадали под их влияние. Франция и Швеция, являвшиеся гарантами Вестфальского мира, получили право от имени различных имперских институтов и территорий вмешиваться в дела Империи, ограничивая тем самым ее власть. В результате

¹ Steiger H. Der Westfälische Frieden – Grundgesetz für Europa? // Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / H. Duchhardt (Hrsg.). München: R. Oldenbourg, 1998. S. 67–68.

² Сафонов В. Е. Вестфальский трактат 1648 года и его влияние на формирование принципов международного права // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 2. С. 115.

³ Steiger H. Der Westfälische Frieden – Grundgesetz für Europa? // Der Westfälische Friede. Diplomatie – politische Zäsur – kulturelles Umfeld – Rezeptionsgeschichte / H. Duchhardt (Hrsg.). München: R. Oldenbourg, 1998. S. 68–69.

⁴ Иволина Л. И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. 2019. № 1. С. 105.

⁵ Комлева Ю. Е. Государственное устройство Германии в Новое время : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал ун-та, 2007. С. 51–52.

⁶ Болак С. Проявление силы Вестфальского мифа в международном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 5. С. 149.

⁷ Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / ответ. ред. Т. П. Гусарова. М. : КДУ, 2011. С. 178–179.

собственные имперские институты становятся всё более неспособными стабилизировать внутривнутриполитическое положение¹.

Во второй половине XVII–XVIII вв. самостоятельность имперских чинов значительно расширилась. Король Пруссии, обладая сильной армией, проводил независимую внешнюю политику. Он прекратил свое участие во внутриимперских мероприятиях и не допускал исполнения на своей территории решений имперского суда. Ему удалось избавиться от ограничения своего суверенитета. Те же процессы шли и в других крупных княжествах². Такое ограничение, как запрет международных договоров, направленных против Империи и императора, в XVIII в. отпало. Баварский и ганноверский курфюрсты в войне за Испанское наследство, а Пруссия в Семилетней войне выступали в качестве противников императора. В течение XVIII в. изменился статус Вестфальских договоров. Они стали частью общего правового и мирного порядка в Европе, но вместе с тем утратили конкретный характер.

Таким образом, Пруссия и другие крупные имперские чины (Ганновер, Бавария, Саксония и др.) превратились в самостоятельных акторов европейской политики, обладавшими всеми атрибутами суверенитета. Первым шагом на этом пути и стали Вестфальские мирные договоры, закрепившие за имперскими чинами территориальное право (*ius territoriale*).

Бухтоярова О. А.

старший преподаватель
кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного
национального исследовательского университета

Право на труд в системе публичной власти

Всеобщая декларация прав человека³ и Конституция Российской Федерации года провозгласили право каждого на труд, на свободный выбор рода деятельности и профессию⁴, на равный доступ к государственной службе⁵.

Эти права и свободы человека и гражданина разнесены по статьям текстов указанных документов и возникает вопрос, государственная служба — это трудовая деятельность граждан как частное право или публичное право в контексте правоотношений, возникающих между органами публичной власти и неопределенным кругом лиц?

О разрешении этой дилеммы, имеющей статус научной теоретической дискуссии, высказано разное количество противоположных мнений, добавим еще одно с позиции права каждого на труд.

Прежде всего стоит обратить внимание, что главным ориентиром прошлого и современного официального законодательства, а также правоприменения служебный спор между государственным (муниципальным) служащим и представителем нанимателя признается трудовым спором, подпадающим под правовое регулирование Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Трудового кодекса Российской Федерации, например, иск о восстановлении на работе или на государственной (муниципальной) службе и выплате вынужденного прогула (где вынужденный прогул засчитывается в стаж службы (выслугу лет)) в соответствии со ст. 45 ГПК РФ рассматривается в суде с обязательным участием прокурора, включая его заключение в судебных прениях перед вынесением решения суда.

¹ Комлева Ю. Е. Государственное устройство Германии в Новое время : учеб. пособие. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007. С. 50–51.

² Ивонина Л. И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. № 1. С. 98–99.

³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генер. Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). Ст. 21. Ст. 23.

⁴ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). Ст. 37.

⁵ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.). Ст. 32.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, созданный в 2015 г. на базе подраздела III «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений» ГПК РФ, также не включает в свой предмет правового регулирования споры, возникающие из служебного подчинения лиц, состоящих на государственной или муниципальной службе, что вполне обоснованно и закономерно¹.

По вопросу разделения частного и публичного Н. Н. Аверьянова считает, что «с формально-юридической позиции «личным» являются определенные социальные блага, явления, в том числе неимущественного характера. Ими являются имущество, собственность, семья, труд, личное развитие, иные потребности и интересы конкретного человека. С точки зрения конституционной аксиологии категория «общее» в конституционном праве непосредственно связана с правом народов»².

Нам всем доступно формально-юридическое понимание деления права на «публичное (общее)» и «частное», но взаимопроникновение одного в другое сделало для нас это разделение тем горизонтом, который мы все видим, но «добежать» до него никак не можем.

Государственная служба в Российской Федерации на современном этапе начала свою реформу с закона 1995 г. об основах государственной службы, в котором в ст. 4 оговаривалось, что на государственных служащих распространяется действие законодательства о труде с особенностями, предусмотренными настоящим законом³, а ч. 6 ст. 21 прямо предусматривала заключение трудового договора при поступлении на государственную службу.

Далее в рамках реформы и закона о государственной гражданской службе 2004 г. трудовую деятельность государственных служащих переименовали в государственную службу по контракту и новый термин «служебный контракт»⁴, не имея обозначенной законодательной правопреемственности после трудового договора, сдвинул маятник научных рассуждений в противоположное движение и вот мы уже рассуждаем о публичных правоотношениях внутри государственной службы, отрицая трудовые правоотношения с их служебным подчинением, единоначалием и дисциплинарной ответственностью. Этому способствует и двусмысленность предмета образовательной дисциплины «административное право», объединившей в себе не только внешние публичные правоотношения органов публичной власти, но и их внутриорганизационные отношения⁵.

Появилось законодательное противостояние между трудовым договором работников прокуратуры, контрактом в полиции, служебным контрактом государственной гражданской службы, трудовым договором муниципальной службы. Появилось различие между терминами, понятиями трудового права и новой системой государственной службы. Теперь мы вынуждены специальными законами уравнивать такие понятия, как служба и работа, стаж службы и выслуга лет. Приняли положение о том, что «в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел засчитываются периоды службы (работы), которые были ранее включены (подлежали включению) в стаж службы (выслугу лет) в органах внутренних дел»⁶.

Однако «красной нитью» в современном законодательстве прослеживается признание трудовых правоотношений на государственной (муниципальной) службе. Так, во всех специальных законах о государственной (муниципальной) службе установлено общее правило о том, что «все то, что не урегулировано специальным законом о виде государственной (муниципальной) службы, регулируется трудовым законодательством», что, в свою очередь, корреспондирует к ст. 11 ТК РФ 2001 г. о распространении трудового законодательства на государственных и муниципальных служащих с

¹ О. А. Бухтоярова. Утраченное производство по делам об административных правонарушениях в суде // *Ex iure*. 2024. № 1. С. 39.

² Н. Н. Аверьянова Категории «общее» и «личное» в конституционном праве России // *Актуальные проблемы российского права*. 2021. № 7. С. 45–46.

³ «Об основах государственной службы Российской Федерации»: Федер. закон от 31.07.1995 № 119-ФЗ (ред. от 27.05.2003): принят Гос. Думой 5 июля 1995 г. Ст. 4. Ст. 21 // *СЗ РФ*. 1995. № 31. Ст. 2990.

⁴ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: Ст. 23 // *Российская газета*, № 162, 31.07.2004.

⁵ *Административное право: краткий курс. За три дня до экзамена* Изд. 3-е. Ростов н/Д : Феникс, 2016. С. 6.

⁶ Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 04.08.2023, с изм. от 12.10.2023) «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» Ст. 96 // *СЗ РФ*. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

особенностями, предусмотренными специальными законами и иными нормативными актами в этой сфере. Например, это правило указано в законах: о прокуратуре¹, о государственной гражданской службе²; о муниципальной службе³, о статусе военнослужащих⁴, о полиции⁵, о следственном комитете⁶.

В законе о статусе судей существует также много начал и смыслов трудового права: а именно, присвоение квалификационных классов; правила внутреннего трудового распорядка; ежемесячное денежное вознаграждение, состоящее из оклада, доплаты за выслугу лет и районный коэффициент; премии; ежегодный оплачиваемый отпуск; дисциплинарные взыскания и наконец статья 22, введенная в закон о статусе судей в 2001 г., о том, что законодательство о труде распространяется на судей в части, не урегулированной настоящим законом⁷, что, в свою очередь, положило конец спорам о том, может ли судья женщина уйти в длительный отпуск при рождении ребенка.

Надо особо оговорить, что договор, должностные обязанности, заработная плата, внутренний трудовой распорядок как локальный правовой акт, поощрение за труд и дисциплинарная ответственность – это обязательные условия трудовых правоотношений, которые являются основой для их отграничения от сходных правоотношений гражданского права, например, договора подряда; гражданско-правового договора на выполнение работ; предоставления услуг.

Законодательство о государственной службе основано на синонимах трудового законодательства и соответственно служебные правоотношения новой природы обрести не могут, например, ст. 56 ТК РФ и ст. 23 Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», где служебный контракт, как и трудовой договор – это договоренность, основанная на взаимном согласии, в соответствии с которой работодатель (наниматель) предоставляет работнику (государственному служащему) работу (государственную службу), обеспечивает условия труда (службы) и выплачивает заработную плату (денежное содержание), а работник (государственный служащий) обязуется лично выполнять трудовую функцию (должностные обязанности) под управлением и контролем работодателя (нанимателя), соблюдать правила внутреннего трудового распорядка (служебный распорядок государственного органа). К тому же, в соответствии со словарем синонимов русского языка слова «договор» и «контракт» являются синонимами, объединенные одним понятием – согласие о взаимных обязательствах⁸.

Надо признать, что государственная служба появилась из трудовой деятельности, следовательно служебный контракт соотносится с трудовым договором как вид и род, где служебный контракт – это вид трудового договора. Стало быть, служебный контракт, заключаемый представителем нанимателя – органа публичной власти с гражданином, поступающим на государственную (муниципальную) службу – это строгий вид трудового договора, со своими особыми обязанностями, запретами, ограничениями и цензами. А дисциплинарная ответственность государственных (муниципальных) служащих – это строгий вид трудовой дисциплинарной ответственности, основанный на специальном законодательстве о виде государственной (муниципальной) службы. Представляется возможным в нормативных правовых актах о государственной и муниципальной службе указывать термины:

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1(ред. от 25.12.2023) «О прокуратуре Российской Федерации» Ст. 40 // Российская газета, № 229, 25.11.1995.

² Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 14.02.2024) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» Ст. 73 // Российская газета, № 162, 31.07.2004.

³ Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О муниципальной службе в Российской Федерации», Ст. 16 // Российская газета, № 47, 07.03.2007.

⁴ Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О статусе военнослужащих» (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.12.2023) Ст. 10 // Российская газета, № 104, 02.06.1998.

⁵ Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024) Ст. 34 // Российская газета № 28, 10.02.2011.

⁶ Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О Следственном комитете Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) Ст. 15 // Российская газета, № 296, 30.12.2010.

⁷ Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 10.07.2023, с изм. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» Ст. 22 // Российская газета, № 170, 29.07.1992.

⁸ Словарь синонимов русского языка : словарь антонимов русского языка. Изд. 3-е., испр. и доп. СПб. : Виктория плюс. С. 99.

«контракт» и «договор», в виде словосочетания – договор (контракт) по аналогии с устоявшимся словосочетанием закона о государственном контроле (надзоре)¹.

Мы должны защищать термины в науке, как эталон измерения, понятия терминов в юриспруденции должны формироваться с позиции междисциплинарности, они должны согласовываться с иными терминами других дисциплин и отраслей права в их совокупности как теория доказательств. Мы не можем выхватить один термин «публичность» и толковать его в отрыве от социальных, гражданских, трудовых правоотношений, иначе появляются софизмы по принципу «каждый, кто вступил в правоотношения с органами публичной власти, вступил в публичные правоотношения» или «каждый, кто заключил договор с органами публичной власти, заключил публичный (административный) договор». Такого рода дословные ошибочные умозаключения формально кажутся правильными, но являются ложными по существу. Появляется миф про царя Мидаса и золотое прикосновение, где всё, к чему «прикоснулись» органы публичной власти становится публичным.

В таком случае придется отрицать принципы разграничения отраслей права и, в частности, разграничение административного и гражданского права, а именно ст. 124 ГК РФ, в которой заложено право органов публичной власти вступать в гражданские правоотношения на равных с иными участниками гражданского оборота; разграничение трудового и административного права, а именно, понятие должностного лица органа публичной власти в административном праве как лица «постоянно временно или в соответствии со специальным полномочиями осуществляющего функции представителя власти, то есть наделенное в установленном законом порядке распорядительными полномочиями в отношении лиц, не находящихся в служебной зависимости от него» (ст. 2.4 КоАП РФ)², которое, в свою очередь, находится во взаимосвязи с аналогичным понятием представителя публичной власти при совершении должностных преступлений в уголовном праве³ и в толковании этих правоотношений Верховным Судом РФ⁴.

В понятии должностного лица органа публичной власти служебная зависимость исключает публичные правоотношения. В свою очередь, публичные правоотношения трактуются как внешние отношения между органами публичной власти и неопределенным кругом лиц, не находящихся в служебной зависимости, т.е. не находящихся в договорных отношениях служебной подчиненности.

В 1997 г. Конституционный Суд РФ указал, что Российская Федерация, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования, как субъекты гражданских правоотношений, имеют право обязываться по векселю в случаях, специально предусмотренных федеральным законом, т.к. возникающие в связи с переводным и простым векселем правоотношения, регулируются гражданским законодательством согласно ст. 124 ГК РФ и статьи 2 Федерального закона Российской Федерации «О переводном и простом векселе»⁵. Если правоотношения возникли с участием органов публичной власти это далеко не всегда публичные правоотношения.

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Российская газета, № 171, 05.08.2020.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Российская газета, № 256, 31.12.2001.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023): Примечания к ст. 318 // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 (ред. от 11.06.2020) «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // СПС «КонсультантПлюс» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_LAW_93013 (дата обращения: 05.02.2024).

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.1997 № 139-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Совета Федерации о проверке конституционности Федерального закона «О переводном и простом векселе» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18142/#dst1000011 (дата обращения: 30.11.2023).

Гордеев А. Г.старший преподаватель кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук**Правовые аспекты суверенитета в СССР и его последствия для современной России**

Рассмотрение эволюции российского суверенитета на примере сталинской Конституции 1936 г., явившейся наиболее демократической советской конституцией, и современной Конституцией России, вобравшей в себя наиболее демократические нормы международного права, не только позволяет взглянуть на исторические аспекты правового развития, но и рассмотреть влияние событий прошлого на современный правовой ландшафт России.

В период существования Советского Союза (СССР), суверенитет предстает перед нами как сложное и многогранное явление, оказавшее глубокое влияние на формирование государственной структуры и характера власти в нашей стране. Конституция СССР 1936 г., принятая в эпоху сталинской индустриализации и коллективизации¹, была актом, который формально закреплял принцип единства государственной власти. Он подразумевал консолидацию политической и экономической власти в руках центральных советских органов, что отражалось в доминирующей роли Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров².

Основной закон оставлял множество аспектов жизни республик под контролем центральной власти. Полная автономия республикам не предоставлялась, и, скорее, акцент делался на поддержании единства социалистической системы. В контексте того времени это сужение автономии имело свои корни в стремлении укрепить единство страны и обеспечить централизованное управление. В Конституции 1936 г. отразились существенные изменения в организации автономных образований в составе РСФСР и других союзных республик. Несколько автономных областей были преобразованы в автономные республики, включая Кабардино-Балкарию, Марий-Эл, Чечено-Ингушетию, Северную Осетию и Коми. Это укрепило государственный национальный суверенитет народов СССР согласно Конституции 1936 г.³

Конституция фактически подчеркивала дисбаланс между центром и регионами. Вследствие этого суверенитет республик сохранялся в ограниченной форме, а решения, принимаемые в Москве, имели преимущественное значение. В Конституции 1936 г. предусматривалось расширение полномочий Союза ССР в различных сферах, но на практике они игнорировались из-за культа личности Сталина, что привело к произволу, нарушениям законности и репрессиям. Усиление централизации в стране было обусловлено стремлением руководства сосредотачивать ресурсы для социалистического строительства и выравнивания развития⁴.

Период распада Советского Союза и последующего становления России как самостоятельного государства был ключевым моментом в истории, оказавшим значительное воздействие на понимание и реализацию суверенитета. Процесс разрушения СССР и формирования нового Российского государства внес существенные изменения в концепцию суверенитета, отраженные в конституционных основах Российской Федерации. После распада СССР Российская Федерация вступила на мировую арену как его правопреемник, получив статус суверенного государства. Этот период характеризовался

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936) М. : Музей народов СССР, 1937. С. 4.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 05.12.1936) М. : Музей народов СССР, 1937. С. 11.

³ Джамиева Э. Б. Проблемы государственного размежевания СССР по Конституции 1936 года // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2007. № 2. С. 77.

⁴ Джамиева Э. Б. Проблемы государственного размежевания СССР по Конституции 1936 года // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3, Общественные науки. 2007. № 2. С. 80.

не только изменением положения России в мире, но и переосмыслением сути суверенитета в новых геополитических реалиях.

Одним из ключевых аспектов этих перемен было закрепление основ суверенитета в Конституции Российской Федерации. Она была принята в 1993 г. и стала основополагающим правовым актом, определившим новые принципы государственной организации. Конституция 1993 г. установила принципы суверенитета, подчеркивая независимость и самостоятельность Российской Федерации, утверждая действительный федерализм и принцип разделения властей¹. Важной особенностью стала интеграция в мировое правовое пространство. Суверенная демократическая Россия в основе своего законодательства ставила принципы международного права. Суверенитет России, согласно Конституции, включает в себя единство и неделимость территории, подразумевая верховенство власти государства на всей территории и отсутствие конкурирующих органов власти, принимающих параллельные решения². Решения легитимных органов власти обязательны для всех граждан и социальных структур³. Также следует отметить, что становление России как самостоятельного государства сопровождалось новыми вызовами и изменениями в системе управления страной. Огромное внимание было уделено вопросам разделения властей, обеспечению гражданских свобод и прав, что сыграло важную роль в консолидации национального суверенитета⁴.

Прежде чем перейти вопросу о правовом наследии СССР для России хочется отметить следующее: во-первых, особое положение СССР в мире, его значимая роль сверхдержавы оказывает непосредственное влияние на отношения современной России с другими странами. Во-вторых, правовое поле СССР формировалось не на пустом месте, а на базе существовавшего правового ландшафта Российской империи, таким образом, через СССР современная Россия восприняла ряд правовых принципов и институтов от имперского периода. В-третьих, СССР считается символом свершений и достижений советского народа. Победа в Великой Отечественной войне, освоение космоса, развитие индустрии, образования и культуры – всё это является неотъемлемой частью истории России. На данный момент суверенитет России недвусмысленно подтвержден, позволяя стране самостоятельно формировать внутреннюю и внешнюю политику, ориентируясь на собственные интересы⁵.

Россия в рамках многогранных отношений с другими странами делает особый акцент на вопросы государственного суверенитета как ключевого элемента современного дипломатического взаимодействия. На данный процесс влияет множество факторов, таких как многополярность мировой системы, изменение дипломатических отношений после распада биполярной системы, правовые реформы в России, направленные на укрепление суверенитета, активное участие в международных организациях, способствующих развитию сотрудничества и принципов суверенитета, а также вызовы со стороны современных информационных технологий. Взаимосвязанный анализ исторических и современных правовых аспектов подчеркивает, что современный правовой ландшафт России формируется под влиянием ее прошлого, в частности, непреходящего влияния СССР на идеологию и менталитет российского народа. Такое понимание не только помогает осмыслить исторический контекст, но и дает представление о современных проблемах и перспективах развития.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. Голосованием 12 дек. 1993 г. Ростов н/Д : Феникс, 2014. С. 3.

² Разуваев Н. В. Разделение суверенитета в федеративном государстве: теория и исторические предпосылки // Правоведение. 2016. № 4 (327). С. 77.

³ Михневич А. В. Суверенитет России: проблемы и перспективы решения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2. С. 166.

⁴ Трубицына Т. А. Народный суверенитет и его реализация в Конституции РФ 1993 года // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. 2014. № 25. С. 243.

⁵ Михневич А. В. Суверенитет России: проблемы и перспективы решения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2. С. 168.

Грищенко Л. Л.

профессор кафедры управления органами внутренних дел
в особых условиях центра командно-штабных учений
Академии управления МВД России,
доктор юридических наук, кандидат военных наук, профессор

Грищенко В. В.

доцент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук

Исторические предпосылки и современное состояние создания и развития наукоградов в России

В общемировом развитии науки истории, которая выражается в микроисторических исследованиях социальной истории и истории повседневности важным является изучение истории городов. Следует отметить, что вопросам появления и развития городов в истории цивилизации посвящено значительное количество работ и исследований. Одной из последних и, на наш взгляд, в историческом и правовом поле наиболее полным является коллективная монография под общей редакцией В. В. Таболина «Юридическая урбанология. Урбанологическая теория» в 2 томах, где исследуются не только общие вопросы истории и развития городов в целом, но и дается их классификация с целью исследования современных и перспективных направлений их развития.

Одним из таких направлений является персонализация городов, через концентрацию на его территории научной и производственной базы создания и развития важных для человека, общества и государства промышленных мощностей. При этом в истории мы находим информацию о таких городах, которые образовывались в древнем мире и носили специализированный характер ремесел. В Средние века и до эры первой технологической революции специализация городов носила характер комплексного использования промышленных и торговых потребностей человека. И только с началом первых научно-технических революций появляется специализация городов и превращение их в наукограды.

Что в настоящее время такое наукоград? Наукоград (технополис) это созданный на территории населенного пункта научно-промышленный комплекс с целью разработки новых наукоемких технологий, их апробации с последующим производством современной и перспективной продукции. Как правило, на территории наукограда размещаются научно-технические центры, научные и учебные заведения (университеты, либо их филиалы), крупные профильные и смежные с ними промышленные компании. Комплексно и компактно размещенные на ограниченной территории научно-производственные образования включают в себя современную, развитую инфраструктуру, что обеспечивает необходимые условия, как для проведения различного рода исследований, так и для их реализации на производственной базе передовых наукоемких технологий. Кроме того, на территории наукоградов создаются комфортные условия для плодотворного функционирования учебных и научно-исследовательских институтов. Особое место занимают меры по обеспечению трудовой деятельностью, обучению и отдыху¹.

Сама идея формирования и оформления наукогородов (технополисов) возникла и была оформлена в середине XX в. в США, получив название Кремневой долины. Во второй половине столетия следует отметить бурное развитие наукоградов (технополисов) в Западной Европе: Милтон-Кинс, Силикон Глен, Кембридж в Великобритании, Мейлан-Гренобль и София-Антиполис во Франции в Юго-Восточной Азии: Даедук в Южной Корее, Гуандун и Шэньжэнь в Китае и т.д.²

На территории России первые города, которые включали в себя научный и промышленный потенциал начали появляться еще накануне Великой Отечественной войны. Именно в это время наука

¹ Лукьянчиков Г., Шукин А. От технопарков – к городам науки // Эксперт: журнал. 2010. № 48. 6 декабря 2010.

² Кулькин А. М. Научные и технологические парки, технополисы и регионы науки. М. : ИНИОН, 2005. М. 145–146.

получила мощный импульс развития, появилась потребность в разработке, апробации, внедрения в промышленное производство новой продукции, остро встал вопрос комплексации и специализации в использовании прорывных технологий. А, кроме того, возникла необходимость в сохранении секретности и защите промышленных и военных технологий в условиях глобального противостояния накануне Второй мировой войны.

Потребность в производстве специфической военной продукции привело к созданию, так называемых, закрытых территориальных образований (ЗАТО). Как правило, ЗАТО включает:

- градообразующее предприятие, научно-исследовательский институт с промышленными и опытными производственными площадками;

- воинскую часть, которая охраняет предприятия и обеспечивает режимные меры на территории города и прилегающей местности;

- жилой комплекс – собственно город. Особенностью административного управления ЗАТО является то, что оно функционирует и реализует свои обязанности не в системе региональных органов власти, а напрямую подчиняется (финансируется) федеральному центру.

Подобные триады (предприятие, как объект государственной важности; воинская часть; жилой комплекс) начали создаваться в период индустриализации СССР и являлись, на то время, единичными примерами. Более широкое распространение ЗАТО получили в нашей стране в послевоенный период с началом развития ядерно-энергетического комплекса, ракетно-ядерного оружия и в процессе освоения космоса¹.

Одним из наиболее широко известных ЗАТО в шестидесятые годы стал Звездный городок (закрытый военный город № 1 г. Щелково-14) Московская область. Созданный 11 января 1960 г. во исполнения Директивы Главкома Военно-воздушных сил Центр по подготовке космонавтов был вынесен за пределы населенных пунктов и имел автономную систему жизнеобеспечения. Следует подчеркнуть, что ни названия, ни обозначения на картах и указателях данного населенного пункта не было. Въезд в Звездный городок осуществлялся строго по пропускам. 7 мая 1960 г. Главком ВВС утвердил Положение о Центре подготовки космонавтов (ЦПК), что на то время было основанием считать данный городок самостоятельной частью ВВС.

Как показывает исторический анализ, на территории данного ЗАТО в рамках исследований испытательного института авиационной и космической медицины ВВС проводились активные научно-исследовательские работы в рамках подготовки пилотируемых космических полетов. С развитием космонавтики в нашей стране ЦПК развивался, совершенствовалась его материальная, производственная и медицинская база, что позволило расширить область функционирования данного ЗАТО в качестве научно-исследовательского испытательного центра подготовки космонавтов, а затем, в 1995 г. здесь был создан Государственный научно-исследовательский испытательный центр подготовки космонавтов имени Гагарина Ю.А. Именно ЗАТО, впоследствии стали локомотивами образования и развития наукоградов в России. Сам термин «наукоград» был введен впервые С. П. Никаноровым в 1991 г., при создании общественного движения «Союз развития наукогородов»². Под руководством С. П. Никанорова и Н. К. Никитиной разрабатывается проект Концепции государственной политики по сохранению и развитию наукоградов. Но только в 1999 г. принимается Федеральный закон № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации». Именно с принятием данного закона наукограда России получают правовой статус и на сегодняшний день являются важной движущей силой науки и производства. Согласно вышеприведенному закону наукоград является муниципальным образованием и ему присваивается статус городского округа. Особым отличием наукоградов от иных муниципальных образований является наличие в нем высокого научно-технического потенциала, где научно-техническая продукция составляет больше пятидесяти процентов. В современной России выделяется следующие специализации данных городов:

- космические исследования, авиа и ракетостроение;

¹ Правовое обеспечение управления : учебник / коллектив авторов. Москва. Кнорус, 2019. С. 128.

² Основные понятия систем СПУ, их классификация и принципы построения // Основные положения по разработке и применению систем сетевого планирования и управления / Никаноров С. П. [и др.]; Госкомитет СССР по координации НИР. М. : Экономика, 1965. 60 с.

- ядерно-энергетические комплексы;
- машино- и приборостроение и автоматизация;
- энергетика;
- химия, физика и создание новых материалов;
- электроника и радиотехника;
- биология и биотехнология.

В настоящее время официальный статус наукоградов в России имеют 13 городов, среди которых: Бийск, Дубна, Жуковский, Кольцово, Королев, Мичуринск, Обнинск, Протвино, Пущино, Реутов, Троицк, Фрязино, Черноголовка.

На статус наукограда претендуют больше семидесяти городов и муниципальных образований в России. Следует отметить, что большинство наукоградов расположено в центральной части России, а немалая их составляющая территориально входит в Московскую область. На конец 2023 г. вокруг Москвы сосредоточено восемь из тринадцати официально признанных наукоградов России. Следует обратить внимание на некоторые из данных наукогородов, чтобы понять историю и перспективы их развития.

Город Жуковский, один из основателей плеяды наукоградов в России. Именно в Жуковском нашли свое применение основные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности. Город славится экспериментальными разработками в авиационной и космической сферах. Подготовленные и собранные в Центральном аэрогидродинамическом институте им. проф. Н. Е. Жуковского (ЦАГИ) научные кадры специалистов работают над перспективными авиационными системами, средствами вооружения, специальной техники, информационно-телекоммуникационными системами¹. Совместно с ЦАГИ осуществляет свои разработки научно-исследовательский институт авиационного оборудования, где активная работа ведется в области исследований и разработки комплексов и систем бортового оборудования летательных аппаратов. Функционирующий в Жуковском научно-исследовательский институт приборостроения имени В.В. Тихомирова осуществляет разработки мобильных зенитно-ракетных комплексов и систем управления вооружением самолетов. Разработкой радиолокационных головок самонаведения для ракет занимается Московский научно-исследовательский институт «Агат».

Особое место в системе наукоградов занимает г. Дубна. Образованный еще в 40-х г. прошлого века, как ЗАТО, сегодня на данной территории продолжает активно работать Объединенный институт ядерных исследований (ОИЯИ). Созданные гением инженеров и строителей в Дубне синхрофазотрон и синхроциклотрон по праву считаются крупнейшими в мире ускорителями заряженных частиц. Именно проводимые испытания на материальной базе ОИЯИ сыграли важнейшую роль в развитии ядерной физики, получения научных и практических результатов и легли в основу создания ядерного щита России и освоении мирного атома. ОИЯИ является гордостью не только России. Это всемирно известный международный центр, который реализует мегапроект мирового значения – строительство научного комплекса NICA².

Статус наукограда г. Дубна получил Указом Президента РФ от 20.12.2001 Предприятия данного города специализируются не только на ядерной физике. На площадке данного наукограда размещены: центр космической связи; Государственный университет «Дубна»; машиностроительные заводы и научно-производственные комплексы. Сама территория г. Дубна имеет статус особой экономической зоны.

Город Пущино постановлением Совета Министров СССР «О строительстве научного городка Академии Наук СССР» с 1956 г. становится научным и производственным центром, где развернуто и функционируют девять научно-исследовательских институтов и осуществляются изыскания с применением высокотехнологической аппаратуры обсерватории. Среди научно-исследовательских учреждений выделяются:

- Институт белка РАН;
- Институт биофизики клетки РАН;

¹ Города Подмосковья: Кн. 2.-М., 1980– 608 с. С. 544.

² Указ. соч. Ст. 164.

- научный центр биологических исследований РАН;
- Институт физико-химических и биологических исследований РАН и т.д.¹

Химки с 1950 г. становится одним из главных центров советской ракетно-космической отрасли. Здесь располагаются достаточно крупные предприятия и научно-производственные объединения, осуществляющие работы в области обороны страны. Следует выделить конструкторское бюро (КБ) «Энергомаш». Именно в нем осуществлялась разработка ракетных двигателей к межконтинентальным баллистическим ракетам, а также ракетносителей космических аппаратов.

В оборонную промышленность существенный вклад вносило машиностроительное конструкторское бюро (МКБ) «Факел» совместно с расположенным в Химках опытно-конструкторским бюро (ОКБ) являлись одними из основных предприятий по разработке зенитных и крылатых ракет, широкого спектра космических аппаратов, в том числе луноходов. Наиболее крупными проектами данных предприятий было проектирование и испытание в шестидесятые годы прошлого столетия целой серии экспериментальных ракет по заказу министерства обороны, которые в последующем составили воздушный щит нашей страны. Другим направлением стала разработка передвижных контрольно-испытательных станций для контроля функционирования ракет (КИПС)².

В городе Реутов³ была размещена военно-промышленная корпорация «Научно-производственное объединение машиностроения» АО ВПК «НПО машиностроения» – это, одно на сегодняшний день из ведущих ракетно-космических предприятий России.

Еще до 1950 г. в городе Королев началось создание ряда НИИ, конструкторских бюро, заводов, ставших основой ракетно-космической отрасли страны⁴. И сегодня ракетно-космическая корпорация (РКК) «Энергия» имени С.П. Королева продолжает оставаться ведущим предприятием российской космической промышленности. При этом наукоград Королев является не только промышленным центром, где осуществляются разработки и производство широкого спектра боевых ракетных комплексов и авиационных систем, но научным центром космической промышленности России⁵.

Город Фрязино имеет статус наукограда с 2003 г. и специализируется на электронике. В составе НПК 25 организаций и предприятий, среди которых: АО «НИИ Платан» с заводом при НИИ»; АО «НПП Исток имени Шокина», ФГУП «Специальное конструкторское бюро Института радиотехники и электроники РАН» и др. При этом на предприятии «Исток» имени Шокина с 2015 г. функционирует особая экономическая зона, на базе которой реализуются инвестиционные проекты в области СВЧ-электроники⁶.

При этом наряду с официально признанными восемью наукогородами в Подмосковье сосредоточено около 1 100 промышленных предприятий и производственных объединений, которые в сочетании с научным и промышленным составляющими дают право признать всю область научно-производственным технопарком, который является локомотивом промышленного развития страны. Для такого вывода, кроме официально признанных наукоградов, в Московском регионе существуют, функционируют и развиваются иные города, в которых наука и технологии получают свое развитие. К таковым могут быть отнесены: Серпухов, Электроугли, Долгопрудный, Коломна и т.д.

В центре IT-кластера Большой Серпухов проводятся научные разработки, связанные с робототехникой, биотехнологиями, микроэлектроникой. На научных и производственных площадках города реализуются проекты мирового уровня. Один из них суперкомпьютер, другой – ускоритель частиц, аналог адронного коллайдера. Планируется строительство центра ионно-лучевой терапии. Территория условно будет разделена на зоны: компьютерные технологии, робототехника, биотехнологии, микроэлектроника и радиотехника. Разработка нового ускорителя начнется в 2024 г., в 2025-м будет построен Центр ионно-лучевой терапии⁷.

¹ Города Подмосковья: Кн. 3. М., 1981. С. 456.

² Города Подмосковья: Кн. 1. М., 1979. С. 178.

³ Указ. соч. С. 487.

⁴ Московская область за 50 лет. Статистический сборник. М., 1957. С. 21.

⁵ Города Подмосковья: Кн. 1. М., 1979. С. 297.

⁶ Указ. соч. С. 429.

⁷ Города Подмосковья: Кн. 3. М., 1981. С. 381.

В городе Электроугли развернута и функционирует Государственная служба времени и частоты (ГСВЧ), которая входит в Главный метрологический центр России. Являясь одним из подразделений Всероссийского научно-исследовательского института физико-технических и радиотехнических измерений (ВНИИФТРИ) с 1965 г. три радиопередатчика в Москве (РВМ), Иркутске (РИД) и Новосибирске (РТА) стали в круглосуточном режиме транслировать сигналы точного времени и образцовой частоты¹.

Долгопрудненское конструкторское бюро автоматики в городе Долгопрудный явилось головным предприятием по разработки и изготовлению серии свободных автоматических и пилотируемых аэростатов объемом не имеющих аналогов в мире. Их объем варьируется от 4 до 3 000 000 куб. м, а грузоподъемность достигает 6,5 т. Впечатляет и высотой подъема выпускаемых аэростатов, которые могут подниматься до 45 км и находится в воздухе более 20 суток. В настоящее время данное организация является одним из государственных предприятий по воздухоплавательной технике. Его производственные цеха позволяют поставлять аэростаты для государственных нужд. Именно с их помощью наши специалисты проводят широкий круг исследований в околоземной орбите. Кроме того, аэростаты эффективно применяются в военных структурах, в том числе в районе проведения специальной военной операции на Украине².

Город Коломна, являясь крупным промышленным и научным центром Московской области имеет более двух тысяч предприятий и учреждений различных форм собственности. Следует отметить, что в сфере экономики города сегодня задействованы более 53 тыс. чел., что составляет около 40 % населения города³. Предприятия города производят магистральные тепловозы, дизели, металлорежущие и деревообрабатывающие станки, сборные железобетонные конструкции и детали⁴.

Современные наукограды России – это созданные в стране научно-промышленные комплексы сосредоточенные на ограниченной территории с целью разработки новых наукоемких технологий, их апробации с последующим производством современной и перспективной продукции. Следует подчеркнуть, что именно наукограды явились тем ценным звеном в промышленной цепи России, которое явилось крепостью при введении против нашей страны многотысячных санкций и развязанной прокси войны со стороны США, и их сателлитов. Опора на науку и производство дало возможность России не только выстоять после экономических ударов, но и достойно выйти из сложной ситуации, а, более того, оперативно решать вопросы обеспечения национальной безопасности и обороноспособности страны в сложной обстановке всеобщего

Ермаков В. А.

доцент кафедры истории России
Государственного университета просвещения,
кандидат исторических наук, доцент

Концептуальные аспекты исторического суверенитета в русской школе естественного права

Русская школа естественного права, вошедшая в фазу расцвета в конце XIX – нач. XX вв. и занявшая достойное место в интеллектуальной традиции отечественной философии права, предложила новую концептуальную оптику для понимания онтологических и аксиологических основ правовых категорий. Стоит отметить, что в этот период в ней происходит обратное движение и обновление посредством взаимодействия и синтеза между либерально-секулярной нормативной традицией, во многом сложившейся под влиянием западной теории права, а также институционально оформившейся в политической идеологии либерализма и консервативно-религиозной, являвшейся итогом эволюции русского национально-правового самосознания. Подобного рода тенденция была обусловлена не

¹ Города Подмосковья: Кн. 2. М., 1980. С. 344.

² Города Подмосковья: Кн. 1. М., 1979. С. 266.

³ Ефремцев Г. П., Кузнецов Д. Д. Коломна. М., 1977. С. 271.

⁴ Города Подмосковья: Кн. 3. М., 1981. С. 68.

только общеевропейским трендом развития естественного права, но и исторической необходимостью адаптировать предельно универсалистские понятия западного права и ценности классического либерализма, консерватизма и других доктрин к конкретной специфике национальных государств и их политически-правовых традиций. В том числе это касается понятия и явления суверенитета, концептуально разработанного юристом Жаном Бодена еще в XVI в. в условиях абсолютистской Франции и, разумеется, претерпевающего изменения и дополнения в связи с возникновением новых теоретических конструкций, институциональными трансформациями и прецедентами юридической практики. Отечественная естественно-правовая теория хотя и развивалась под существенным влиянием европейских абстрактных систем и философских школ, прежде всего кантианства и гегельянства, а затем позитивизма и неокантианства, тем не менее внесла определенный вклад в разработку этого фундаментального и неоднозначного понятия, которое сохраняет свой дискуссионный потенциал как на междисциплинарном уровне взаимодействия наук, так и в современной правовой теории. Предметом статьи являются отдельные положения и воззрения некоторых представителей школы естественного права в России, таких как П. И. Новгородцев, И. А. Ильин на проблему суверенитета. Целью статьи станет выявление концептуальных аспектов исторического суверенитета в контексте данной школы, их анализ и интерпретация.

Прежде чем излагать специфику взглядов об историческом суверенитете русскими правоведами, следует обозначить методологические основания отечественной школы естественного права. Они состоят в том, что генерализирующим принципом концептуальных построений и интерпретаций этой проблемы является объективный идеализм, включающий кантовскую идею об априорных формах познания, неокантианское положение о приоритете теории над фактами, гегелевский диалектический панлогизм и христианский религиозно-этический универсализм. Соответственно данным методологическим установкам понимание фундаментальных категорий права, в том числе и суверенитета исходило не столько из необходимости прояснить функционирование реальных юридических механизмов для выстраивания субординационных отношений между личностью, обществом и государственной властью, проблеме, которая стояла на повестке политической жизни страны, сколько из религиозно-метафизических предпосылок, которые связывали суверенитет с ценностными коннотациями, отражающими культурно-исторические традиции народа и государства. В. Н. Жуков в монографии «Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века» следующим образом объясняет эту особенность: «Защитники естественно-правовой теории, стремясь раскрыть идеальную, трансцендентальную основу права, фактически пытались обосновать метафизическую и религиозную природу общественно-политического устройства»¹.

Основоположник школы естественного права в России – П. И. Новгородцев, критически относясь к позитивистской традиции, а также социологизму и историзму в праве, полагал, что источником права, а также его категорий – суверенитета, прав личности и др. является нравственное сознание человека и онтологически-универсальный статус ценностей. В речи 1902 г. «О задачах современной философии права» он отмечает приоритет морального истолкования правовых понятий, безусловной связи морали и права, а также ключевой задачи школы естественного права произвести пересмотр и переработку базовых понятий, объединив их в единую систему. «В применении к праву задачу выяснения этих идеальных начал правообразования давно уже выполняла школа естественного права, стоящая в неразрывной связи с моральной философией»². Таким образом, именно из предпосылок нравственного сознания и наличия безусловных ценностей религиозного содержания следует выводить понятие суверенитета, которое в этой связи будет носить уже не столько исторический, сколько метаисторический характер.

В «Лекциях по истории философии права», подчеркивая актуальность идей теоретиков европейского права – Бодена и Гоббса, Новгородцев считает, что они, как и представители его школы сформировали определенный правовой идеал, состоящий в том, чтобы государство являлось

¹ Жуков В. Н. Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века // Библиотека журнала «Здравый смысл». М.: Российское гуманистическое общество, 2001. С. 31.

² Новгородцев П. И. О задачах современной философии права // Сочинения / сост. вступ. статья и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М.: Раритет, 1995. С. 305.

суверенным и целостным. Представленный правовой идеал возник в исторических условиях абсолютистских режимов в Европе, что подчеркивает его универсальную ценность. Он становится первой стадией в историческом развитии суверенитета. Ошибочными, с его точки зрения становятся мнения тех, кто полагает, что, разрабатывая проблему суверенитета, они руководствовались политически-прикладной задачей, занимаясь легитимацией и апологией абсолютизма, а правильными те, которые видят в них проявления Абсолюта и источник для актуальных правовых конструкций XIX в., в том числе и суждения о том, что «теория государственного суверенитета, развитая Боденом, воспроизводится и в государственном праве XIX в.»¹. Однако, несмотря на выявление идеальной сущности суверенитета, Новгородцев ссылается на исторические условия возникновения явления, полагая, что постановка проблемы суверенитета происходит при распаде сословного общества и феодальных отношений, когда права определялись принадлежностью к сословной корпорации. При становлении же государства современного типа в условиях Нового времени назначением этого института становится стирание сословных различий и ускорение процесса уравнивания социальных элементов перед общезначимым законом, когда наблюдается трансформация корпоративного государства в гражданское общество. «Требования суверенного и единого государства в своей идеальной основе выражает не что иное, как устранение неравенства и разнообразия прав, существовавших в Средние века»². Следовательно, возникновение суверенитета как идеала является не только трансцендентальным, но и имманентным историческому бытию и определенному этапу его развития.

Суверенность государства проявляется в подчиненности всех, независимо от позиции во властвующей иерархии единому и общезначимому закону источником которого является нравственное сознание субъекта и Абсолют. Тогда и только тогда возможно уничтожить правовой произвол, бесправие отдельных социальных групп, монополии элитарных групп на закон. Именно так происходил, с точки зрения Новгородцева, исторический генезис суверенного государства в Западной Европе, когда рождающееся новое явление вытесняло несправедливый феодальный строй. «Суверенное государство должно было уничтожить тот строй, на почве которого создавалось бесправие и неравенства, выделения и исключения, привилегии и монополии. Таков был идеальный смысл той политической теории, которая была создана в противовес феодальному порядку отношений»³. Затем Новгородцев отмечает, что в исторической эволюции теории и институализации доктрины суверенитета отмечается вторая стадия и качественный переход, вызванный идеологией и событиями Великой французской революции. Она конвертировала исходный боденовский идеал суверенитета в плоскость народного суверенитета, обосновав посредством его права и свободы личности, закрепленные в важнейшем документе – «Декларации прав человека и гражданина». «Провозгласив, с одной стороны, идею народного суверенитета, а с другой стороны – неотчуждаемые права личности, она утвердила те основания, на которых до сих пор покоится теория правового государства»⁴. Однако вышеназванная трактовка суверенитета к XX в. также подверглась критическому пересмотру и настало время третьей стадии в его развитии, которая внесет новое понимание и смысл.

Ученик Новгородцева и последователь естественно-правовой традиции – И. А. Ильин внес свое понимание в интерпретацию феномена суверенитета. Изначально И. А. Ильиным была разработана авторская стратегия обоснования исходного положения о естественном праве. Если для учителя источником естественных прав является нравственное сознание, то для его ученика уже правосознание, конституированное религиозным опытом и заповедями Бога. В концептуальной работе «Общее учение о праве и государстве», являвшейся частью коллективного труда, вышедшего в Москве и Петрограде в 1915 г. Ильин, рассуждая о естественном праве сразу отмечает, что между нормами права есть одновременно связь и различия, баланс между ними устанавливается только в том случае, когда нормы права согласуются с императивами морали, а мораль задает более фундаментальные

¹ Новгородцев П. И. Лекции по истории философии права // Сочинения / сост. вступ. статья и прим. М. А. Колерова, Н. С. Плотникова. М.: Паритет, 1995. С. 20.

² Указ. соч. С. 20.

³ Указ. соч. С. 21.

⁴ Указ. соч. С. 22.

ценностные значения категориям права. Суверенитет в этом отношении становится атрибутивным признаком государства, которое по своему назначению является ключевым проводником и защитником норм права и морали. «Государство есть союз людей, организованный на началах прав, объединенный господством над единой территорией и подчинением единой власти»¹. Однако следует отметить, что в своем определении государства и трактовке суверенитета он находится на уровне народного суверенитета, указанного Новгородцевым. И далее, полагая, что государство является прежде всего «публично-правовой территориальной корпорацией» и состоит из трех ключевых элементов – народа, территории и власти, Ильин напрямую не употребляет категорию суверенитета, считая ее производной от них. Тем не менее в разделе о власти он проводит мысль о том, что государственный суверенитет носит ограниченный характер, поскольку государство властвует только в пределах своих полномочий и сдерживающими от правового произвола факторами для него становятся права и свободы граждан, а также полномочия других государств. «Каждое государство властвует только в пределах своих полномочий, которые ограничены, с одной стороны, властными полномочиями других государств, с другой стороны, правами свободы, принадлежащими его гражданам»². И в этом отношении, стоит сказать, что ильинское понимание суверенитета больше соответствует европейской традиции, сохраняя свой исток в национальной традиции.

Подводя итоги выявленным концептуальным аспектам исторического суверенитета в школе естественного права, стоит сказать, что существенным отличием в понимании феномена суверенитета в отечественной правовой традиции является его идеализация и связь с моральной философией. Несмотря на понимание включенности этого явления в исторический контекст и прослеживание стадий развития суверенитета, доминирует спекулятивная тенденция в его рассмотрении. Это обусловлено как влиянием западноевропейской идеалистических философских концепций, так и метафизически-религиозной трактовкой данного феномена.

Зин Н. В.

доцент кафедры теории и истории государства и права
Владимирского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,
кандидат исторических наук, доцент

К вопросу о гражданской идентичности и патриотизме в России

В современных реалиях как никогда актуален вопрос о принадлежности того или иного человека к государству, что сказывается на активизации обращения к таким категориям, как «гражданская идентичность» и «патриотизм», так как их уровень у населения нашей страны, по-прежнему, невысокий. В этой связи перед Российской Федерацией стоит одна из главных задач – воспитать достойного, с активной жизненной позицией гражданина, отождествляющего себя со своей Родиной, испытывающего преимущественно позитивные чувства к территории, на которой он проживает, и своему народу, такие как: патриотизм, гордость за свою Родину, мужество, нравственность и др.

Ученые-теоретики и практики полагают, что для этого необходимо формировать и продвигать внятную и действующую, к примеру, национальную, культурную, социальную политику, с учетом современных реалий, как внутри государства, так и на внешнеполитической арене. Только то государство, которое проделает всестороннюю колоссальную работу с населением посредством государственных и муниципальных учреждений, а также общественных организаций, включая и СМИ, может рассчитывать на единение, создание гражданской идентичности и поддержания на высоком уровне чувства патриотизма населением своей страны. В этой связи у нас есть необходимость перейти от установки «государство нам обязано» к установке «развиваться и созидать на благо своей страны».

¹ Ильин И. А. Общее учение о праве и государстве / Собрание сочинений : в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Русская книга, 1994. С. 111.

² Указ. соч. С. 124.

Только следование обозначенным установкам противостоит распаду и будет способствовать процветанию будущей России.

В практическом смысле существует необходимость единения поликультурного российского общества и урегулирование многонациональных взаимосвязей. На гражданскую идентичность и патриотизм в настоящее время оказывают влияние разные факторы в первую очередь исторический. Распад государства СССР негативно отразился на все общественные и государственные направления. Россия до сих пор находится в развитии и становится на путь сильного государства со своим новым обществом, в котором должна быть сформирована связь поколений, нравственные, гражданские и духовные ориентиры. Такие серьезные изменения привели к дезинтеграции общества, поэтому молодые люди не всегда задумываются о таких понятиях, как: патриотизм, нравственность, уважение к государству, общественное развитие и др.

Вопрос о гражданской идентичности и патриотизме во все времена становился предметом для изучения большого количество исследователей, так как данные категории, в том числе и на современном этапе, часто выступают дискуссионными.

Следует акцентировать внимание на том, что процесс становления такой категории, как «идентичность» был достаточно продолжительным, с явно выраженной неоднозначностью в подходах к пониманию таковой. Так, до Нового времени мыслителями указанная категория рассматривалась как явление сохранения сущности вещи, ее специфики при изменениях и преобразованиях. Однако в дальнейшем этот термин всё больше начал относиться к людям, то есть человека стали считать принадлежащим, причастным к чему-либо, кому-либо или какому-либо месту. Таким образом, произошел переход в понимании термина от вещи к человеку. Важно отметить, что это изменение в понимании термина произошло в более поздний период времени.

Сейчас в повседневной речи часто используется термин «идентичность». Он охватывает различные аспекты, начиная от личной и профессиональной идентичности до этнической¹, гражданской и социальной. В целом идентичность включает в себя стабильные индивидуальные, социокультурные, национальные и цивилизационные характеристики, которые помогают как отдельному человеку, так и обществу в целом ответить на вопросы о себе и о своей принадлежности. В связи с этим возникает потребность в определении понятия «гражданская идентичность» и ее значения в обществе. В данном контексте отечественные ученые² рассматривают упомянутую категорию как осознание принадлежности индивида к обществу граждан государства, которое имеет смысл для него. Также они рассматривают ее как феномен, который характеризует гражданскую общность как коллективный субъект³, являясь признаком надындивидуального сознания. Важно отметить, что гражданская идентичность имеет значимость в обществе и играет важную роль в формировании коллективной сознательности. В свою очередь, исследователь А. Г. Санина гражданскую идентичность позиционирует как некий фактор, осуществляющий консолидацию вокруг интересов страны⁴.

На протяжении многих лет развитие и понимание идентичности способствовали формированию гражданской идентичности. Общие факторы, как мы полагаем, включают ряд признаков: принадлежность к определенной территории, социальным группам, а также идентификацию с идеологическими, ценностными и правовыми аспектами, и др. Таким образом, под гражданской

¹ Руденко В. В. Общероссийская гражданская идентичность как конституционно-правовая категория в России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2022. Т. 8. № 1 (29). С. 179.

² Водолажская Т. Идентичность гражданская // Образовательная политика. 2010. № 5–6 (43). С. 140–142 ; Дробижева Л. М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. Социология. Этнология. 2017. № 1. С. 7–31 ; Асмолов А. Г. Как рождается гражданская идентичность в мире образования: от феноменологии к технологии : в 2 ч. Ч. 1 / А. Г. Асмолов, О. А. Карабанова, Т. Д. Марциновская ; под общ. ред. А. Г. Асмолова. М. : Федеральный ин-т развития образования, 2011. 112 с.

³ Кравченко Н. Ю. Гражданская идентичность современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология». 2016. Т. 16. Вып. 1. С. 6.

⁴ Санина А. Г. Социальные основания гражданской идентичности в современном обществе: субстанциональный, пространственный и деятельностный аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2010. Серия 12, Вып. 4. С. 289–294.

идентичностью выступает связь человека с той средой, в которой он живет и деятельностью, которую он осуществляет в рамках данного сообщества, в определенном государстве.

Гражданская идентичность формируется не только через участие в жизни государства, но и через эмоциональный опыт, связанный с этим участием. Патриотизм играет важную роль в этом процессе, так как без этого чувства ни один человек не сможет считать себя гражданином определенной страны.

Ссылки на патриотизм были обнаружены задолго до нашего времени в исторических памятниках. Значимость изучения данных феноменов постоянно усиливается на протяжении времени.

Ученые имеют разные взгляды на понимание патриотизма. Например, немецкий философ И. Г. Фихте в своих трудах проводил параллель патриотизма и любовью к Родине, народу¹. В свою очередь, по мнению представителей русской культуры и науки, к примеру, отечественного прозаика А. Н. Радищева, человеку, называемого сыном отечества, свойственно стремление служить для развития Родины, ее науки и культуры, для изменения государства к лучшему, обладающему такими качествами, как честь, благородство, добродетельность и жертвенность во имя народа и родины².

Современные подходы к патриотизму претерпели незначительные изменения. Безусловно, со временем этот термин приобрел новые значения и толкования. Однако, считаем, два главных аспекта остаются неизменными: любовь к своей родине и готовность защищать ее в первую очередь. В этой связи полагаем под патриотизмом понимать глубокую привязанность и преданность своей родине, а также чувство, которое движет сердцем и душой каждого истинного гражданина, проявляясь в готовности отдать все, что угодно, для блага своей страны, уважение к наследию предков, к истории, культуре и традициям своего народа.

Рассмотрев категории «гражданская идентичность» и «патриотизм», полагаем верным резюмировать, что они очень близки по своему содержанию. Первая категория подразумевает осознание принадлежности к определенной территории и народу, а также включает в себя государственные, гражданские, традиционные ценности и другие символические элементы. Вторая категория, патриотизм, связана с чувством и осознанностью, напрямую связанными с обществом и государством. Основой патриотизма является любовь к Родине, народу и защите их. Изучение данных категорий является необходимым и должно быть доступно для всего большего числа людей. Концепции гражданской идентичности и патриотизма несут в себе смысл, который определяет развитие потенциала страны во всех сферах. Поскольку время не стоит на месте, невозможно не думать о дальнейшем развитии области гражданской идентичности и патриотизма. В этой связи уже сегодня необходимы разного рода рационализаторские предложения в данной сфере деятельности.

Матюк Ю. С.

старший преподаватель кафедры теории и истории
российского и зарубежного права,
младший научный сотрудник лаборатории
социально-экономических и политико-правовых исследований
Владивостокского государственного университета

Формирование технологического суверенитета России в контексте современных геополитических вызовов

В условиях серьезных экономических и геополитических перемен и всё более нарастающей конкуренции государств за технологическое лидерство в области цифровых технологий, усилия российского государства направлены на стимулирование развития сферы инноваций. Концепция

¹ Котвицкая Д. В. Современная интерпретация понятия патриотизма в Германии и России: интегрирование философско-духовных концепций патриотизма Г. Гегеля и И. А. Ильина // Эпомен. 2019. № 24. С. 138.

² Мочалов Е. В. Проблема патриотизма в философии России // Социально-политические науки. 2016. № 2. С. 91.

технологического развития до 2030 г., утвержденная Правительством РФ, знаменует подход к правовому регулированию промышленности в пользу технологического суверенитета страны¹.

Представляется целесообразным выделить сферы-базисы, на активном развитии которых, возможно выстроить технологический суверенитет в современных условиях геополитического давления и рисков.

Развитие компетенций и научных исследований. Чтобы сохранить способность производить прорывные технологии и продукты в постоянно меняющихся условиях, необходимо генерировать технологические знания, совершенствовать навыки и опыт, используя потенциал научных исследований. Следует подчеркнуть, что Российская Федерация располагает существенным научно-техническим потенциалом для осуществления комплексных разработок в сфере сквозных цифровых технологий, что подтверждается материалами релевантных научных исследований².

Помимо инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР), для необходима критическая масса носителей специальных знаний (особенно молодых специалистов в области информационно-коммуникационных технологий), человеческие ресурсы, включая систему их профессиональной подготовки и переподготовки (кадровый потенциал).

Многостороннее и международное сотрудничество. Поскольку потенциальный портфель технологий слишком велик для того, чтобы большинство национальных экономик могли сами обеспечить необходимые исследовательские и производственные мощности во всех областях, имеющих отношение к их технологическому суверенитету, необходимо установить долгосрочное сотрудничество, в частности в тех областях, где отсутствует технологический суверенитет. Эти технологии или продукты часто требуют доступа к определенному сырью. Поэтому необходимо международное разделение труда, которое можно инициировать, например, посредством долгосрочного научно-исследовательского сотрудничества. Кроме того, международное научно-техническое сотрудничество имеет важное значение для укрепления структурной взаимозависимости и взаимного доверия на международном уровне, тем самым снижая риск односторонней зависимости в долгосрочной перспективе³.

Укрепление цифрового технологического суверенитета России не должно ассоциироваться исключительно с отказом от партнерства с зарубежными странами, однако такое партнерство должно осуществляться прежде всего по линии сотрудничества с агентами технологического развития, представляющими когорту дружественных государств, а также с реальным применением комплекса мер, защищающих интересы России, включая создание автономной инфраструктуры технологической поддержки эксплуатации совместных инноваций, локализованной в Российской Федерации⁴.

Стартапы и предпринимательская деятельность. Поддержка частного сектора играет немаловажную роль в деле формирования и укрепления технологического суверенитета, причем важно поддерживать не только уже зарекомендовавшие себя, конкурентоспособные компании и участников рынка, но и стартапы в области цифровых инноваций и прорывных технологий, которые будут способствовать технологическому скачку в перспективе. В этом русле необходимо создать благоприятный инвестиционный климат, поддерживать конкуренцию, не допускать злоупотребления, доминирования и монополизации. Кроме того, еще одним способом поддержки и защиты технологического потенциала всей страны или отдельных регионов могло бы стать создание крупных государственных технологических компаний и развитие государственно-частного партнерства в областях, представляющих стратегический интерес и глобальную конкуренцию.

Формирование запроса со стороны государства в сфере высокотехнологичных инноваций (в том числе государственные закупки, государственные задания и т.п.). Важнейшим инструментом

¹ Андреев В. К. Организационно-правовые формы включения высоких технологий в промышленное производство // Юрист. 2023. № 9. С. 35.

² Земцов С., Баринаева В., Семенова Р. Риски цифровизации и адаптация региональных рынков труда в России // Форсайт. 2019. С. 85.

³ March C., Schieferdecker I. Technological Sovereignty as Ability, Not Autarky // International Studies Review, Vol. 25, Iss. 2, June 2023, viad012, URL: <https://doi.org/10.1093/isr/viad012>.

⁴ Ештокин С. В. Сквозные технологии цифровой экономики как фактор формирования технологического суверенитета страны // Вопросы инновационной экономики. 2022. Т. 12. № 3. С. 1305 DOI: 10.18334/vines.12.3.116193.

обеспечения технологического суверенитета становится национальное обладание передовыми разработками в сфере ключевых технологий¹. Развитие цифровой экономики в России сдерживали прежде всего высокий уровень инерции в инновационной деятельности, ничем не оправданная пассивность в предметной области. Активации цифрового потенциала, помимо имеющихся ресурсов, необходимы массированные побуждения, высокоэффективный экономический импульс, качественные координация и контроль из внешней среды.

Нормативно-правовая база. В долгосрочной перспективе необходимо разработать нормативную базу таким образом, чтобы обеспечить отраслям экономики благоприятные условия и стимулы для проведения прорывных исследований и разработок, создания производственных мощностей в областях, где существует риск технологической зависимости.

Инфраструктура. Существование развитой инфраструктуры невозможно представить без материальной (физические носители и здания, оптоволокно, кабели и интерактивное оборудования, сканеры, датчики и модемы, стационарные компьютеры, станции, серверы данных и т.п.), технологической (технологии и методы передачи сигналов, импульсов и обработки данных, методов кодирования сигналов и их расшифровки, методы математического моделирования и пр.) и энергетической (все что связано с производством электрической энергии, передачи, питания, без которых существования цифрового пространства страны, региона, конкретного цифрового устройства невозможна) основы.

В динамично меняющейся среде все субъекты, осуществляющие исследовательскую, опытно-конструкторскую и производственную деятельность, направленную на реализацию технологического и «цифрового» прорыва, зависят от современной инфраструктуры. Основы такой инфраструктуры должны обеспечиваться государственным сектором.

Идеология. Создание позитивного образа отечественной науки и формирование представлений о технологическом суверенитете.

Таким образом, последовательное развитие каждого из указанных элементов служит основой формирования технологического суверенитета в современных условиях геополитического давления и рисков.

Михель Д. Е.

доцент кафедры теории и истории государства и права
Кубанского государственного университета,
кандидат юридических наук

Историческая парадигма правового развития общества в транснациональном измерении

История развития человеческого общества отличается своеобразием организационных моделей и форм его существования в конкретных исторических условиях на определенном промежутке времени. Однако, несмотря на некоторую типизацию этих организационных моделей, национальные, культурные, религиозные, традиционные и социально-экономические особенности отдельных народов, географические и климатические условия их проживания предопределяют уникальность и самобытность развития конкретных обществ. Сохранение взаимосвязи типичных организационных моделей и форм развития общества и уникальных особенностей отдельных народов позволяет обеспечить преемственность в развитии государственно-правовых институтов в динамике на различных исторических промежутках и в неограниченном государственно-правовом пространстве, с учетом культурных и исторических особенностей, не нарушая при этом эволюционных закономерностей развития. По справедливому замечанию М. А. Исаева, «изменение форм общества –

¹ Афанасьев А. А. Технологический суверенитет: к вопросу о сущности // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 10. С. 3692 DOI: 10.18334/ce.16.10.116406.

это изменение форм сознания человека под влиянием необходимости решения проблем, возникающих в процессе существования и осознания опыта существования в рамках той или иной формы»¹.

Для истории как циклического процесса смены периодов характерно взаимодействие преемственности и обновления. Несмотря на противоречивость культур, наряду с противоречиями опыт исторического развития подтверждает наличие и общих закономерностей развития социальных институтов и государственно-правовых явлений. Преемственность и однотипность общественных форм позволяет их сравнивать и выявлять общие закономерности развития. Однако сравнительные исследования выявляют также и уникальные особенности, определяющие самобытность существования и развития отдельных государственно-правовых институтов и обществ в целом. Именно в этом видится основная задача историко-правовых наук: при помощи сравнительного подхода выявлять истоки и предпосылки как культурных и государственно-правовых противоречий и особенностей формирования и развития отдельных обществ, так и общих закономерностей и тенденций в их развитии и типизации общественных форм. Знание причин и условий формирования и развития общественных процессов не только способствует их восприятию и пониманию, но и позволяет предвидеть и прогнозировать их дальнейшее развитие и даже оказывать направляющее воздействие, предвосхищающее возможные негативные последствия. Кроме того, знание исторических условий формирования и развития общественно-правовых феноменов позволяет расширять сферу фокусирования восприятия современной правовой действительности, развивать критическое мышление и в целом – профессионализм юриста.

Навыки интерпретации, анализа юридических фактов, событий и текстов должны формироваться параллельно с приобретением знаний о закономерностях развития государственно-правовых явлений и институтов, их организационно-правовых формах и факторах, определяющих их особый путь и тип развития. На формирование перечисленных навыков среди прочего направлены и историко-правовые науки, в частности римское право, изучение которого позволяет соприкоснуться с «проблематикой прогресса права в общественных отношениях, преемственности и новизны в эволюции содержания и формы правовой регуляции»².

Объект историографии правового развития включает общие закономерности формирования и развития исторических, политических, культурных и правовых традиций, государственно-правовых институтов и явлений, правовых норм и внешних форм их закрепления, изучение которых способствует раскрытию и пониманию причин и предпосылок нынешнего развития государственно-правовой действительности и прогнозированию перспектив дальнейшей эволюции права.

Установление общих, повторяющихся черт в развитии правовых институтов и явлений способствует принятию общих организационных форм и моделей, направленных в том числе на обновление и реформирование правового развития. Таким образом, исследование правового развития охватывает в динамике различные исторические промежутки в неограниченном государственно-правовом пространстве с учетом эволюционных закономерностей развития.

Представленный подход предполагает изучение закономерностей процессов исторического развития государственно-правовых явлений и институтов в контексте мировой интеграции в отрыве от национальных границ и рамок под призмой транснационального измерения. Несмотря на некоторую критику транснационального правового развития, исходящую в последнее время от сторонников приоритета национального правового развития и отказа от западных ценностей, институтов и общих исторических и культурных начал, следование единым, исторически обусловленным принципам и идеалам, в части изучения исторического формирования и развития правовых систем, позволит не только сохранить целостность правовой традиции, но и обеспечить единство правового развития близких правовых систем, что в конечном счете позволит преодолеть разобщенность и непоследовательность правового развития в целом. Так, например, генезис и историческая эволюция римского права демонстрируют универсальное значение категорий и принципов римского права как

¹ Исаев М. А. История государства и права зарубежных стран : учебник для бакалавров. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2012. С. 39.

² Дождев Д. В. Римское частное право : учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д-ра юрид. наук, проф. В. С. Нерсесянца. 2-е изд., изм. и доп. М. : Норма, 2004. С. XIII–XVII.

«ценнейшего опыта развития правовых форм свободы»¹. Являясь фундаментом всего университетского образования, общего для всех народов, римское право сегодня изучается во всем мире, поскольку, несмотря на национальные, религиозные, культурные и геополитические особенности развития отдельных государств, представляет достаточный арсенал правовых средств, принципов и институтов, позволяющих сохранить стабильность правового развития на основе признаваемых всем правовым сообществом ценностей справедливости, свободы и равенства.

Историография западной цивилизации начинается с Древней Греции и Древнего Рима. Возрождение древнегреческой философско-правовой мысли и римского права в период Средневековья на европейском континенте связано с ростом городов, развитием торговли, усложнением общественных отношений и многими другими переменами в обществе. Эпоха Просвещения и период буржуазных революций привнесли существенные изменения в направленность и контекст историко-правовых представлений и исследований государственно-правовой действительности. Закрепление понятия нации и национального суверенитета значительно сузили представления об общем благе национальными границами отдельных государств.

В XX в. после Второй мировой войны направление развития научной правовой мысли изменяется под призмой отказа от националистических идей в пользу концепции всеобщей интеграции. Объектом историографических исследований в этот период выступают группы относительно близких по развитию правовых систем и государств как некоего единого целого. Правовая интеграция, унификация и универсализация права в условиях глобализации порождают в этот период единые правовые категории, институты, принципы и механизмы реализации и защиты прав². В результате масштабных сравнительно-правовых исследований определяются общие критерии систематизации и классификации организационно-правовых форм, такие как, например, правовая система, правовая семья, правовая традиция, правовой стиль и пр.

Вектор развития историографии правового развития общества с середины XX в. с учетом глобализации получает транснациональное измерение.

В XXI в. современные правовые системы переживают кризис, обусловленный влиянием внешних факторов, внутренними переменами общественных, политических и экономических отношений, а также изменениями в понимании и значении определяющих, универсальных правовых понятий и ценностей, таких как, например, законность, правопорядок, права человека, правовое государство, демократия и правопонимание в целом. Ранее фундаментальные для правового развития принципы и их применение в новых обстоятельствах ставятся под сомнение и не исполняются. С одной стороны, индивидуализм уступает место коллективизму и идеям об общем благе, сотрудничеству, кооперации, социальной справедливости и взаимной ответственности общества и государства, но с другой – вновь возрастают националистические настроения в обществе, которые в ряде стран получают правовое оформление. Наряду с активной и часто авторитарной позицией государства во всех сферах жизнедеятельности общества и его членов, юридический формализм критикуется с позиций общественной политики и идей правосудия о широких стандартах справедливости и социальной ответственности. При этом, несмотря на различные трактовки и научные объяснения причин и тенденций развития указанного кризиса, можно с уверенностью констатировать, что сегодняшнее право становится всё более прагматичным и политически ориентированным. Историография правового развития и нравственное содержание права все меньше воспринимаются как универсальные начала, т.е. те реалии, которые способны и должны служить ориентиром не только для изучения права, но и для определения перспектив его дальнейшего развития в прикладном аспекте. В условиях кризиса правовых и либеральных ценностей наблюдается отказ от преимущества правового развития, служащий препятствием непрерывному и последовательному развитию права и складыванию устойчивых традиций.

Однако правовое развитие – это комплексный процесс, включающий не только влияние материальных или духовных (идеальных) условий определенного общества, но и

¹ Указ. соч. С. XVI.

² Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. М. : Проспект, 2015. С. 280.

взаимообусловленное развитие «духа и материи, идей и опыта»¹. Для интерпретации и уяснения смысла правовой нормы недостаточно одной лишь логики. Важно анализировать также те обстоятельства, которые породили содержание конкретного правового предписания, и те события, которые воздействовали на него во времени.

Смена исторических периодов протекает эволюционным или революционным путем, при этом, как точно отметил Г. Дж. Берман, «каждая из великих революций создавала новое право и переделывала существовавший правопорядок»². Наряду с этим, во все времена содержательное развитие права протекало благодаря деятельности ученых и практикующих юристов, т.е. через развитие науки и практики. С появлением юридических текстов, книг, профессиональных юристов правовые нормы не только изучались, но и наполнялись новым содержанием, учитывающим актуальные обстоятельства. Кроме того, «более поздние их истолкования основывались на более ранних и заменяли их»³. Такие изменения не являются случайными. Новые трактовки правовых норм направлены на удовлетворение потребностей сегодняшнего и будущего дня. Именно так обеспечивается преемственность в праве и складывается перспектива правового развития. Однако, наряду с сохранением преемственности в правовом развитии, важной частью правовой перспективы является также обновление в праве путем принятия новых правовых норм и институтов, которые порой искусственно внедряются в общественную жизнь с целью формирования устойчивого поведения и определенной юридической практики, т.е. направлены на формирование социальных институтов.

Преодоление сегодняшнего кризиса правовой революции и эволюции права видится в следовании исторической парадигме развития права в актуальной теоретической и прикладной перспективах на основе фундаментальных начал транснациональной правовой культуры современных правовых систем и с соблюдением принципов историзма и сохранения преемственности. Именно историография правового развития формирует и позволяет сохранить общий правовой язык человечества, который, являясь универсальным средством, продолжает отражать актуальные потребности и тенденции развития современных обществ, а также сдерживать развитие националистических идей в современных государствах и обеспечивать сохранение идеи существования «закона, стоящего превыше права высшей политической власти»⁴.

Мун В. А.

старший преподаватель кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
кандидат юридических наук

Российские правовые традиции в области оказания социальной помощи нуждающимся (середина XIX – начало XX в.)

Постановка вопроса о специфике оказания социальной помощи нуждающимся в середине XIX – начале XX в. обусловлена ростом промышленности, значительными переменами в экономическом развитии страны в рассматриваемый период. Эти процессы сопровождались качественным изменением социальной структуры общества. Экономика России переходила на новую ступень развития. В основном это касалось крупной и средней промышленности в центре страны, в то время как в сельском хозяйстве развитие капиталистических отношений происходило медленнее. Долгое существование в России крепостного права, обусловило сохранение крепостнических пережитков в экономике, политическом строе и социальных отношениях. С учетом того, что в городах, становившихся крупными промышленными центрами, образовывался класс рабочих фабрик и заводов, фабриканты и заводчики перенесли на промышленную сферу ранее практиковавшиеся методы

¹ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования: пер. с англ. 2-е изд. М.: Изд-во МГУ: Инфра-М: Норма, 1998. С. 57.

² Указ. соч. С. 9.

³ Указ. соч. С. 12.

⁴ Указ. соч. С. 58.

эксплуатации, связанные с кабалой и принуждением. Как следствие глубоким был процесс социальной дифференциации населения.

Вплоть до середины XIX в. идея социальной помощи населению основывалась на религиозных постулатах, нормах обычного права и морали о человеколюбии. Роль государственных институтов и правового регулирования была минимальной, поскольку еще не сформировалась концепция социального государства и социальных прав человека. Больные, неграмотные, малоимущие, маргинальные слои населения воспринимались как опасные и государство стремилось отгородить их от общества, как несущих угрозу и деморализующий элемент. Например, Устав благочиния и безопасности 1916 г. содержал норму, согласно которой «строго запрещается нищенствовать или бродить в городах, посадах, селениях, на ярмарках, больших и торговых дорогах для испрашивания подаяния» (статья 314). «Городские общества и сельские начальства обязаны смотреть, чтобы бедные и неимущие люди их ведомств по миру не бродили и нищенским образом милостыни не просили и наблюдать, чтобы те из них, кто окажутся здоровыми и в состоянии работать, были употреблены по усмотрению в разные работы» (статья 317)¹. Более того, в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. устанавливалась уголовная ответственность за прошение милостыни «по лени и привычке к праздности» (статья 49), «с дерзостью и грубостью или с употреблением обманов» (статья 50), «за допущение к прошению милостыни детей» (статья 51)².

Однако новое понимание неотчуждаемых прав человека вызвало к потребности от государства иного отношения к проблеме поддержки нуждающихся. В трудах ученых все активнее стало обсуждаться право каждого человека на достойное существование, которое государство должно гарантировать независимо от социального происхождения, образования или благосостояния (В. Н. Лешков, Б. Н. Чичерин, И. А. Покровский). Более того, на Первом Всероссийском съезде деятелей по общественному и частному призрению в 1910 г. критиковалось уголовное преследование «просителей милостыни». Неуместность уголовных и полицейских мер обосновывалась тем, что искоренить нищество можно лишь путем такой постановки благотворительности, которая укрепляла бы в обществе уверенность в том, что каждый нуждающийся найдет в местных благотворительных учреждениях необходимую для него насущную помощь. Эта помощь должна включать удовлетворение основных потребностей голодающих и бездомных лиц в пище и пристанище, а также стимулирование занятости у трудоспособного населения. Для этого отмечалась важность ознакомления людей с деятельностью, местонахождением и состоянием таких благотворительных заведений, как народные чайные, столовые, ночлежные дома, работные дома с условиями оказания помощи этими заведениями³.

Во второй половине XIX – начале XX в. происходит законодательное закрепление некоторых социальных прав немногочисленных слоев населения, особенно женщин и детей. Учитывая то, что в России к началу XX в. призрение являлось одной из наиболее распространенных форм благотворительности, сложилась непростая система государственных органов и общественных организаций, занимавшихся социальной помощью. Среди учреждений и уставов заведений общественного призрения, которые находились вне ведомства приказов в середине XIX в., можно выделить: «1) Благотворительные заведения, состоящие под непосредственным покровительством Их Императорских Величеств или членов Императорского Дома; 2) Заведения общественного призрения, благотворительные общества и кассы, находящиеся под заведыванием Министерства Внутренних Дел; 3) Благотворительные заведения Императорского Человеколюбивого Общества; 4) Духовные и некоторые другие ведомства попечительства о бедных» (статья 1371)⁴.

Однако отсутствие какого-либо взаимодействия между благотворительными учреждениями, как и отсутствие единой, централизованной поддержки со стороны государства в области социального призрения приводило к трудностям в сборе информации о деятельности обществ и неэффективности

¹ Устав благочиния и безопасности // Свод законов Российской империи. Пг. 1916. Т. XIV. С. 63.

² Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. СПб. : тип. т-ва «Обществ. Польза», 1867. С. 14.

³ Елистратов А. И. Меры для упорядочения частной благотворительной деятельности // Первый Всероссийский съезд деятелей по общественному и частному призрению. СПб. : [б. и.], [1910]. С. 36.

⁴ Учреждения и Уставы о Общественном Призрении // Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XIII. С. 224.

полезных начинаний. Например, Императорское Человеколюбивое Общество предложило другим организациям присоединиться для устройства детей в ремесленные мастерские в качестве подмастерьев, но мало кто откликнулся на это, несмотря на очевидные преимущества совместной работы в данном направлении. Предыдущее подобное предложение от Петербургского благотворительного общества также осталось без должного внимания¹.

Закон 1884 г. предусматривал, что владельцы фабрик, заводов и мануфактур имели право открыть школы для первоначального обучения малолетних рабочих при своих предприятиях². Однако этот закон не обязывал предпринимателей открывать и поддерживать школы. Обязанности возникали только в том случае, если фабрикант самостоятельно устраивал школы высшего уровня. В этом случае он был обязан предоставить возможность посещения школы и тем малолетним рабочим, которые уже закончили начальное училище. В ситуации, когда школы не было при предприятии, все вопросы об обеспечении детей возможностью посещения школы лежали на фабричной и учебной инспекции. В результате отсутствия законов, обязывающих фабрикантов создавать условия для образования детей, даже при наличии школы дети продолжали работать вместе с родителями во время учебы. Кроме того, фабриканты, которые добровольно открывали школы при своих предприятиях, жаловались на отсутствие законодательной обязанности для всех промышленников обеспечить школами, что создавало неравные условия³.

Вместе с тем ближайшее ознакомление с деятельностью детских приютов в разных местностях России наглядно свидетельствует о том, что образовательные функции в общепринятом смысле выполняли именно они. В детских приютах преподавался широкий спектр дисциплин: Закон Божий, русский язык, учение по-славянски с переводом на русский язык; предметы, дающие комплексные знания о мире (история, география, арифметика); дисциплины, позволяющие сформировать технические и художественные навыки (черчение и техническое рисование, пение, гимнастика и рукоделие). Обучение было рассчитано на три года, для детей в возрасте от восьми до десяти лет по трем отделениям (младшее, среднее, старшее). Обучали детей безвозмездно учителя, руководимые «филантропией и одним добрым чувством»⁴. Конечно, были и недостатки в системе подобного начального образования, вызванные неравномерностью распределения нагрузки, подстраиваемой под свободное время «даровых учителей»; стеснением в финансовых средствах; изначально слабой подготовкой к обучению детей, изнеможенностью их организма. Несмотря на это, приходится констатировать, что детские приюты, изначально открывавшиеся как воспитательные заведения для детей, начиная с младенческого возраста, в силу определенных проблем в предоставлении всеобщего начального образования для призреваемых детей расширили область своего действия и стали выполнять еще и образовательные функции.

Другим важным аспектом в деле оказания социальной помощи населению являлась охрана труда женщин и детей. Вовлечение последних в сферу промышленного и ремесленного производства наряду с отсутствием норм об охране труда до второй половины XIX в. привлекало внимание к значимости деятельности различных приютов, благотворительных учреждений и общественных организаций, которые заботились о малолетних детях, беременных трудящихся женщинах и женщинах, имеющих малолетних детей. Ясли и дневные приюты для присмотра за детьми, общества, предоставляющие медицинскую и материальную помощь женщинам, врачебные консультации для беременных и кормящих женщин, родильные приюты, приюты для беременных и приюты для женщин в послеродовом периоде, общественные организации, занимающиеся трудоустройством бедных беременных и кормящих женщин, а также другие организации пользовались особой популярностью.

¹ Петров Г. Русская благотворительность в 1886 г. // Детская помощь. 1887. Т. 5. № 1. С. 6–15.

² Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О школьном обучении малолетних, работающих на заводах, фабриках и мануфактурах, о продолжительности их работы и о фабричной инспекции» (12 июня 1884 г.) // Полное Собрание Законов Российской империи. Собр. 3-е. СПб. 1884. Т. 4. № 2316.

³ Михайловский Я. Т. О деятельности фабричной инспекции: Отчет за 1885 год главного фабричного инспектора Я. Т. Михайловского. СПб. : тип. В. Киришбаума, 1886. С. 93.

⁴ Никитина В. Несколько слов о постановке учебной части в детских приютах // Детская помощь. 1887. Т. 5. № 1. С. 15–20.

Социальная помощь нуждающимся в России на протяжении длительного времени оставалась в сфере регулирования норм морали, религии и обычного права. Во второй половине XIX – начале XX в., некоторые социальные права начали закрепляться законодательно для ограниченных слоев населения, в первую очередь женщин и детей, в сферах образования, охраны материнства и детства, охраны труда. Однако недостаточная эффективность законодательных мер, на фоне значительного расширения категории нуждающихся в социальной помощи людей, привела к увеличению роли различных общественных организаций, осуществлявших благотворительную деятельность на началах человеколюбия и гуманизма. Отсутствие координации между благотворительными организациями и централизованной поддержки со стороны государства в сфере социального призрения приводило к сложностям в сборе информации о деятельности обществ и снижению эффективности начинаний, которые изначально были очень полезными.

Соколова А. А.

доцент кафедры экономики и права
Белорусского государственного технического университета,
кандидат юридических наук, доцент

Искусственный интеллект и право в ценностном измерении

Современное общество (в конкретных определениях – информационное, цифровое) стремительно меняется: новые явления такие, как геномная инженерия, биотехнологии, искусственный интеллект, промышленный интернет, робототехника, большие данные (big data), символизирующие XXI в., заставляют человечество искать пути их осмысления и правомерного использования. Мир становится всё более глобальным, и его проявления оказывают воздействие на отдельных людей, их нравы, поведение, культуру общества в целом. В условиях новой технологической реальности основной юридический посыл состоит, на мой взгляд, в поиске ответа на вопрос: как обеспечить защиту правового мирового порядка – путем совершенствования традиционных механизмов обеспечения правового режима стремительно развивающихся цифровых технологий или создания новых, применения комбинированных/интегративных технико-правовых средств.

В триаде «искусственный интеллект – право – права и свободы человека» все три элемента являют собой ценностные блага, однако основной акцент принадлежит последнему. Попытаемся определить ценностный «вес» каждого из них, рассмотрев их ценностное измерение и значимость для общества.

Современный мир, как непреложный факт, воспринимает продукты технологий ИИ в качестве блага для человечества. И действительно, своей результативностью, эффективностью и полезностью удивляют и восхищают достижения медицины, экономики, образования, журналистики, сельского хозяйства, достигнутые с использованием цифровых технологий. В данном случае мировое сообщество воспринимает их и технологические решения, на основе которых они создаются, как истинные ценности, блага, содействующие прогрессу человеческой цивилизации, устойчивому развитию природы и общества, повышению его благосостояния. В качестве иллюстрации рассмотрим действующие и будущие формы использования искусственного интеллекта в юридической сфере. Джон О. МакГиннис, профессор школы права Северо-Западного университета (Чикаго), и Рассел Дж. Пирс, профессор школы права Фордемского университета (Нью-Йорк), отметили пять областей права, на которые в первую очередь повлияет использование искусственного интеллекта в юридической сфере в ближайшем будущем: 1) поиск информации по обстоятельствам дела; 2) поиск прецедентов; 3) составление документов; 4) подготовка материалов дела; и 5) прогнозирование исхода дела¹. Очевидно, компьютерные технологии сделают более эффективным труд юристов, выполняя за них ряд

¹ МакГиннис Д. О., Пирс Р. Дж. Великий подрыв: как искусственный интеллект меняет роль юристов в оказании юридических услуг // Актуальные проблемы экономики и права. 2019. Т. 13. № 2. С. 1230, 1235. URL: <https://C:/Users/%D0%90%D0%BB%D0%BB%D0%B0/Downloads/velikiy-podryv-kak-iskusstvennyy-intellekt-menyaet-rol-yuristov-v-okazanii-yuridicheskikh-uslug.pdf> (дата обращения: 01.02.2024).

технических функций. Однако отдельные услуги, которые зависят от естественного интеллекта юриста, его профессионального портрета, требуют личностных взаимоотношений, построенных на нормах этики и нравственности, в прогнозируемом будущем, на мой взгляд, не подвластны искусственному. Итак, с одной стороны, непреложные факты убеждают в ценностной значимости результатов цифровых технологий для развития общества, повышения уровня его технологической цивилизованности. С другой стороны, можно допустить их явные и неявные негативные проявления в воздействии на мир человека, его безопасность, права и автономию, на мировой правовой порядок в целом. Как обеспечить безопасность человека при соприкосновении с инновациями, упредить их разрушающий эффект? И здесь мы обращаемся к праву, как выразительному атрибуту человеческого бытия. Именно праву, на мой взгляд, принадлежит гуманитарная миссия обеспечить регулирующие механизмы разработки и использования систем искусственного интеллекта, минимизировать риски их эксплуатации, осуществлять надлежащий и своевременный механизм правового регламентирования и контроля. Рассматривая право в качестве социальной ценности, индикатора уровня цивилизованности общества, аккумулирующего достижения его материальной и духовной культуры в конкретном историческом фрагменте истории, уходя от дискуссии о ценностных характеристиках права в классическом и постклассическом правоведении, в рамках данной темы исследования акцентирую внимание на инструментальной ценности права. В этом смысле праву, правовым нормам принадлежит роль обеспечения условий для нормального существования общества. Именно в обеспечении нормального функционирования, выживания социума профессор И. Л. Честнов видит универсальную ценность права – его социальное назначение¹. У всех народов и во все времена существовали и существуют конститутивные, обеспечивающие воспроизводство социума нормы. Правовыми, по мнению профессора И. Л. Честнова, могут быть названы конститутивные нормы, «закрепленные в соответствующих источниках, которые объективно являются функционально значимыми – обеспечивают как минимум выживание, а как максимум – достижение желаемого уровня функционирования социума, а сегодня – человечества»². Для «нормального», т.е. безопасного, правового взаимодействия между «машинами» (системами ИИ) и человеком в цифровой среде необходимы конститутивные нормы, обозначим их, как «техничко-правовые»³. Природа этих норм, на мой взгляд, характеризуется следующими особенностями: во-первых, субъектным составом – в их создании, помимо юристов, принимают участие акторы цифрового пространства (программисты, инженеры, производители продукта, операторы, пользователи робототехники). Во-вторых, комбинированным регулированием, сочетающим обязательные при создании роботов-ботов технические стандарты, правила, а также этические нормы и правовые принципы. В-третьих, международным ансамблем акторов, осуществляющих мониторинг по социальному воздействию систем ИИ, выявлению его положительного и негативного эффекта на социальную среду и участвующих в разработке правовых норм. В-четвертых, негосударственным зачастую характером нормотворческой деятельности: участие в ней авторитетных международных организаций, исследовательских институтов, фондов. Нормотворческая деятельность, процесс правового регулирования технико-правовых отношений приобретает общемировой характер, их результаты важны для выживания, нормального существования всего человечества.

Итак, исходим из общего признания искусственного интеллекта и права, как благ цивилизованного общества. Однако квинтэссенцией в сопоставлении и измерении ценностей являются не они сами по себе, а правовой статус человека, сохранение его безопасности, автономии, прав и свобод во взаимодействии с системами ИИ. В этой связи оценочное измерение искусственного интеллекта фокусируется в «способности» технологии ИИ в продвижении прав человека или, напротив, создании очевидных рисков для него. Риски условно можно подразделить на связанные с проектированием и дизайном систем ИИ и функциональные риски, возникающие на этапе их эксплуатации. Марина

¹ Честнов И. Л. Ценность права в постклассическом измерении // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 3 (4). С. 14–15.

² Указ. соч. С. 14–15.

³ Соколова А. А. Человек и «машина»: правовые аспекты взаимодействия // Российское право онлайн, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 5–9.

Шмуклерова, Любош Крал, Ян Дрхал, авторы I части монографии «Искусственный интеллект и права человека» («Artificial Intelligence and Human Rights»), демонстрируют различные этапы жизненного цикла ИИ с учетом возможных нарушений прав человека. Выявляют коренные причины рисков для прав человека и анализируют возможные средства правовой защиты, которые, несмотря на большое разнообразие, являются общими для всех систем ИИ. Суть заключается в том, чтобы внедрить оценку рисков для системы прав человека на протяжении всего жизненного цикла технологии ИИ и интегрировать ее в этико-правовые требования для ИИ и пользователей¹. Поскольку интеллектуальные системы обретают автономию, способность к машинному обучению и принятию решений, возникает проблема согласования ценностей в техническом и нормативном аспектах². Техническая задача касается вопроса о том, как закодировать человеческие ценности в искусственном интеллекте. Нормативная сторона – как обеспечить в масштабе мирового сообщества согласование этических, моральных, правовых ценностей, признанных как универсальные, региональные, национальные, индивидуальные, принадлежащие различным правовым культурам, перед общей угрозой существованию общества.

Для обеспечения статуса безопасности личности, ее прав и свобод необходимо смоделировать и «запустить» механизм правовой регламентации взаимодействия человека и «машины», основными элементами которого, на мой взгляд, должны являться: своевременное надлежащее правовое регулирование отношений между социальным миром и развивающимися технологиями; проведение предварительной оценки проекта новой модели ИИ (технико-правовой экспертизы); систематический мониторинг последствий применения цифровых технологий в глобальном мире и адекватная реакция на них со стороны технического и юридического сообществ. Начало новых глобальных усилий по укреплению общественного доверия к системам ИИ путем обеспечения безопасности его использования озабочено проведением 1 ноября 2023 г. Первого международного саммита в Блетчли-Парке близ Лондона, на котором представители 28 стран, включая США, Китай, страны Европейского Союза, подписали Декларацию Блетчли «О безопасном развитии искусственного интеллекта», цель которой – определить «риски безопасности ИИ, вызывающие общую озабоченность», и выстроить «соответствующую политику, основанную на рисках, в разных странах»³.

Цифровые технологии оцениваются как блага в формате их соизмерения с ценностью свободы и прав человека. Нивелирование потенциальных рисков может быть достигнуто решением задач: для технологического общества важно обеспечить их ответственную разработку и эксплуатацию, юридический корпус ответственен за адекватные средства правовой защиты, имплементацию арсенала регулятивных средств (правовых, этических, моральных) в процесс создания и использования систем ИИ.

Широкалова Г. С.

эксперт проектного офиса гуманитарной аналитики
Московского городского педагогического университета,
доктор социологических наук, профессор

Оценки настоящего как основа суверенитета

Отношение к разрушению СССР/РСФСР было неоднозначным в советском обществе. Шли поиски и причин центробежных процессов, и скреп для их сохранения. Суверенизация субъектов России на рубеже СССР – РФ часто обосновывалась социально-экономическим неравенством. Чл.-корр. АН СССР М. Н. Руткевич, имевший опыт руководства Институтом социологических исследований РАН,

¹ Artificial Intelligence and Human Rights // Edited by Jeroen Temperman, Alberto Quintavalla. Oxford University Press, 2023. URL: <https://opii.louplaw.com/display/10.1093/law/9780192882486.001.0001/law-9780192882486-chapter-2> (дата обращения: 01.02.2024).

² Sutrop Margit. Challenges of Aligning Artificial Intelligence with Human Values // Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum. University of Tartu, Estonia. Vol. 8. No. 2 (Autumn 2020). P. 57. URL: https://www.ies.ee/bahps/acta-baltica/abhps-8-2/04_Sutrop-2020-2-04.pdf.

³ Подписана первая в мире декларация о рисках, связанных с ИИ. URL: <https://overclockers.ru/blog/Vizir47/show/118060/podpisana-pervaya-v-mire-deklaraciya-o-riskah-svyazannyh-s-ii> (дата обращения: 01.02.2024).

анализируя систему отношений между различными социальными группами вне- и внутри страны, отмечал их сложность, обусловленную многими объективными и субъективными факторами. В частности, одной из причин того, что «определенные круги элитной интеллигенции в Москве и Ленинграде, а также в столицах республик, жаждали развала Союза и способствовали таковому», он объяснял тем, что «действия лиц и групп были социально обусловлены, они, на наш взгляд, были следствием глубоких внутренних противоречий... в которых социально-классовые и национально-государственные моменты сплелись воедино»¹. Одна из причин – глубокое изначальное неравенство экономического и культурного развития регионов, что заставляло перераспределять доходы в пользу окраин, и снижало уровень/качество жизни русских областей по сравнению с союзными республиками. Эти процессы совпали с ростом «противоречий между центральной бюрократией и местной, которая в союзных и автономных республиках была скомплектована в основном из интеллигенции «титульных» наций, «сработалась» с национальной теневой буржуазией»². Очевидность экономического неравенства была налицо для всех и не могла не породить, с одной стороны, недовольства у населения РСФСР субсидированием союзных республик. С другой, не вникавшие в особенности формирования собственных бюджетов, националисты считали, что «освобождение» от России повысит их уровень жизни, укрепит связи с Западом.

Разрушения самой России удалось избежать через укрепление вертикали власти в том числе через создание Федеральных округов. Но произошло ли выравнивание уровня и качества жизни на всем пространстве России? Судя по миграции молодежи в мегаполисы РФ и за рубеж – нет. Об этом свидетельствуют и другие многочисленные показатели, в их числе протестная «региональная/национальная» идентичность около 20 % населения, назвавших себя «сибиряками» во время переписи 2021 г.³ К месту отметим, что регионализация сознания, судя по социологическим опросам, нарастала⁴.

В меньшей степени связанная обязательствами разного рода, молодежь принимает решения, опираясь не только на свой небольшой жизненный опыт, но и на оценку социально-экономической ситуации, в которой проходит ее социализация. Экстраполируя ее на свое будущее, она принимает решение о выборе жизненной стратегии, которую, как увидим далее, разделяют и ее родители.

Об уровне жизни, как одном из факторов миграции, мы уже упоминали. Что еще не устраивает молодежь в родной стране? Сравнение по регионам вновь демонстрирует значительные колебания значений. Из массива данных нашего социологического исследования выберем ответы на вопросы, позволяющие сопоставить представление респондентов об идеальном обществе с оценкой окружающей их повседневности.

Возьмем данные по одному из проблемных округов – СКФО (1 202 чел.). У каждого поколения есть свое представление об идеальном общественном устройстве. Зафиксируем отношение к десяти показателям, обеспечивающим прежде всего витальные потребности человека, из общего списка, в котором респонденты выбирали 5 самых значимых для них. Итак, в идеальном обществе должны быть:

- Достойная оплата труда – 81,8 %
- Обеспечение рабочими местами – 81,3 %
- Уверенность в будущем – 81,3 %
- Достойная пенсия – 81,0 %
- Равная оплата за равный труд – 80,7 %
- Возможность трудоустройства по специальности – 79,9 %
- Бесплатное здравоохранение – 79,6 %
- Равенство перед законом – 78,1 %
- Уважение народа к своей стране – 76,7 %

¹ Руткевич М. Н. Макросоциология: Методологические очерки. М., 1995. С. 172.

² Указ. соч. С. 172.

³ Узаконят ли национальность «сибиряк2? // KP.RU. URL: <https://www.irk.kp.ru/daily/25669.4/830119/> (дата обращения: 01.02.2024).

⁴ Сибиряков становится всё больше // Политика в России – LiveJournal. URL: https://ru-politics.livejournal.com/41717447.html?noscroll&utm_medium=endless_scroll#comments (дата обращения: 01.02.2024).

– Бесплатное образование в школе, вузе – 74,6 %

Сравним желаемое с оценкой респондентами окружающей их действительности. В наибольшей степени разочарованы студенты ситуацией, сложившейся в жизнеобеспечивающей сфере; отсюда тревожность за будущее и не уважительное отношение к своей стране. Доля положительно оценивших разные стороны жизни по ряду показателей опускается практически до трети.

- Достойная оплата труда – 38,1 %
- Достойная пенсия – 38,3 %
- Уверенность в будущем – 39,8 %
- Равная оплата за равный труд – 40,0 %
- Обеспечение рабочими местами – 46,7 %
- Равенство перед законом – 49,1 %
- Бесплатное здравоохранение – 50,7 %
- Возможность трудоустройства по специальности – 52,7 %
- Уважение народа к своей стране – 56,6 %
- Бесплатное образование в школе, вузе – 63,6 %

Одна из причин критического отношения к родине – место семьи на шкале материального благополучия. Согласно самооценке, доля родительских семей, в которых «едва сводят концы с концами; денег не хватает даже на продукты» и где «на продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения», наиболее высока в Северо-Кавказском округе. К «беднякам» отнесли свои семьи 12,8 %, и к «высшей» группе тех, кто «может позволить себе достаточно дорогие покупки – квартиру, машину, дачу и многое другое» – 7,0 %. В Сибирском федеральном округе – 12,7 % и 5,1 %. В Центральном Федеральном округе соотношение составляет 6,2 % и 9,3 %, соответственно.

Напомним, что согласно многочисленным исследованиям, представление о бедности/богатстве отличается в социальных группах с разным уровнем дохода: чем беднее, тем ниже притязания. Пословица «У кого-то щи пустые, а у кого-то жемчуг мелкий» в данном случае лишь подтверждает разницу уровня потребностей молодежи регионов, близких к столице и отдаленных от нее.

Исследование проводилось в первые месяцы СВО, что не могло не сказаться на миграционных настроениях. Этническое, конфессиональное и географическое многообразие страны корректирует планы молодежи.

После получения профессии планируют остаться в стране 56,4 % из СКФО, 44,4 % из СФО, 42,4 % из ЦФО. На выбор решения будет влиять возможность получить за рубежом хорошую работу: на это сослались от четверти в СКФО до трети респондентов в других округах. Уже решили уехать из страны – 7,7 % в ЦФО и более 4 % в СФО и СКФО.

Выбор места жительства в той или степени согласуется с семьей. От 36,3 % родителей в СКФО до 57,4 % в СФО считают, что в своем выборе дети должны быть самостоятельны, а от 5,4 % в СКФО до 10,9 % в ЦФО поддерживают желание детей уехать либо на место жительства, либо на работу.

Центры притяжения отличаются у респондентов. Выберем самые привлекательные из списка названных студентами. Для ЦФО это Германия – 19,9 %, США – 17,4 %, Канада – 14,6 %, Великобритания – 10 %. Для СФО, и Запад и азиатский регион: Германия – 19,1 %, Южная Корея – 16,0 %, Канада – 14,2 %, США – 12,3 %. Для СКФО: Турция – 19,5 %, Германия – 14,9 %, США – 10,8 %, Южная Корея – 8,4 %, Италия – 7,1 %. На предпочтениях сказывается географическое положение округа. Из ДФО 16,1 % хотели бы мигрировать в Китай, а из СЗФО – 18,1 % в Финляндию (с 2010 г. по 2021 г., согласно переписи населения, численность финнов в России уменьшилась на 61,62 %¹). Очевидно, что выбираются чаще страны с рынками труда, требующими высокой квалификации и обеспечивающие достойный уровень жизни.

Подведем итоги. Можно ли сделать вывод о суверенитете народа в РФ при данной оценке базовых показателей образа/качества жизни молодежью? По нашему убеждению – нет. Ярчайшее

¹ Этническая перегруппировка: как поменялось соотношение народов России // URL: <https://news.ru/society/etnicheskaya-peregruppirovka-kak-pomenyalos-sootnoshenie-narodov-rossii/> (дата обращения: 01.02.2024).

доказательство этого – право народа на уровень минимального размера оплаты труда за 8-часовой рабочий день.

Является ли социальное неравенство в стране, имеющей административно закрепленные территории проживания коренных народов, фактором, стимулирующим активизацию сторонников национального суверенитета – несомненно. Есть в стране акторы, желающие замаскировать противоречия? Они были всегда. Приведем показательный пример. Националистические настроения в Союзных и автономных республиках фиксировались в оперативных документах КГБ СССР, но попытки обратить на них внимание блокировались. Так, в ответ на доклад В. В. Обрежа, руководителя научно-исследовательской программы «Кризисы и конфликты» в КГБ СССР в 1989 г. перед экспертами из ЦК КПСС и учеными, о том, что «многие сепаратистские и националистические тенденции дошли уже до стадии конфликтов»¹, «страна опоясана кровавыми межнациональными конфликтами», новый Союзный договор не поддерживается в республиках и нужно усиление вертикали власти для спасения страны, представитель Института философии АН СССР заявил: «Советский Союз незыблем и несокрушим» со ссылкой на Горбачева². Результат подобного конформизма налицо.

¹ Обрежа В. В. Применение Западом новейшего оружия массового уничтожения – причина гибели СССР и разрушения России. М. : ООО Издательство АлМи, 2008. С. 426.

² Указ. соч. С. 427, 425.

ИДЕЯ СУВЕРЕНИТЕТА: ИСТОКИ, ФИЛОСОФСКИЙ СМЫСЛ, СОВРЕМЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Артемов В. М.

профессор кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доктор философских наук, профессор

Нравственная философия как основа профессиональной этики и критерий суверенности отечественного права

Драматический характер развития современной цивилизации, когда не вполне ясна сама его направленность (прогресс или регресс?), заставляет сосредоточиться на поисках того, что могло бы не только прояснить ситуацию, но и выступить в качестве своего рода духовно-теоретической основы стабилизации и восходящего развития как применительно к отдельным наукам и институтам, так и обществу в целом. Важно подчеркнуть при этом, что в связи с усложнением и даже хаотизацией всей социокультурной жизни существенным образом повышаются требования к исполнению прежде всего профессиональных функций в наиболее значимых сферах деятельности. К числу последних, к примеру, нельзя не отнести науку, образование и право. Все они в отдельности и органичной совокупности так или иначе составляют существенное подспорье устойчивости общества и народно-государственного суверенитета, показателем которого выступает и подлинно справедливое правосудие. Последнее не может быть обеспечено чисто политико-идеологическим путем. Принципиально важными ее условиями выступают нравственная состоятельность, теоретическая обоснованность в связке с убедительностью.

Один из парадоксов нашего времени заключается в том, что попытки повысить эффективность экономики и не только (военное применение здесь не рассматривается) при помощи искусственного интеллекта и всеобщей цифровизации не только не приводят к желаемым результатам, но зачастую, напротив, приводят к обратному: так или иначе нарушаются, а то и подрываются исторически сформировавшиеся, достаточно надежные традиционные связи между отдельными людьми, профессионалами, целыми поколениями. Приходящее на их замену машинно-искусственные приспособления и схемы по определению крайне односторонни, ненадежны и, по существу, бесчеловечны. Условно говоря, нарисованная красками «улыбка» не делает робота настоящим помощником человеку, особенно находящемуся в некоей затруднительной ситуации. Последняя может усугубляться, когда хозяин «умной» машины озабочен лишь денежной или корпоративной выгодой. В этой связи настораживает, к примеру, активность заинтересованных лиц по внедрению новейших технологий даже в спорт, когда продвигается проект введения виртуальных игр в качестве официального вида соревнований. При этом, как это ни странно, в соответствующей рекламе позиционируется, по существу, сумасшедшее намерение слить воедино виртуальное и реальное¹.

На пути указанных и подобных им узкопрагматических мотивов и действий призвана стоять профессиональная этика фундаментального уровня, своеобразным теоретико-методологическим стержнем которой выступает именно нравственная философия. Подобно «красной нити» она пронизывает все этапы развития и разделы философии, да и духовной культуры в целом. Важно понять, что сами по себе нравственность, тем более ее теоретический уровень в виде указанной нравственной философии, не воспроизводятся автоматически. Культивированием этого нужно целенаправленно и

¹ В этой связи примечательна реклама одного телевизионного канала, когда после показа виртуального боя с применением оружия и убийств некий бодрый голос чуть ли не с восторгом призвал, что называется, «сделать сказку былью». А незадолго до этого прошла информация о том, что западные корпорации навязывают сюжеты указанного боя, когда в качестве мишени провозглашаются не какие-то злодеи, а представители конкретной культурно-этнической общности людей. Налицо полное отсутствие нравственных оснований, элементарной логики, здравого смысла, не говоря уже о разуме. В итоге от спорта здесь практически ничего не остается и вырисовываются, что называется, контуры элементарной психологически-идеологической войны. Но ведь с этим наша страна, будучи во враждебном окружении, уже не раз сталкивалась в прошлом и, чтобы приблизить должное будущее, от нас требуются вполне конкретные усилия в настоящем.

последовательно заниматься, что и является первоочередной задачей научно-образовательного сообщества, особенно собственно этической его части. Отсюда, кстати, позиционируемое нами предложение по созданию Этической ассоциации философов и гуманитариев России, а также практическое создание на основе философско-правового клуба «Нравственное измерение права» Экспертного этического центра «Добрая воля». Последний пока не может похвастаться какими-то масштабными проектами и делами, правда, громкое афиширование успехов в известном смысле противоречит самому по себе духу морали и, тем более добровольчества. В целом пока можно говорить о теоретической готовности к осуществлению нравственно-философской экспертизы разного рода социокультурных проблем и ситуаций, проектов законов и правоприменительной практики. «В подобной экспертизе, – указывает О. Ю. Рыбаков, – как духовно-нравственной, интеллектуально-теоретической деятельности по анализу насущных и возможных проблем и ситуаций... в принципе не может быть не заинтересовано и само юридическое сообщество»¹.

Думается, уже то обстоятельство, к примеру, что на заявленную нами в октябре этого года тему «Нравственно-философская экспертиза: направленность и методология» очень живо откликнулись активисты Клуба и студенты Института судебных экспертиз, что называется, на марше создав ряд небольших исследовательских групп (по 2–3 человека) и интересно выступив на очередном клубном заседании в форме круглого стола, свидетельствует о явной социальной и индивидуальной ее востребованности. Примечательно также и то, что на столь актуальный призыв откликнулись и кафедра этики философского факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, и молодежная секция новой медико-гуманитарной ассоциации АМЕГРА БРИКС, и наше университетское научно-образовательное сообщество, в частности, в форме предложения осветить историко-философский аспект рассмотрения проблемы.

Думается, само по себе творчество, по определению стремящееся к свету добра и истины, особенно на нравственно-философском поле, внутренне заточено на целенаправленную и бескомпромиссную борьбу с темным и мрачным злом в самом широком смысле слова. В какой-то мере это можно увидеть, к примеру, не только в жизнеутверждающей «Девочке с персиком» Валентина Серова, но даже в «Черном квадрате» Казимира Малевича (любопытно, что написанный в 1915 г. и названный критиками своего рода «делкой с дьяволом», он потом стоял, подобно иконе, именно в углу на известной выставке). Ведь без белого фона, который символизирует окружение черного цвета и победу над ним, невозможно было бы увидеть пропасть, условно говоря, квадратной беспросветности. Разумеется, здесь предлагается своего рода идеальная модель победы света добра над чернотой зла. В этой связи определенный интерес представляет позиция В. И. Моисеева: «Мы используем разного рода модели реальности и, опираясь на них, действуем. И здесь возможны ошибки. Тогда следует различать наше убеждение в правильности теории и ее реальную правильность. Здесь мы затрагиваем общие вопросы гносеологии, которые оказываются существенными и для аксиологических проблем»². При этом, думается, возможны различные, даже противоположные трактовки одних и тех же феноменов применительно к прошлому и настоящему. Важно находить верный с нравственной точки зрения угол зрения, точнее, оценивания.

Не вступая в спор с автором приведенных выше слов, следовало бы подчеркнуть и обратное: аксиологический (читай – этический) угол зрения столь же важен и для самого познания. Субъект последнего, скажем так, существенно и выборочно активизируется в тех случаях, когда он ощущает и понимает явную жизнеутверждающую значимость чего-то в постигаемом объекте. К примеру, даже ребенок особенно внимателен тогда, когда звучит именно родительский голос, за которым стоят ощущения безопасности, надежности, взаимопонимания, взаимопомощи и любви. Получается, что к методологическому познавательному инструментарию нельзя не отнести нравственное чувство, этические установки и принципы. Так, мы еще более внимательнее всматриваемся в новейшую историю

¹ Рыбаков О. Ю. Этика гуманизма: необходимость нравственности в человеке // Профессиональная этика фундаментального уровня и «новые этики» технологического типа: что важнее для человека, общества и права? / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М.: РГ-Пресс, 2023. С. 38.

² Моисеев В. И. На пути к новой формулировке категорического императива // Профессиональная этика фундаментального уровня и «новые этики» технологического типа: что важнее для человека, общества и права? / отв. ред. В. М. Артемов, О. Ю. Рыбаков. М.: РГ-Пресс, 2023. С. 46.

именно тогда, когда чувствуем и знаем какую-либо несправедливость в прошлом и руководствуемся желанием и обязанностью восстановить справедливость.

Для примера можно взять сегодняшнее отношение к событиям 106-летней давности, то есть к радикальным социально-экономическим, политико-идеологическим и духовно-практическим преобразованиям в России, результатом которых стало установление советской власти. Суверенность последней обуславливалась прежде всего мощной поддержкой желающего мира и справедливости трудового народа в городах (исключения, типа рабочей аристократии ижорских заводов не в счет), поселках и деревнях. Несмотря на немалое количество неизбежных трудностей и различных ошибок ее лидеров и не только, именно нравственная жизнеутверждающая сила самих людей, почувствовавших себя востребованными и значимыми для новой социокультурной жизни, в конечном счете и обеспечивала должный порядок в обществе. Социалистические законность и соответствующее правоприменение были в новинку, но в целом социальное большинство относилось к ним уважительно. Яркое подтверждение тому – четкость мобилизации и организации обороны и труда после злодейского нападения на трудовую и мирную страну фашистской Германии. Победа далась нелегко, но она состоялась именно потому, что страна преобразовалась менее чем за четверть века: итоги индустриализации, коллективизации, культурной революции, включая прежде всего советскую систему образования. Последняя и сегодня во многом остается востребованной, что сказывается на кадровом и частично организационном уровнях. Думается, данное обстоятельство разумно было бы прицельно позиционировать, продолжая эстафету великого прошлого. Его недооценка и, тем более игнорирование было бы не только неправильно методологически, в частности, с точки зрения хронологической преемственности и принципа единства исторического и логического, но и ошибочно ценностно-мировоззренчески, стратегически. Так перескакивать через целые эпохи, чтобы избирательно и прагматично возвращаться к чему-то субъективно привлекательному в далеком прошлом еще никому не удавалось. Историю великой страны нельзя уподоблять книге с картинками, страницы которой можно перелистывать без всякой системы, наугад или согласно какому-то выбранному мировоззренчески-идеологическому предпочтению.

Исходя из признания глубинных связей между прошлым, настоящим и будущим (пусть даже в мечтах и проектах), не следует недооценивать опасность указанных выше вариантов отношения к истории, особенно когда заранее задают некий желаемый шаблон будущего с позиций выхватывания из контекста чего-то понравившегося в прошлом и навязчивого выпячивания его без сколько-нибудь серьезного анализа всего комплекса причин и следствий. Иными словами, речь идет о банальном и непрофессиональном переписывании истории со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разумеется, на такой, условно говоря, приукрашенной, но скрипучей и неповоротливой карете далеко не уедешь: сама жизнь потребует реальной, а не выдуманной силовой тяги современности, способной обеспечить движение именно вперед и выше, то есть в освещенное ясным для большинства общества социальным идеалом будущее. Только такой подход и ведет к подлинному суверенитету в самом широком смысле слова.

В противном случае, или если предположить обратное (например, элитарно-политическую мотивацию избранных, фактически далеких от интересов указанного большинства), возможен неправомерный откат назад. В моральном, да и в правовом смысле может иметь место измена поколениям предыдущей эпохи, так сказать, потом и кровью преодолевшим несправедливое содержание общественно-государственного устройства предыдущего исторического этапа. Получится, что одна несправедливость далекого прошлого сменится другой, возможно, не менее опасной для социального целого. По существу, всякая несправедливость чужда суверенности, хотя какое-то время может стать ее имитацией. Так, за ширмой некоей европейской (читай – американской) мечты политическая элита соседней страны при поддержке недалеких в идейном смысле обывателей, тяготеющих к крайнему национализму и узкому прагматизму, осуществила десоветизацию на государственном уровне, что привело к катастрофе применительно к Донбассу и не только. Жители русскоговорящих регионов не могли не почувствовать и не понять всю тупиковость и нежизнеспособность навязываемого извне, а значит, зависимого и продажного военно-политического режима неонацистского типа. При этом протест против последнего в самом начале был

преимущественно и в основном духовно-нравственным, аксиологическим. Ощущение явной исторической несправедливости и желание продолжать опираться на собственные ценности, в том числе ценности предыдущих десятилетий советской эпохи (мир, интернационализм, созидательный труд, Великая Победа и т.п.) там преобладали, да и сейчас, судя по всему, доминируют.

То обстоятельство, что именно в такой, казалось бы, тупиковой ситуации, когда внешнее давление только усиливалось, наша страна пришла на помощь мирному населению и ополченцам Донбасса, также свидетельствует прежде всего о морально-нравственной, по существу, спасительной мотивации как основе подлинного суверенитета. Представляется важным последовательное, целенаправленное и настойчивое культивирование именно этой основы, да и нравственности в целом, в том числе и по отношению к праву. Последнее со времен знаменитой Русской Правды, исходя из своей миссии восстановления справедливости, не терпит конъюнктурной суеты и с точки зрения интересов общества требует к себе постоянного нравственно-философского экспертного внимания.

Реальная же ситуация такова, что средства массовой информации, как говорится, с упорством, достойным лучшего применения, очень часто и с каким-то особым удовольствием рассказывают не о носителях настоящего разума, соединенного с добром, а об искусственном интеллекте и разного рода нелепостях, которые выдают нейросети. Данное положение вещей, на мой взгляд, обязывает научно-образовательное сообщество быть в своего рода наступлении на поле учебно-просветительской, особенно воспитательной деятельности. Но подобное наступление должно опираться на какие-то жизнеутверждающие моменты в самой практике общественного и государственного бытия. Увы, они далеко не всегда очевидны и образцовы. Так, недавно, найдя «окошечко» в напряженном учебном графике, откликнувшись на достаточно настойчивую призывную информацию об открывшемся форуме «России 2023» на ВДНХ, отправился туда с весьма оптимистическим настроением. Особый интерес, разумеется, был связан с позиционированной накануне выставкой, посвященной советской образовательной системе в соответствующем павильоне «Просвещение». Честно говоря, надеялся увидеть там экспонаты той великой образовательной эпохи, услышать квалифицированные рассказы специалистов о реальных достижениях в плане обучения и воспитания советских людей, которые штурмовали космос, строили предприятия мирного атома, считались самыми читающими в мире и т.п. Увы, практически ничего подобного там не оказалось, за исключением нескольких общеобразовательных, скорее пропагандистских плакатов того времени типа «Будь отличником!». Правда, там много портретов (классических и новых), соответствующих цитат, но сколько-нибудь стройная система не представлена, а последовательности в освещении преемственности между прошлым и настоящим не просматривается. Самое же удивительное и печальное я услышал из уст юной представительницы современного образования, по-видимому, призванной помогать обслуживать посетителей. О выставке советской системы образования она ничего не знает, да и, вообще, о последней не слышала. И это после публичного призыва профильного руководителя приходить и ознакомиться с тем, получается, о чем сами организаторы и исполнители на месте не знают...

В общем, результаты оказались противоположны ожидаемым. Для сравнения и полноты картины по пути, еще до этого посетил павильон культуры. Он пестрел разного рода региональными красотами и мотивами, что само по себе не может не заинтересовать, задеть, что называется, эстетические чувства. Но уже там начались сомнения, когда, к примеру, из уст приглашенного туда известного актера театра и кино услышал примерно следующее о ситуации с молодежью, прежде всего учащейся: «Сейчас у нас (них) все есть... не то, что в наше время, когда шла активная обработка умов... Ничего, важно не навязывать высокую культуру, а потихонечку само по себе как-нибудь все и образуется...». Понятно, что особенной мудрости применительно к педагогической деятельности от неспециалиста трудно ожидать, но совсем не понятна и не оправдана мотивация в плане искажения фактической стороны дела. Разве достаточно зрелый человек не знает об огромной материальной и организационной поддержке школы, всей системы образования и воспитания (бесплатные кружки, всевозможные конкурсы, соревнования и т.п.) со стороны советского государства и всего общества?

В таких условиях важно четче позиционировать научно-гуманистическое мировоззрение как важную составляющую духовности. Нейтральность и отстраненность по отношению к происходящему означает косвенную поддержку сил зла. Подлинное образование не терпит мировоззренческого

безразличия и гражданской безответственности. Ведь речь идет о подготовке настоящих профессионалов применительно к сложным видам деятельности, которые предполагают не просто знания о мире, людях и обществе, а и развитие, совершенствование их в направлении высоких идеалов. Качество последних определяется не самим по себе уровнем цивилизационных достижений, а максимальным присутствием человеческого в человеке и обществе. Именно это последнее и составляет стержень нравственной философии, особенно ярко проявляющей себя на почве отечественной гуманитарной мысли и русской культуры в целом. Налицо духовно-нравственное, а также теоретическое основание подлинного и устойчивого суверенитета права, всех иных социальных институтов нашей страны.

Беляев М. А.

доцент кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат философских наук

Регуляторная политика как инструмент достижения государством суверенных целей развития

Состояние суверенитета предполагает отношения взаимного признания, стабильно существующие на мировой арене. При этом не исключена неоднородность такого признания: взаимодействия государств – это десятки тысяч переплетенных связей, каждая из которых может быть представлена как функция от времени, доверия, интереса и иных стандартных переменных, присущих политике. Вполне очевидно, что значения такого рода функций постоянно изменяются, причем эти изменения трудно спрогнозировать ввиду большого числа переменных величин.

В объем взаимного признания традиционно входит возможность актора-государства сообразовывать внутреннюю среду государственных институтов с целями и задачами национального развития. Если таковые имеют приоритетное значение при разработке конкретных мер внутренней и внешней политики, то можно говорить о достаточной степени независимости государства на глобальном уровне. Такому положению дел, однако, могут противостоять извне те акторы, которые не заинтересованы в усилении конкретного политического игрока.

В эпоху информационного общества способы подобного противостояния многократно умножаются. Например, орудием косвенного экономического давления выступает эксплуатация, а порой именно навязанное использование глобальных рейтингов по типу «Индекса верховенства права», «Индекса демократии» и т.п. Поскольку методика формирования подобных рейтингов базируется на непрозрачных процедурах экспертных опросов и оценок, сохраняется возможность манипулировать данными в отношении конкретной страны, занижая ее позиции. Это создает неблагоприятный информационный шум вокруг соответствующих рынков, формирует отрицательный образ государственной власти, снижает привлекательность национальной экономики для внешних инвесторов. Вторая сторона медали открывается при попытке конкретного государства следовать рекомендациям, имманентно заложенным в методологические основания таких рейтингов, дабы исправить ситуацию. Со временем выясняется, что игра по чужим правилам есть еще большее зло, нежели то, которое порождено искаженной информацией, т.к. порождает не менее серьезные политические и экономические проблемы. Модели, порожденные одними субъектами, могут оказаться неблагоприятными для других субъектов.

На первый взгляд представляется, что интегрированность как естественное отношение любой развитой или развивающейся страны к мировому порядку не позволяет бороться с такими феноменами «мягкой силы». Отдельное государство, как легко понять, не может напрямую и без ощутимых издержек противостоять транснациональной рейтинговой системе, поскольку любая альтернативная система, если и будет введена в оборот, останется локальной и не окажет сопоставимого вытесняющего эффекта. Однако представляется, что дисбаланс, в который вовлекается отдельный участник подобных

систем, может быть отчасти выправлен иным способом, который мы связываем с регуляторной политикой.

Если давать самое простое определение, то можно сказать, что регуляторная политика есть система взаимосвязанных и прогнозируемых решений государства на предмет того, что оно будет регулировать и в каком объеме, а также какими способами. Фактор прогноза в разработке конкретных решений здесь очень важен: предупреждение коллизий, пробелов, неработающих норм и норм, не обеспеченных процессуальным механизмом, представляет собой важную задачу, решать которую следует в «режиме реального времени». Дополнительно государство должно определять и судьбу тех общественных отношений, которые выводятся им за пределы прямого регулирования: необходимо решить, превратятся ли формальные институты в этом случае в неформальные, или же будет применен какой-то иной способ переноса данных отношений в сферу саморегулирования. Поскольку весь названный перечень действий должен выполняться: а) постоянно, б) на профессиональной основе, в) в целях гармонического развития общества и государства в целом, речь идет именно о политике, пусть и не носящей ярко выраженного отраслевого характера.

Перечислим те полезные эффекты, которые могут возникать при систематической реализации мероприятий регуляторной политики. Во-первых, речь должна идти об эпистемических эффектах. Регуляторная политика делает познаваемыми отдельные процессы и явления. Это происходит за счет того, что в любой норме в свернутом виде содержится и дескрипция социума как условие применимости этой нормы, так что правильное развертывание нормативных предписаний создаст истинную картину тех тенденций, которые актуализируются в каждой из подсистем общества. Во-вторых, конечно, будут иметь место экономические эффекты, поскольку согласованные стимулы и ограничения, исходящие от публичной власти, послужат повышению инвестиционной привлекательности государства и зададут импульс для развития форм государственно-частного партнерства, что в случае, например, России сегодня критически важно. В-третьих, возникнут и собственно политические эффекты: на международной арене государство, систематически реализующее регуляторные мероприятия, будет сохранять не декларативный, а подлинный суверенитет, руководствуясь прежде всего своими интересами, а не извне навязанными ценностями.

Итак, принцип прозрачности управленческих процессов вне зависимости от степени их глобальности может быть реализован в рамках государства посредством внедрения отдельных (но связанных в систему) мер регуляторной политики. Движение от самопознания к самоуправлению – вот естественная закономерность, отвечающая бытию любого субъекта – как ординарного индивида, так и государства. С этих позиций легко ответить на замечание германского профессора Д. Гримма о том, что «...сохраняющаяся ценность суверенитета должна быть объяснена не менее, чем устаревание этой концепции»¹. Как представляется, могут устареть лишь конкретные формы обеспечения суверенитета, но сам он как таковой присущ общественному сознанию политически организованного общества. Сегодня социальные науки дошли до такой степени развития, что могут способствовать разумной работе с любой подсистемой общества, т.е. любая подсистема может обрести некую меру независимости, но пока основным способом такого обретения выступает независимость одного государства от другого – исключительно в силу большей структурированности государства по сравнению с любым гражданским обществом. Именно поэтому проблематика, указанная в настоящем тексте, лишь возрастает в своей актуальности.

¹ Grimm D. Sovereignty. The Origin and Future of a Political and Legal Concept. N. Y., Columbia University Press, 2015. P. 103.

Васильева М. И.

преподаватель кафедры философии и социологии
 Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
 кандидат педагогических наук

Отражение лексемы «суверенитет» в русском языке (диахронический аспект)

Слово в своей основной функции воспринимается носителями языка как средство номинации. Все явления и процессы окружающего мира находят свое отражение в слове.

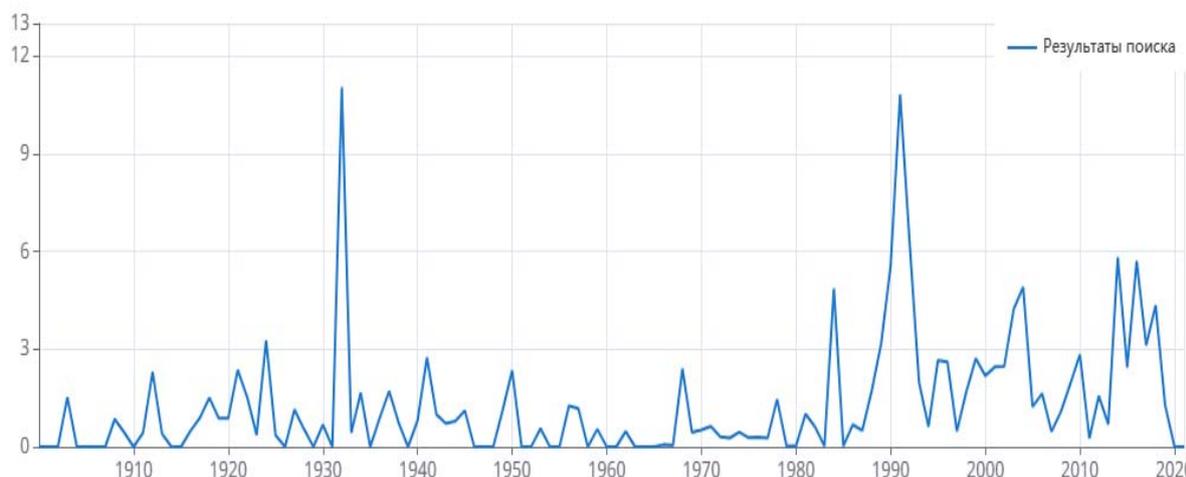
Лексическая система, в отличие от других систем языка, наиболее тесно связана с внешними, экстралингвистическими факторами. Лингвист В. В. Виноградов отмечает, что «история лексики тесно связана с историей производства, быта, культуры, науки, техники, с историей исторических мировоззрений»¹. Непрерывно меняющиеся жизненные реалии подвергают активным изменениям и словарный состав языка: слова появляются и устаревают, изменяются значения и сочетаемость отдельных слов.

Слово суверенитет — это то слово, которое мы чрезвычайно часто слышим в речах политических деятелей, в публичном пространстве. В широком смысле суверенитет определяется как «верховенство власти на определенной территории»².

По данным панхронического корпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) наибольшая частота употребления слова *суверенитет* в XX в. приходится на 1932 г. и 1991 г., а в XXI в. (до 2021 г.) — на 2014 г. и 2016 г. (см. рис. 1). Частота определяется как количество употреблений слова за год, поделенное на объем корпуса за этот год и умноженное на 1 млн³.

Рисунок 1

Частота употребления слова суверенитет с 1900 г. по 2021 г. (по данным НКРЯ)

Мы затрудняемся в определении причины всплеска употребления в письменных текстах слова *суверенитет* в 1932 г. Можем предположить, что на этот период пришлось наиболее активное осмысление этого понятия.

Более подробно мы остановимся на анализе данных за 1991 г. и 2014, 2016 г.

В 1991 г. в политической публицистике, по данным НКРЯ, слово суверенитет употребляется в следующих контекстах: «...суверенитет республик — декларация», «...подобная постановка вопроса серьезно ущемляет суверенитет республик», «когда республики обретут подлинный суверенитет, вот тогда и можно всерьез подумать о Кавказском доме», «мы же только с ужасом успеваем наблюдать за

¹ Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М.: Наука, 1977. С. 70.

² Мустафин А. А. Политология: словарь современных терминов и выражений. Ангарск: Изд-во: АГТА, 2012. С. 128.

³ График распределения результатов поиска // URL: <http://ruscorpora.ru/page/tool-graph>.

очередными агонизирующими действиями Центра. И всё это называется суверенитет республики» и др. В значительной части контекстов слово суверенитет в 1991 г. используется в рамках обсуждения положения республик, входящих в состав СССР, при этом наличие подлинного суверенитета у республик подвергается критическому осмыслению.

В 2014 г. и в 2016 г. в русскоязычной политической публицистике слово суверенитет чаще употребляется в контексте посягательства на суверенитет: «не имеют под собой основания и утверждения, что Россия покушается на суверенитет своих соседей», «до тех пор пока не будет восстановлен суверенитет в области финансирования собственного развития, Россия будет оставаться уязвимой», «особое внимание в наше время должно уделяться массовой культуре, внедрение которой может рассматриваться как посягательство на национальный суверенитет государств» и др.

Опираясь на данные НКРЯ, можно проследить, как меняется вектор обсуждения проблем суверенитета в корпусе русскоязычных текстов. В публицистике 1991 г. суверенитет рассматривается как неотчуждаемое качество, свойство независимых субъектов. В текстах 2014 и 2016 гг. суверенитет рассматривается как то, что требует восстановления, на что может быть совершено посягательство, покушение.

Далее приведем примеры наиболее распространенных коллокаций, то есть сочетаний слова суверенитет с другими словами в тексте. Так, по данным НКРЯ, слово суверенитет наиболее часто сочетается в одном тексте с именами существительными независимость, государство, свобода; именами прилагательными территориальный, национальный, государственный; глаголами нарушать, восстановить, защищать, признавать, сохранить, объявить, гарантировать.

Любопытно, что к числу наиболее распространенных коллокаций среди имен прилагательных не относится слово народный, в то время как в словарях выделяется суверенитет государственный, национальный и народный¹.

Глаголы, наиболее часто сочетающиеся со словом суверенитет, позволяют судить о том, что суверенитет может быть подвергнут изменениям. Суверенитет можно нарушить и восстановить, объявить, сохранить и пр. Таким образом, лингвистические данные об историческом употреблении и синтагматических отношениях слова суверенитет указывают на то, что суверенитет – одно из базовых понятий для международных отношений и для национальных правовых систем – подвергается постоянной трансформации.

Лихтер П. Л.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры частного и публичного права
Пензенского государственного университета

Гносеологическая категория «истина» как модификация идеи блага в «государстве» Платона и современной социологии права

Соотношение ценностей, провозглашенных в основных законах государства, и фактически сложившееся состояние правовой реальности на конкретном историческом этапе развития можно переформулировать как соотношение прескриптивной и дескриптивной теории права. Последнюю также можно назвать социологией права. Для юридической науки важным вопросом остается разрешение проблемы гносеологического разрыва между провозглашенной системой ценностей конституционных актов и фиктивными правовыми феноменами, которые внешне симулируют эссенциальные объекты правовой реальности, но на деле обусловлены противоправными мотивами.

Для преодоления этого разрыва важно изучить проблему соотношения представления о праве в индивидуальном сознании и объективной правовой реальности. Для этого будет полезным обратиться к истокам политико-правовых школ Европы и Азии, а именно к наследию античной философии. Не

¹ Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д. Е. Погорелый, В. Ю. Фесенко, К. В. Филиппов. Ростов н/Д : Феникс, 2010. С. 232–233.

случайно А. Уайтхед писал, что «...вся европейская философия – не более, чем заметки на полях Платона»¹.

При этом важно представлять предложенную древнегреческим мыслителем ценностную иерархию, на вершине которой находится идея блага. Она сама по себе освещает все сферы окружающего мира и социального взаимодействия людей. Однако признавая универсальность и сложность уяснения ее сущности, Платон уточняет, что «...в случае невозможности удержания блага в одной единственной идее, можно подвести его под идеи соразмерного, прекрасного и истины»².

Термины «истина» и «истинность» часто встречаются в юридической литературе и политических дебатах, однако не всегда можно говорить об их корректном использовании. Зачастую понятие употребляется не для установления соотношения знания к объективной реальности, а как риторическое оправдание корыстных интересов.

Представители различных научных школ относили к критериям истинности когерентность, общепризнанность, утилитарную полезность, непротиворечивость. Соответственно сформировались такие концепции, как когерентная, конвенциональная, утилитаристская и др. Однако первой по времени возникновения была корреспондентная теория, сформулированная Платоном в диалоге «Государство»³. Ее основным критерием будет соответствие знания (утверждения, высказывания) фактам реальности⁴. Именно эта классическая концепция сохраняет инструментальное значение для современной социологии права.

Следует учитывать, что когда речь идет об установлении истины в рамках правовой реальности, то объектами исследования будут не только дескриптивные обстоятельства о положении вещей в материальном мире, например, о факте распределения материальных благ в обществе, но и прескриптивные высказывания о должном состоянии государственно-правовых институтов. Поэтому в категориях истинности сложно рассуждать о ценностях и целях законодательства, которые зачастую содержат в себе пожелания на будущее.

В конце XX в. возникло множество теорий, провозглашающих любую истину относительной, что нашло отражение в антропологической и постнеклассической юриспруденции⁵. Антропоцентризм создал предпосылки для признания тождественности объективного знания и субъективного мнения⁶. Однако такие характеристики постмодерна, как отказ от объективной истины и определенности предопределяют отношение к праву как к явлению, лишенному онтологической основы.

В юридической литературе можно встретить мнение о том, что постмодерн – это «...уход от реалий вообще. В постмодерне и законодатель, и воля его суть фикции. И каждое практическое следствие было связано с поиском «онтологического бытия» права в борьбе учений о логическом, этическом и метафизическом аспектах конкретных способов «бытия» в условиях бытийного места и времени»⁷. В то же время подобный подход содержит риски субъективного произвола и признания истинности антиправовых оснований.

Установление подлинного соответствия между объектами правовой реальности и их отражением в сознании субъектов сохраняет значение как для правоприменительной практики, так и для фундаментальной юриспруденции. Неприятие антропоцентризма в праве актуализирует концепции объективного идеализма, обосновывающие самостоятельный онтологический статус у идеальных феноменов. Теория Платона предполагает, что истина определена вневременными эйдосами, независимыми от субъективных мнений. В «Государстве» философ рассуждает о доступе к истинному

¹ Stengers I. Thinking with Whitehead: A Free and Wild Creation of Concepts. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2011. P. 17.

² Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1990–1994. (Филеб, 65а). Т. 3. С. 75.

³ Платон. Указ. соч. (Государство, 534а-б). Т. 3. С. 318.

⁴ По лат. «correspondentia» – «соответствие».

⁵ Павлов В. И. Правопонимание в контексте идеи человекомерности права: антрополого-правовой подход // Журнал российского права. 2023. № 7. С. 21–34.

⁶ Пермиловский М. С. Конституционная аксиология прав человека: философия антропоцентризма в конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 3. С. 7–11.

⁷ Лазарев В. В. Толкование права: классика, модерн и постмодерн // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 15–28.

знанию посредством мифа о пещере: органы чувств способны воспринимать тени на стене, но для понимания реальности как она есть необходим «подъем души в область умопостигаемого»¹. Область эйдосов иерархична и на ее вершине находится идея блага. По сути, в форме мифа Платон обосновал кардинальную смену научной парадигмы, произошедшую 2 400 лет назад, а именно переход от эмпиризма к рационализму.

Как уже было отмечено, в идею блага Платон включает идеи соразмерного (*συμμετρία*), прекрасного (*κάλλει*) и истинного (*ἀλήθεια*). Слово «ἀλήθεια» означает «нескрытое», то есть то, что бытийственно с онтологической точки зрения и невозможно спрятать от рационального познания. Таким образом, концепция объективного идеализма предполагает установление истины в сущности объектов, а не в проявлениях их внешнего существования. Такое понимание подтверждается и лексическим анализом употребления в древнегреческих текстах существительного «ἀληθείη» и прилагательного «ἀληθής». Дж. Палмер пишет, что если в более позднее время приемлемым переводом этих слов стали «истина» и «истинный» соответственно, то раньше более точным значением были «реальность» и «реальный»².

В XX в. М. Хайдеггер также указывал на онтологическую природу термина «ἀλήθεια». Пытаясь избавиться от балласта субъективности, немецкий философ определял только откровенное бытие доступным для познания³. Как по Платону, так и по Хайдеггеру феноменальный мир существует в реальности, но органы чувств не в состоянии воспринимать его целиком, поэтому поиск истины будет осложнен недостатками органов чувств человека, а также досужими мнениями окружающих.

Актуальность вопроса о природе истинности правовых феноменов сохраняется в современной социологии права, так как обосновывает критическое отношение к чувственному восприятию ряда политико-правовых явлений. Только рациональное установление истины обеспечивает поиск оптимального баланса каталога ценностей, принципов, норм правовой реальности.

На основании изложенного можно сделать вывод, что сформулированные Платоном в «Государстве» концепции сохраняют актуальность для современной юриспруденции. Приоритет рациональной идентификации над чувственным восприятием при установлении истинности знания позволяет приблизиться к пониманию сущности правовой реальности, а не анализировать ее внешние (зачастую искаженные) проявления.

Лукьященко А. В.

кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

Ансимов М. А.

аспирант кафедры психиатрии и наркологии
Центральной государственной медицинской академии
Управления делами Президента РФ
(ФГБУ ДПО «ЦГМА»)

Искусственный интеллект и суверенитет человеческого Я

Некогда Зигмунд Фрейд, оценивая основы своей психоаналитической теории, сказал, что «в своих исследованиях огромного здания человеческой психики», он «остановился в подвале».

С некоторой долей условности, используя терминологию этого великого мыслителя, можно заметить, что и сегодня Эго(Я) современного человека находится между молотом чуждой (а, порой, и враждебной) ему социальной реальности и наковальней непознанных внутренних, субъективных сил.

¹ Платон. Собрание сочинений : в 4 т. / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. М. : Мысль, 1990–1994. (Государство, 517b). Т. 3. С. 298.

² Palmer J. Parmenides and Presocratic Philosophy. Oxford, N. Y. : Oxford University Press. 2009. P. 89.

³ Heidegger M. Platons Lehre von der Wahrheit. Bern: A. Francke AG, 1947.

Содержание субъективного внутреннего мира человека во многом и сегодня остается для нас загадкой. При этом бурное развитие социальных технологий, опирающихся на достижения современного научно-технического прогресса, с неизменной настойчивостью все глубже проникает в суверенное пространство нашего субъективного внутреннего мира, делает его всё более уязвимым и хрупким.

В условиях отчуждения человека от многих общественных ценностей, отсутствия общенациональных идеалов, затянувшихся поисков национальной самоидентификации, тотального манипулирования общественным сознанием, настоятельных и всё более изощренных попыток проникновения в суверенную жизнь человека, — познание человеком самого себя обретает не просто теоретический, но и сугубо практический характер.

Человеческий субъективный мир — это мир сознания и самосознания. В сознании человек способен познавать сущность предметного мира, понимать его и одновременно знать о том, что он знает или не знает. Предметом сознания может стать сам человек, его собственное поведение и внутренние переживания. Сознание здесь принимает форму самосознания. Но предметом сознания может стать и самосознание, его схемы, механизмы, понятия и т.п. На этом уровне сознание принимает форму рефлексивного сознания. Но во всех этих случаях есть общая принципиальная черта — в сознании человек как бы выходит за пределы самого себя, занимает позицию над ситуацией. Очень точно об этом сказал М. Шелер: «Только человек — поскольку он личность — может возвыситься над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно-временного мира, сделать предметом своего познания все, в том числе и себя самого».

В своем сознании человек открывает смысл своих действий, поступков, поведения, своей жизни. Человеческая жизнь, по определению, осмысленна. Человек не может жить вне смысла. Без субъективного смысла жизнь человека теряет свою ценность. Известный австрийский врач и психолог В. Франкл в книге «Человек в поисках смысла» убедительно показал, какое важное место в жизни человека занимает проблема смысла жизни и его поиска. Он особое направление в психокоррекции — логотерапию, т.е. помощь обосновал человеку в обретении смысла жизни.

Самоценность человеческой жизни как высшая ценность и условие гуманизации современного общества самым непосредственным образом связаны со стремлением сохранить суверенитет человеческого Я, с осознанным выбором образа жизни и образа мыслей.

Исторический прорыв в модернизации общества возможен исключительно на условиях добровольного, творческого раскрытия потенциала субъективного внутреннего мира человека. При этом ведущую роль в процессе исторического преобразования должны играть не внешние социальные условия человеческого бытия, но сам человек как субъект истории. Раскрепощение человеческой субъективности возможно лишь как акт свободной воли, включающий в себя элементы веры в торжество справедливости, свободы человеческого духа. Не случайно сегодня больному и раздираемому как внешними, так и внутренними противоречиями обществу и человеку всё больше требуется не только материальная, но и духовная, пастырская помощь и поддержка.

Развитие общества должно быть понято и истолковано не только как процесс преобразования человеком внешнего мира, вещной реальности, но и как процесс самоизменения человека, совершенствования и развития человеческой субъективности, гармонизации социокультурной реальности его внутреннего мира. В этой связи перед гуманитарным знанием встает задача исследования философско-методологических оснований анализа и понимания субъективного внутреннего мира человека, человеческой субъективности во всем богатстве форм и способов ее реализации, определения того пространства, в котором «обитает» суверенное человеческое Я. Как здесь не вспомнить слова Блеза Паскаля о том, что сложность человека заставляет ученых заниматься чем угодно, только не познанием человека.

Наша принципиальная позиция заключается в том, что внутренний мир человека должен быть понят не только как мир человеческого сознания. Внутренний мир как мир человеческой субъективности гораздо более богат, чем мир человеческих мыслей, чувств, эмоций и переживаний. Субъективная реальность человека (человеческая субъективность) в отличие от реальности объективной имеет иной модус бытия: она не может существовать сама по себе, ее существование

всегда производно и зависимо от субъекта, понятого в самом широком смысле – как субъекта деятельности, познания и общения.

Говоря о внутреннем по отношению к бытию человека, мы имеем в виду его субъективное бытие по отношению ко всей объективной реальности. Внутренний мир – это не только то, что находится в пределах ограниченного телесными рамками индивида, не то, что заключено под черепной коробкой индивида, но, представляя собой жизненное пространство субъекта, является его социальным качеством, реализуемым только в системе общественных отношений.

Человеческая субъективность всегда интенциональна, – внутренний мир человека имеет смысл только в его связи с внешним миром, но не со всем, а только с той его частью, в которой реализованы, опредмечены сущностные силы человека, с миром человеческой культуры.

В систему субъективного внутреннего мира человека наряду с его сознанием включены и подсознательные, бессознательные иррациональные элементы человеческой души, влияет на человека и коллективное бессознательное, то, что Юнг называет архетипами. Сегодня нельзя просто отмахнуться от того, что мифологическая и зачастую иррациональная составляющая человеческой жизни все настойчивее заявляет о своих правах на каждого из нас. Почему в эпоху адронного коллайдера шаманы, гадалки, толкователи снов, целая армия экстрасенсов и «потомственных» целителей человеческой души всё больше и больше завоевывают «умы и сердца людей», превратив свое «ремесло» в весьма доходный бизнес.

Появившаяся блогосфера демонстрирует не только торжество человеческого разума, но и превращение ее в новый вид мистической реальности. Освоение современных компьютерных технологий не только усиливает возможности и способности человеческого интеллекта, но и вызывает в условиях разобщенного человеческого мира новые психические заболевания, психологические зависимости.

Невротик и его внутренний мир (Дж. Фурст) – проблема не столько теоретическая, научно-исследовательская, сколько практическая. Все настойчивее звучат призывы обратить самое пристальное внимание на «экологию человеческой души».

Совершенствование современных технологий «промывки мозгов», тотальной слежки и беспардонного вмешательства во внутренний мир человека (свидетельства Э. Сноудена и др.) трансформировали профессию «ловцов» человеческих душ в «агентов влияния в Интернете».

И если еще некоторое время назад для большинства жителей нашей планеты и, соответственно, Российской Федерации, диковинкой был Интернет, то сегодня на повестку дня поставлены вопросы функционирования и развития искусственного интеллекта (ИИ – далее) поистине в планетарном масштабе, его разработки, внедрения практически во все сферы человеческой жизнедеятельности.

В октябре 2019 г. был подписан Указ Президента РФ № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», утвердивший «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»¹. В качестве приоритетной цели развития ИИ в Российской Федерации было указано на «обеспечение роста благосостояния и качества жизни ее населения, обеспечение национальной безопасности и правопорядка, достижение устойчивой конкурентоспособности российской экономики»².

После принятия Национальной стратегии прошел всего лишь год, а в нашей жизни с внедрением элементов ИИ произошли поистине тектонические изменения. Свидетельством этому стало участие Президента РФ В. В. Путина в работе международной конференции по искусственному интеллекту Artificial Intelligence Journey (AI Journey 2020) на тему «Искусственный интеллект – главная технология XXI века»³.

В ходе конференции AI Journey 2020 Президент РФ В. В. Путин сформулировал ряд важнейших задач в сфере искусственного интеллекта, требующих безотлагательного решения уже в ближайшее время.

¹ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // URL: www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72738946/#review.

² Указ. ист.

³ Конференция по искусственному интеллекту // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545>.

Прежде всего, Правительству РФ поручено оперативно внести проекты законов, вводящие экспериментальные правовые режимы для использования технологии искусственного интеллекта в отдельных отраслях экономики и социальной сферы, утвердить стратегии цифровой трансформации 10 ключевых отраслей экономики и социальной сферы, с практическими мерами по внедрению в их работу алгоритмов искусственного интеллекта.

Помимо этого, уже в первом квартале 2021 г. внести в Думу законопроект о доступе разработчиков нейросетей к большим данным, в том числе к государственным массивам, исключив риски утечки персональной информации и обеспечив соблюдение прав граждан, а также постоянно работать над повышением эффективности производственных управленческих процессов, кардинально изменить систему государственного управления, привлекая технологические ресурсы ИИ.

Подчеркивая планетарный масштаб происходящих технологических изменений, В. В. Путин называет ИИ основой «рывка вперед всего человечества». Вместе с тем эти прорывные технологии уже сегодня приносят в нашу повседневную жизнь и новые проблемы, требующие своего незамедлительного философского осмысления.

Очередной раз человечество стоит перед вызовом со стороны собственного творения – техники и машин. Киборги уже становятся нашей реальностью (боевые роботы), а перед человечеством уже маячит тень не вымышленного «Современного Прометея» Мэри Шелли, а вполне реального Франкенштейна.

Современные биотехнологи вплотную подошли к «оживлению» безжизненной (мертвой) материи, а Илон Маск и его компания Neuralink, занимающиеся разработкой чипов, хотят сделать операции по вживлению имплантов не только свиньям, но и людям полностью автоматизированными.

Так, по словам Илона Маска, имплант размером с монету скоро сольется с костной тканью черепа и станет незаметен извне, а использовать его можно будет для лечения неврологических заболеваний и даже депрессии. Соответственно, возникают и риски создания универсального механизма манипуляции человеческим сознанием, тотального подчинения человеческой воли машинному интеллекту.

Первый имплант уже установлен. Компания Neuralink, при помощи которой предприниматель Илон Маск надеется совершить революцию в интерфейсах «мозг-компьютер» (BCI), впервые имплантировала человеку устройство «чтения мыслей». Об этом Маск сообщил в твите, опубликованном 29 января. Однако многие уже сегодня обеспокоены отсутствием прозрачности вокруг имплантата, который должен дать возможность управлять устройствами посредством мысли¹.

Все эти опасения и рассуждения носят уже не просто чисто прогностический, абстрактный характер. Проблема поднята и на государственный уровень. Данная проблема стала предметом ответственной дискуссии президентов Российской Федерации и Казахстана с ведущими мировыми исследователями и разработчиками ИИ.

Так, отвечая на прямой вопрос об опасности влияния искусственного машинного интеллекта на человека, о возможности «восстания машин», В. В. Путин прямо заявил, что, «есть опасение, что они будут контролировать людей». И, во-вторых, отвечая на собственный вопрос, – «Есть ли какие-то в этой связи опасности и риски?», – ответил, – «Да, есть».

Констатация подобного рода опасений закономерно вывела эту дискуссию в русло сугубо философского анализа – выяснения соотношения искусственного и естественного, внутреннего и внешнего, материального и идеального, социального и биологического в человеке.

В. В. Путин рассуждая о соотношении естественного интеллекта человека с ИИ, говорил, что «машины будут контролировать человека в значительной степени, так же, как и многие другие современные технические средства, но человек должен в конечном итоге контролировать эти машины». «Искусственный интеллект становится верным помощником, открывающим новые горизонты для решения целого ряда задач, которые стоят перед человечеством... Но в том случае, конечно, если мы правильно распорядимся этими колоссальными ресурсами, это пойдет на пользу»².

¹ Чип Neuralink Илона Маска: что ученые думают о первом испытании на людях // URL: <https://naked-science.ru/article/nakedscience/chip-neuralink-mask>.

² Конференция по искусственному интеллекту // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/64545> 5.

Речь в данном случае идет, на наш взгляд, об опредмеченных в технике и технологиях сущностных силах человека, которые являются неотъемлемой частью человеческого Я, его социальной или субъективированной реальностью.

Еще один важный аспект, поднятый в этой дискуссии Президентом России, – это уникальность субъективного внутреннего, духовного мира человека. В. В. Путин четко выразил свое отношение к отличию искусственного интеллекта от естественного, подчеркнув уникальную роль духовно-нравственного начала.

Отвечая на вопрос виртуального помощника Сбербанка «Афины», может ли искусственный интеллект стать президентом, В. В. Путин, пояснил, что «Искусственный интеллект, как ясно из названия, ненастоящий. У всего искусственного, в том числе и у интеллекта, нет сердца, нет души, нет чувства сострадания и совести. Все эти компоненты чрезвычайно важны для людей, которых граждане наделяют особыми полномочиями для принятия решений на благо страны»¹.

Как тут не вспомнить слова Л. Фейербаха об эстетическом, а не сугубо утилитарном (вещном) отношении человека к действительности, к окружающему миру, когда он писал, что лишь человеку «бесцельное созерцание звезд дает небесную отраду, лишь он при виде блеска благородных камней, зеркала вод, красок цветов и бабочек упивается одной негой зрения; лишь его ухо восторгается голосами птиц, звоном металлов, лепетом ручейков, шелестом ветра...»².

Не останавливаясь более подробно на содержании этой дискуссии, заметим, что наряду с упоминанием уникальности духовно-нравственного начала человеческой жизни, была затронута проблема интуиции, а также нерационального мышления при принятии решений такие чисто человеческие субъективные институции, как целеполагание, целесообразность и мотивация. Последние зачастую коренятся в иррациональных, а порой, и бессознательных мотивах человеческого Я.

Приведем в качестве примера рассуждения В. В. Путина относительно мотивов принимаемых им государственных решений. В частности, он подчеркнул, что у ИИ как потенциального руководителя страны нет необходимых для главы государства души, совести и сострадания. При этом главе государства не всегда приходится принимать рациональные решения. «Для президента-человека они кажутся и являются обоснованными, потому что они принимаются не в интересах машин, а в интересах живых людей».

Место ИИ – быть помощником президента. «Без всякого сомнения, – подчеркнул В. В. Путин, – искусственный интеллект может быть хорошим подспорьем, хорошим помощником, даже учителем любого человека, и главы государства в том числе»². Более того, Президент РФ предложил создать четкие и ясные правила его использования, создать морально-нравственный кодекс работы искусственного интеллекта.

«Кроме различных административных, законодательных ограничений, мне кажется, нужно подумать о том, чтобы выработать внутренний для среды морально-нравственный кодекс»³, сказал президент, отметив, что подобный своды правил применяются во многих средах.

Масштабная цифровизация и информатизация, внедрение новых ИИ технологий и нового технологического уклада во все сферы нашей жизнедеятельности с еще большей остротой ставят проблему осмысления и понимания собственно человеческой жизни, уникальности и неповторимости нашего бытия, раскрытия богатства нашего внутреннего духовного мира, потенциала человеческого Я. Соответственно, еще большее практическое значение и гуманистическую ценность приобретает философско-методологический инструментарий понимания человека, его социокультурной природы.

К сожалению, догматически истолкованный марксизм привел к тому, что социальное стало рассматриваться как особая структура, проявляющаяся в жизни людей, как особый порядок их взаимодействия, а иногда и как особая сила, воздействующая на людей и существующая как бы независимо от них. Тем самым человек во всем многообразии своих черт и способностей, и отношений оказывался как бы за пределами собственно философского исследования. По сути дела, истолкование

¹ Указ. соч.

² Указ. соч.

³ Указ. соч.

деятельности человеческих индивидов было подменено рассуждениями об отдельной личности, а социальным связям, формам и структурам противопоставлена отдельная личность, для которой ее социальность была задана как аксиома.

Идея социальности как концентрированного выражения только лишь внешних по отношению к человеческим индивидам форм (идеалов, норм, стандартов и эталонов) общественной жизни получила широкое распространение и долгое время разрабатывалась различными направлениями и школами социальной и философской мысли. С другой стороны, проблема внутреннего мира человека, человеческого сознания, души как некой самостоятельной и независимой от ее социальных истоков субстанции, была и до сих пор остается достоянием исключительно философствующих нейрофизиологов, (а теперь еще и физиков) пытающихся разгадать природу человеческого Я исключительно в пределах функционирования человеческого тела и его специализированного органа – мозга.

Прогресс в исследовании нейрофизиологических механизмов высших психических функций не только не приближает нас к пониманию природы субъективного и его отношения к материи мозга, но, напротив, скорее делает перспективы решения психофизической проблемы еще более туманными, неопределенными.

Человеческая субъективность, внутренний мир человека остаются для исследователей некой сверхзадачей, позволяющей лишь констатировать, что всегда останется нечто, что ни за что не захочет выйти из-под вашего черепа и останется при вас навеки (Ф. М. Достоевский).

Осознание самого себя исторически вплетено в процесс объективации человеческого Я, внутреннее непременно должно стать своим-иным, то есть внешним, субъективное – объективированным. Сама практика как материальная и целенаправленная деятельность людей выступает той субстанцией, в которой, вместе с вплетенным в него общением как субъект-субъектным отношением, дает начало формированию и последующему самостоятельному существованию «второй» природе человека, культуре как способу и мере реализации сущностных сил человека. В процессе своей практической деятельности люди, опредмечивая во внешней независимой от них объективной форме свою субъективность, становятся способными отразить самих себя, но уже в форме «мира оживших предметов» (О. Дробницкий), в качестве объективированного мира своих сущностных сил, мира своей субъективности.

Отсюда, человеческая субъективность не есть нечто призрачное и иррациональное, это – неотторжимая реальность особого порядка, которая вполне способна деятельно и действенно являть себя и в объективном мире вещей. Сознание реализуется не только в самом акте мыслительной деятельности, но и в форме своего инобытия – в опредмеченных формах человеческого знания, в актах не только познавательной, но и материальной целенаправленной деятельности, в самом процессе опредмечивания человеком своих сущностных сил.

Именно поэтому человека нельзя представлять только в качестве продукта внешних обстоятельств. Мы обязаны учитывать и его внутреннюю, т.е. субъективную сторону его деятельности. Родовая сущность человека должна быть понята не только со стороны социума, но и с точки зрения его собственной целостности, деятельного проявления его собственной индивидуальности. Пользуясь образным языком Гегеля, отметим, что внутреннее есть самость, субъективность, которая, разъярясь против внешнего, превращает его в свое.

Именно эта способность внутреннего к самореализации, к объективации во внешней форме и позволяет нам иметь дело с очеловеченной сущностью Природы. Культура, понятая как мера и способ реализации сущностных сил человека, являет нам во внешней объективированной форме содержание внутреннего мира человека, включая и мир его сознания.

С точки зрения понимания диалектики внутреннего и внешнего, объективного и субъективного в человеческом бытии, значительным методологическим потенциалом обладают слова К. Маркса о «предметном бытии промышленности» как «раскрытой книге человеческих сущностных сил, чувственно представшей перед нами человеческой психологии, которую до сих пор не рассматривали в связи с сущностью человека».

Представленность содержания внутреннего психологического мира человека в его внешней форме, в своем опредмеченном, объективированном виде, делает его доступным и открытым для научного объективного материалистического анализа. Справедливость данного положения подтверждается и саморефлексией Оноре де Бальзака, который устами одного из своих литературных героев говорил: «Моя наблюдательность приобрела остроту инстинкта: не пренебрегая телесным обликом, она разгадывала душу – вернее сказать, она так метко схватывала внешность человека, что тотчас проникала и в его внутренний мир; она позволяла мне жить жизнью того, на кого была обращена, ибо наделяла меня способностью отождествлять с ним себя самого...».

Эти слова великого французского мыслителя еще раз подчеркивают нам мысль не только об уникальности человеческой личности, но и о специфически человеческих механизмах (понимание, вчувствоваание, интуиция, рефлексия и саморефлексия и т.д.) его познания и самопознания. Как алгоритмизировать любовь, честь, достоинство, совесть, добро, зло справедливость и другие сугубо человеческие качества. Как разместить в прокрустовом ложе искусственного интеллекта традиции и обычаи, нормы и принципы морали и права, идылы и идеалы (Э. В. Ильенков).

Безусловно, прогресс в развитии технологий необратим. Искусственный интеллект, информация, Интернет как новый вид уже виртуальной реальности неумолимо будут менять нашу жизнь, являясь еще одной формой нашего опредмеченного бытия, еще одним социокультурным зеркалом, в котором человечество призвано еще более пристально заглянуть внутрь себя.

Задача эта далеко не простая. Неслучайно январский опрос ВЦИОМ россиян на тему искусственного интеллекта, с одной стороны, показал, что только 12 % опрошенных заявили о своем негативном отношении к этой технологии, а с другой, – что изо всех, кто заявил, что знаком с этой технологией, только 29 % сообщили, что понимают ее.

Хочется надеяться, что внедрение ИИ и освоение во многом новой для нас виртуальной реальности не отдалит нас от самих себя, от своей человеческой сущности, не подменит духовность «голой» рациональностью и бездуховностью, чтобы мы, надеясь на гармоничное развитие личности в технологически новых для нас условиях, не потеряли своего Я, не оказались в «королевстве кривых зеркал». И действительно, каждому из нас важно понять – «Если есть, зачем жить, можно вынести почти любое Как» (Ф. Ницше).

Марков С. М.

кандидат философских наук, доцент кафедры
гуманитарных и социально-экономических дисциплин
Дальневосточного филиала
Российского государственного университета правосудия

Является ли идеология *causa finalis* государственного суверенитета?

Наряду с другими характеристиками, идеология, исходя из греческой этимологии термина «идея», «слово», «учение», в философско-правовой теории обозначает автономное волеизъявление мировоззренческих идей каким-либо субъектом (от личностного мировоззрения до государственной политики на международной арене и внутри страны)¹.

Идеология – это фактор идентичности и суверенитета всех субъектов и акторов, но не *causa finalis* цивилизационной истории. Но если переводить данное латинское изречение по-аристотелевски, как целевую установку (причину), то в *de lege lata* («действующем законодательстве» в широком смысле и конституции, в частности) идеология узаконивается как фактор государственного суверенитета. Как отметил в коллективной монографии профессор В. М. Артемов, «...государство как политический

¹ Марков С. М. Философия права: теоретические и мировоззренческие основания юридического знания // Теоретические и методологические проблемы современного гуманитарного знания: материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А. И. Дронченко. Комсомольск-на-Амуре, 2001. С. 91–94; Скоробогатов А. В., Краснов А. Н. Российский правовой архетип // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 4 (5). С. 28–33.

институт, субъект права и публичная власть не противопоставляется обществу... а мыслится в качестве мощного средства их развития и совершенствования»¹.

В своей программной статье профессор, д. ю. н. А. А. Клишас резюмирует, «...в современной международной политике борьба каждого государства за собственный суверенитет является ключевым условием для построения мирового порядка на основе консенсуса и взаимоуважения всех участников (международного порядка – прим. С. М.)»².

В монографии Ж. Т. Тощенко «Общество травмы: между эволюцией и революцией» (М., 2020) сказывается *de jure* и *de facto* мировоззренческая норма ст. 13 Конституции России: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» (ч. 2, ст. 13 Конституция РФ). В то же время Ж. Т. Тощенко справедливо утверждает, что общество и государство не могут существовать без идеологии. Отличаются отсутствием идеологии лишь травмированные общества: «В обществе травмы нет четких мировоззренческих идей, которые бы нашли воплощение в государственной идеологии»³. Действительно, научной идеологии как *causa finalis* государственного суверенитета сегодня нет, что нельзя сказать об идеологии в ее различных вариантах, пусть даже квазиидеологических.

Идеалы есть всегда. «...Без идеалов <...> не может получиться никакой хорошей действительности, – верно отметил в своих дневниках Ф. М. Достоевский. – Даже можно сказать положительно, что ничего не будет, кроме еще пущей мерзости»⁴. Как пишет Ж. Т. Тощенко: «Ни одна страна, общество, государство не могут существовать без идеологии. Она имеется в каждом из них, независимо от официального ее признания. Более того, так как в любом обществе существуют различные социальные группы, социальные общности, то и они имеют свою идеологию, свои идейные установки...»⁵.

Как мне представляется, у либералов тоже была и есть своя идеология, пусть иногда с элементами и/или функциями квазиидеологий западного образца. Об этом косвенно свидетельствует интервью Гайдара, всего один раз показанное по ТВ где-то в конце 90-х, в котором Гайдар честно признался, что их настольной книгой приватизации был нобелевский лауреат Милтон Фридман «Капитализм и свобода», а философией – Фридрих фон Хайек «Дорога к рабству» (1944). Кратко напомним: фон Хайек – противник любого коллективизма, отождествляемый им с социализмом. Для него коллективизм а priori отрицает все либеральные ценности вплоть до политических свобод и свободы капиталистического рынка, что, в свою очередь, порождает тоталитаризм и/или авторитаризм в политической сферах.

Пожалуй, яркий пример разнообразия идеологий и многопартийности, при этом однозначно в авторитарном с теологической окраской политическом режиме демонстрирует Израиль. Да, и Биньямин Нетаньяху (Биби), его партия Ликуд, во многом сходны с нашим президентом и партией «Единая Россия»: от времени занимаемых высших должностных постов в Израиле до прошлой биографии диверсанта элитного подразделения Моссада.

Итак, в монографии: «Идеология – это совокупность взглядов и идей, в которых отражаются и оцениваются экономические, политические, социальные и духовно-нравственные отношения в реально существующей действительности во всем многообразии»⁶. Идеологии, если это на самом деле есть ядро мировоззрения (миропонимания), вырабатываются государством, партиями, общественными организациями (институтами). Кратко идеология есть цель (программа) их деятельности, а также конкретные тактики ее реализации, исходя из мировоззренческих позиций, ценностных ориентаций, установок и интересов конкретной партии, добавим, социальных идеалов. Поэтому идеология является

¹ Нравственно-гуманистическое и правовое наследие Л. Н. Толстого и В. С. Соловьева / отв. ред. В. М. Артемов. М. : Проспект, 2021. С. 22.

² Клишас А. А. От борьбы за право к борьбе за суверенитет // Право и управление. XXI век. 2018. № 3 (48). С. 19.

³ Тощенко Ж. Т. Общества травмы и их характеристика // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. С. 45.

⁴ Достоевский Ф. М. Дневник писателя (январь – апрель 1876) // Полн. соб. соч. Т. 22. Л. : Наука, 1981. С. 75.

⁵ Тощенко Ж. Т. Общество травмы: опыт теоретического и эмпирического исследования. М. : Весь мир, 2020. С. 185.

⁶ Указ. соч.

инструментом формирования научной картины мира сначала партии, а затем ее электората¹. В квазиидеологиях, наверное, все равно создаются картины мира, например, похожие на картины Рене Магритта, Марка Шагала или Сальвадора Дали².

Наши данайцы-либералы воспитывались на теории прогресса Гегеля, Маркса и Ленина, хотя на словах они отрицали(ют) свое причастие к их школе. Здесь уместно вспомнить точку зрения русского классика П. Я. Чаадаева, ибо его мнение о мировоззренческом кризисе переходного периода не устарело сегодня (письмо к Шеллингу 1842 г., которое цитирует Н. Страхов в очерке о Герцене). Чаадаев следующим образом выразился о мировоззренческом кризисе: «Умственный кризис (в коннотации трактовки прогресса – прим. С. М.) должен иметь обыкновенное влияние на будущность нашей цивилизации»³. Так что отсутствие идеологии сказывается в будущем. Вывод русского философа, пожалуй, остается актуальным сегодня: «...В вопросах философии мы еще ищем своего пути»⁴.

Сегодня в политэкономии господствуют два противоположных подхода к лечению социальных травм: 1) кейнсианство и 2) «свободный капитализм». Между ними можно наблюдать множество неоклассических школ и направлений, среди которых на первый план в кризисные периоды выделяется монетаризм или теория трансакционных издержек Рональда Коуза (Нобелевская премия 1991 г.). Его самые значимые работы – это теория фирмы (1937) и «Проблема социальных издержек» (1960).

Дж. Кейнс и его «Общая теория занятости, процента и денег» (1936) – это ответ на депрессию 20–30-х гг. и либеральную политику государства в рыночном хозяйстве. Главное в кейнсианстве – государственное регулирование макроэкономики и рынка. Кейнс доказал необходимость государственного регулирования всего рыночного хозяйства, а также активное вмешательство в макроэкономику со стороны власти. Как известно, он сформулировал знаменитый основной психологический закон, сутью которого является положение о том, что по мере роста доходов отдельного индивида в составе его расходов возрастает удельный вес сбережений. Рост доходности одновременно выступает а) стимулятором и б) показателем турбулентности в развитии общества. По Кейнсу, государство должно всячески стимулировать денежные накопления населения через кредитование населения. Кредит это всегда долг. Кстати сказать, что это способствовало возникновению финансового кризиса в США в 2008 г. Кратко: все бараки быстро снесли, а их обитателей переселили в благоустроенные квартиры, но выплатить долг по ипотеке «новые собственники» не смогли.

Вторая парадигма – это Милтон Фридман и его Библия «Капитализм и свобода» (1962), впервые опубликованная на русском языке в 1982 г., значит, нашим, либералам известная. Фридман – нобелевский лауреат 1976 г., представитель Чикагской школы политэкономии. Главный противник Кейнса. Советник Рейгана и Маргарет Тэтчер. Философия Фридмана – свободный рынок с минимальным вмешательством государства.

Между Кейнсом и Фридманом много различных школ и течений. В качестве главного отклонения (снятие их контрадикторности) от двух мейнстримов экономической мысли следует назвать австрийскую школу неоклассики (Лайонел Роббинсон, Джеймс Эдуард Мид, Роберт Солоу, Л. Мизес, Ф. Хайек). Концепция Дж. М. Кейнса в австрийской школе считались неприемлемой.

Основная идея неоклассиков – главным способом регулирования экономики может быть лишь монетарная политика или политика регулирования денежной массы. В 70–80-е гг. прошлого века проводятся жесткие реформы, направленные на уменьшение роли государства в экономике, в ряде стран проводится полномасштабная приватизация. Заметим, как раз в это время в СССР – перестройка, а затем «прихватизация». Любое вмешательство государства в рыночные отношения либералы

¹ Балахонский В. В., Марков С. М. Дискурс веры и разума в духовном мире современного человека: диалектика и онтология // Философская система на Хегел и философията на религията (250 г. от раждането и 190 г. от смъртта на Георг В. Фр. Хегел). (България; София), Ч. 2. София: ИФ БАН, 2022. С. 253–324.

² Марков С. М. Мир философских идей Люка Ферри: от академической философии к философской практике жизни // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2020. Ч. 2. С. 67–74.

³ Чаадаев П. Я. Письмо к Шеллингу от 20.05.1842 // Полное собрание сочинений в 2-т. Т. 2. М. : Наука, 1991. С. 144.

⁴ Указ. соч. С. 146.

отрицают, ибо, как они считают, никто не может предугадать поведения как индивидов (актеров), так и коллективных агентов.

Таким образом, можно сказать, что у наших либералов-данайцев в прошлом, возможно, в настоящее время имеется идеология «свободного капитализма» Милтона Фридмана, философия современного рабства Фридриха фон Хайека, калейдоскоп противоречащих мировоззренческих установок, конгломерат неоклассической школы, в основном монетаризм, а в политике – идеологемы Биньямина Нетаньяху. По крайней мере либералы наверняка знакомы с учебником нобелевского лауреата 1970 г. Пола Самуэльсона «Economics: An Introductory Analysis» («Экономика: вводный анализ»). Иными словами, сошлемся вновь на Достоевского, «...без идеалов <...> не может получиться никакой хорошей действительности».

В заключение процитируем профессора по конституционному праву, сенатора Совета Федерации А. А. Клишаса «Смысл конституционной нормы о недопустимости общеобязательной идеологии – не в том, что идеология, национальная идея запрещена как таковая. Это совершенно не так»¹.

Морозов М. Ю.

кандидат философских наук,
старший преподаватель кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Суверенитет, автономия, личность: к проблеме истинности форм общественного бытия в немецкой классической философии

Немного перефразируя классика, чье имя носит первый московский университет, можно сказать, что «философию уже затем сто́ит учить, что она ум в порядок приводит». Конечно, это заявление достаточно провокационное. Но провокация – это не всегда что-то плохое и недопустимое. М. Щекеку, который переоткрыл для современной философии концепцию межсубъектности в трудах И. Фихте и Г. Гегеля, принадлежит мысль, что провокация как предварительное произнесение (*pro-voco*) служит приглашением к диалогу – единственной межсубъектной форме взаимодействия, которая принципиально противоположна насилию². В результате межсубъектного диалога собеседники очищают свои позиции от мнений, поднимаясь к истине в процессе совместного поиска. Эта «старейшая педагогическая технология», предметно разработанная еще Сократом, только и может служить надежной точкой входа в мышление любого предмета, если только участники ставят перед собой цель высветить этот предмет в формах истины – т.е. в его, предмета, собственных, чистых формах. В формах мысли, сказал бы Гегель.

Придется еще раз его потревожить, чтобы развить указанную выше провокацию: «Философия? Приводит в порядок ум? *Sauve qui peut!* – «Спасайся, кто может!» – наверняка завопит тут какой-нибудь наемный осведомитель, предостерегая публику от чтения статьи, в которой речь пойдет про «метафизику». Ведь «метафизика» – как и «философия» – слово, которое в каждом вызывает более или менее сильное желание удрать подальше, как от чумы»³. Но в независимости от нашего мнения и желания, современная действительность достаточно жестко диктует свою логику: удрать от противоречий, которые стремительно разворачиваются в накаляющейся мировой обстановке становится просто некуда. Значит – нужно принимать вызов; ведь без разрешения этих противоречий человечество обречено на разрушение себя и своего мира, который довольно неожиданно для него самого стал слишком тесным. Но чтобы быть способным это сделать, ему придется приобрести себе сознание, как бы ни приятно было по-прежнему видеть утопические сны и пребывать в иллюзии.

¹ Клишас А. А. К вопросу о суверенитете, идеологии и правовом развитии России // Парламентская газета. 15.01.2019 // URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/100467/> / (дата обращения: 07.09.2023).

² Щекек М. Я. Две модели межсубъектности («Dwa modele intersubiektywności» // Siemek M. J. Hegel i filozofia. Warszawa: Oficyna Naukowa, 1998).

³ Парафраз памфлета Г. В. Ф. Гегеля «Кто мыслит абстрактно?» в переводе Э. В. Ильенкова («Знание – сила», 1973, № 10 (1973). С. 41–42).

Именно философия и делает познаваемым, прозрачным для ума его основания, его категориальный строй, исполненный логических форм мышления, его понимающую способность, которая имплицитно заложена в любом суждении. Суждение есть не только связь слов, как предполагает формальная логика. Для серьезной философии давно не новость, что суждение проявляет себя прежде всего как практическое действие, как связь вещей объективно-материального мира. И мы без труда определяем, представлен ли в практическом действии ум или безумие. С суждениями, выраженными в словах всё значительно менее просто.

Не будет преувеличением сказать, что понятие суверенитета, о котором сегодня много говорят – и объективные социально-исторические причины этого явления вполне понятны – весьма редко доводится до уровня *понятия*. Почему это сделать необходимо, тоже, будто бы, обосновывать не нужно. Чисто эмпирический набор признаков, который можно увидеть в научных статьях¹ не может дать понимания сути дела. При этом сто́ит высоко оценить отдельные попытки проблематизировать понятие суверенитета², но в таких попытках также очевидной становится мысль, что сделать это действительно глубоко невозможно без обращения к тем мыслителям, чьи достижения, хотя и располагаются в хронологическом прошлом, но по своему существу принадлежат будущему. Более того, от плодотворности нашего обращения к трудам Канта и Фихте, Шеллинга и Гегеля, зависит сам факт возможности существования нашего будущего – каким бы вызывающе смелым не выглядело такое утверждение. Эта смелость вполне объясняется высочайшим уровнем постановки проблем и концентрацией решений, представленных в немецкой классической философии, и (что не может не огорчать) достаточно узким знакомством с этим богатейшим содержанием (не говоря уже о его познании), которое – из-за сложности языка и широко бытующих мнимых представлений – составляет удел в основном специалистов-философов.

Или профессионалов-юристов. Так, известный трактат Канта «К вечному миру» читается обычно совершенно буквально: как «образцовая схема рациональных мирных договоров, которые могут и должны заключаться между цивилизованными государствами в условиях верховенства закона», отмечает Щедек³. Удивительно, что с 1995 г., когда были написаны эти слова, в способах прочтения указанного трактата Канта мало что поменялось: можно найти немало современных статей, в которых обсуждается реализация кантовского проекта и актуальность в контексте современных политических международно-правовых проблем⁴. И хотя такой способ нельзя назвать непродуктивным, «это не должно заслонять от нас тот факт, что ключ к правильному пониманию трактата Канта о мире лежит в его подзаголовке: а именно, это философский проект. Теперь этот подзаголовок следует понимать буквально и всерьез: как указание на то, что мы имеем дело не просто с «публицистическими» высказываниями философа по актуальным вопросам текущей политики, но и прежде всего с важной составляющей его философии как таковой»⁵.

Нельзя отрицать, что политика и философия связаны, и далеко не только в представлениях Канта. Однако наиболее продуктивным будет такое чтение Канта и других классиков, когда не теряется мысль, что та или иная политическая проблема уходит корнями (чаще бессознательно) в определенную философскую позицию, а теоретический анализ актуальной политической проблематики позволяет высветить, дополнить и обогатить наше философское понятие, которое способствует ее разрешению. Но для этого важно учиться «выдерживать напряжение противоречия» – читать философские труды не исключительно «прикладным» образом, но и не поднимаясь при этом в разреженный воздух теоретических абстракций ради внешних для «живой жизни» мотивов: только в случае понимания

¹ Овчинников В. А. Суверенитет как государственно-правовое явление // Управленческое консультирование. 2013. № 4. С. 29 и далее; Худолей Д. М. Суверенитет или автономия? // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2 (12). С. 50.

² Моисеев А. А. Об особенностях современной трактовки понятия «суверенитет» // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2011. № 3 (23). С. 28–34.

³ Щедек М. Я. Свобода, закон, справедливость. Практическая философия Канта и политическая этика современности (пер. с нем. Листратенко Н. В.) // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 2 (38). С. 137.

⁴ Горохов П. А., Южанинова Е. Р. Трактат Иммануила Канта «К вечному миру»: возможность реализации проекта // Теория и практика общественного развития. 2015. № 1. С. 188–190.

⁵ Щедек М. Я. Свобода, закон, справедливость. С. 137–138.

теории как момента самой практики этот разрыв возможно преодолеть. Философия в нацеленном на практику юридическом образовании именно в этом пункте может показать свою необходимость даже самому скептически настроенному к ней студенту.

Понятие суверенитета в кантовской философии оказывается тесно связанным с понятием автономии. Многообразные определения моментов тождества и различия этих понятий, легко устанавливаемые анализом его текстов, могут скрыть главное: проблематика, которая вынуждает Канта разрабатывать категориальный состав своей практической философии – это проблематика свободы. Хотя понятие суверенитета и автономии во внешнем политическом «приложении» своей этической теории Кант строго различает¹, в более «чистых» теоретических работах выражает понимание свободы как автономии разума, как моральный суверенитет *личности*. Это не должно смущать читателя – структура отношений в описании мира между народами или внутри государства, который обуславливается правовым положением и правовым сознанием граждан, принципиально изоморфна теоретическому строю *практического* разума, который, как известно, имеет примат над *чистым*. К этой идее Кант приходит, пытаясь в категориях воли и морали, автономии и суверенитета отыскать решение тех проблем, которые оказались не разрешены первой «Критикой». Однако сам ход исследования в и области этического остается тем же: в теории общества Кант укореняет понятие суверенитета (государственного и личного) в априорном понятии права, которое, как и нравственный императив автономной воли, остается регулятивной идеей. Щемек поэтому имеет все основания предлагать прочтение политических трактатов Канта в духе трансцендентальной логики свободы, где всеобщее положение граждан, жертвующих частью своей свободы ради гармоничного состояния общества обусловлено природой разумного субъекта как такового: «межличностное «пространство» справедливой взаимности образует и оформляет себя строго аналогично трансцендентально-конструктивному образованию и оформлению реального, геометрического пространства как чистой формы внешнего созерцания. Эту тенденцию к повторному подчеркиванию актуальности и удивительной плодотворности «кантовского конструктивизма» в области этической и политической теории можно рассматривать как важный переворот в современной философской мысли»².

Шаг, который делает Фихте в области практического разума, опираясь на решение Канта, также может быть понят посредством полемики этих мыслителей о логике: спор о системе, которой согласно Фихте не была создана Кантом, требование дедукции определений субъективности в их необходимости с опорой на принцип, явно прочитывается и в фихтевской концепции естественного права, и в картине общественного устройства, которую он рисует. И хотя ключевую роль продолжает играть категория долженствования, ключевым моментом отличия от кантовской модели становится деятельностный характер всех без исключения определений: верховенство и всеобщность права не заданы априорно через моральную природу познающего-и-действующего субъекта, а порождаются (как и сам субъект) деятельностью самих индивидов в их межсубъектном взаимодействии. Право, согласно Фихте, должно соединить необходимость природы и свободу духа. В деятельности взаимодействующих людей порождается их «вторая природа», (Маркс несколько позже назовет ее неорганическим телом человека), т.е. мир объективной свободы, где человек находился бы «у самого себя». Не физическая, естественно-научно понятая природа (и не стихийная, как у Гоббса или Руссо) соответствует естественному состоянию человека (то, что Гегель позже назовет «соответствием понятию»), а «вторая природа» – созданный человеком мир правовых отношений. Как и Кант, Фихте пока лишь в праве видит средство отождествления субъективного и объективного: но ценно то, что именно в формах общественного бытия великие мыслители справедливо ищут и «угадывают» способ решения теоретико-логической проблемы обоснования возможности субъекта. Взаимообусловленность государственного суверенитета и личной автономии становится у Фихте еще более очевидной.

Свобода, которая в праве имеет свое проявление, как и прочие трансцендентальные категории, осознается постфактум: так, ребенок предметно-истинно способен действовать в пространстве лишь

¹ Моральность, обеспечивающая «нравственно добрые» поступки и легальность, в область которой Кантом помещена идея права; например, конституция может существовать, по Канту, даже у «народа дьяволов», если только у них есть рассудок.

² Щемек М. Я. Свобода, закон, справедливость. С. 148.

потому, что в снятом виде он несет «априорную» форму пространства как свою собственную деятельную способность, однако предметом его сознания пространство как таковое становится лишь позже, при изучении геометрической науки.

Гегель учитывает этот момент, говоря о том, что движение познания предмета совершается всегда «за спиной сознания», причем уже на низшей ступени чувственного восприятия и представления. Однако он делает следующий решительный шаг – снимает противоречие природы и свободы, субъективного и объективного в своей философии, в которой развернут в существенных определениях принцип тождества бытия и мышления. Гегель, с самого начала своей научной деятельности нацеленный на решение общественных задач, долго ищет форму, в которой это отождествление совершается, понимая при этом ограниченность предыдущих попыток, и видя эту ограниченность именно в категории долженствования, где идеальное отрывается от сущего: у Канта и Фихте этот разрыв оказывается предположенным, однако Гегель требует его обоснования. В его ранних рукописях на эту роль формы претендует категория любви, которая затем уступает место религии как институциональной форме. Позже, в йенский период, Гегель, прекрасно знакомый с политической экономией своего времени, выдвигает в качестве искомой формы категорию труда, в которой субъективное отождествляется с объективным, что превосхищает знаменитые исследования Маркса. Именно труд снимается в движении категорий «Феноменологии духа», которое приводит Гегеля к форме абсолютного знания как существенного момента трудовой деятельности¹. Изображенное в «Логике» движение к абсолютной идее, которая выводится из бытия, представляет собой *логику свободы*, которая снимается в движении всемирной истории, воплощаясь в определениях природы и духа, и принимает форму личности, которая – согласно Гегелю и Марксу – и является разгадкой и целью истории. Действительный суверенитет общества осуществляется поэтому не там, где ограничивается свобода индивида (пусть и ради благих «всеобщих» целей), а там и только там, где создается условие свободного развития каждой личности, и где поэтому всё общество становится свободным «обществом талантливых людей». Это условие, как показывают классики, заключается в преодолении отчуждения человека от самого себя.

Пока же суверенитет личности мыслится как собственность на свое тело² и это неудивительно: отчужденный мир рождает превращенные, фальшивые формы сознания, которое ведь есть осознанное бытие. Но на этих путях противоречия действительности не разрешаются. От осознания бытия следует идти глубже, к его сущности и к понятию этой сущности.

Трудно? А как же. Но труд, как известно, сделал из обезьяны человека; правда, этот процесс еще не завершен. Возможная альтернатива – обезьяна с гранатой или с атомной бомбой – никак не устроит нас.

Николашкина В. Е.

старший преподаватель кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат педагогических наук

Риторические и понятийные аспекты суверенитета

Вопросы государственного суверенитета всегда были и остаются основополагающими при рассмотрении государства как активного участника на мировой арене.

Суверенитет, как основа самостоятельности каждого национального государства, представляет собой политическую ценность. Сегодня многие государства, стараясь сохранить свою независимость в постоянно имеющихся политических, военных и экономических условиях, заполняют его своими уникальными ценностями. Однако у каждого государства свои специфические ценности и установки.

¹ Барсуков И. С. Диалектика труда в философской системе Гегеля. Красноярск, 2011.

² Harris J. W. Property and Justice. Oxford University Press, 1996 ; Dan-Cohen, Meir. Harmful Thoughts: Essays on Law, Self, and Morality. Princeton University Press, 2002.

В современном глобальном мире проблема сохранения суверенитета, а также политической, экономической, военной и культурной независимости государств, сильно обострилась. Сегодня мы можем наблюдать, как суверенность теряют не только отдельные страны (и даже континенты), но и глобальные международные организации¹.

Новейшая история наглядно демонстрирует, что появление международных организаций привело к изменению взгляда на национальный суверенитет. Многие страны, присоединяясь к подобного рода структурам, фактически и юридически передали часть своего суверенитета в пользу международных объединений и союзов². Наглядным примером является Европейский Союз, который в настоящее время всё более ощутимо использует политическое давление и угрозы в виде экономических санкций, когда его члены выражают желание сотрудничать с другими странами, опираясь на собственные государственные интересы. В связи с этим возникает вопрос: возможно ли сохранение суверенитета государства в сегодняшних условиях взаимозависимости государств? По мнению автора, несмотря на взаимозависимость, каждое государство должно сохранять свою суверенность. Примером государства, ведущего активное международное сотрудничество во всех направлениях, и охраняющее свой суверенитет, является Российская Федерация.

Для России охрана ее суверенитета всегда играла главенствующую роль – это закреплено в Основном законе нашей страны. Так, в статье 4 Конституции Российской Федерации³ закреплён принцип суверенитета страны, который заключается в том, что суверенитет распространяется на всю территорию. Таким образом, Российская Федерация является единственным и абсолютным держателем власти на своей территории, и никто не может посягать на нее или нарушать границы и установленную власть.

Принцип суверенитета России также отражается в других статьях Конституции РФ, в частности в тех, которые гарантируют независимость законодательной, исполнительной и судебной властей. Кроме того, Конституция РФ гарантирует право народа на самоопределение и запрещает вмешательство других государств во внутренние дела страны.

Видный государственный и военный деятель А. А. Кокошин указывает, что «государственный суверенитет заключается во власти государства внутри его территории и его независимости в международных отношениях. Государственный суверенитет не допускает никакого вмешательства со стороны других государств или организаций»⁴.

Доктор юридических наук В. В. Субочев отмечает, что «суверенитет – это правовое и политическое понятие, которое выражает автономность и независимость власти государства на его территории и за ее пределами»⁵.

А. Л. Бредихин, в свою очередь, утверждает, что «суверенное государство обладает правом самостоятельно принимать решения о своей внутренней и внешней политике, заключать договоры и соглашения с другими странами, а также обеспечивать их исполнение на своей территории»⁶.

Некоторые исследователи уравнивают такие понятия, как «суверенитет» и «независимость», т.к. отсутствие независимости у государства означает отсутствие суверенитета. В связи с этим возникает вопрос о тождественности данных понятий. По мнению автора данной статьи, суверенитет и независимость близки по значению, но не являются синонимами. Суверенитет означает полноту власти государства на его территории и независимость от внешних факторов. В свою очередь, независимость

¹ Королева Л. В. Ценности суверенитета во времена перемен и потрясений: Россия, Китай, США // *Via in Tempore. История. Политология*. 2023. Т. 50. № 1. С. 251.

² Рахмон Д. С. Актуальные вопросы защиты государственного суверенитета в условиях глобализации // Проблемы в российском законодательстве. 2019. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-zaschity-gosudarstvennogo-suvereniteta-v-usloviyah-globalizatsii> (дата обращения: 11.11.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. Федеральный выпуск: № 148 (8202) от 04.07.2020.

⁴ Кокошин А. А. Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М. : Европа, 2006. С. 13.

⁵ Субочев В. В. Исчезновение суверенитета: теоретический анализ политико-правовых реалий // *Правовая политика и правовая жизнь*. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ischezновение-suvereniteta-teoreticheskiy-analiz-politiko-pravovuyh-realiy> (дата обращения: 11.11.2023).

⁶ Бредихин А. Л. Суверенитет как политико-правовой феномен : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Бредихин Алексей Леонидович; [Место защиты: Белгород. гос. ун-т]. Белгород, 2011. С. 23.

подразумевает под собой свободу выбора и действий государства без ограничений со стороны других государств или международных организаций. При этом оба указанных понятия имеют важное значение для обеспечения стабильности и развития государства, но суверенитет является более всеобъемлющим и фундаментальным. Без суверенитета государство неспособно полностью контролировать свою внутреннюю и внешнюю политику, что может привести к зависимости от других стран или международных организаций.

Концепция суверенитета включает несколько составляющих:

1. Юридический суверенитет, предоставляющий государству право принимать и исполнять законы на своей территории.
2. Политический суверенитет, позволяющий государству самостоятельно устанавливать внутреннюю и внешнюю политику.
3. Военный суверенитет, обеспечивающий государству возможность гарантировать свою безопасность и защищать свои интересы.
4. Экономический суверенитет, обеспечивающий независимость государства в сфере экономики и возможность самостоятельно определять экономическую политику.
5. Культурный суверенитет, предоставляющий государству свободу в определении культурной политики и сохранении своей культурной идентичности¹.

В научной среде выделяют абсолютный и ограниченный суверенитет. Так, абсолютный суверенитет – это идея, согласно которой государство полностью контролирует и самостоятельно решает свои внутренние и международные вопросы, не допуская вмешательства внешних сил или других стран. Такое государство имеет полную юрисдикцию в законодательной, исполнительной и судебной властях, а также право на независимую внешнюю политику. При абсолютном суверенитете государство зачастую не согласовывает свои действия с другими странами или международными организациями.

Специалисты утверждают, что наиболее полным государственным суверенитетом обладают сегодня всего четыре страны: Россия, Китай, Индия и США.

Ограниченный суверенитет – это идея, описывающая ситуацию, когда государство обладает определенными правами и полномочиями, но при этом ограничивает их в пользу других государств, международных организаций или наднациональных органов.

Основные характеристики ограниченного суверенитета включают:

1. Передачу части суверенных полномочий на международный уровень. Это может происходить через подписание международных договоров, присоединение к международным организациям или соглашения, а также участие в международных судах и трибуналах.
2. Обязательства государства учитывать решения международных органов и организаций. Это означает, что государство должно следовать решениям, принятым на международном уровне, даже если оно не согласно с ними.
3. Возможность для других государств или международных организаций влиять на внутреннюю политику государства. Это может выражаться в виде требований о проведении определенных реформ, введении международных наблюдателей или участии в международных миссиях.
4. Ограничение права государства на самооборону и защиту своих интересов на международной арене. В некоторых случаях ограниченный суверенитет может означать запрет на проведение определенных военных действий или отказ от участия в военных союзах и коалициях.
5. Участие в наднациональных органах и структурах. Государство может делегировать часть своих суверенных прав и полномочий наднациональным органам, которые могут принимать обязательные решения для всех участников.

Ограниченный суверенитет часто возникает в результате глобализации, интеграции и формирования международных блоков и организаций, что приводит к сокращению роли национального государства и увеличению влияния международных институтов.

¹ Меркурьев В. В. Защита суверенитета России в современных геополитических реалиях / В. В. Меркурьев, О. В. Боброва // Обозреватель. 2023. № 1 (396). С. 139.

Каждая страна в целях обеспечения национальной безопасности, должна реализовывать мероприятия по охране суверенитета. Охрана суверенитета государства предполагает под собой выполнение следующих задач:

1. Обеспечение независимости и свободы государства. Суверенное государство должно самостоятельно решать свой путь развития, определять экономическую и социальную политику и принимать решения в области безопасности.

2. Защита национальных интересов. Наличие суверенитет позволяет государству защищать свои интересы на международной арене, предотвращать вмешательство других стран и внешнее давление.

3. Защита прав граждан. Суверенное государство гарантирует своим гражданам права и свободы и обеспечивает их благосостояние, защищая их от дискриминации.

4. Реализация политики национальной безопасности. Суверенное государство должно обеспечивать национальную безопасность, которая, в свою очередь, подразделяется на экономическую, политическую, военную, экологическую и иные виды безопасности.

5. Развитие национальной культуры и идентичности. Наличие абсолютного суверенитета у государства способствует сохранению и развитию национальной культуры, традиций и языка.

На сегодняшний день, вопросы сохранения стабильности и безопасности в мировом масштабе являются как никогда актуальными. Государства должны стремиться к сотрудничеству и диалогу, чтобы разрешать все возникающие проблемы мирным путем и избегать конфликтов, которые могут подорвать международную стабильность. При этом нельзя забывать о собственном государственном суверенитете. В связи с этим можно задаться вопросом: «Должно ли государство отказаться от суверенитета ради международной стабильности?». По мнению автора, позиция по сохранению суверенитета каждой страны не должна быть двусмысленна. Ограничивая собственную независимость, невозможно добиться стабильности во всем мире. Суверенитет является одинаковой ценностью для всех стран, его нельзя повышать или понижать, и его необходимо укреплять через соблюдение международного права и уважение суверенитета всех государств. Только таким образом можно добиться продуктивного диалога и международной стабильности.

В заключение следует отметить, что суверенитет – это ключевое понятие для понимания политической независимости и свободы государств. Суверенитет дает странам возможность принимать самостоятельные решения о своей внутренней и внешней политике, определять свои национальные интересы и выбирать пути развития.

Однако в современном мире, где глобализация и взаимозависимость государств становятся всё более значимыми факторами, вопрос о сохранении суверенитета приобретает новые аспекты и вызовы. Государства вынуждены находить баланс между желанием сохранить свою идентичность и необходимостью участвовать в глобальных процессах, сотрудничать с другими странами и международными организациями.

Никулина И. А.

кандидат филологических наук,
доцент кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Русский язык как одна из основ российской государственности

Суверенитет как концентрированная воля единственного источника власти – многонационального русского народа – является важнейшим показателем государственности России.

Язык является культурным признаком суверенитета государства, и становится способом получения всех иных признаков суверенитета как политико-правовых, так и экономических.

Русский язык – это государственный язык Российской Федерации, язык науки, культуры, образования, государственных и общественных учреждений, язык всего комплекса средств массовой информации, язык профессиональной дипломатии и международного сотрудничества.

В странах постсоветского пространства русский язык сохраняет статус языка межкультурной коммуникации. Сегодня, задумываясь над тем, каково международное значение русского языка, достаточно взглянуть на статистические данные. Более 240 млн, говорящих на нем из всех стран мира – цифра более чем внушительная.

На разных этапах исторического развития русский язык рассматривался как мощный социальный фактор взаимодействия разных стран и народов, стимул развития культурных, правовых, экономических и политических отношений в современном мире. Начало распространения русского языка среди представителей других этносов совпадает, судя по данным сравнительно-исторического языкознания и летописным сведениям, с освоением предками русских новых территорий. Более интенсивно этот процесс развивался в XVI–XIX вв. в период становления и расширения российского государства, когда русские вступали в разнообразные экономические, культурные и политические контакты с местным населением иной этнической принадлежности.

Забота государства о сохранении и развитии русского языка – основа языковой политики Российской Федерации.

Кратко обозначим наиболее значимые позиции в системе мер государственной поддержки русского языка. Во-первых, после 1924 г. деятельность государства, связанная с языковым строительством, была направлена на создание письменности для языков народов, вошедших в СССР. Письменность на основе русской графики к началу XX в. существовала для ряда языков, среди которых удмуртский, чувашский, осетинский, марийский, язык коми. В 20–30-е гг. XX в. была создана письменность для балкарского (1924 г.), тувинского (1930 г.), хакасского (1926 г.), чеченского (1-я половина 20-х гг.), ингушского (1923–1924 гг.), татского (1929 г.), одиннадцати северных языков – ненецкого, мансийского, хантыйского, эвенкийского, эвенского, нанайского, и др. Всего же в советский период письменность появилась более чем у 50 народов СССР, большая часть которых проживала в Российской Федерации.

В 1930 г. в Москве начал свою работу Всесоюзный центральный комитет нового алфавита (ВЦК НА) при Президиуме Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Этот орган, координировавший работу по языковому строительству, просуществовал до 1937 г. Проводимая им реформа затронула как младописьменные языки, так и языки, имевшие глубокие письменные традиции. Среди последних велика была доля языков, пользовавшихся арабской графикой. Президиумом ЦИК СССР было принято постановление об отказе от арабской графики и переходе на новый – латинский, алфавит. Однако в конце 30-х гг. со сменой политического курса последовали изменения в языковой политике, направленные на укрепление позиций русского языка. Впоследствии алфавиты большинства языков, пользовавшихся латинской графикой, были переведены на русскую графическую основу¹. В ходе социально-политических изменений в стране прочно укрепилась полиэтничность как характерная черта нового российского государства. Первоначально русский язык не был обязательным предметом в школах с национальным языком обучения. Что способствовало его распространению в качестве языка межнационального общения? Прежде всего, культурно-просветительские, экономические и социально-политические преобразования в стране; запрос государства на повышение образовательного уровня населения; потребность государства в объединяющем всех граждан СССР языке для межличностного общения, для промышленного строительства, культурного взаимодействия на всем пространстве страны.

Во-вторых, постановление ЦК ВКП(б) и СНК от 13.03.1938 «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей» было поворотным в языковой политике, резко изменилась ее направленность – всё больше внимания стало уделяться вопросам изучения русского языка в национальных республиках. О результате этой меры по развитию русского языка красноречиво говорят цифры. С 1970 г. материалы Всесоюзных переписей населения в СССР содержат данные о количестве лиц нерусской национальности, свободно владеющих русским языком как вторым (неродным) языком – до 40 млн человек.

¹ Дорофских Е. Н. Конституционно-правовое регулирование использования языков народов Российской Федерации: автореф. дис. ... кан.юрид.н. М. 2005.

В период с 1970 г. по 1989 г. это количество возросло с 41,9 до 68,8 млн человек; наибольшее количество лиц, свободно владеющих русским языком – 87,5 млн чел. было достигнуто к 1989 г.

Однако социально-политические изменения конца прошлого столетия изменили условия функционирования русского языка: происходит сужение сфер его использования как средства межнационального общения, значительное сокращение количества часов, отводимых на изучение русского языка в национальных школах, и даже исключение предмета «русский язык» из школьных и вузовских программ.

В современном российском законодательстве государственный язык первоначально получил закрепление в республиканских конституциях и законах о языках, впоследствии – в Законе РФ «О языках народов Российской Федерации» и в положениях Конституции РФ 1993 г.

Русский язык является государственным символом, основное назначение государственного языка состоит в обеспечении единого языкового пространства в сферах официального общения. Эти сферы использования языка определены Федеральным законом от 01.06.2005 № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Фактически общенациональный язык обеспечивает потребности граждан в области официального общения и делопроизводства, законодательства, судопроизводства, топонимики. Русский язык выступает в качестве средства фиксации процесса государственной деятельности и его результатов. Государственный язык отличает специфическое положение как символа государства (наряду с флагом, гербом, гимном), подчеркивающее его связь с определенной национальной государственностью, с конкретным этносом, и отношение к нему как национальному достоянию, которое требует охраны и поддержки.

В-третьих, с 2011 г. новым российским и международным государственным праздником стал День русского языка, который отмечается 6 июня, в день рождения гордости русской культуры А. С. Пушкина.

9 июня 2014 г. в целях обеспечения развития, защиты и поддержки русского языка как государственного языка Российской Федерации был создан Совет по русскому языку при Президенте РФ. В задачи Совета входит определение приоритетных направлений поддержки русского языка в России и за рубежом, координация деятельности общественных объединений и организаций.

Деятельность по сохранению и развитию русского языка – это прежде всего большая и систематическая работа по распространению русского языка и популяризации русской культуры в мире. Именно этим многие годы занимаются известные общественные организации – МАПРЯЛ (Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы, с 1967 г. по настоящее время) и РОПРЯЛ (Российское общество преподавателей русского языка и литературы, с 1999 г. по настоящее время).

Изучение русского языка способствует взаимному обмену опытом между народами, приобщению их к культурным достижениям в нашей стране и к мировой культуре.

Посмотрим на проблематику настоящей статьи с позиции лингвистической, мировоззренческой. Человек и его мировоззрение формируются под влиянием исторических, литературных и культурных источников. Главной функцией языка наряду с коммуникативной, когнитивной, эмотивной является аккумулятивная. Непрерывность существования языка в обществе делают его хранителем и сокровищницей общественно-исторического опыта поколений.

Человека, его активную гражданскую позицию, его вкусы, пристрастия, привычки формирует родной язык. Язык позволяет нам осознать себя личностью, почувствовать свою принадлежность к родной стране, усвоить законы человеческого взаимодействия. Иначе говоря, язык формирует представителя народа как личность, формируя его национальный характер¹. Через язык выражается вся сущность человека: мысли, воля, чувства.

Человек составляет центральный объект литературного творчества. Именно русская литература стала источником духовности носителей русского языка. У Д. С. Лихачева в книге, посвященной человеку в Древней Руси, находим: «...среди добродетелей князя перечисляются добрые качества не только воина, но и государственного человека. <...> В «Повести временных лет»... идеал князя XI–

¹ Плаксина В. П. Родной (русский) язык как средство сохранения культуры, традиции, истории народа / В. П. Плаксина, И. А. Ерофеева // Юный ученый. 2023. № 2 (65). С. 87–89. URL: <https://moluch.ru/young/archive/65/3321/> (дата обращения: 06.12.2023).

XIII вв. был неотделим от идей патриотизма. Идеальный образ князя... был воплощением любви к Родине: к отчизне, к Русской земле. Князь служит Русской земле, готов сложить за нее голову, готов со своею дружиною выступить в поход против ее недругов. Блюсти интересы Русской земли и «хрестьян» — не только долг князя. Летописец подчеркивает, что долг этот совпадает с личными чувствами князя. Князь мог «опечалиться Русскою землею», он хочет ей добра всем сердцем и мечтает умереть на своей Родине... И в характеристике Ярослава Осмомысла Галицкого подчеркивается, что он «мудр и речен языком, и богобоин, и честен в землях»¹.

Начиная с периода XV–XVI вв. и образования централизованного Русского государства появляется житийная литература, описывающая биографии крупных государственных деятелей: московских государей и их предков — князей владимирских, тверских, митрополитов, русских святых. Создаются «Летописец», «Степенная книга», «История о великом князе московском» Андрея Курбского, Великие Четьи минеи митрополита Макария. «Слово Даниила Заточника», «Измарагд». Возникший интерес к жизни исторического лица связан с укреплением и расширением Русского государства. Сильный интерес проявляется к личности, и сама история становится частью его жизни. Патриотизм был не только долгом, но и убеждением русских князей, образы которых рисовали летописцы положительными чертами. В средневековых летописях княжеский патриотизм зачастую наделяется чертами и народного патриотизма. Люди, их поведение обсуждаются в основном с точки зрения того идеала, которому они должны соответствовать по своему социальному положению. Эти идеалы складывались в действительности и переносились в литературное творчество. В древнерусской литературе, в основе которой лежит устное народное творчество, находим образцы героических поступков лиц, чьи подвиги запечатлены в памяти народа. Таким образцом монументального эпического стиля является, например, «Слово о полку Игореве». И далее, возникновение литературных направлений Нового времени — классицизма, романтизма, реализма — и последующее развитие русской литературы, давшей миру величайшие образцы человеческой мысли, духовности, эстетики.

Культура, обобщая положительный опыт литературного, речевого творчества, передает его посредством русского языка. С помощью русского языка, воспитания, словом, приобщения к чтению продолжается духовное единение страны. Иван Ильин, оторванный от России, писал: «И еще один дар дала нам наша Россия: это наш дивный, наш могучий, наш поющий язык. В нем вся она, наша Россия...».

Огородников А. Ю.

доктор философских наук, профессор
кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Переход от актора-имитатора к актору-субъекту в укреплении государственного суверенитета

Введение

Последние три столетия общество организуется в сложную институциональную среду, где от личности требуется развить в себе множество компетенций для исполнения институциональных ролей. Образуется многомерное пространство множество ситуаций взаимодействия, имеющих четкие рамки («фреймы»), маркеры идентификации, принуждающие индивида воспроизводить определенный ролевой набор, пассивно исполнять роль, постоянно быть внимательным к точности распознавания правил и возможностей ситуации. В таком типе организации общества «социальность» представляется как особое, специфическое качество связей, обменов и зависимостей между индивидами и социальными группами, которые создают и многократно воспроизводят некую исторически обусловленную модель социальных отношений, каждый день и час сообщая ей этим устойчивость и своеобразную уникальность сложившегося социального порядка»². Критичность оценки происходящего,

¹ Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 2014.-С. 82–83.

² Бакланова О. А. Социальность как проблема социальной философии // Философия права. 2013. № 5 (60). С. 62–65. С. 63–64.

способность преобразовывать социум с позиции видения целостности социальных явлений, опора на идеалы или принципы социального устройства выходят за рамки успешной социализации.

Доминирующий тип социальности ориентирован на точное воспроизводство институционального порядка, но не акцентирует внимание личности на решение социальных противоречий, на поддержание целостности общества и государственного суверенитета. Сформировавшаяся рациональность социального участия обостряет противоречивость, социальную напряженность. Социальный дискурс всё чаще превращается в спор или безразличие. Возникает потребность в поиске новой социальности, ориентированной на качества субъектности, на укрепление государственного суверенитета через смену ориентации от индивидуального институционального успеха к гармонизации процессов генезиса социальной целостности.

Актор-имитатор

Сложность сохранения субъектности в плюралистичном и неопределенном пространстве порождает потребность в новом типе акторов, неспособных быть субъектами, но пригодных для сознательного и непринужденного сохранения институционального порядка. Для таких акторов, мы их обозначили как имитаторы, реальность не есть сфера бытия, нечто значимое само по себе, нет абсолюта. Чтобы быть успешным в современном социальном конструировании нового технологичного упорядоченного общества актору-имитатору не нужно стремиться к совершенству, к целостному саморазвитию, иметь идеалы, устойчивые жизненные установки или опираться на культурный опыт, традиции, государственный суверенитет. В социальном пространстве сохранение или трансформация классификаций групп, агентов, классов, а затем и социальных структур, происходит через «изменение видения социального мира, видения принципов деления этого мира»¹. Актор-имитатор переключает свое внимание на разные поля социальных практик, используя разные способности, актуализируя разные ценности, установки, смыслы социального участия. Например, один и тот же индивид, участвуя в научной деятельности, выступая на конференции, а затем занимаясь строительством дачи, разговаривая с рабочими, будет использовать разные коммуникативные средства, актуализировать разные способности, четко разделять свое время на профессиональные дела и бытовые занятия. Современная социальная система у своих наиболее развитых акторов тренирует навыки быстрого переключения ролей в различных социальных полях. Для успеха индивид должен уметь точно разделять социальные ситуации, быть разным в соответствии с ожиданиями, правилами и возможностями. «Люди с рыночным характером по сравнению, например, с личностями XIX в. не имеют даже собственного «я», на которое они могли бы опереться, поскольку их «я» постоянно меняется в соответствии с принципом «я такой, какой я вам нужен»².

Актор-имитатор увлекся игрой, виртуальностью, пробой, где отсутствует ответственность. Ему показалось возможным исправить любые ошибки или отказаться от понятия «ошибка», все может иметь место во Вселенной или вселенных. Стало казаться возможным отказаться и от совести, преодолеть ее, ввести субъекта в релятивистскую систему координат, где все возможно, в фрагментарный мир, где одно событие не влияет на другое, а казуальные связи отменены. Возникла как бы равноправность и усредненность всего. Вместо оппозиции святое – мирское возник тотальный релятивизм: в правах, образовании, этических и правовых нормах, и в результате бессмысленность жизни³. В обществе «идеал, осуществляясь, перестает быть идеалом... Формальное равенство прав и возможностей, не подкрепленное равенством фактическим (то есть нравственным, культурным), самосовершенствованием, правильным пониманием соотношения общественных прав и обязанностей, привело не к реальному личностному росту индивида, а лишь к росту амбициозности, претензий «человека-массы»⁴.

¹ Бурдые П. Социология политики: пер. с фр./Сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко./ М. : Socio-Logos, 1993. С. 192.

² Фромм. Э. Иметь или быть? М. : АСТ, 2021. С. 299.

³ Огородников А. Ю. Интериоризация системы ценностей личности в становлении институционального порядка российского общества: социально-философский анализ. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 2018. 309 с.

⁴ Погорельчик А. В. «Человек-масса»: социально-философский портрет XX века. : дис. ... канд. филос. наук. Воронеж., 2004. С. 91.

Актор-субъект

Для того чтобы разум стал бы управляем духом, индивид должен стать субъектом. Находясь в повседневности, мы редко делаем жизненно важный выбор, критически относимся к своим решениям, мыслям, идеям. Только состояние риска, угрозы, острое проявление жизненных, социальных или цивилизационных противоречий создает импульс для развития критического мышления, самостоятельности духовной работы над собой и при этом осознание потребности в опоре на что-то неподчиненное противоречивости, хрупкости и непостоянству мира. Пониманию силы духа предшествует ощущение своей слабости. В сложные исторические периоды в жизни народов или в катастрофические периоды жизни отдельного человека приходит понимание отсутствия имманентных сил и возможностей для преодоления противоречий, для поддержания личностного и социального бытия, укрепления государственного суверенитета. Жизнь человека и народа невозможна без внешнего источника, без цели и смысла, несводимых к поддержанию функционирования социальной системы, индивидуального биологического организма. В состоянии острой внутренней борьбы личность способна обнаружить в себе свойство субъектности, как умение автономно принимать решения, «целенаправленно и последовательно преобразовывать свою повседневность, а затем социокультурную среду исходя из идеи совершенствования мира и на основе желания создавать качественно новые условия существования»¹. Субъектность выражена у индивидов в разной степени в зависимости от глубины их проживания значимости каждого явления в бытии.

Способность быть актором-субъектом имеет как вневременные свойства, например, автономия, т.е. независимость от эмпирического мира, свобода, способность к творческому преобразованию и др., так и исторические особенности. В каждый исторический период создаются особые задачи, возникают свои противоречия, которые заставляют субъекта либо совершенствоваться, либо отказаться от субъектности. Понимание особенностей исторической эпохи, связи ее со всеобщим смыслом разворачивания явлений культуры, состояния государства, во многом зависит от характера субъектности, тех социокультурных условий, которые требуют внутренней борьбы, работы над собой, нового понимания актора-субъектом своих слабостей и возможностей.

Вызовы субъекту-актору в современном мире

В XXI в. в наиболее чистом, концентрированном виде сохраняется опыт восстановления подлинной субъектности акторов после ошибок, падений, кризисов. Духовное содержание этого процесса указывает на соборные начала субъектности даже в современную эпоху, когда нет достаточных социальных условий соборного духовного единства, присутствует угроза государственному суверенитету. Но акторы-субъекты способны на такое единство. Например, французский социолог Ален Турен указывал на необходимость конструирования новых общностей с новым типом идентичности, независимой от исторического опыта, государства, политических идей: «Субъект формируется только за счет одновременного отрицания инструментальности и идентичности, ибо последняя является не чем иным, как испорченной и замкнутой в самой себе формой распадающегося жизненного опыта... Субъект не может сформироваться иначе, нежели освободившись от слишком конкретных общностей, навязывающих ему стереотипы, основывающиеся на долге, а не на правах, на принадлежности, а не на свободе»². Английский социолог Энтони Гидденс отождествляет субъектность с способностью к власти и умением рационально использовать имеющиеся ресурсы для социальной интеграции: «для того, чтобы быть агентом, необходимо реализовывать способность к использованию (постоянно, в повседневной жизни) всего спектра власти, включая и воздействие на использование власти другими... Власть в рамках социальных систем, которые характеризуются некой протяженностью во времени и пространстве, предполагает некие регулярные отношения автономии и зависимости между актерами или коллективами в контексте социального взаимодействия»³.

С наступлением XXI в. с его технологическими соблазнами и усилением жесткости социальных структур, ценностного контроля, конфронтаций и быстрой сменой социальных условий актор-субъект

¹ Огородников А. Ю. Становление действующего субъекта в бытии // Credo new. 2019. № 1.

² Турен А. Способны ли мы жить вместе? Равные и различные // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Academia, 1999. С. 475.

³ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуриации. М. : Академический проект, 2005. С. 58.

всё более контрастирует с социальной реальностью, условиями социальной-мирской организации. Субъектность всё более отделяется от обыденности, раскол, разница духовного субъекта и конформиста резко увеличивается. Но и возможности достижения такой субъектности становятся общедоступными, образуется четкий контраст субъектности и волевой пассивности, проявляющийся во всех сферах жизни. В XXI в. их разница и масштабы распространения будут существенно увеличиваться пока не достигнут всего человечества. Вопрос субъектности, личного отношения к ней станет одним из центральных, волнующих индивидов в этом веке.

Заключение

Без актора-субъекта в обществе будет теряться духовное достоинство, как обретение священного потенциала в себе: «Человек есть дух. Именно постольку, поскольку в нем пробудилась и живет жажда Священного, т.е. жажда непререкаемо-ценного и таинственно-высшего; перед этим Священным душе естественно ощутить свое недостойнство; но именно это ощущение открывает ей горизонты вверх и вглубь, выводит ее из пошлого измерения жизни и утверждает ее духовное достоинство»¹. Но «человек, не осознавший своего предстояния и своего достоинства, не нашел своего духа»². Индивидуальная рефлексия саморазвития будет заменяться социальной программой становления актора-имитатора социальных отношений. Потеряется надежда на самостоятельную оценку условий для самопознания. В таком состоянии общество получает новую возможность удостовериться в подлинности бытия Духа. Всё более отчетливо видно, что духовность, вера, соборность сохраняются и распространяются несмотря на то, что мир лежит во зле, а любое событие в истории ведет к торжеству вечной духовности.

В конце XX в. была попытка методологически заменить субъекта, например, на дискурсивное сознание, субъект-коллектив. Дискурсивное сознание предполагает лишь более высокую форму компетентности в своих действиях, по сравнению с обыденным, когда индивид может объяснить реальные и достаточные предпосылки, причины, мотивы своих действий, определить реакцию окружающих, представить свою деятельность в спектре всех возможностей. Субъекты-организаторы коллективных действий направлены на достижение коллективных целей. Они используют «консенсусные основания»³ для согласования мотиваций, ожиданий, норм и целей. Но результат дискурса зависит от самоорганизующегося постоянства принципов коммуникации, единства определения ключевых понятий, общих правил. Современный дискурс теряет и это. Либо есть диктат чей-то воли, утверждающей «истину», либо пустой спор, выветривание оставшихся содержаний. Для не субъекта общество риска сменяется обществом страха и неопределенности, где растворяется смысл сильного государства, обладающего суверенитетом. В результате развивается чувство угрозы, которую сложно определить, оценить риски, что ведет и к опасению поддержки государственного суверенитета.

¹ Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. М. : ООО «АСТ», 2002. С. 37.

² Ильин И. А. Указ. соч. С. 33.

³ Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль. М. : Издание Международного университета бизнеса и управления, 1996 с. 494–526.

Пржиленский В. И.

доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

Пржиленская Ю. Г.

преподаватель Департамента гуманитарных наук
Финансового университета при Правительстве РФ

Евразийство и космизм: взаимодействие двух философских течений¹

В 2008 г. Российская академия наук в лице одного из ее институтов объявила конкурс на лучшую научную работу, заданной темой которой была тема «Человек в лабиринте идентичностей»². Актуальность поставленной задачи не вызвала удивления ни среди специалистов, ни в кругах широкой читающей публики. Ситуация лабиринта идентичностей действительно оказалась ключевой в понимании главных изменений в жизни человека и общества. Более того, для современного человека поиски выхода из лабиринта имели не только эпистемическое, но и аксиологическое измерение. Вопрос о том, «кто ты есть?» имплицитно содержит в себе вопрос «кем ты хотел бы быть?», что в данном контексте означает «частью какого исторического прошлого ты хотел бы стать?» и «к какой коллективной идентичности ты хотел бы присоединиться?».

Таким образом, для современного человека, поиски выхода из лабиринта идентичностей связаны с присоединением к коллективному проекту, который сегодня называют геополитическим. И для каждого индивида, осознанно присоединяющегося к такому проекту, этот выбор обычно связан с изменениями и в пространстве индивидуального целеполагания, и в сфере приоритетных ценностей, и в области конструирования предпочитаемого образа будущего. Потому что такой проект, артикулируемый сегодня как геополитический, на самом деле является социально-историческим, культурно-этническим и этноконфессиональным одновременно.

Прошло вот уже полтора десятилетия, но тема поиска идентичности россиян продолжает вызывать академический интерес. Более того, вопросы самоидентификации россиян широко обсуждаются в различных СМИ, да и в целом находятся в центре общественных дискуссий. На фоне все возрастающего интереса к идеям евразийцев не мог быть обойден и вопрос о евразийском понимании коллективной идентичности. Один из авторитетных российских востоковедов А. В. Малашенко в 2018 г. опубликовал статью, в которой подверг критике идею выделения евразийской идентичности в качестве особого типа идентичности, сосуществующего с российской, русской или татарской идентичностями. «Самое трудное, – утверждал А. В. Малашенко, – писать о том, чего нет. В данном случае о евразийской идентичности. Евразия есть, евразийство наличествует, а вот евразийской идентичности нет. Не сложилась... В широком общественном сознании России евразийство стремилось к нулю. В русской литературе само это слово практически не встречалось. Зато и Антон Чехов, и Максим Горький, и Иван Бунин проклинали азиатчину и мечтали о европеизации. Европа и Азия в их представлении были несовместимыми»³.

Точка зрения А. В. Малашенко не подкреплена достаточным количеством аргументов – мнению перечисленных писателей может быть противопоставлено мнение других, не менее известных литераторов, буквально влюбленных в Азию и никогда не допускавших слова «азиатчина». Достаточно назвать имена Н. Рериха и В. Хлебникова, не говоря уж о славянофильской и почвеннической традиции в русской литературе XIX в. «Русский человек, – писал Ф. М. Достоевский, – не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того, в грядущих

¹ Использованы материалы публикации Пржиленский В. И., Пржиленская Ю. Г. Социальная философия евразийцев и особенности формирования евразийской идентичности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 11. С. 52–58.

² URL: <https://iphras.ru/treatise.htm> (дата обращения: 29.08.2023).

³ Малашенко А. В. Евразийская идентичность: реальности и фантазии. Как можно описать то, чего не существует // Независимая газета. 05.07.2018. URL: https://www.ng.ru/ideas/2018-07-05/5_7259_fantasy.html (дата обращения: 29.08.2023).

судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! Я предчувствую негодование, с которым прочтут иные это ретроградное предположение мое (а оно для меня аксиома). Да, если есть один из важнейших корней, который надо бы у нас оздоровить, так это именно взгляд наш на Азию» (Достоевский, 1995: 504).

Между тем вопрос о специфике евразийской идентичности совсем не праздный. Совершенно очевидно, что она не относится ни к разряду этнической идентичности, ни к разряду идентичности конфессиональной. Как отмечают С. М. Журавлева и А. В. Иванов, «применительно к России и к большинству стран бывшего СССР можно с полным правом говорить о третьем – цивилизационном – уровне идентичности, который носит геокультурный и геополитический характер. Мы принадлежим к срединному евразийскому культурно-географическому миру (или к единой евразийской цивилизации), которая лежит между Востоком и Западом, впитала в себя их хозяйственные, политические и культурные достижения, но за последние три столетия приобрела ярко выраженное цивилизационное своеобразие»¹.

Согласно приведенной точке зрения, евразийская идентичность – не конкурирует с российской идентичностью, выступая в качестве особой, уровневой компоненты последней, функцией которой является уточнение ее смысла и содержания. Более того, речь идет о своеобразном механизме включения российской идентичности в структуру и содержание российской (русской) национальной идеи. «Евразийская цивилизационная идентичность, – пишут С. М. Журавлева и А. В. Иванов, – одна из важнейших составляющих российской национальной идеи и действенная мировоззренческая скрепа набирающей силу многоуровневой евразийской экономической, политической и культурной интеграции»².

Для прояснения данной концептуализации необходимо вернуться к самим истокам евразийской мысли, к своеобразному манифесту евразийцев, каковым выступил первый выпуск сборника «Исход к Востоку». Движение евразийцев, возникшее в эпоху величайших потрясений, состояло из ученых, вынужденных бежать из охваченной революционными беспорядками большевистским террором и гражданской войной страны. И не случайно в близкой по религии и культуре болгарской столице, пятеро интеллектуалов в эти «окаянные дни» попытались в полной мере осмыслить масштаб случившейся катастрофы. Ведь наряду с поражением в мировой войне, крушением государственности, неисчислимыми жертвами со стороны мирного населения, гонениями на церковь, они стали свидетелями краха всего того, что можно было бы по старинке назвать русской идеей или, выражаясь в терминах современной политологии, геополитическим вектором национального целеполагания. Именно тогда вместе с самодержавием Россия расставалась и с претензиями на статус Третьего Рима, и с надеждой на объединение под своим предводительством всех славянских народов. Наверное там, в славянской и православной Софии, переживание несбыточности мечты о восстановлении креста над куполом хр. Святой Софии, как и о достижении утраченного славянского единства было особенно трудным, но вместе с тем и особенно отчетливым.

Вышедшая в 1921 г. первая книга сборника «Исход к Востоку» была подготовлена четырьмя известными учеными – лингвистом Н. С. Трубецким, музыковедом П. П. Сувчинским, географом и экономистом П. Н. Савицким и теологом Г. В. Флоровским. В дальнейшем в их ряды влились правовед Н.Н. Алексеев, историка Г. В. Вернадский, литературный критик Д. П. Святополк-Мирской, теолог Л. П. Карсавин и многие другие. Написанные ими статьи свидетельствовали о том, что, даже признав несостоятельность великих геополитических проектов, таких как европейский проект Петра I, греческий проект Екатерины II или славянофильский «нациестроительный» проект Александра III, они не готовы признать окончательное поражение. На смену потерпевшим поражение замыслам они предлагают новый проект – евразийский.

Нет ничего удивительного в том, что рассуждения о неизбежном Повороте к Востоку или о наследии Чингиз-хана приобрели популярность в иммигрантской среде, хватавшейся за любую возможность альтернативы большевистскому стремлению к разрушению старого мира «до основания»

¹ Журавлева С. М., Иванов А. В. Евразийская цивилизационная идентичность как мировоззренческое основание нового объединения Евразии // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2016. № 1. С. 19.

² Указ. соч.

и к построению на его обломках нового мира. Место греческого и славянского проектов должен был занять проект, решающий те же самые функции – связывать прошлое с настоящим и будущим. Греческий проект апеллировал к конфессиональной идентичности, славянский был ориентирован на национальное самосознание. Пришедший им на смену большевистский проект отменял обе вышеназванные детерминанты, провозглашая в качестве своих непреложных принципов атеизм и интернационализм. Евразийский проект не мог сохранить в прежнем виде ни славянскую, ни христианскую идентичность, но не мог столь же решительно от них отказаться. Вот почему в нем удивительным образом сочетались национализм и интернационализм, православие и межконфессиональность. Сам образ Евразии, совсем как в богословском истолковании неслиянности и нераздельности Лиц Святой Троицы, соединяет в себе два «неслиянных» и «нераздельных» начала – европейское и азиатское. И не только Халкидонский символ веры побуждает нас допускать параконсистентную логику – и философская рефлексия, и культурно-исторический опыт подтверждают слова поэта о том, что «Запад есть Запад, Восток есть Восток».

Но чем же можно заменить национализм если не интернационализмом? И чем можно заменить религию, если не атеизмом? Евразийцы находят свои особые ответы, пусть и «параконсистентные». С самого начала евразийский проект позиционирует себя как националистический, но с оговорками, позволяющими не считать его традиционной версией национализма. «Мы думаем, – пишут авторы евразийского манифеста, – что стихийный и творческий национализм, российский по самой природе своей, расторгает и разрывает стеснительные для него рамки «национализмов» западноевропейского масштаба; что даже в этническом смысле он плещет так же широко, как широко расплескались по лицу земному леса и степи России»¹.

Читая текст далее становится ясно, что само понятие нации здесь истолковывается в смысле более близком к конфессиональной, нежели к этнической его трактовке. И когда евразийцы пишут о нации, то они имеют в виду не этнических русских и даже не славян, а весь круг народов евразийского континента или, точнее, народов, принадлежащих к евразийской цивилизации. «Свой национализм мы обращаем, как к субъекту, не только к «славянам», но к целому кругу Народов «евразийского» мира, между которыми народ российский занимает срединное положение. Такое приобщение целого круга восточноевропейских и азиатских народов к мыслимой сфере Мировой культуры Российской вытекает, как нам кажется, в одинаковой мере из сокровенного «сродства душ», – делающего русскую культуру понятной и близкой этим народам и, обратно, определяющего плодотворность их участия в русском деле, – и из общности экономического интереса, из хозяйственной взаимообращенности этих народов...»².

Когда авторы пишут о плодотворности участия всех евразийских народов в русском деле, они сохраняют идею национального лидерства системообразующей нации, предлагая присоединиться к ее деятельности всем иным народам, традиционно населяющим бескрайние просторы континента вне зависимости от их расовой, этнической, лингвистической или конфессиональной принадлежности. И несмотря на явственно очерченные контуры схемы, в которой присутствует образ старшего брата, это действительно исторически новый подход, основанный на равноправии наций и народностей, но в соответствии с которым их культурная уникальность не ставится под сомнение. И если большевики вплоть до 40-х гг. стремились к этнической и аксиологической унификации за счет создания универсалистской культуры, то евразийцы рассматривали культурное многообразие как одну из главных ценностей. В какой-то мере их идеи нашли отражение в национальной политике СССР, когда существование национальных или автономных республик, а также культурных автономий должно было обеспечить сохранение культурной сложности социума.

Итак, евразийская идентичность – это не этническая идентичность и то, что в евразийском проекте русские оказываются в большинстве, не имеет значения, не приводит к ситуации доминирования одной этнической группы над другой. То же относится и к вопросу о конфессиональной идентичности

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1 : Предисловие // URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (дата обращения: 29.08.2023).

² Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1. Предисловие // URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (дата обращения: 29.08.2023).

евразийцев. Авторы первой книги «Исхода к Востоку» пишут о необходимости всенародного покаяния, в ходе которого только и может быть замолено «греховное безумие восстания», причем это должно сочетаться к строгим формам Церковной жизни. При этом они убеждены в том, что «Церковь оживает в новой силе Благодати, вновь обретает пророческий язык мудрости и откровения. «Эпоха Науки» снова сменяется «эпохой веры» – не в смысле уничтожения науки, но в смысле признания бессилия и кощунственности попыток разрешить научными средствами Основные, конечные проблемы существования»¹.

Гумилевское учение вряд ли можно назвать антиматериалистическим – приведенная выше цитата убедительно демонстрирует его натуралистический характер. Более того, опираясь на идеи космиста Чижевского, Л. Н. Гумилев гипотетически допускал в качестве причины рождения этносов космическую радиацию. О системных связях в этносе и о его единстве он писал как о результате снабжения этноса геобиохимической энергией живого вещества биосферы, влияние которой способно рождать такой поведенческий признак, как пассионарность. Суть пассионарности в том, что она рождает «непреодолимое стремление к намеченной цели», независимо от того, реальна или иллюзорна данная цель. Л. Н. Гумилев определяет пассионарность как противоположный инстинкту самосохранения импульс подсознания (Гумилев, Иванов, 1984: 211-220). Еще Л. Н. Гумилев писал о том, что этнос возникает в случае, когда к определенному ландшафту и к определенной группе людей приложен энергетический импульс (Гумилев, 2013).

Таким образом, с мнением А. Г. Дугина согласиться нельзя. Евразийцы не находились в оппозиции к основным направлениям современной науки. Да и называть их противниками материализма нет никаких оснований. Если же говорить о специфике евразийского мировоззрения, то в позиции А. Г. Дугина всё же можно найти некую истину – их рассуждения и умозаключения действительно была «пронизана идеями», а также каким-то общим ощущением полноты и целостности мира, переживанием единства микрокосма и макрокосма. Эти чувства и эти ощущения можно были у древнегреческих натурфилософов и у итальянских гуманистов эпохи Ренессанса, но в Новое время одной из неназванных задач европейского рационализма была последовательная дифференциация науки и искусства, религии и поэзии, чему неосознанно противились евразийцы, находя союзников среди философов русского космизма. Эти моменты особенно важно учитывать при изучении комплекса причин и детерминант формирования евразийской идентичности.

Рыбаков О. Ю.

доктор философских наук, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О значении суверенитета в современных условиях

Государственная, политическая суверенизация и десуверенизация как масштабные ценностно разнонаправленные процессы, имеют вместе с тем взаимообусловленный характер. Десуверенизация неприемлема для государств, обладающих сознанием собственной самодостаточной идентичности. Суверенизация предполагает установление режима политической власти, способного обеспечить сохранение и воспроизводство национально-культурной идентичности. Десуверенизация приемлема для государства, не желающего искать и утверждать уникальность собственного развития и легально, легитимно согласного оказаться частью экономики, политики, культуры другого государства. Десуверенизация аксиологически близка глобализации, которая представляет угрозу национальным суверенитетам, являясь экспансионистским проектом отдельных государств, осуществляющих ее на уровне экономического сближения, имитации мультикультурализма. В таких случаях интересы государств – носителей глобализации внедряются в национальные системы других государств.

¹ Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. Кн. 1: Предисловие // URL: <http://nevmenandr.net/eurasia/1921-isxod.php> (дата обращения: 29.08.2023).

В научных публикациях высказываются мнения о том, что современный проект постсуверенизации государственно-правовых образований рассматривает и анализирует государственную власть не как прежде – с точки зрения национально-культурной уникальности, а сквозь призму включенности государств в формируемый порядок, соответствия его стандартам. Отмечается, что в этом глобалистическом дискурсе используется и другой концептуальный ряд, иная логика рассмотрения проблем, когда, например, проблема безопасности переносится с суверенных территорий и рассматривается с международной точки зрения (внутритерриториальной, планетарной, всеобщей), в то же время легальность и легитимность экстраординарных ситуаций и чрезвычайных режимов обосновывается не через обеспечение целостности, единства, стабильности суверенного государства, а посредством международного санкционирования, т.е. признания этих действий как необходимых для сохранения, продвижения глобального порядка и соответствующей идеологии¹. Идея наднационального правления и идеология глобализации, минимизирующая суверенную самодостаточность государств, витает в воздухе и становится практикой международных отношений. Как показала пандемия COVID-19, транснациональное правление оказалось бессильным не только прогнозировать возможность этого планетарного бедствия, но и найти универсальные способы предотвращения и прекращения этого опасного явления, продолжавшегося длительное время. Глобальные проблемы, известные на протяжении многих десятилетий, также не решены на основе десуверенизации и глобализации. Мировые интеграционные усилия, безусловно, необходимы для решения всеобщих проблем человечества. Однако такие решения не реализованы в полной мере, что показывает неэффективность глобализации как процесса, отрицающего возможную успешность действий отдельных суверенных государств. Идеология глобализации и десуверенизации начала XXI в. может предполагать концептуализацию так называемого «ограниченного суверенитета», когда государство якобы его не утрачивает, но одновременно способно подчинять свои национальные интересы в угоду интересам государств более экономически, технологически развитых и политически сильных. Как правильно отмечается в публикациях, «важность и значение суверенитета для государства трудно переоценить. История развития государств – это борьба за свой суверенитет. Глобализация в ее нынешнем виде создает угрозу государственному суверенитету, будущему человеческой цивилизации. В настоящее время в мировом развитии существует проблема влияния глобализации на государственный суверенитет. В то же время, на наш взгляд, идеи ограниченного суверенитета государства тоже несостоятельны, ввиду их противоречия самой сути государства»². Можно констатировать два определяющих фактора, которые действуют в мировом экономическом, политическом, технологическом пространстве в период от конца XX в. до современности.

Во-первых, это информационно-технологическая модернизация и новый этап глобализации, приходящиеся на данный период. Индустрия 4.0. оказалась весьма удобным процессом для объяснения необходимости интеграции современных обществ и государств в киберпространстве. Во-вторых, новый этап «классической» глобализации, приходящейся на период конца XX – начала XXI в., формирует сетевые характеристики как в самих национальных общественных системах, так и в международном кооперировании. В то же время продолжается приоритетная реализация интересов экономически доминирующих государств по сравнению с подлинными интересами населения других государств. Противостояние такому доминированию оказалось совершенно необходимым.

В условиях санкций значение суверенитета резко возрастает, что показывает историческую, социальную, социокультурную ценность традиций, значение национального духа, нравственных основ социума, которые вместе с интересами и потребностями общества составляют основание необходимости государственного суверенитета в современных условиях. Можно вести речь, прежде всего, о государственном суверенитете, значение которого дополняется с учетом конкретно-исторических факторов культуры, науки, технологий, результатов промышленной революции. Вместе с

¹ Мамычев А. Ю., Мирошниченко О. И., Губкина А. И. Суверенитет государства: общественно-политическая трансформация в контексте современных киберреалий // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 4 (29). 353–358 с. С. 355.

² Кочесоков З. Х., Кулиев Ф. М., Мулляр Л. А. Проблема влияния глобализации на государственный суверенитет // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 2. 15–18 с. С. 17.

тем в научной литературе упоминается и исследуется всё большее количество видов суверенитета. Так, речь идет о культурном (духовном) суверенитете, значение которого закреплено в Указе Президента РФ от 25.01.2023 № 35, где под ним понимается «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Действительно историческая память вмещает в себя все многообразие особенностей национальной и культурной идентичности, ценностей и норм, свойственных менталитету и образу жизни российского общества. Как отмечается в научных публикациях, «целью культурного суверенитета, ради которой он существует, представляется право государства самостоятельно без постороннего вмешательства осуществлять политику в сфере культуры, тем не менее слишком узкой будет задача обеспечения неприкосновенности ценностей, так как полностью отгородиться от остального мира вряд ли в современном обществе получится, и задача как раз в другом: проводить политику, соответствующую базовым ценностям и нормам российского народа, образу жизни и национальным интересам Российской Федерации»¹.

Речь идет также об экономическом суверенитете, финансовом суверенитете, технологическом, информационном суверенитете и др.² Правильно отмечает Е. Ю. Грачёва, что «представляется вполне обоснованным исследование современной российской наукой особенностей всех проявлений суверенитета, например, экономического суверенитета, в том числе финансового, продовольственного, энергетического суверенитета, суверенитета в области обороны, национальной культуры, образования и т.д., что приобретает особую значимость в условиях глобальных преобразований мироустройства»³. По существу, сформировалось направление научных междисциплинарных исследований суверенитета в его различных видовых проявлениях. В любом случае, каждый вид суверенитета связан с общим понятием «суверенитет». Понимание финансового суверенитета представлено в двух аспектах. Как обоснованно подчеркивает Е. Ю. Грачева, «возможно предложить определение финансового суверенитета как системы мер и мероприятий, закрепленных законодательством и направленных на создание и развитие условий, обеспечивающих состояние стабильности, поступательного развития общества в целом, а также благополучия его граждан. Одновременно необходимо отметить, что финансовый суверенитет, с одной стороны, выступает как достаточно самостоятельная система, с другой – как подсистема более крупного явления – суверенитета страны. Подобный подход позволяет выявить взаимосвязи и взаимозависимости всех подсистем в целях достижения независимости осуществления государством внутренней и внешней политики»⁴.

Итак, при сохранении сущностных характеристик суверенитета, идущих от учения Ж. Бодена, важно подчеркнуть его экстраполяцию как понятия на многие другие сферы. Сформированное в период феодальной организации государств, понятие суверенитета представляется емким, предельно четким, недвусмысленным. Следует учитывать, что суверенитет есть свойство власти, и всякое изменение в ее структуре, понимании, способах реализации уточняет понятие «суверенная власть». Реальная политика современных государств с учетом изменений технологической эпохи промышленной революции не так

¹ Гаврилов Д. А. Культурный суверенитет: общетеоретическая характеристика // Вестник Евразийской академии административных наук. 2023. № 2 (63). 10–15 с. С. 12.

² Аскеров Н. С. Экономический суверенитет в условиях санкций и международное разделение труда: взаимосвязь и противоречия // Научные труды Вольного экономического общества России. 2022. Т. 235. № 3. С. 227–237 ; Анищенко А. В., Файбусович К. Б. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России в современном мире: уроки истории // Вопросы истории. 2023. № 2-1. С. 118–127 ; Грачева Е. Ю. Финансовый суверенитет – миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7 (107). С. 19–26 ; Афанасьев А. А. Технологический суверенитет как научная категория в системе современного знания // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 9. С. 2377–2394 ; Гриценко В. В. Цифровой суверенитет России: проблемы управления и обеспечения // Конституционализм и государственное устройство. 2021. № 2 (22). С. 19–27.

³ Грачева Е. Ю. Финансовый суверенитет – миф или реальность? // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7 (107). 19–26 с. С. 21.

⁴ Указ. соч. С. 26.

явственна и открыта, как в период феодализма. Однако целостное понимание самостоятельности государственной власти, остается стабильным, неизменным. В международном масштабе разрушение или трансформация национальных суверенитетов имеет ту же конечную цель, как и столетия назад: экономическое, культурное, политическое поглощение территорий и народов под видом глобализации.

Факторы, обеспечивающие устойчивость государств, возможность их качественного прогрессивного совершенствования, реализацию социальных программ, характеризуют современный суверенитет как проявление независимости и самостоятельности такого государства. Впервые в истории цивилизаций информационно-технологические трансформации стали факторами социального уровня. Уровень развития информационных технологий, искусственного интеллекта, в целом продукты промышленной революции стали весомыми социальными и политическими факторами, прямо влияющими на имидж, престижность, успешность внутренней и внешней политики, развитие современных государств. Суверенитет в современных условиях – это не только независимость, отграниченность. В понятие «государственный суверенитет» следует включать «национальные интересы» как интересы единого государства, интересы всех наций и народов, выражающие понимание самого главного, определяющего, ценного для данного социума. Суверенитет государства, как и ранее, остается условием взаимного международного политико-правового баланса, хотя и испытывающего влияние промышленной революции, политических веяний глобализма, но неизменным качеством и свойством самостоятельной государственной власти.

ИНФОРМАЦИОННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Минбалеев А. В.

заведующий кафедрой
информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
д. ю. н., профессор, эксперт РАН

Обеспечение кибербезопасности и международной информационной безопасности в системе обеспечения информационного суверенитета¹

Информационная сфера в современном мире подвергается значительному воздействию со стороны государства. Причем во многом это связано как с процессами создания и использования информационных (цифровых) технологий, выделением все новых видов информационных процессов, в том числе связанных с распространением «вредной» информации, а также с четким выделением в рамках информационной сферы ряда информационных пространств, в том числе создания новых информационных (цифровых) пространств (онлайн-игр, метавселенных и др.). Всё это создает необходимость обеспечения защиты интересов государства в информационной сфере, в том числе от негативных воздействий со стороны зарубежных государств. В связи с этим сегодня на повестке практически любого государства стоит вопрос об обеспечении информационного суверенитета.

В современной литературе при определении информационного суверенитета чаще всего он рассматривается как «государственный суверенитет в информационном пространстве», то есть «юридическое качество государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование и в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), и на международном уровне (глобальное и региональные информационные пространства), реализуемый посредством информационной функции государства (деятельность органов государства по регулированию информационного пространства) и государственной информационной политики (содержание данной деятельности в конкретный исторический период)»². Соответственно, «информационный суверенитет» как правовая категория заключается в возможности государства осуществлять посредством национального (внутригосударственного) права и формируемого с участием данного государства международного права регулирование определенного информационного пространства»³.

Данное определение в целом соответствует природе информационного суверенитета, но в современном мире весьма затруднительно обеспечивать информационный суверенитет государства через международное право.

Существуют и подходы, согласно которым под информационным суверенитетом понимается «право государства действовать самостоятельно в информационном пространстве, обеспечивая собственную информационную безопасность от угроз, исходящих извне»⁴. Как отмечает Н. П. Ромашкина, «исходя из определения термина «суверенитет» как независимости государства во внешних делах и верховенства государственной власти во внутренних делах, логично рассматривать информационный суверенитет как способность технологически и законодательно обеспечивать и

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

² Ефремов А. А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 51.

³ Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 211; Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 15.

⁴ См., например: Соболев Е. Критерии и показатели информационного суверенитета. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/kriterii-i-pokazateli-informacionnogo-suvereniteta?ysclid=ls47hoc5ss461233521> (дата обращения: 20.11.2023).

защищать независимость государства и конституционные права граждан в информационном пространстве от внешних угроз, контролируя при этом происходящее в этом пространстве»¹.

Полагаем, что в современных условиях информационный суверенитет государства необходимо рассматривать как его качественное состояние, позволяющее осуществлять правовое, технологическое, организационно-техническое обеспечение независимости государства, конституционных прав и свобод граждан в определенных информационных, в том числе цифровых, пространствах, от информационных угроз.

Способность обеспечить независимость государства в информационном пространстве, а также обеспечение прав и свобод граждан во многом возможно только в условиях обеспечения кибербезопасности и международной информационной безопасности².

Кибербезопасность – это состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних киберугроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод человека и гражданина, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальная целостность и устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации, оборона и безопасность государства.

С технической точки зрения под ней можно рассматривать набор технологий и средств, позволяющих защитить информационные системы и сети от компьютерных (цифровых) атак.

Под угрозами кибербезопасности (киберугрозами) рассматриваются любые действия, при которых формируется риск нарушения состояния защищенности личности, общества или государства. Под ними следует понимать совокупность действий и факторов, создающих опасность нанесения ущерба интересам личности, обществу и государству в киберпространстве, а также в процессе использования его ресурсов. Угрозы при этом связываются с компьютерными инцидентами, вызываемыми компьютерными атаками. Под последними понимается «целенаправленное воздействие на информационные системы и информационно-телекоммуникационные сети программно-техническими средствами, осуществляемое в целях нарушения безопасности информации в этих системах и сетях»³.

К числу рисков в сфере обеспечения кибербезопасности следует отнести прежде всего внешние и внутренние факторы и условия.

В рамках внешних факторов и условий выделяются:

- фактор сокрытия крупными разработчиками информационных технологий информации об истинных функциональных и технических их характеристиках;
- доминирование зарубежных информационных технологий;
- активное распространение свободного вредоносного программного обеспечения и иных информационных технологий;
- государственная политика зарубежных государств, направленная на сдерживание развития России в киберпространстве, на ограничения в киберпространстве российских граждан, организаций и органов власти, а также блокировку российских цифровых сервисов и ресурсов на территории иностранных государств и в России;

¹ Ромашкина Н. П. Об информационном суверенитете. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/informatsionnyu-suverenitet-ili-pochemu-rossii-nuzhna-strategiya-informatsionnoy-bezopasnosti/> (дата обращения: 20.11.2023).

² См. более подробнее: Полякова Т. А. О современных тенденциях развития правового регулирования в области обеспечения информационной безопасности при построении информационного общества в России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Информатизация образования». 2008. № 1. С. 12–19; Развитие правового обеспечения информационной безопасности / А. А. Стрельцов, Е. К. Волчинская, А. Н. Козырев. М.: Престиж, 2005. 200 с.; Полякова Т. А. Теоретико-правовой анализ законодательства в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 230 с.

³ Основные направления государственной политики в области обеспечения безопасности автоматизированных систем управления производственными и технологическими процессами критически важных объектов инфраструктуры Российской Федерации. Утв. Президентом РФ 3 февраля 2012 г., № 803. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/information/document113/> (дата обращения: 10.12.2023 г.).

– создание и функционирование специальных кибергрупп, направленных на дестабилизацию информационных процессов в России, осуществление различных провокаций в киберсреде, несанкционированное получение и уничтожение информации и др.¹

К внутренним факторам относятся:

- низкая грамотность населения в сфере кибербезопасности, в том числе низкий уровень квалификации пользователей сети «Интернет»;
- низкий уровень развития системы образования и просвещения в области кибергигиены и кибербезопасности;
- лоббирование на рынке отдельных отечественных технологий и низкий уровень конкуренции;
- недоверие к отечественным разработкам в сфере информационных технологий и средств защиты информации; и др.²

Другим важным фактором обеспечения информационного суверенитета государства является международная информационная безопасность в информационно-коммуникационной среде. Во многом мы можем говорить о том, что кибербезопасность и международная информационная безопасность это смежные, во многом пересекающиеся институты. Об этом свидетельствуют и основные угрозы международной информационной безопасности, заложенные в проекте концепции Конвенции Организации Объединенных Наций «Об обеспечении международной информационной безопасности». К их числу отнесены:

1. «Использование государствами информационно-коммуникационных технологий в военно-политической и иных сферах в целях подрыва (ущемления) суверенитета, нарушения территориальной целостности, общественной и экономической стабильности суверенных государств, вмешательства в их внутренние дела, а также осуществления в глобальном информационном пространстве иных действий, препятствующих поддержанию международного мира и безопасности;

2. Проведение компьютерных атак на информационные ресурсы государств, в том числе на критическую информационную инфраструктуру;

3. Монополизация отдельными государствами и/или при их содействии частными компаниями рынка информационно-коммуникационных технологий путем ограничения доступа других государств к передовым информационно-коммуникационным технологиям и усиления их технологической зависимости от доминирующих в сфере информатизации государств, увеличения цифрового неравенства;

4. Выдвижение одними государствами против других государств необоснованных обвинений в организации и совершении противоправных деяний с использованием информационно-коммуникационных технологий, включая компьютерные атаки;

5. Использование информационных ресурсов, находящихся под юрисдикцией другого государства, без согласования с компетентными органами этого государства;

6. Размещение в информационном пространстве государств в свободном доступе инструментов проведения компьютерных атак, инструкций по методам их организации и выработке практических навыков применения таких инструментов, координации соответствующих действий по проведению компьютерных атак;

7. Использование информационно-коммуникационных технологий в ущерб основным правам и свободам человека, реализуемым в информационном пространстве, прежде всего праву человека на уважение его личной (частной) жизни;

8. Включение в информационно-коммуникационные технологии недекларируемых возможностей, а также сокрытие производителями информации об уязвимостях в их продуктах;

¹ Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : ООО «Амирит», 2022. 338 с. ; Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе : монография / под ред. Т. А. Поляковой. Саратов : ООО «Амирит», 2022. 332 с.

² Указ. соч.

9. Использование государствами своей информационной инфраструктуры для совершения международно-противоправных деяний, а также использование государствами посредников, в том числе негосударственных субъектов, для совершения таких деяний;

10. Распространение посредством информационно-коммуникационных технологий информации, наносящей вред общественно-политическим и социально-экономическим устоям, духовной, нравственной и культурной средам государств, а также создающей угрозы жизни и безопасности граждан;

11. Невозможность точной идентификации источника компьютерных атак, обусловленная технологическими особенностями информационно-коммуникационных технологий, а также отсутствием организационных механизмов обеспечения деанонимизации информационного пространства, для совершения противоправных деяний»¹.

Проблема международной информационной безопасности сегодня «стала неотъемлемой частью международной безопасности как системы международных отношений, основанной на соблюдении всеми государствами общепризнанных принципов и норм международного права и исключающей решение спорных вопросов и разногласий между ними с помощью силы или угрозы силой, в целом». В связи с этим обеспечение информационного суверенитета государства сегодня становится одной из ключевых задач при реализации функций любого государства.

Добробаба М. Б.,

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Проблема достаточности правового обеспечения мер государственной поддержки ИТ-отрасли в условиях санкций²

В связи с началом специальной военной операции (далее – СВО) рядом недружественных стран стала проводиться санкционная политика в отношении Российской Федерации, российских граждан и организаций. Негативное воздействие санкционной политики проявилось и в существенном воздействии на развитие ИТ-сектор, что стало для него новым серьезным вызовом.

Санкции для ИТ-сектора определяются в научной литературе как запреты на поставки товаров двойного назначения и ограничения на технологии, компоненты и программное обеспечение (ПО), нацеленные на определенные секторы³. Прежде всего, с отечественного рынка ушли крупные поставщики оборудования и ПО (Cisco, Siemens, IBM и др.). ИТ-сектор столкнулся с отключением лицензий (а иногда и оборудования), отсутствием обновлений и, как следствие, программными ошибками» и уязвимостью систем.

Санкции также негативно повлияли на экспорт отечественных ИТ-продуктов за рубеж: возникли трудности с оплатой. В отношении российских ИТ-компаний были введены персональные санкции, как запрещающие с ними взаимодействие, так и блокирующие зарубежные активы.

В целях адаптации ИТ-сектора к принимаемым санкционным мерам представляется актуальным и своевременным проведение анализа существующих инструментов и подходов в механизме правового регулирования общественных отношений в сфере ИТ, в случае необходимости – провести их

¹ Проект Концепции конвенции ООН «Об обеспечении международной информационной безопасности». URL: <http://www.scrf.gov.ru/media/files/file/P7ehXmaBUDOAaAcATW2Rwa3yNK1bNAWI9.pdf> (дата обращения: 10.12.2023).

² Доклад подготовлен в рамках государственного задания «Российская правовая система в реалиях цифровой трансформации общества и государства: адаптация и перспективы реагирования на современные вызовы и угрозы (FSMW-2023-0006)». Регистрационный номер: 1022040700002-6-5.5.1.

³ Чайковская Л. А., Филин С. А. Особенности бухгалтерского учета и налогообложения в ИТ-компаниях в санкционных условиях // Международный бухгалтерский учет. 2023. № 3. С. 313–338.

переоценку. Кроме того, необходима и разработка новых правовых средств контрсанкционного характера поддержания и развития ИТ-сектора.

В условиях осуществления цифровой трансформации важно обеспечить защиту информационного и цифрового суверенитета Российской Федерации. Так, в связи с изданием Указа Президента РФ от 30.03.2022 № 166 (ред. от 22.11.2023) «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»¹ с 31 марта 2022 г. приняла новые обороты политика импортозамещения: при осуществлении государственных закупок не допускается приобретение иностранного ПО, в том числе в составе программно-аппаратных комплексов, на критической информационной инфраструктуре, а с 2025 г. и вовсе устанавливается полный запрет на использование иностранного ПО государственными заказчиками на критической информационной инфраструктуре.

Все реализуемые меры поддержки в достаточной степени структурированы, закрывают разные потребности широкого спектра ИТ-компаний. Существующие меры могут быть сгруппированы в ряд блоков: налоговые льготы; льготные кредиты; гранты; стимулирование спроса; льготная ипотека; отсрочка от армии; освобождение от проверок; трудоустройство иностранцев; включение в реестры; аккредитация; ИТ-образование; привлечение финансирования.

Вместе с тем сейчас ведется серьезная работа по формированию дополнительных и точечных мер поддержки конкретных сегментов ИТ-отрасли, многие уже принятые и реализуемые меры требуют изменения:

Наиболее действенными мерами стали:

1) Налоговые льготы по НДС, налогу на прибыль и страховым взносам; снижение решению ряда субъектов РФ ставок УСН, земельного налога» позволили существенно снизить налоговую нагрузку с ИТ-сектора.

Полагаем, самая эффективная мера – отмена налога на прибыль. Благодаря этому бизнес сможет повысить зарплаты сотрудникам и больше инвестировать в развитие компании. В итоге повысится конкурентоспособность.

Представляется целесообразным в качестве меры поддержки введение дополнительной налоговой льготы для компаний ИТ-сектора, посредством возмещения компании – налоговому агенту 13 % НДС, перечисленного за работников ИТ-компаний

2) Льготные кредиты по ставке не более 3 % годовых.

Проблемой реализации данной меры поддержки является требование наличия у ИТ-компаний недвижимости при оформлении кредита в качестве предмета залога. Ввиду отсутствия у последних какого-либо значимого материального имущества, целесообразно применение программы предоставления льготных кредитов разработчикам под гарантию закупок отечественного софта.

Применительно к производителям электронной техники требуется проработать процесс взаимодействия между государством и бизнесом, упростить условия получения льготных кредитов, решить вопрос с возможностью использования вендорами открытых кредитных линий.

3) Грантовая поддержка. Программа грантовых средств для пилотного внедрения отечественных ИТ-решений стала в 2022 г. одной из самых востребованных мер поддержки. Однако такая помощь на практике доступна только крупным ИТ-компаниям с большим штатом и годовым оборотом.

Увеличенный размер грантов вряд ли окажет большого влияния на ИТ-отрасль. Гранты, прежде всего, нужны не самим ИТ-компаниям, а промышленным предприятиям, для которых ИТ-компании могут стать поставщиками сложных, требующих серьезных НИОКР (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ), цифровых решений.

Одновременно уже сейчас констатируется нехватка средств грантовой поддержки фондов, финансирующих проекты ИТ-компаний по импортозамещению ПО.

¹ Указа Президента РФ от 30.03.2022 № 166 (ред. от 22.11.2023) «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2242.

В числе инициированных Минцифрой мер – предоставление региональных грантов на дальнейшее развитие ИТ-компаний, что также находит реализацию в субъектах РФ. На декабрь 2022 г. региональные гранты предоставили 16 субъектов РФ.

4) Стимулирование спроса заключается в субсидировании приобретения ПО для МСП. Данная мера поддержки позволяет покупать российское ПО со скидкой 50 %, государство компенсирует половину стоимости лицензии его производителям до конца 2024 г.

Однако, ввиду нехватки средств грантовой поддержки фондов (РФРИТ и Сколково), ведется разработка иного механизма поддержки ИТ-компаний, перекладывающего затраты на создание или доработку программного продукта разработчиком по соглашению с правительством за счет собственных средств под требования основных отраслевых заказчиков. Взамен заказчики на этапе закупок будут обязаны выбрать тот продукт, который финансировался за счет средств разработчика. В основе предполагаемого механизма поддержки ИТ-компаний будет положена схема «рынок в обмен на инвестиции», предполагаем, подобный подход существенно замедлит процесс разработки проектов ИТ-компаний по импортозамещению ПО.

Одной из мер поддержки ИТ-сектора может стать реализация предложенного Минцифрой ограничения государственным компаниям бюджета на разработку собственного ПО¹, что заставит их закупать софт у российских ИТ-компаний и позволит исключить разработки копий уже существующего ПО. Одновременно это будет способствовать экономии бюджетных средств.

Положительно следует оценить смягчение требований для ИТ-компаний, получающих государственную поддержку на создание цифровых платформ для производства высокотехнологичной промышленной продукции. Увеличение на два года срока реализации комплексных проектов, на которые выделялись субсидии, позволит разработчикам ПО избежать штрафных санкций за срыв поставок по действующим соглашениям.

5) Льготная ипотека для сотрудников ИТ-компаний. Данная мера поддержки изначально не показала свою эффективность ввиду недоступности для ряда специалистов, и заработала лишь с февраля 2023 г. – после смягчения условий получения ИТ-ипотеки. С целью удержать специалистов ИТ-сектора эффективным является предложение ряда субъектов РФ, предусматривающее дополнительное снижение ставки кредитования по федеральной «ИТ-ипотеке».

Однако жесткие лимиты по ипотечной программе, исключение из нее вторичного жилья, идущие в параллели несколько продолжающихся программ господдержки (семейная ипотека, например) серьезно снижают ожидаемый положительный эффект².

6) Отсрочка от армии в условиях санкций позволяет сохранить устойчивыми сети связи, отразить кибератаки, поддержать существующие цифровые сервисы и запустить новые. С учетом сложности соответствия условиям получения отсрочки от частичной мобилизации, а также того, что решение по каждому ИТ-специалисту принимает комиссия Минобороны России, данная льгота сложно реализуема.

7) Освобождение от проверок. Аккредитованные ИТ-компании освобождены от проведения государственных и муниципальных проверок до конца 2024 г., что снизит административные издержки бизнеса и позволит сконцентрироваться на решении основных задач. С целью защиты ИТ-компаний необходим запуск горячей линии по вопросам необоснованности проверок.

8) Трудоустройство иностранцев данная мера призвана решить проблему с нехваткой кадров в ИТ-отрасль. Полагаем, необходимо предусмотреть возможность принятия иностранных ИТ-специалистов на работу удаленно без дополнительных требований.

Целесообразным видится разработка мер по возвращению отечественных ИТ-специалистов в ИТ-отрасль. Многие специалисты покинули Россию со своими компаниями ввиду того, что из-за санкций работать с зарубежными клиентами с территории РФ стало невозможно, как и невозможно финансировать российские стартапы. Однако это не мешает им работать удаленно.

¹ Чтобы Ит-компании больше зарабатывали, в России ограничат самостоятельную разработку по госсектором // URL: https://www.cnews.ru/news/top/2022-05-23_vlasti_ogranichat_gossektoru.

² За и против: влияет ли господдержка на ИТ-отрасль // URL: <https://blog.skillfactory.ru/kak-gospodderzhkavliyaet-na-it-otrasl>.

9) ИТ-образование. Дефицит специалистов по-прежнему остается краеугольным камнем в вопросе дальнейшего развития ИТ-отрасли, который надо решить в минимально короткие сроки. Соответствующие программы по подготовке новых специалистов могли бы получить самую широкую поддержку участников ИТ-сектора.

Многие субъекты РФ по собственной инициативе устанавливают собственные уникальные меры поддержки отрасли для региональных ИТ-компаний. Среди них – Вологодская, Нижегородская, Новосибирская, Ростовская, Тверская, Тюменская, Ульяновская, Челябинская области, Республика Татарстан, Удмуртская Республика и др. Примечательно, что 24 региона запустили меры поддержки, включающие стипендии, региональные субсидии, списание налога на прибыль и др. Подобный региональный опыт в условиях санкционного давления на ИТ-сектор, заслуживает изучения и распространения на территории всей страны¹.

Реализуемая в связи с изданием Указа Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» политика импортозамещения позволяет не только устранить риски для национальной безопасности, но и обеспечить рост производства отечественных ИТ-продуктов и в перспективе, ввиду растущей потребности в российском ПО и оборудовании, расширении источников сбыта, что в итоге призвано обеспечить защиту информационного и цифрового суверенитета Российской Федерации.

Ефремов А. А.

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Государственный суверенитет в информационном пространстве: проблемы правового обеспечения

Актуальность вопросов правового обеспечения государственного суверенитета в информационном пространстве значительно возросла в последние годы в условиях геополитического кризиса и действий недружественных РФ стран как в информационном пространстве (в том числе киберпространстве²), а также бурным развитием процессов цифровой трансформации³, также несущим правовые риски для его обеспечения⁴.

Развивается и научная дискуссия по данной теме – в том числе о конституционных основах информационного суверенитета⁵, концепции цифрового суверенитета⁶, эволюции правовых категорий

¹ Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : ООО «Амирит», 2023. 124 с.

² Капустин А. Я. Суверенитет государства в киберпространстве: международно-правовое измерение // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2022. Т. 18. № 6. С. 99–108 ; Terentjeva L. The issue of state sovereignty in cyberspace // Legal Issues in the Digital Age. 2021. № 2. С. 49–67 ; Терентьева Л. В. Принципы установления территориальной юрисдикции государства в киберпространстве // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 119–129.

³ Евсиков К. С. Правовое регулирование цифровой трансформации государственного управления. Тула, 2023 ; Ефремов А. А. Государственный суверенитет в условиях цифровой трансформации // Правоведение. 2019. Т. 63. № 1. С. 47–61.

⁴ Чаннов С. Е., Амелин Р. В., Бессонов Л. В. Управление рисками в использовании роботов и сложных автоматизированных информационных систем // Информационное право. 2023. № 1 (75). С. 4–8 ; Ефремов А. А. Оценка правовых рисков проектов цифровой трансформации на основе технологий искусственного интеллекта // Информационное право. 2023. № 3. С. 24–27.

⁵ Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцева И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10. С. 14–22.

⁶ Петроченков И. А. К вопросу о концепции цифрового суверенитета // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 7. С. 69–73 ; Кочетков А. П., Маслов К. В. Цифровой суверенитет как основа национальной безопасности России в глобальном цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 12, Политические науки. 2022. № 2. С. 31–45, Баранова А. Ф., Шмагунов Е. С. Цифровой суверенитет ЕАЭС в контексте обеспечения экономической безопасности //

под влиянием цифровых технологий¹, месте традиционных ценностей в механизме обеспечения суверенитета², значению суверенитета для обеспечения цифровой среды доверия³ и единых цифровых пространств⁴, преодоления цифрового неравенства⁵, формирования экономики данных⁶.

При этом важно отметить, что введение в научный дискурс новых категорий, в том числе «информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «суверенитет данных», «когнитивный суверенитет», «технологический суверенитет», «информационный суверенитет личности»⁷, весьма характерное для современных постструктуралистских исследований в общественных науках, в правоведении и науке информационного права в частности, требует особой осторожности и глубокого обоснования.

Как ранее уже было обосновано автором, государственный суверенитет в информационном пространстве – юридическое свойство (признак) государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование как в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), экстерриториальных режимов, так и при участии в международно-правовом регулировании (глобальное и региональные информационные пространства)⁸.

В свою очередь, информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета представляет собой систему организационных, нормативных, функциональных и инструментально-процедурных элементов, с помощью которых осуществляется регулирующее воздействие на общественные отношения, целью которого является прогнозирование, выявление и предотвращение соответствующих угроз его реализации в особой сфере – информационном пространстве⁹.

В этой связи необходима идентификация угроз для правового обеспечения государственного суверенитета в отношении каждого элемента информационного пространства и выработка соответствующих мер по их предотвращению.

Одним из ключевых элементов информационного пространства выступают сами информационные (цифровые) технологии. В этой связи возрастает значение технологических гарантий¹⁰

Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 7. С. 29–34; Никонов В. А., Воронов А. С., Сажина В. А., Володенков С. В., Рыбакова М. В. Цифровой суверенитет современного государства: содержание и структурные компоненты (по материалам экспертного исследования) // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2021. № 60. С. 206–216.

¹ Амелин Р. В., Чаннов С. Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М., 2023.

² Кропачев Н. М., Архипов В. В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 294–306.

³ Химченко А. И. Актуальные организационно-правовые меры по обеспечению информационной безопасности, стимулирующие формирование цифровой среды доверия // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция; XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова : в 5 ч. М., 2023. С. 283–286.

⁴ Ефремов А. А. Единые цифровые пространства: в поиске баланса между интеграцией и суверенностью // Информационное право. 2016. № 3. С. 36–39.

⁵ Черешнева И. А. Цифровое неравенство: возможные пути преодоления // Образование и право. 2022. № 9. С. 139–144.

⁶ Минбалеев А. В. Формирование экономики данных в России в условиях многополярного мира: проблемы правового обеспечения // Экономика и управление. 2023. Т. 29. № 8. С. 956–963; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.

⁷ Соловкин С. В. Информационный суверенитет личности: новая категория информационного права России // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция; XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова : в 5 ч. М., 2023. С. 347–352.

⁸ Ефремов А. А. Информационно-правовой механизм обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 15.

⁹ Указ. соч. С. 12.

¹⁰ Василенко Н. В., Румянцева А. Ю. Формирование информационного суверенитета государства в условиях цифровизации экономики: технологическая и ценностная составляющие // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 10. С. 1051–1063; Пальянова Н. В. Юридические нормы и технические средства при импортозамещении программного обеспечения в России // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума : в 3 ч. М., 2023. С. 234–239.

государственного суверенитета в информационном пространстве, которые в настоящее время зачастую определяются через категорию технологического суверенитета¹. При этом необходимо четко понимать, что достижение технологического суверенитета возможно только на основе обеспечения технологического развития, что делает актуальным обеспечение соответствующей оценки результативности и эффективности такого развития как в целом, так и в отношении непосредственно информационных (цифровых) технологий² и стимулирования их развития³. Важное значение имеет опережающее развитие и экспорт не только российских информационных (цифровых) технологий, но и моделей их правового регулирования, особенно передовых⁴.

Обсуждаемый в настоящее время проект федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации»⁵ содержит ряд проблемных моментов:

- отсутствие в данном законопроекте определения понятия «технологическое развитие», поскольку именно обеспечение технологического развития должно являться ключевой целью технологической политики в РФ;

- отсутствие обеспечения технологического развития как ключевой цели технологической политики в РФ (только «определение приоритетных направлений...» указана как ее задача);

- четкое определение того, что должно быть приоритетом – обеспечение или достижение технологического суверенитета?

- отсутствие механизма прогнозирования вызовов и угроз технологическому суверенитету;

- отсутствие механизма систематизации законодательства о технологической политике, о научно-технологической политике, о промышленной политике, об информационных и иных технологиях;

- соотношение специального правового режима разработки и использования критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, отсутствие механизма оценки результативности и эффективности данного режима;

- оценка эффективности предусматривается только в отношении отдельных мер государственного стимулирования деятельности в сфере технологического развития, а не в отношении технологической политики в целом.

Решение данных проблем позволит обеспечить формирование эффективного правового механизма обеспечения технологического развития, что, в свою очередь, будет способствовать обеспечению государственного суверенитета России как в сфере технологического развития, так и в информационном пространстве.

¹ Ефремов А. А. Информационно-правовое обеспечение технологического суверенитета // Информационное право. 2022. № 4. С. 14–17.

² Ефремов А. А. Оценка результативности и эффективности стимулирования развития отрасли информационных технологий в России: состояние и перспективы // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 4. С. 71–99.

³ Южаков В. Н., Ефремов А. А. Направления совершенствования правового регулирования в сфере стимулирования развития информационных технологий // Российское право: образование, практика, наука. 2017. № 5 (101). С. 62–69.

⁴ Добрабаба М. Б., Чаннов С. Е., Минбалеев А. В. Квантовые коммуникации: перспективы правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 25–37; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.

⁵ Проект федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации» // URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=142135>.

Шейкин А. Г.

к. э. н., сенатор Российской Федерации
Член Комитета по конституционному
законодательству и государственному строительству,
заместитель Председателя Совета по развитию
цифровой экономики при Совете Федерации РФ,
аспирант Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста)

Регулирование искусственного интеллекта как неотъемлемое условие обеспечения цифрового суверенитета

Искусственный интеллект (далее – ИИ) является ключевой критической технологией, использование которой позволяет современному государству значительно развиваться во всех сферах жизнедеятельности общества. ИИ используется своевременными государствами и при осуществлении государственного управления, в процессе правотворчества, а также при реализации иных функций и задач.

Согласно складывающейся сегодня глобальной и национальной государственной информационной политике применение технологий и систем ИИ является драйвером для задач приоритетных направлений развития информационного общества, цифровой экономики, цифрового государственного управления и информационной безопасности. ИИ наряду с технологиями промышленного Интернета, биотехнологиями, генно-инженерными технологиями являются движущим фактором четвертой научно-технической революции, основой седьмой промышленной революции на основе концепции Индустрия 7.0 и формируют новый технологический уклад. Неудивительно поэтому, что развитие ИИ в государстве сегодня является ключевым фактором обеспечения информационного суверенитета государства.

Современные геополитические реалии подняли вопрос о необходимости значительного расширения и развития системы государственной поддержки как исследований, так и внедрения во все сферы жизнедеятельности общества ИИ. Особо важно обеспечить использование ИИ для достижения целей национального развития. Президент РФ Владимир Путин в своем докладе «Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста» на дискуссионной площадке международной конференции по ИИ и машинному обучению Artificial Intelligence Journey – 2022 четко обозначил важность внедрения технологий ИИ в национальные проекты и государственные программы: «Технологическое развитие ускоряется, каждая отрасль, предприятие, организация должны быстрее перестраивать свои взгляды и подходы... каждый национальный проект, государственная программа должны содержать конкретные меры, направленные на внедрение в отраслях технологий искусственного интеллекта»¹.

Развитие технологий ИИ в контексте обеспечения информационного суверенитета сегодня развивается в нескольких направлениях:

– важно обеспечить информационный суверенитет государства, поскольку в условиях стремительного развития технологий постоянно появляются риски неспособности противостоять технологическим угрозам со стороны зарубежных государств, в том числе связанных с использованием ИИ в военных целях;

– важно обеспечить технологическую независимость в части разработки и внедрения ИИ для недопущения зависимости Российской Федерации от технологий ИИ зарубежных государств. В условиях современных санкций сегодня наблюдается ограничение доступа российских ученых и производителей к технологическим разработкам ряда зарубежных государств²;

¹ Путин В. В. Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/69927> (дата обращения: 16.01.2024).

² Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография. Саратов : Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2023. 124 с.

– важно обеспечить соблюдение конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации от использования ИИ. Риск-ориентированный подход в использовании ИИ в ведущих государствах мира в целом разрабатывается с учетом защиты основных прав и свобод. Несмотря на то что весь подход и границы между различными уровнями риска не безупречны, намерение защитить фундаментальные права, безусловно, присутствует. Очень важно обеспечить возможность защиты гражданами своих прав в процессе неправомерного использования запрещенных или высокорискованных систем ИИ.

В этих условиях информационный суверенитет государства, в том числе независимость государства от информационных угроз, во многом обусловлен технологическим развитием государства, в том числе состоянием развития ИИ. В условиях санкционного давления «национальная безопасность неразрывно связана с цифровым суверенитетом, что должно отражаться не только в импортозамещении оборудования, программного обеспечения, но и в обеспечении качественного правового регулирования, соответствующего релевантным запросам национальной экономики и общества»¹. При этом нормативное правовое регулирование должно тесно взаимодействовать и развиваться с нормативным техническим регулированием, оно «не может быть эффективным без достаточной технологической базы, поэтому отечественному экспертному сообществу необходимо провести работу по формированию обновленной документации, отвечающей запросам сегодняшнего дня»².

Одним из ключевых условий обеспечения информационного суверенитета государства является грамотное внедрение ИИ в сферу государственного управления и правотворчества³. При создании и внедрении необходимых условий для разработки и внедрения технологий ИИ следует выполнить системный анализ степени достижения поставленных целей перед инфраструктурой государственного управления. Недостаточно полное решение многих задач системной инженерии актуальной инфраструктуры информационного общества и цифровой экономики, а именно недостаточный уровень информационной безопасности используемых систем и технологий, а следовательно, низкая информационная безопасность граждан, общества и бизнеса позволяет обоснованно предвидеть угрозы безопасности при применении высокотехнологичных методов на основе сквозных технологий и искусственного интеллекта в первую очередь. Безопасность личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных обеспечивается государством согласно Конституции Российской Федерации. Очень важна объективная оценка качества накопленных технологических решений, результатов развития технологических платформ, эффективности использования более ста внедренных ФГИС как единой экосистемы создания принципиально новой формы информационного общества – общества знаний, на основе технологий ИИ⁴.

Следует сформулировать критерии обязательного, желательного и невозможного применения технологий ИИ в государственных проектах. Необходимо использовать технологии ИИ в первую очередь для решения конкретных именно интеллектуальных задач. Следует внедрять принципиально новые интеллектуальные функциональные возможности государственных информационных систем, тем самым обеспечивать новые качественные свойства только для правильно спроектированных и уже успешно эксплуатируемых технологических систем и экоплатформ информационного государства и цифровой экономики, то есть поднимая их на новый – интеллектуальный уровень. К успешным и технологически зрелым решениям в сфере информационного государства относятся системы оказания государственных услуг в электронной форме, услуги системы здравоохранения, IT-проекты в сельском хозяйстве, промышленности. Иными словами, технологии ИИ не должны рассматриваться как замена

¹ Журков А. А. Актуальные вопросы правового регулирования искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2. С. 185.

² Указ. соч.

³ Шахназаров Б. А. Правовое регулирование отношений с использованием искусственного интеллекта // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 9. С. 63–72; Егорова М. А., Барабашев А. Г., Минбалеев А. В. Роль искусственного интеллекта в условиях пандемии // Юридический мир. 2020. № 5. С. 29–34; Егорова М. А., Минбалеев А. В., Кожевина О. В., Дюфло А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262.

⁴ Перспективные направления правового регулирования искусственного интеллекта: монография. Саратов: ООО «Амирит», 2023. 442 с.

или подмена традиционных средств автоматизации для задач, которые могут быть успешно решены имеющимся набором технологических средств, но в силу некомпетентности разработчиков и неполноты регулирующих механизмов решены не полностью и неудачно. В первую очередь это относится к области кибербезопасности в финансовой и банковской сфере, платежным системам. Следует также отметить, что цели использования технологий ИИ должны быть согласованы с целями развития информационного общества и общества знаний¹.

Брюховецкий И. В.

сотрудник Министерства иностранных дел Российской Федерации

Современное состояние правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в КНР

В настоящее время развитие высоких технологий приобретает стремительный всеобъемлющий характер. Высокие темпы цифровизации общества, а также включение в единую цифровую экосистему развивающихся стран, внедрение информационных систем во все сферы экономики, а также появление решений на основе искусственного интеллекта формируют новые вызовы правового, инфраструктурного, социального и даже философского характера². Ключевым элементом повестки цифровизации на текущий момент становится внедрение искусственного интеллекта³. Крайне быстрые темпы адаптации технологии и показателей ее использования формируют опасения среди экспертного и научного сообщества относительно безопасности ее использования⁴. Всё это непосредственно оказывает влияние и на обеспечение информационного суверенитета государства. При этом все активнее продвигаются идеи внедрения ИИ в экономике и госрегулировании, в частности цифровое правительство (GovernmentGPT, GovGPT), системы мониторинга окружающей среды (ClimateGPT), медицины (GPT Doctor) и др. В этой связи возникает вопрос правового регулирования целого спектра вопросов, связанных с использованием данных технологий⁵. Ключевыми из них являются безопасность, ответственность сторон при разработке и использовании технологий, защита интеллектуальной собственности, защита персональных данных и даже человеческой идентичности⁶. Важным вопросом также является выработка правил контроля развития технологий с целью сдерживания возможных негативных факторов ее распространения⁷.

С целью анализа перспектив нормативно-правового регулирования технологий на основе искусственного интеллекта важным является рассмотрение передовых подходов в данной сфере⁸. Одно из ведущих мест в области ИИ занимает КНР. Китайский подход очевидно будет оказывать

¹ Указ. соч. С. 38–39.

² Минбалеев А. В. Проблемы цифрового права. Саратов : Амирит, 2022. С. 39.

³ Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и робототехники: история, современное состояние и перспективы развития. СПб., 2020. 260 с.

⁴ Формирование системы правового регулирования обеспечения информационной безопасности в условиях больших вызовов в глобальном информационном обществе / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, А. А. Чеботарева [и др.]. Саратов : Амирит, 2022.

⁵ Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Формирование системы информационного права как научного направления: этапы развития и перспективы // Государство и право. 2019. № 2. С. 80–92 ; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104 ; Polyakova T. A., Naumov V. B., Minbaleev A. V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. № 11. С. 139–147 ; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171 ; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.

⁶ Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2022. Т. 22. № 1. С. 110–116.

⁷ Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 98–101.

⁸ Амелин Р. В., Чаннов С. В. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. М. : Норма, 2023. С. 32–35.

серьезное влияние на общемировые тенденции развития искусственного интеллекта за счет масштабного рынка, больших капиталовложений в индустрию и активному продвижению национальной продукции за рубеж. В Китае в 2023 г. приняты «Временные меры по управлению сервисами генеративного ИИ», призванные подготовить экосистему крупномасштабного внедрения соответствующих технологий¹.

Исследование данного нормативного документа выявляет его основную направленность на решение возможных вопросов безопасности – порядка двух третей его положений в той или иной мере относятся к соответствующим тематикам. При этом необходимо отметить, что документ направлен на регулирование ИИ-решений для широкой аудитории и не предназначается для контроля иных форм непубличного использования ИИ. Наиболее важными являются меры в отношении формирования национальной экосистемы использования искусственного интеллекта в цифровом пространстве КНР. Для этого определяется необходимость создания контролируемых со стороны регулирующих органов легитимных массивов данных, используемых для обучения ИИ-решений.

В процессе создания и обучения разработчики должны специальным образом помечать генерируемый системой контент для своевременной коррекции алгоритмов. Далее во время эксплуатации генеративного ИИ формируемые им фото и видеоматериалы должны быть маркированы. Стоит отметить, что необходимость введения методов детектирования сгенерированных искусственно материалов является важной задачей для современного цифрового пространства, в котором отмечается увеличение недостоверной информации.

Другим ключевым вопросом является возможность генерации с помощью ИИ материалов, используемых для противоправной деятельности, преступлений и иных форм антисоциальных действий. В данном ключе необходимо отметить, что регулирование сталкивается с чрезмерной сложностью технологий. Пользователь, обладающий достаточными навыками, может обходить внутренние алгоритмы контроля сервисов генеративного ИИ, таким образом получая доступ к нежелательным видам информации. В этой связи согласно китайскому подходу ответственность на соответствующую оптимизацию систем возлагают на разработчиков и операторов сервисов ИИ. Норма также предусматривает разделить ответственность сторон благодаря обязательному предоставлению услуг на основе договора. Китайскими исследователями положительно отмечена практика саморегулирования за счет внедрения необходимых положений об ответственности сторон в пользовательское соглашение. В продолжение данного подхода в документе вводятся обобщенные положения в отношении возможного лицензирования в данной сфере.

В китайском нормативном документе также определяется возможность обратной реакции со стороны пользователя в случае генерации несоответствующего законодательству контента. Провайдер услуг при этом должен разместить необходимые формы контроля обратной связи пользователей, учитывать их мнение и жалобы, соответствующим образом обновлять алгоритмы систем. В этой связи возможно предположить, что речь идет о вовлечении пользователей в процесс конечной доводки систем и перекладывания на них значимой для совершенствования ИИ деятельности.

Необходимо также отметить содержащийся в документе запрет на использование внутри КНР зарубежных сервисов, не отвечающих требованиям местного законодательства. В этой связи вследствие очевидной разницы в оценке легитимности массивов данных для изначального создания системы и сложности внедрения механизмов соответствия китайскому законодательству фактически означает блокирование подобных решений. Таким образом, речь может идти о формировании национальной независимой ИИ-экосистемы. Стоит отметить, что ранее в локальных правилах для финансовых организаций Китая от 2022 г. содержался прямой запрет на использование сервисов генеративного ИИ финансовыми структурами страны в связи с вероятными утечками данных.

Вопросы дальнейшего развития законодательства.

По мнению китайских исследователей, национальное законодательство должно продолжить развитие для того, чтобы в полной мере отразить актуальные для новых технологий проблемы. Важным для будущего развития нормы является проблема защиты интеллектуальной собственности на

¹ Брюховецкий И. В. Об актуальных вопросах регулирования генеративного искусственного интеллекта в КНР // Информационное право. 2023. № 3 (77). С. 28–31.

производимые искусственным интеллектом продукты. В вышеуказанном документе не содержится нововведений в отношении данного вопроса, что может говорить о сложности определения эксклюзивности генерируемого контента и стремлении оставить указанный вопрос на усмотрение индустрии. С учетом высокой скорости внедрения технологий в отрасли самостоятельно сформируется обобщенный взвешенный взгляд, который в будущем может будет закрепить в качестве меры регулирования.

Другими перспективными вопросами, по оценкам китайских исследователей, для которых требуется найти оптимальное решение являются определение границ ответственности сторон при создании, обучении, разработке, предоставлении услуг и использовании сервисов искусственного интеллекта. Отмечается, что конкретизация мер регулирования здесь представляет собой достаточно сложную задачу в том числе из-за недостаточного понимания конкретной работы современных ИИ-технологий, влияния отдельных элементов информационных массивов на конечный результат генерации, а также способности пользователя по обходу установленных в системе ограничительных мер. Еще большей задачей является исследование изменений (обучения) искусственного интеллекта под влиянием, сообщенных ему пользователями данных. Вероятна целенаправленная активность группы лиц, намеренно обучающих ИИ не соответствующей закону информации. Это впоследствии может привести к деградации искусственного интеллекта, распространению нежелательной информации в сети. Стоит также оценивать риск возможного независящего от человека взаимодействия ИИ-систем, принадлежащих разным юрисдикциям.

В данном исследовании рассмотрены основные вопросы, закрепленные в нормах китайского законодательства в отношении искусственного интеллекта, а также изучены направления развития регулирования. Отмечено, что в настоящее время ключевым вопросом работы новых технологий является обеспечение безопасности. Большая часть нормы посвящена указанной тематике. При этом в КНР имеется свой взгляд на проблему выработки оптимальных подходов регулирования отрасли. Ожидается, что в ближайшее время по мере накопления практики задействования интеллектуальных систем произойдет дополнительное развитие регулирования ИИ-сферы.

Евсиков К. С.

доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
доцент кафедры государственного и административного права
Тульского государственного университета
к. ю. н., доцент

Правовой режим «метавселенных» как способ обеспечения технологического суверенитета¹

В Концепции технологического развития на период до 2030 г.² «технологический суверенитет» определяется как наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в 2 основных формах – исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях³.

¹ Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

³ Минбалеев А. В., Берестнев М. А., Евсиков К. С. Регулирование использования искусственного интеллекта в добывающей промышленности // Известия Тульского государственного университета. Науки о земле. 2022. № 1. С. 509–525.

В этом же документе дано определение «сквозных технологий (технологических направлений)». Согласно концепции – это перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков. Сквозные технологии определяют перспективный облик экономики и отдельных отраслей в течение ближайших 10–15 лет¹, а их примерный перечень также утвержден концепцией.

Согласно Предварительному перечню сквозных технологий (технологических направлений), технологический суверенитет Российской Федерации должен обеспечиваться, в том числе путем развития нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальности. В отечественном праве данный вид технологий объединяют термином «метавселенная». По данным исследователей из Оксфорда (Oxford Corpus) концепт метавселенная (metaverse) в 2022 г. занял второе место по частоте употребления и значимости². Под этим термином лингвисты понимают (гипотетическую) среду виртуальной реальности, в которой пользователи взаимодействуют с аватарами друг друга и своим окружением с эффектом погружения, что позиционируется как расширение или замена сети Интернета, Всемирной паутины, социальных сетей³. Вопрос создания цифровых профилей анализируется в отечественной юриспруденции уже давно⁴, но к появлению правового режима метавселенных это пока не привело.

Аналитики компания Gartner в октябре 2022 г., опубликовали доклад о стратегически важных технологических трендах на ближайшее время⁵. К одной из 10 технологий, влияющих на эффективность бизнес-процессов, они отнесли технологию метавселенной. По оценкам аналитиков, ожидается существенный рост виртуальной экономики, базирующейся на цифровых активах, а к 2027 г. 40 % компаний будут использовать комбинацию Web3, облачной дополненной реальности и цифровых двойников⁶. Безусловно, это потребует от информационного права комплексной правовой регламентации технологии метавселенной, которая сегодня отсутствует во многих сферах общественной жизни⁷.

М. А. Федотов писал, чтобы государство смогло выработать правовые нормы, способные работать в Сети, оно должно сначала найти себя в киберпространстве и определить, где здесь проходят границы его суверенитета и юрисдикции⁸. В метавселенной данные границы придется пересмотреть. Для России это перспектива не ближайшего будущего, что, на наш взгляд, обусловлено низким уровнем проникновения технологий виртуальной и дополненной реальности. Однако юридическое моделирование и прогнозирование позволяют утверждать, что среди первых пользователей метавселенной будут правонарушители. Следовательно, права даже незначительное количество граждан страны, использующих данную технологию, могут быть нарушены.

Этот вывод подтверждает опыт других стран. Например, в США Центр борьбы с цифровой ненавистью (Center for Countering Digital Hate) указывает, что популярная метавселенная VR Chat

¹ Минбалеев А. В., Евсиков К. С. Информационные технологии противодействия коррупции // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2021. 14 (11). С. 1674–1689.

² Oxford Word of the Year 2022. URL: <https://languages.oup.com/word-of-the-year/2022/> (дата обращения: 30.11.2023).

³ Евсиков К. С. Метавселенные как новый объект регулирования для информационного права // Труды по интеллектуальной собственности (Works on Intellectual Property). 2023. Т. 44. № 1. С. 47–57.

⁴ Добрабаба М. Б., Чаннов С. Е. Цифровое профилирование гражданских служащих как способ повышения эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы // Юридический мир. 2022. № 11. С. 32–36.

⁵ Gartner Top Strategic Technology Trends 2023. URL: <https://emtemp.gcom.cloud/ngw/globalassets/en/publications/documents/2023-gartner-top-strategic-technology-trends-ebook.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

⁶ Добрабаба М. Б. Дипфейки как угроза правам человека // Lex russica (Русский закон). 2022. № 11 (1992). Т. 75. С. 112–119.

⁷ См.: Чубукова С. Г. Информационная правосубъектность: цифровая трансформация // Информационное право. 2019. № 3. С. 24–28; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171; Минбалеев А. В., Титова Е. В. Правовые проблемы и риски проведения спортивных мероприятий в метавселенной // Человек. Спорт. Медицина. 2023. Т. 23. № S1. С. 136–142; Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа метавселенной // Вестник Московского университета. Серия 26, Государственный аудит. 2023. № 3. С. 88–98.

⁸ Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica. 2016. № 3. С. 164–182.

изобилует оскорблениями, домогательствами, расизмом и порнографическим контентом. Исследователи обнаружили, что пользователи, в том числе несовершеннолетние, подвергаются оскорбительному поведению каждые семь минут, в том числе воздействию графического сексуального содержания, запугиванию, сексуальным домогательствам и жестокому обращению. Несовершеннолетних учат повторять расистские оскорбления и экстремистские высказывания, включая материалы, высмеивающие теракты 11 сентября¹. Эти примеры позволяют сделать вывод, что формировать модели правового регулирования метавселенной необходимо в отечественном праве уже сегодня.

Одной из первых проблем, которую информационное право должно решить в процессе регулирования метавселенной является формирование языка науки. По мнению И. Л. Бачило, данный вопрос является одним из ключевых при формировании информационного законодательства². Анализ научных работ показывает, что его решению не способствует даже большое количество научных статей и монографий. Следует согласиться с мнением ученых, что язык информационного права всё еще не сформирован на должном уровне³. Это, в свою очередь, порождает другие проблемы, например, где в структуре информационного права должно располагаться право метавселенной. Отечественные эксперты отмечают формирование в информационном праве раздела «цифровое право», под которым они предлагают понимать нормы, регулирующие общественные отношения, возникающие, изменяющиеся и прекращающиеся в киберпространстве⁴. Вероятно, именно здесь должны формироваться совокупность норм права, способных стать институтом метавселенной.

Однако до этого момента необходимо определить, что следует относить к данному объекту правового регулирования. Зарубежная юридическая наука понимает под метавселенной взаимосвязанные виртуальные среды, управляемые движениями с помощью электромиографии (ЭМП) и нейронных интерфейсов⁵. В отечественных научных публикациях также встречается термин метавселенная. Однако он лишь упоминается его в связи с регулированием иных объектов права. Например, при анализе возможностей наследования цифровых активов⁶ или при исследовании вопросов защиты прав геймеров⁷. В отечественном законодательстве термин не используется, но в некоторых подзаконных нормативных правовых актах упоминается технология виртуальной реальности (virtual reality, VR) и дополненной реальности (augmented reality, AR). Нормы права, регулирующие данные технологии, не имеют полноценную структуру (диспозиция, гипотеза, санкция), а представляют собой перечень технологий, развитие которых поддерживается государством. Например, для создания экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций⁸ или для определения стратегии цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования⁹.

В отсутствие концепта «метавселенная», нельзя составить концепцию правового регулирования, что, в свою очередь, ведет к доминированию «цифрового луддизма», выражающегося в принятии

¹ Facebook's Metaverse. URL: <https://counterhate.com/research/facebooks-metaverse/#about> (дата обращения: 20.01.2023). (Деятельность Meta Platforms Inc. по реализации продуктов – социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ запрещена по основаниям осуществления экстремистской деятельности).

² Бачило И. Л. Институциональный подход к решению проблем понятийного аппарата в информационном законодательстве // Понятийный аппарат в информационном праве / отв. ред. И. Л. Бачило, Т. А. Полякова, В. Б. Наумов. кол. монография. М.: ИГП РАН – Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. 264 с.

³ Полякова Т. А., Минбалева А. В., Кроткова Н. В. Развитие науки информационного права и правового обеспечения информационной безопасности: формирование научной школы информационного права (прошлое и будущее) // Государство и право. 2021. № 12. С. 97–108.

⁴ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech): учебник / А. В. Минбалева, Т. А. Полякова, М. Б. Добробаба [и др.]. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 368 с.

⁵ Andy Ramos. Le métavers, les NFT et les droits de propriété intellectuelle: réglementer ou ne pas réglementer? // Magazine de l'OMPI. Numéro 2. 2022. P. 7–11.

⁶ Харитонова Ю. С. Особенности перехода права следования по наследству // Нотариальный вестник. 2022. № 10. С. 5–13.

⁷ Будник Р. А., Зверев М. О. Интеллектуальные права геймеров // Закон. 2022. № 7. С. 126–147.

⁸ Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СЗ РФ. 2020. № 44. Ст. 7003.

⁹ Стратегия цифровой трансформации отрасли науки и высшего образования (утв. Минобрнауки России) / URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/e16/dv6edzmr0og5dm57dtm0wyllr6uwujw.pdf> (дата обращения: 30.11.2023).

законов о «красном флаге». Яркий исторический пример подобного регулирования произошел в Великобритании в 1865 г., когда был принят Закон о Локомотивах (Locomotive Acts). Согласно одному из положений данного нормативного правового акта во время движения любого автомобиля физическое лицо должно идти перед ним пешком не менее чем за шестьдесят ярдов и нести красный флаг, предупреждая о его приближении¹. Не вызывает сомнений, что законодатель, принимая данную норму, исходил из желания защитить права граждан. Также очевидно, что норма была избыточна и снизила конкурентоспособность перевозок автомобильным транспортом. По оценкам некоторых авторов, это привело к существенному технологическому отставанию страны в данной сфере от других европейских государств.

Вероятность «цифрового луддизма» в отечественном праве метавселенной подтверждается публикациями НТЦ «Главный радиочастотный центр» при Роскомнадзоре. Организация выделила риски метавселенной, связав их со стремлением пользователей перенести в виртуальный мир свои ценности, этику и идентичность, что, по мнению авторов, будет оказывать влияние на физический мир и иметь реальные негативные последствия². Соглашаясь с данным выводом, следует отметить, что технология метавселенной, как любая иная цифровая технология, всегда нейтральна. Негативное или позитивное влияние на социум зависят только от субъекта ее создающего и использующего. Право, как регулятор общественных отношений, способно направлять действия субъектов в права, стимулируя позитивное использование и предотвращения негативного применения³.

Не вызывает сомнений, что добиться подобного результата одновременно путем принятия закона или пакета законов нельзя. Это не означает, что законодатель должен устанавливать «красные флаги», ограничивая использование цифровой технологии, которую не понимает, мотивируя это благими намерениями и возможными рисками. Подобный вывод основан не только на исторических примерах, но и на опыте становления норм права, регулирующих технологии, связанных с метавселенной в России. Например, с 2014 г. Центральный банк Российской Федерации ограничивает использование цифровых активов⁴. Хотя сегодняшний опыт и уровень развития технологий позволяет говорить, что их регулирование принесло финансовой системе дополнительный доход, а также возможность международного денежно-финансового оборота в условиях ограничения доступа к отдельным международным финансовым институтам. Однако Банк России продолжает придерживаться «цифрового луддизма», что отражено в его докладе, опубликованном в 2022 г.⁵ Следует отметить, что правовое регулирование данных правоотношений имеет важное значение для права метавселенной, так как цифровые активы являются центром ее экономической модели.

Анализ трендов позволяет надеяться, что в других сферах правового регулирования метавселенной «цифровой луддизм» пока не имеет столь критического влияния. Например, в Совете Федерации обсудили правовые аспекты регулирования метавселенных с представителями информационного права⁶. Автор надеется, что высказанные учеными идеи найдут свое отражение в законодательных инициативах по совершенствованию российского информационного законодательства. Обеспечить этот процесс должен, на наш взгляд, новый институт информационного права – «право метавселенной».

Это соответствует и зарубежному опыту. Например, в англоязычном варианте Википедии «metaverse law»⁷ уже указан как самостоятельный раздел юриспруденции. Хотя единого представления

¹ Locomotive Acts // URL: <https://archive.org/details/statutesunitedk30britgoog/page/182/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 30.11.2023).

² Метавселенная: возможности и риски новой реальности // URL: <https://rdc.grfc.ru/2022/02/metaverse/> (дата обращения: 30.11.2023).

³ Новые горизонты развития системы информационного права в условиях цифровой трансформации / под ред. Т. А. Полякова, Минбалева А. А., Наумов В. Б., Смирнов А. А., Троян Н. А. М. : Институт государства и права РАН, 2022. 368 с.

⁴ Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, биткойн. URL: https://cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm (дата обращения: 30.11.2023).

⁵ Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М. : Банк России, 2022. 37 с.

⁶ URL: http://council.gov.ru/events/main_themes/138419/ (дата обращения: 30.11.2023).

⁷ Metaverse law // URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Metaverse_law#:~:text=Metaverse%20law%20refers%20to%20legal,%2C%20mixed%20reality%2C%20and%20hyperreality (дата обращения: 30.11.2023).

о его содержании пока нет. Сегодня исследованием этого вопроса занимаются ученые юристы и практики, а также некоммерческие организации. Например, в США с 2021 г. действует Институт метавселенной (Metaverse Policy Institute), ставящий себе цель создать первый закон о метавселенных, позволяющий обеспечить лидерство страны в данной сфере¹.

Как справедливо отмечают отечественные ученые, право может выступать как стимул и как тормоз развития информационных технологий². Поскольку в сфере развития метавселенных право пока никак не участвует, то предлагается исправить ситуацию путем точечного изменения законодательства в целях формирования правового режима метавселенных. Представляется, что это может стать стимулом для развития отечественных технологий, а значит, будет способствовать построению технологического суверенитета Российской Федерации.

Холодная Е. В.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

О роли цифровых технологий в обеспечении информационного суверенитета РФ: правовые задачи и перспективы

В век информационных технологий сегрегация происходит по возможностям доступа к различным цифровым решениям³. Так, в августе 2023 г. корпорация Google ограничила доступ к корпоративным сервисам Google Workspace российским компаниям, попавших под западные санкции: к корпоративной почте, облачному дисковому пространству под корпоративными аккаунтами, зарегистрированными через Google и др.⁴, фактически парализовав не некоторое время деятельность этих организаций.

С сентября 2023 г. продление лицензии на продукты и решения компании Microsoft стало невозможным из-за санкционных изъятий⁵.

В феврале 2022 г. установлен запрет вещания на территории Евросоюза телеканала Russia Today (RT) и заблокирована работа агентства новостей Sputnik⁶, с помощью которых транслировалась официальная позиция страны по значимым вопросам. Если в случае с Charlie Hebdo было заявлено о невмешательстве государств в свободу слова, то в случае с RT свобода слова была безапелляционно заблокирована в ЕС⁷.

Эти санкционные меры стали возможны в силу зависимости отечественной информационной инфраструктуры от зарубежных комплектующих и программного обеспечения⁸.

Однако такая политика недружественных действий в форме принудительного ограничения к информационным продуктам со стороны IT-корпораций применялась не только к РФ.

¹ URL: <https://www.metaversepolicy.org/> (дата обращения: 30.11.2023).

² Ефремов А. А. Оценка воздействия правового регулирования на развитие информационных технологий: зарубежный опыт и российские подходы к методике // Информационное право. 2018. № 4. С. 29–32.

³ Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31.

⁴ С Google не работает. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6149952> (дата запроса 21.11.2021).

⁵ Microsoft с 30 сентября 2023 г. прекратит продление корпоративных лицензий на продукты и решения компании в РФ. URL: <https://habr.com/ru/news/753790/> (дата запроса 21.11.2021).

⁶ Как в зарубежных странах препятствовали работе телеканала RT. URL: <https://tass.ru/info/13273755?ysclid=lp8kg4x9de145302564> (дата запроса 21.11.2021).

⁷ Чтобы защитить свободу слова, Европа посадила ее под замок. URL: <https://ria.ru/20220107/sharli-1766760669.html> (дата запроса 21.11.2021).

⁸ Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : Амирит, 2022. 338 с. ; Минбалева А. В. Проблемы цифрового права. Саратов : Амирит, 2022. 138 с. ; Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : Амирит, 2023. 124 с.

Так, в начале 2021 г. в Австралии был принят Кодекс о переговорах со СМИ и цифровыми платформами¹, согласно которому крупные технологические платформы должны размещать на коммерческой основе новостные материалы австралийских СМИ. В результате принятия данного закона началось активное противостояние между правительством и технологическими гигантами. В ответ на это Google пригрозил удалить свою поисковую систему из страны, но позже заключил платные соглашения с австралийскими новостными медиакомпаниями в рамках собственной модели показа новостей. Тем не менее Facebook² заблокировал австралийским пользователям возможность делиться новостным контентом или просматривать его на своей платформе³. Правительство Австралии подвергло резкой критике этот шаг⁴, что позже в результате общественного резонанса привело к переговорам и принятию соглашения по этому вопросу.

Данное противостояние наглядно показывает неограниченные возможности вмешательства извне как в экономические, так и в политические, и в другие управленческие процессы государств на основе применения информационных технологий.

Или другой экстраординарный пример – платформа Bitnation, которая позиционирует себя как децентрализованная нация жителей планеты Земля, не ограниченная географическими рамками с децентрализованной юрисдикцией⁵. При этом одно из направлений функционирования Bitnation это продвижения криптовалюты, фактически выведенной из-под государственной юрисдикции, а значит, из-под валютного и банковского контроля.

Как отмечают специалисты, если «какая внешняя сила нарушает границы государства или заставляет его принять решение, не отвечающее национальным интересам его народа, то говорят о нарушении его суверенитета... Понятие «суверенитет» имеет для государства такое же значение, что и понятие «права и свободы» для человека»⁶.

Таким образом, набирающая популярность идея информационного суверенитета, как элемент содержания (приоритетного направления) государственного суверенитета, имеет веские обоснования.

В юридической литературе встречаются термины «цифровой суверенитет»⁷, что, на наш взгляд, слишком узко, т.к. кроме цифровых, сегодня выделяют аналоговые и квантовые технологии⁸, выступающие залогом национальной безопасности и участвующие в обеспечении государственного суверенитета.

Также часто встречается популярный термин «технологический суверенитет», с упором на создание и внедрение отечественных технологических инноваций в целях технологического лидерства страны⁹.

¹ Treasury Laws Amendment (News Media and Digital Platforms Mandatory Bargaining Code) Act 2021. URL: <https://www.legislation.gov.au/Details/C2021A00021> (дата запроса 21.11.2021).

² В РФ признана экстремистской организацией.

³ Facebook blocks Australians from accessing news on platform. URL: <https://apnews.com/article/facebook-blocks-australians-news-access-8557e9b4890b002921aa4f0738b13ea7> (дата запроса 21.11.2023).

⁴ World reacts to Facebook's news ban in Australia. URL: <https://news.yahoo.com/world-reacts-facebooks-news-ban-064853093.html> (дата запроса 21.11.2023).

⁵ Децентрализованные нации на платформе Bitnation Pangea. URL: <https://donothing.pro/bitnation/> (дата запроса 21.11.2023).

⁶ Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учебник. М. : Юристъ, 2004. С. 28.

⁷ Романовский Г. Б., Романовская О. В. О цифровом суверенитете // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 9. С. 25–31; Бажина М. А. Развитие транспортной деятельности в условиях цифрового суверенитета государства // Предпринимательское право. 2023. № 3. С. 36–41.

⁸ Полякова Т. А. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114; Холодная Е. В. Квантовые технологии как объект права // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 38–45; Добробаба М. Б., Чаннов С. Е., Минбалеев А. В. Квантовые коммуникации: перспективы правового регулирования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 25–37;

⁹ Технологический суверенитет – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы / распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического развития на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2023. № 22. Ст. 3964.

Однако, на наш взгляд, основная ценность информационных технологий всех видов – оборот данных, которые они обеспечивают, и на основе которых мы получаем информацию.

То есть в фокусе внимания всегда остаются данные и извлекаемая из них информация. И понимание этого акцента видится в разрабатываемом национальном проекте «Экономика данных»¹.

Применение же термина «информационный суверенитет» фактически охватывает все вышеперечисленные приоритетные направления отечественной государственной политики в информационной сфере². Ключевое значение в обеспечении информационного суверенитета имеет национальный технологический потенциал. Однако нельзя умалять и значение правового регулирования как для фиксации технологической независимости, так и для создания приоритетных условий развития для отечественной информационной инфраструктуры. Несомненно, что необходимо создать комфортную правовую среду для укрепления информационного суверенитета. И здесь важную роль должно сыграть принятие Информационного кодекса РФ.

Брянцев И. И.

канд. социол. наук, доцент,
доцент кафедры государственного и муниципального управления,
Поволжского института управления
имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС

Брянцева О. В.

канд. физ.-мат. наук, доцент,
доцент кафедры информационного права
и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии

Цифровой суверенитет как фактор повышения эффективности государственного управления

При рассмотрении понятий суверенитет, а также цифровой суверенитет вполне можно согласиться с исследователями, которые делают акцент на метафорический контекст этих понятий в момент их появления. Так, например, образность и метафоричность в полной мере ощущается в одном из первых определений цифрового суверенитета: «контроль над сегодняшним днем и нашей общей судьбой, которые являют себя и формируются через применение технологий и компьютерных сетей»³, но в дальнейшем они наполняются конкретным исследовательским содержанием и юридическим детерминизмом особенно при появлении этих понятий в тех или иных правовых актах. Возникновение термина цифровой суверенитет в начале десятых годов двадцать первого века вполне логично и обоснованно в связи с той особой ролью, которую стали занимать информационно-коммуникационные технологии в жизни общества и функционирования государства, как политической системы управления общественными делами.

Появление этого термина свидетельствует о том, что государственный суверенитет воспринимается и рассматривается научным и экспертным сообществом как сложная система

¹ В России появится новый нацпроект – «Экономика данных». URL: https://digital.gov.ru/ru/events/45686/?utm_referrer=https%3a%2f%2fyandex.ru%2f (дата запроса 23.11.2023).

² Например, понятие информационного суверенитета содержится в Решении Совета глав правительств СНГ «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств» (принято в г. Москве 25.10.2019), под которым понимается способность самостоятельно осуществлять функции государства в информационной сфере в целях соблюдения прав и свобод граждан, обеспечения национальной и коллективной безопасности / Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств» (принято в г. Москве 25.10.2019). URL: Единый реестр правовых актов и других документов СНГ // URL: <http://cis.minsk.by/> (дата запроса 23.11.2023).

³ Кутюр С. Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 4. С. 48–69. DOI: 10.17323/1996-7845-2020-04-03.

разнообразных суверенитетов. Понимание составляющих государственного суверенитета и взаимосвязи между ними является актуальной научной проблемой, а получаемые выводы и рекомендации представляют важное практическое значение для принятия управленческих решений, направленных на повышение эффективности государственного управления.

В свою очередь, раскрытие содержания понятия эффективности государственного управления является многоуровневой, междисциплинарной проблемой, также имеющей важное прикладное значение для совершенствования системы управления государством. Рассмотрение уже реализованных управленческих подходов в рамках сформированной нормативно-правовой базы в Российской Федерации позволяет увидеть, как сама система государственного управления, понимает содержание понятия «эффективное государство».

В распоряжении Правительства РФ от 17.11.2008 № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 г. и перечня проектов по их реализации» в разделе «Эффективное государство»¹ обозначено требование повышения эффективности государственного управления как необходимость реализации ряда приоритетных направлений в его деятельности. К приоритетным направлениям отнесены следующие:

- системность реализации стратегического управления;
- соотнесение работы органов публичной власти и их служащих с результатами их деятельности;
- исключение дублирующих функций в деятельности исполнительной власти и как следствие их оптимизацию и совершенствование стандартов предоставления услуг населению и качества обслуживания;
- рост экономического эффекта от управления государственной собственностью и как следствие повышение всего сегмента экономики, находящегося под управлением государственных институтов;
- совершенствование механизмов обратной связи между властью и обществом, через повышение доступности, прозрачности и как следствие открытости для участия институтов гражданского общества и бизнеса в выработке и реализации политики, проводимой государством в целом и органами публичной власти в частности.

В Указ Президента РФ от 14.06.2018 № 334 «О мерах по оптимизации структуры Администрации Президента Российской Федерации» (вместе с Положением об Управлении Президента РФ по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи) в августе 2023 г. внесены изменения, касающиеся цифрового суверенитета². Одной из основных задач управления стала давать предложения по обеспечению технологического суверенитета и участвовать в реализации данных предложений. К основным функциям добавилась подготовка и представление материалов по обеспечения технологического суверенитета и информационной безопасности, а также обеспечение реализации решений Президента РФ по вопросам обеспечения технологического суверенитета и информационной безопасности.

Для оценки эффективности региональных органов исполнительной власти Президентом РФ в разные периоды принимались указы в целях обеспечения проведения оценки эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации, через утверждение перечня показателей

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1663-р «Об утверждении основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2012 года и перечня проектов по их реализации». URL: www.consultant.ru/document/cons_dос_LAW_81994/ (дата обращения: 20.11.2023).

² Указ Президента РФ от 16.08.2023 № 612 «О внесении изменений в Положение об Управлении Президента РФ по развитию информационно-коммуникационных технологий и инфраструктуры связи, утвержденное Указом Президента РФ от 14.06.2018 № 334». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202308160025> (дата обращения: 20.11.2023).

для оценки их эффективности¹, а также соответствующие указы для оценки эффективности органов местного самоуправления².

Рассмотрение этих правовых актов позволяет обозначить следующие составляющие, раскрывающие содержание понятия «эффективное государство»:

- это эффективность как способность достигать и показывать результаты деятельности органов государственного управления по достижению поставленной цели;
- соответствие обозначенной органами государственной власти цели социальным запросам и реальным позитивным изменениям в обществе и государстве в соответствии с ожиданиями населения и статистически фиксируемыми параметрами;
- еще одним аспектом, раскрывающим содержание эффективного государства, является критерий одобрения и поддержки институтов публичной власти, который можно соотнести с понятиями морально-нравственного характера и которые выступают характеристиками легитимности государства как политической системы и составляющих ее политических институтов.

Рассмотрение соотнесенности понятий эффективного государства и государственного суверенитета и, в частности, цифрового суверенитета, как его составляющей части, позволяет сформировать систему приоритетов и реализуемых в рамках государственного управления мер как политического, так и административного характера.

В Указе Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» понятие национальная безопасность Российской Федерации определено как состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны³. Обеспечением национальной безопасности выступает система мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности, реализуемых органами публичной власти во взаимодействии с институтами гражданского общества и организациями. Система мер разрабатывается и реализуется в различных сферах политической, правовой, военной, социально-экономической, организационной, информационной и т.д.

Таким образом, каждое из обозначенных направлений выступает элементом подсистемы, обеспечивающих охрану суверенитета государства. В рамках системного представления о комплексе реализуемых мер по обеспечению национальной безопасности вполне оправданно рассматривать понятие суверенитет в проекции на каждую из этих сферы по отдельности. И, таким образом, можно определить *цифровой суверенитет* как совокупность правовых норм, реализуемых государством, направленных на обеспечение национальной безопасности в информационной сфере и как критерий эффективности деятельности органов публичной власти. В целом мониторинг реализуемых мер по обеспечению национальной безопасности может рассматриваться как модель оценки эффективности деятельности органов публичной власти как по уровням (федеральный, региональный, местный), так и по ветвям (исполнительная, законодательная, судебная).

Соотнесенность понятия цифрового суверенитета с категорией обеспечения национальной безопасности также позволяет увидеть более четко контуры реального суверенитета государства или же более предметно государственного суверенитета как права «контролировать» свои внутренние

¹ Указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов Российской Федерации и деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400281504/?ysclid=lp41n3gsh268390010> (дата обращения: 20.11.2023).

² Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, муниципальных, городских округов и муниципальных районов». URL: <https://base.garant.ru/193208/?ysclid=lp41vna83d577074479> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/401425792/?ysclid=lp56rnm1pj484450265> (дата обращения: 20.11.2023).

дела, так и непосредственную ответственность по защите населения в границах их проживания на территории государства¹.

Основой суверенитета государства выступает суверенитет общества, народа, основой которого является совокупность его базовых духовных ценностей, которые и формируют его национальную и, как следствие, государственно-цивилизационную идентичность. В связи с этим приоритетной ответственностью государства по защите населения выступает защита духовно-нравственных ценностей и противодействие внешним воздействиям, направленным на их разрушение.

Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» определено понятие традиционных ценностей как нравственных ориентиров, формирующих мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к поколению, лежащих в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющих гражданское единство, нашедших свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России². При этом государство рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, а органы публичной власти в пределах своих полномочий реализуют государственную политику по сохранению и укреплению традиционных ценностей в области образования и воспитания, работы с молодежью, культуры, науки, межнациональных и межрелигиозных отношений, средств массовой информации и массовых коммуникаций, международного сотрудничества.

Ключевыми инструментами реализации государственной политики в обозначенных сферах выступает совокупность правовых, организационных, научно-аналитических и информационных инструментов.

В современных условиях эффективность этих инструментов напрямую связана с возможностями цифровой среды, в которой реализуется государственная политика. Процесс цифровизации государственно-общественных отношений оказывает влияние на выбор стратегического целеполагания как внутри государства, так и вовне, формируя те или иные геополитические приоритеты, которые в полной мере связаны с необходимостью отстаивания и обеспечения своего суверенитета. Формируемые стратегические приоритеты оказывают влияние на трансформацию общества, систему общественных отношений и характер регулирования системы правоотношений, исходя из складывающихся реалий³. Появляющиеся новые понятия и категории безусловно требуют их нормативного определения как необходимого условия для того, чтобы государство могло формировать и реализовывать более эффективную политику. При этом использование цифровых технологий оказывают существенное влияние на повышение эффективности государственного управления и соответствует ожиданиям общества о значимости цифровых услуг по удовлетворенности населения действиями органов государственного управления⁴.

Как было отмечено выше, стратегический компонент эффективного государства, можно увидеть в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. В качестве основных факторов, определяющих положение и роль Российской Федерации в мире в долгосрочной перспективе, обозначено высокое качество человеческого потенциала, способность обеспечить технологическое лидерство, эффективность государственного управления и перевод экономики на новую

¹ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1 (2005), 24 окт. 2005 г. URL: <https://docs.cntd.ru/document/902131568?ysclid=lp56upkw6v975113390> (дата обращения: 20.11.2023).

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=lp56xqv4mp916701904> (дата обращения: 20.11.2023).

³ Брянцев И. И., Брянцева О. В. Информационно-коммуникационные технологии как средство формирования гражданственности и сохранения исторической памяти: управленческий аспект // Вестник Поволжского института управления. 2020. Т. 20. № 2. С. 27–34.

⁴ Большаков С. Н. Цифровая среда государственной политики и общественные запросы: баланс интересов и потребностей // Вопросы управления. 2018. № 5. С. 45–53.

технологическую основу. Состояние науки, инновационной сферы, промышленности, системы образования, здравоохранения и культуры превращаются в ключевой индикатор конкурентоспособности России. Эти направления, обозначенные в Стратегии, и успехи системы государственного управления в них в полной мере способны раскрыть реальную эффективность государства и возможности реализации его суверенитета в различных сферах.

Химченко А. И.

кандидат юридических наук,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Информационный суверенитет как фактор доверия в цифровой среде

Современные технологические тенденции способствовали стремительной цифровизации и широкому применению информационных технологий в различных формах взаимодействия в обществе и профессиональных средах¹.

Сама суть и специфика функционирования цифровой материи является как элементом развития и новых возможностей, так и источником перманентных рисков и угроз, в связи с чем все актуальнее становятся вопросы ее доверенного функционирования.

В то же время по мере развития и проникновения, распространения на всё более широкий спектр общественных отношений цифровая среда становится, в том числе и предметом геополитической конкуренции, что предопределяет необходимость в поиске решений по защите государственного суверенитета в соответствующем пространстве.

При этом отдельные меры, направленные на повышение устойчивости и безопасности цифровой среды способствуют как достижению суверенитета в информационной сфере, так и повышению доверия к ней.

Проблематика достижения информационного суверенитета находит отражение в широком спектре документов стратегического планирования Российской Федерации, что подчеркивает значимую роль в числе актуальных задач.

Так, в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.² отмечается необходимость отстаивать суверенное право государства определять информационную и технологическую политику в национальном сегменте сети Интернет.

Риски и угрозы в информационной сфере отнесены к препятствующим укреплению суверенитета России факторам в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации³, а согласно Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 г.⁴, обеспечение суверенности российской отрасли информационных технологий отнесено к мерам долгосрочного характера.

¹ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / А. В. Минбалеев, Т. А. Полякова, М. Б. Добробаба [и др.]. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Перспектив», 2023. 368 с. ; Право и иные регуляторы в развитии цифровых технологий : монография / под ред. А. В. Минбалеева. Саратов : ООО «Амирит», 2022. 338 с.

² Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

³ Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49. Ст. 6887.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 01.11.2013 № 2036-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации на 2014–2020 гг. и на перспективу до 2025 года» // СЗ РФ. 2013. № 46. Ст. 5954.

Доктриной информационной безопасности Российской Федерации¹ защита суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве отнесена к числу основных направлений обеспечения информационной безопасности².

Также в соответствии с Основами государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности³ использование информационно-коммуникационных технологий в целях подрыва (ущемления) суверенитета отнесено к основным угрозам международной информационной безопасности.

Кроме того, необходимость обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации отражена в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.⁴

Анализ указанных документов позволяет отметить фундаментальность самой стоящей задачи и комплексный характер подлежащих реализации мер.

В то же время сама специфика цифровой среды, в том числе ее трансграничная природа, не подразумевает однозначных решений и усложняет методологические подходы при выработке практических решений.

В исследованиях вопросов информационного суверенитета приоритетным является подход, при котором формируется тенденция к локализации сферы действия государственного суверенитета на основе «привязки» соответствующих информационных пространств к находящейся на территории конкретного государства информационной инфраструктуре. При этом в качестве возможных подходов к определению содержания информационного пространства выделяется территориальный, связывающий соответствующую информационную инфраструктуру и информационные ресурсы с территорией конкретного государства, и экстерриториальный, распространяющий действие правовых норм и деятельность органов государственной власти одного государства на территории других⁵.

В настоящее время нормы, направленные на локализацию объектов информационной инфраструктуры на территории Российской Федерации реализованы в законодательстве об информационных технологиях, персональных данных, связи, организации выпуска цифровой валюты⁶.

Так, ст. 14.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁷ определяет порядок обеспечения устойчивого и безопасного использования на территории Российской Федерации доменных имен.

Федеральным законом от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»⁸ установлена обязанность оператора обеспечить запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение персональных данных граждан Российской Федерации с использованием баз данных, находящихся на территории Российской Федерации.

В соответствии с ч. 5.1 ст. 46 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»⁹ на оператора связи возложена обязанность обеспечивать установку в своей сети связи технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сети связи общего пользования.

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

² Минбалеев А. В. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2016. № 3 (21). С. 62–66.

³ Указ Президента РФ от 12.04.2021 № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // СЗ РФ. 2021. № 16 (ч. I). Ст. 2746.

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

⁵ Виноградова Е. В., Полякова Т. А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 32–50.

⁶ Добробаба М. Б., Чаннов С. Е. Цифровизация системы управления финансами // Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой (§ 2 гл. 11). М., 2022. С. 343–355.

⁷ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

⁸ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

⁹ Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

Нормами Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ устанавливается, что организация выпуска цифровой валюты в Российской Федерации осуществляется с использованием объектов российской информационной инфраструктуры.

Указанные нормы направлены на снижение угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети «Интернет» и сетей связи общего пользования посредством минимизации возможности деструктивного воздействия извне.

В то же время решения, обеспечивающие безопасное функционирование цифровой среды, способствуют ее доверенному использованию². Таким образом, вопросы доверия к цифровой среде находятся в тесной взаимосвязи с безопасным функционированием соответствующей информационно-коммуникационной инфраструктуры.

Помимо принципа локализации на территории Российской Федерации информационной инфраструктуры на достижение информационного суверенитета направлены и нормы, устанавливающие определенные требования к участникам правоотношений в информационной сфере.

В связи с чем, стоит отметить Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации»³, нормами которого установлены правовые основы деятельности иностранных юридических лиц, иностранных организаций, не являющихся юридическими лицами, иностранных граждан, лиц без гражданства, осуществляющих деятельность в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Отдельными нормами устанавливается требование к участникам правоотношений наличия российского гражданства, либо принадлежности используемого юридического лица к российской юрисдикции.

Так, в соответствии с Федеральным законом от 31.07.2023 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи»⁴ введены нормы, в соответствии с которыми с 1 декабря 2023 г. владелец российского сайта в сети «Интернет» обязан проводить авторизацию пользователей, находящихся в РФ, рядом предусмотренных способов, в том числе с использованием российского номера телефона, Единого портала госуслуг, Единой биометрической системы или иной информационной системы, владельцем которой является гражданин РФ или российское юридическое лицо. Законом также устанавливается:

– обязанность операторов государственных и муниципальных информационных систем использовать вычислительные мощности провайдеров хостинга, являющихся российскими юридическими лицами. При этом привлечь к формированию и ведению реестра провайдеров хостинга оператора такого реестра возможно организацию, зарегистрированную на территории Российской Федерации;

– запрет для операторов государственных и муниципальных информационных систем на использование, принадлежащих иностранным юрлицам и (или) иностранным гражданам информационных систем и программ для ЭВМ, функционирование которых осуществляется посредством сети «Интернет», за исключением определенных случаев;

– владельцем новостного агрегатора может выступать гражданин Российской Федерации, не имеющий гражданства другого государства, или российское юридическое лицо.

¹ Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.

² Химченко А. И. О взаимосвязи вопросов обеспечения информационного суверенитета Российской Федерации и формирования цифровой среды доверия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 4 (92). С. 83–91.

³ Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I). Ст. 5064.

⁴ Федеральный закон от 31.07.2023 № 406-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Федеральный закон «О связи» // СЗ РФ. 2023. № 32 (ч. I). Ст. 6138.

Помимо действующих законодательных мер, направленных на достижение информационного суверенитета следует отметить также стратегические решения в данной сфере и отраслевые инициативы.

Так, в соответствии с перечнем поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам¹ предусмотрено стимулирование спроса на отечественные технологические решения, а также обеспечения технологической независимости от используемого в настоящее время иностранного программного обеспечения.

Группа по анализу проектов в области связи и цифрового развития экспертного совета «Единой России» по законодательской деятельности приняла рекомендацию по созданию национальной системы доставки контента², а участники IT-отрасли обратились в Минцифры России с инициативой создать реестр деструктивных некоммерческих организаций (НКО) в сфере IT, действующих за пределами Российской Федерации для включения организаций, представляющих угрозу безопасности и суверенитету³.

На решение рассматриваемой задачи направлены и меры смежного регулирования. Так, Банк России внедрил специальные меры по поддержке кредитования проектов технологического суверенитета⁴.

Таким образом, на сегодняшний день реализуется комплекс мер, направленных на достижение информационного суверенитета. Независимо от методологического принципа реализации, логика их действия направлена на повышение безопасности информационной инфраструктуры, минимизацию риска деструктивного воздействия на нее либо участников правоотношений извне, развитие механизмов защиты их прав и интересов, создание национальных технологических решений.

Указанные меры в комплексе способствуют повышению устойчивости, безопасности и целостности цифровой среды, совершенствованию механизмов ее функционирования и использования, реализация чего, в свою очередь, трансформируется и в фактор повышения доверия.

Мильшин Ю. Н.

кандидат юридических наук,
профессор кафедры информационного права и цифровых технологий
Саратовской государственной юридической академии

Цифровизация контрольной деятельности как условие обеспечения законности

Развитие цифровизации в различных сферах жизнедеятельности общества является стратегической задачей Российского государства, поскольку это создает условия для более эффективной и действенной реализации прав и законных интересов граждан. Современные информационные технологии позволяют более оперативно получать и обрабатывать информацию, что дает возможность органам публичной власти своевременно принимать управленческие решения.

Под цифровизацией принято понимать переход с аналоговой формы передачи информации в цифровую. Согласно толковому словарю по информационному обществу и новой экономике

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам // URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69277>.

² Суверенная доставка контента. Ведомости // URL: <https://www.vedomosti.ru/imports substitution/special/2023/04/25/suverennaya-dostavka-kontenta>.

³ IT-отрасль предложила Минцифры создать реестр иностранных «деструктивных» НКО. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/articles/2023/10/05/998887-it-otrasl-predlozila-mintsifri-sozdat-reestr-inostrannih-destruktivnih-nko>.

⁴ Банк России вводит стимулирующее банковское регулирование для проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики // Банк России: официальный сайт. 2023. URL: <http://www.cbr.ru> (дата обращения: 14.06.2023).

цифровизация рассматривается как преобразование информации в цифровую форму, цифровая трансмиссия данных, закодированных в дискретные сигнальные импульсы¹.

Цифровизацию принято рассматривать как в узком, так и широком смысле. В узком смысле под цифровизацией принято понимать преобразование информации в цифровую форму, что позволяет повысить уровень экономического развития государства. Цифровизация в широком смысле рассматривается как общемировой тренд развития экономики и общества², которая охватывает различные сферы общественных отношений (производство, образование, культуру, здравоохранение). Цифровизация является импульсом для формирования новой реальности, доступ в которую может быть только при наличии определенных условий (правовых, организационных и кадровых). Использование информационно-телекоммуникационных в управленческой деятельности затронуло и контрольную деятельность органов публичной власти.

Контроль является важным способом обеспечения законности и осуществляется многочисленными управленческими органами. От качества его проведения зависит уровень защиты публичных интересов.

В настоящее время создана цифровая платформа для осуществления контрольной деятельности органами публичной власти. Данное нововведение позволяет обеспечивать аналитическую обработку информации о деятельности подконтрольных субъектов в режиме реального времени на всей территории Российской Федерации. В России действует Единый реестр видов государственного контроля (надзора), который содержит информацию о видах контрольной деятельности на всех уровнях публичной власти. В данном документе закреплены контрольные органы, которые уполномочены осуществлять конкретный вид контроля.

Цифровизация контрольной деятельности создает оптимальные условия для получения достоверной информации, что позволяет оперативно скорректировать отступления подконтрольных субъектов от заданных параметров.

Использование новых информационных технологий в контрольной деятельности органов публичной власти дает возможность чаще использовать дистанционные методы контроля. Созданы и функционируют цифровые интерфейсы взаимодействия проверяемых и проверяющих. В промышленную эксплуатацию включены три государственные информационные системы: единый реестр контрольных (надзорных) мероприятий, единый реестр видов контроля и информсистема досудебного обжалования.

Важным фактором является то, что положения Федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»³, легализовали технологии дистанционного взаимодействия с бизнесом и дистанционный порядок осуществления выездных проверок. В настоящее время каждое контрольное мероприятие имеет свой QR-код, который наносится на все документы, связанные с проведением контрольных мероприятий. Это позволяет подконтрольным субъектам проверить наличие мероприятия в Едином реестре контрольных мероприятий, его предмет и другую информацию, которая позволит им защитить свои права и законные интересы.

Органы публичной власти при осуществлении контрольной деятельности отдают приоритет профилактическим мероприятиям, которые включают в себя: информирование, обобщение правоприменительной практики; объявление предостережения; консультирование и профилактический визит.

Информирование заключается в донесении информации Роскомнадзора до поднадзорных субъектов (проведение семинаров, толкование спорных вопросов в СМИ и др.).

¹ Толковый словарь по информационному обществу и новой экономике. М., 2007. URL: http://information_society.academic.ru (дата обращения: 12.11.2023).

² Халин В. Г., Чернова Т. В. Цифровизация и ее влияние на Российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 47–54.

³ Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в ред. от 04.08.2023) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5007.

Обобщение правоприменительной практики проводится контрольно-надзорным органом не реже одного раза в год и по его результатам проводятся публичные слушания для подконтрольных субъектов с обсуждением полученных результатов.

Предостережение, выносимое Роскомнадзором, является актом, который адресован должностному лицу хозяйствующего субъекта или органу государственной власти, содержащим информацию о недопустимости совершения действий, которые могут привести к нарушению законодательства. Для объявления предостережения необходимо соблюсти следующие условия:

а) подконтрольный субъект ранее не привлекался к ответственности за нарушение соответствующих обязательных требований;

б) орган государственного контроля (надзора) обладает информацией о том, что обязательные требования могут быть нарушены или уже нарушены;

в) если допущенные нарушение обязательных требований не повлекли вред для здоровья граждан возникновению чрезвычайной ситуации.

Для контролируемых субъектов закреплена возможность в течение 10 рабочих дней со дня получения предостережения подать в контрольный (надзорный) орган или его территориальный орган возражение в отношении предостережения.

Консультирование может осуществляться должностным лицом контрольного (надзорного) органа или его территориального органа по телефону, посредством видео-конференц-связи, на личном приеме либо в ходе проведения профилактического мероприятия, контрольного (надзорного) мероприятия.

Профилактический визит в обязательном порядке проводится в отношении контролируемых лиц, приступающих к осуществлению деятельности в связи с распространением информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», а также в отношении объекта контроля, отнесенного к категории значительного риска. Он проводится контрольным (надзорным) органом или его территориальным органом в форме профилактической беседы по месту осуществления деятельности контролируемого лица либо путем использования видео-конференц-связи.

Цифровизация контрольной деятельности позволяет создать условия для единого доступа органов публичной власти к результатам мониторинга деятельности объектов контроля по устранению выявленных недостатков¹. Причем, используя цифровые технологии в деятельности контрольных органов можно весьма эффективно осуществлять контрольные функции в непрерывном режиме и оперативно реагировать на возможные угрозы и риски со стороны подконтрольных объектов.

Важным моментом использования цифровых технологий является значительное сокращение издержек для субъектов и объектов контрольной деятельности. Например, наблюдение и выездное обследование могут осуществляться без взаимодействия с контролируемыми лицами, а инспекционный визит и выездную проверку можно осуществлять с использованием средств дистанционного взаимодействия, в том числе посредством аудио- или видеосвязи.

В результате цифровизации системы контроля все действия контролируемых органов публичной власти становятся доступными в информационных базах в режиме реального времени.

В современный период назрела необходимость изменить подходы по обеспечению законности органами публичной власти во всех сферах жизнедеятельности нашего общества. Государство должно создавать и гарантировать условия для обеспечения законности, что будет способствовать более действенной реализации прав и свобод человека и гражданина. Одним из таких условий является цифровизация контрольной деятельности.

Использование цифровых технологий в контрольной деятельности позитивно отразится на оптимизации организационных условий по нейтрализации рисков и угроз в деятельности подконтрольных субъектов и соответственно на уровне обеспечения законности в деятельности органов публичной власти.

¹ Фесько Д. С. Цифровизация контроля как гарантия прав граждан и организаций // Административное право и процесс. 2020. № 3. С. 63–67.

Магдилова Л. В.кандидат экономических наук, доцент
Дагестанского государственного университета

Правовые основы государственной цифровой платформы

Современные реалии диктуют новые требования к созданию и развитию государственных информационных систем, которые отвечают требованиям информационной безопасности. В этих условиях реализации информационного и технологического суверенитета принято решение создания государственной цифровой платформы.

На современном этапе эффективное функционирование системы государственной власти обеспечивается за счет цифровизации государственных органов, форм и методов взаимодействия, совершенствованием нормативно-правового и организационного регулирования. Принят ряд нормативных актов, программных и проектных документов, направленных на повышение уровня взаимодействия органов государственной власти. В каждой из ветвей власти разработаны и функционируют государственные автоматизированные системы (Управление, Правосудие, Законотворчество, Выборы и т.п.), взаимодействие между которыми осуществляется на основе систем межведомственного электронного взаимодействия и документооборота. В субъектах РФ формируются правовые основы функционирования органов государственной власти как единого механизма на основе цифровых технологий, в частности разработаны стратегии цифровой трансформации государственного управления. Цифровизация способствует развитию цифрового государства, под которым понимается совокупность органов власти, изменивших методы работы под воздействием цифровых технологий¹.

Основной целью использования цифровых технологий в деятельности органов публичной власти является повышение эффективности механизмов государственного управления на основе создания общей информационно-технологической инфраструктуры, включающей государственные информационные системы и ресурсы, а также средства, обеспечивающие их функционирование, взаимодействие между собой, населением и организациями в рамках предоставления государственных услуг. Особое внимание уделено развитию государственной цифровой платформы, представляющей собой систему формальных и неформальных правил и алгоритмов сетевого взаимодействия пользователей (потребителей), функционирующей на основе открытых и масштабируемых архитектурных стандартов программных и аппаратных средств, необходимых для хранения, анализа и передачи цифровых данных об участниках взаимодействия².

В связи с этим распоряжением Правительства РФ от 16.11.2020 № 3004-р утверждено Положение о проведении эксперимента по созданию, переводу и развитию государственных информационных систем (ГИС) и их компонентов на Единой цифровой платформе «Государственные технологии» (ЕЦП «ГосТех»). Согласно статье 2 Федерального закона № 149 «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» оператором информационной системы является лицо, эксплуатирует информационную систему, в том числе осуществляет обработку информации, содержащейся в базах данных. Согласно приказу Минцифры РФ от 27.12.2022 № 1012 функции оператора УЦП «ГосТех» переданы Федеральному казенному учреждению «Государственные технологии», которое осуществляет сопровождение процессов создания, развития и эксплуатации ГИС на ЕЦП «ГосТех», предоставляет инфраструктурные технологические и базовые сервисы пользователям, обеспечивает их информационную безопасность при использовании технологии облачных вычислений, а также разрабатывает методические рекомендации и регламенты по вопросам функционирования данной платформы.

¹ Евсиков К. С. К вопросу о формировании концепции «цифрового государства» // Информационное право. 2021. № 1. С. 17–21.

² Стырин Е. М., Дмитриева Н. Е., Сиянтуллина Л. Х. Государственные цифровые платформы: от концепта к реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 4. С. 48.

Необходимость создания платформы обусловлена уходом с рынка программного и технического обеспечения иностранных компаний и необходимостью замены их отечественными технологиями. К основным преимуществам перевода ГИС на ЕЦП «ГосТех», способствующим реализации принципа единства системы публичной власти, является использование удобных сервисов, спроектированных с учетом реальных потребностей пользователя; снижение бюджетных расходов за счет использования готовых решений; внедрение современного безопасного программного обеспечения, созданного согласно требованиям по защите информации ФСТЭК РФ; запуск новых систем и сервисов, основанный на принципе конструктора при использовании единых стандартов и итерационного подхода к разработке. Таким образом, архитектура ЕЦП «ГосТех» дает возможность сокращать сроки разработки и внедрения новых сервисов и масштабировать ГИС без значительного повышения расходов.

Среди основных задач, определенных в Концепции создания и эксплуатации платформы «ГосТех» (распоряжение Правительства РФ от 21.10.2022 № 3102-р), наибольший интерес в современных реалиях представляет унификация механизмов информационной безопасности платформы «ГосТех»¹ и обеспечение технологической независимости. В этом направлении приказом Минфина России от 12.01.2023 № 7 была утверждена Концепция информационной безопасности «ГосТех». В настоящее время осуществляется разработка методических и правовых актов, детализирующих функционирование платформы, вводится в эксплуатацию ГИС «Управление» платформой «ГосТех» и Госмаркет, формируется каталог цифровых продуктов, разрабатываются домены «Здравоохранение», «Образование», «Городская среда и ЖКХ», «Строительство», «Транспорт», «Спорт», «Наука», «Экология».

С учетом реалий и перспектив цифровой трансформации публичной власти также было утверждено распоряжением Правительства РФ от 22.10.2021 № 2998-р «Стратегическое направление в области цифровой трансформации государственного управления» до 2030 г., в котором предусмотрено внедрение таких технологий, как искусственный интеллект, большие данные, интернет вещей, а также реализация семи проектов и определение показателей по ним. Рассматривая нормативную сторону процесса цифровой трансформации государственного управления в Стратегическом направлении обозначены ряд стратегических рисков, среди которых отсутствие нормативного правового регулирования, которое может блокировать автоматизированный сбор социально-экономических показателей, за исключением налоговой отчетности.

В Федеральном законе от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» в статье 2 «Принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации» наибольший интерес с точки зрения влияния цифровизации представляет реализация таких принципов, как согласованное функционирование и взаимодействие органов публичной власти на федеральном, региональном, муниципальном уровнях, а также разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную. Именно внедрение цифровых технологий и проведение на этой основе цифровой трансформации позволяют повысить эффективность взаимодействия органов публичной власти всех уровней, оптимизировать сроки и качество предоставления государственных и муниципальных услуг. Примером может служить переход, закрепленный в Федеральном законе от 30.12.2020 № 509-ФЗ, на разработку административных регламентов с помощью подсистемы разработки и утверждения административных регламентов предоставления государственных услуг (конструктор цифровых регламентов) федеральной государственной информационной системы «Федеральный реестр государственных и муниципальных услуг (функций)». Конструктор цифровых регламентов представляет собой инструмент, с помощью которого можно создать административный регламент по шаблону. В нем содержатся стандартизированные обязательные поля, основанные на справочниках. Поля заполняются в зависимости от содержания услуги, после чего информация проверяется автоматически. Это снижает количество ошибок и сокращает временные затраты на экспертизу и согласование. Вся работа по созданию регламента проводится в безбумажной форме от начала до конца. В конце октября 2022 г. Минэкономразвития России сообщало, что в Конструкторе

¹ Минбалеев А. В. Правовое обеспечение кибербезопасности как фактор устойчивого развития и реализации ESG-стандартов // Информационное право. 2022. № 1. С. 35–38.

цифровых регламентов ведется работа по более 700 регламентам, из которых 118 являются регламентами региональных услуг. С помощью Конструктора время на согласование и утверждение регламента сократилось с 2021 г. в шесть раз.

В субъектах РФ формируются правовые основы функционирования органов государственной власти как единого механизма на основе цифровых технологий, в частности разработаны стратегии цифровой трансформации государственного управления. Примером может служить Республика Дагестан, где 31 августа 2021 г. была утверждена Стратегия в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного управления, в числе проблем текущего состояния цифровизации государственного управления значатся огромные массивы данных, не имеющих юридической значимости, находящихся в разнородных информационных системах или на бумажных носителях; отсутствие единых стандартов при выборе ведомственных систем и многообразии технологий, что создает заметные трудности в интеграции и работе с данными; недостаточная развитость межведомственного обмена данными.

Конституционная реформа предусматривает развитие системы органов публичной власти, включающей органы государственной власти федерации и субъектов РФ, а также местного самоуправления, что способствует повышению эффективности их взаимодействия при выполнении основных функций. Для оптимизации процессов интеграции государственных информационных систем развивается Единая цифровая платформа «Государственные технологии», которая представляет собой защищенное цифровое пространство, включающее сервисы для создания и развития государственных информационных систем, в результате чего снижаются затраты на их разработку и модернизацию. Таким образом, внедрение платформы «ГосТех» способствует сокращению времени и расходов на создание ГИС, повышается доступность и надежность ГИС при высоких нагрузках, удовлетворяются потребности физических и юридических лиц при взаимодействии с государственным сектором в электронном и цифровом формате, происходит упрощение закупок цифровых продуктов, создается профессиональное сообщество платформы «ГосТех». Включение новых программных продуктов, базовых сервисов и технологических решений позволяет обеспечить открытость платформы на принципах совместимости, надежности и обеспечения информационной безопасности заданного уровня.

На основе проведенного анализа, основными направлениями совершенствования правовых основ создания и развития государственной цифровой платформы является: закрепление юридической значимости информационных ресурсов всех организаций независимо от их формы собственности и организационно-правовой формы; поддержание в актуальном состоянии каталога информационных ресурсов субъекта РФ (информационного навигатора); создание организационных положений по обеспечению информационной безопасности, в том числе формирование перечня отечественного лицензионного программного обеспечения в целях импортозамещения, определение количества субъектов и объектов критической информационной инфраструктуры с целью предотвращения компьютерных атак; совершенствование нормативной базы по переводу государственных информационных систем на цифровую платформу «Гостех», утверждение норм о включении цифровых продуктов в каталог «ГосТеха», определение критериев их повторного использования при создании и развитии.

Пашнина Т. В.кандидат юридических наук,
доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин
Уральского филиала Российского
государственного университета правосудия**О значении информации о деятельности государственных органов
в обеспечении информационного суверенитета современной России**

Современный этап развития российского государства характеризуется беспрецедентным уровнем вызовов и угроз суверенитету страны во всех важнейших плоскостях – политической, экономической, социальной, культурной и т.д., в условиях которых государство должно не только сохранить себя, но и успешно развиваться.

Одним из условий этого является обеспечение информационного суверенитета, и важнейшая роль в данном процессе отводится органам государственной власти, входящим в единую систему органов публичной власти страны.

В базовом стратегическом документе, определяющем основные направления государственной политики в области обеспечения национальной информационной безопасности – «Доктрине информационной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, понятие суверенитета дается через призму национальных интересов в информационной сфере (абз. д) п. 8 разд. II), а также в контексте основных информационных угроз, а также состояния информационной безопасности в области государственной и общественной безопасности¹.

Согласно положениям пп. 30–31 разд. V, система информационной безопасности, рассматриваемая как элемент более широкой категории – национальной безопасности страны², строится на основе разграничения полномочий ветвей государственной власти и органов местного самоуправления, выступающих в качестве сил обеспечения информационной безопасности (абз. д) п. 2 разд. I)³.

Поскольку эффективное обеспечение национальной, в том числе информационной безопасности можно рассматривать в качестве показателя эффективности системы управления государством в целом, определенный интерес представляет взгляд на систему информационной безопасности не только с точки зрения ее правового регулирования, но и с позиции теории управления. Так, И. Ф. Кефели и С. А. Мальмберг отмечают, что реализация информационных потребностей государства, в том числе связанных с обеспечением его информационной безопасности, включает три аспекта:

обеспечение справочной и аналитической информацией, необходимой для принятия ежедневных управленческих решений органов управления государством;

внедрение современных информационных технологий, реализация политики информационной безопасности во всех направлениях обеспечения национальной безопасности;

удовлетворение информационных потребностей общества в части предоставления доступа, распространения и своевременного доведения необходимой информации населению⁴.

В контексте последнего пункта особое значение приобретает абз. г) п. 36 Доктрины информационной безопасности, в числе задач государственных органов в рамках деятельности по развитию и совершенствованию системы обеспечения информационной безопасности назвавший повышение эффективности взаимодействия государственных органов, органов местного

¹ СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

² Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁴ Кефели И. Ф., Мальмберг С. А. Информационный потенциал государства как основа информационного суверенитета // Управленческое консультирование. 2019. № 1 (121). С. 32.

самоуправления, организаций и граждан при решении задач по обеспечению информационной безопасности.

Данная задача, неотделимая от открытости и «прозрачности» системы государственного управления, на наш взгляд, особенно важна в деле повышения доверия граждан страны к деятельности органов публичной власти, от которого во многом зависит доверие к институту государства в целом. Важность взаимного доверия общества и государства, выступающего ключевым фактором обеспечения информационной безопасности внутри государства, давно нашла отражение в стратегических документах.

Так, в «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» говорится о необходимости формирования общества социального благополучия и согласия, «основанного на доверии и ответственности, включая доверие населения к государственным... институтам»¹. Данные положения позднее были закреплены на конституционном уровне, в ст. 75.1 Конституции РФ, провозгласивших принцип взаимного доверия государства и общества, политической и социальной солидарности².

Отметим, что правовая база реализации принципа открытости и «прозрачности» государственного управления, связанная с предоставлением информации о деятельности органов публичной власти, является достаточно детально разработанной и включает нормы, касающиеся как общедоступной информации, так и информации ограниченного доступа, прежде всего федеральных законов от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»³, 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁴, 13.01.1995 № 7-ФЗ «О порядке освещения деятельности органов государственной власти в государственных средствах массовой информации»⁵, Закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации»⁶, и др.

Отдельно необходимо упомянуть абз. 3 п. 4 ст. 8 Федерального закона № 149-ФЗ, закрепившего запрет на ограничение доступа к информации о деятельности государственных органов, за исключением сведений, составляющих государственную или служебную тайну.

При этом для поддержания доверия общества и государства в реалиях сегодняшнего дня определяющее значение приобретает такое качество информации о деятельности государственных органов, как ее достоверность, соответствующая целям, заявленным в «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг.»⁷. В данном контексте под достоверной информацией эксперты предлагают понимать «точные, полные сведения (сообщения, данные), отражающие объективную действительность и признаваемые таковыми субъектами информационных отношений»⁸.

А. В. Минбалеев и О. В. Петровская справедливо отмечают, что «опасность сегодня представляют не отдельные ложные сообщения, а целые информационные системы, цифровые платформы и сервисы, которые функционируют на основе заведомо недостоверной информации, целенаправленно распространяемой для достижения политических, экономических и иных целей. Важнейшим средством создания условий для... обеспечения достоверности информации является активное развитие отечественных цифровых платформ и сервисов»⁹.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 28.09.2018) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2008. № 47. Ст. 5489.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020) // Российская газета. 2020. 4 июля.

³ СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

⁴ СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 776.

⁵ СЗ РФ. 1995. № 3. Ст. 170.

⁶ Российская газета. 1992. 8 февр.

⁷ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-е годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

⁸ Минбалеев А. В., Петровская О. В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4 (145). С. 20–28.

⁹ Указ. соч.

В качестве одного из перспективных направлений обеспечения достоверности информации авторы называют «развитие специализированных цифровых платформ противодействия дезинформации, направленных на взаимодействие с органами государственной власти, субъектами гражданского общества, отдельными гражданами и организациями, в рамках которых... будет аккумулирована система следующих средств: сервис оповещения о фактах дезинформации; базы данных недостоверной информации; и др.»¹.

Данные предложения органично дополняют существующий механизм ответственности за предоставление недостоверной и дискредитирующей органы публичной власти информации, установленной административным и уголовным законодательством, поскольку правонарушители, наносящие вред национальным интересам, нередко находятся вне пределов юрисдикции российского государства.

Вышесказанное также демонстрирует неразрывную связь эффективности государственного управления и цифровой трансформации – цифровизации государственного управления², да и взаимодействие государства и общества в век прорывных технологий в значительной степени реализуется в цифровой среде³. Важное значение здесь играет реализация федерального проекта «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», направленного на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», определенной Указом Президента РФ от 21.07.2021 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года»⁴, призванного обеспечить новый уровень предоставления услуг, в том числе путем создания возможностей для перехода на цифровое взаимодействие граждан и государства⁵.

Цифровая трансформация государственного управления дополняет и развивает концепции «открытого государства» и «открытого правительства», в основе которых лежит «свободный поток информации от органов государственного управления к общественности и третьим сторонам, таким как организации гражданского общества и средств массовой информации, а также от общественности и третьих сторон к органам власти»⁶.

В этой связи обоснованной представляется позиция Е. В. Виноградовой и Т. А. Поляковой касательно того, что «информационная функция государства может быть рассмотрена в первую очередь как направление деятельности органов государства по регулированию информационного пространства... существует взаимосвязь реализации государственного суверенитета в информационном пространстве с информационной функцией государства (как направлением деятельности органов государства по регулированию информационного пространства) и государственной информационной политикой (как содержанием данной деятельности в конкретный исторический период)»⁷.

При этом информацию, создаваемую государственными органами, в контексте обеспечения информационного суверенитета считаем целесообразной рассматривать в нескольких аспектах:

¹ Указ. соч.

² Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцева И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10. С. 15.

³ Полякова Т. А., Минбалева А. В., Кроткова Н. В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104; Polyakova T. A., Naumov V. B., Minbaleev A. V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. № 11. С. 139–147; Полякова Т. А., Минбалева А. В., Кроткова Н. В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171; Полякова Т. А., Минбалева А. В., Наумов В. Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.

⁴ СЗ РФ. 2020. № 30. Ст. 4884.

⁵ Цифровое государственное управление // Минцифры РФ. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/882/?utm_referrer=https%3a%2f%2fwww.google.com%2f.

⁶ Лихтин А. А. Трансформация государственного управления в условиях цифровизации // Управленческое консультирование. 2021. № 4. С. 20.

⁷ Виноградова Е. В., Полякова Т. А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 34.

информация, создаваемая органами управления государством с целью решения задач по обеспечению информационной безопасности и защиты суверенитета государства;

статистическая, аналитическая и иная информация, создаваемая и аккумулируемая государственными органами, используемая в качестве основы принятия управленческих решений по обеспечению национальной безопасности в информационной сфере;

нормативная информация, создаваемая с целью правового регулирования информационного пространства, в том числе обеспечения информационной безопасности и суверенитета в информационной сфере;

правовая информация, получаемая в результате деятельности судебных и иных правоприменительных органов по защите информационного суверенитета государства;

информация, необходимая для реализации информационных прав граждан, в том числе путем предоставления государственных и муниципальных услуг, отвечающая требованиям информационной безопасности государства;

информация о деятельности государственных органов, создаваемая как самими органами публичной власти, так и иными субъектами, выполняющая коммуникативную функцию между системой органов публичной власти и членами общества.

Таким образом, информация о деятельности органов государственной власти, отвечающая требованиям достоверности, полноты, своевременности и доступности¹, может рассматриваться как средство поддержания доверия между обществом и государством, в сочетании с цифровой трансформацией – повышения эффективности государственного управления, оказывающее значительное влияние на обеспечение информационного суверенитета страны в условиях современных геополитических вызовов и угроз, что должно учитываться при выработке государственной политики в области обеспечения информационной безопасности.

Никишин В. Д.

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Осипов Д. П.

студент Высшей школы права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Понятие и сущность информационного суверенитета

Говоря об информационном суверенитете как стратегическом направлении государственной политики Российской Федерации, следует отметить, что в нормативных правовых актах и литературе информационный суверенитет понимается по-разному.

Понятие суверенитета в общем смысле слова рассматривается как верховенство, независимость от каких-либо сил, обстоятельств и лиц. В юридическом аспекте суверенитет следует понимать как независимость и верховенство от других государств как в международных отношениях, так и в отношениях с внутригосударственными субъектами права. Важной считается позиция высшего судебного органа конституционного контроля, согласно которой суверенитет государства – «необходимый качественный признак Российской Федерации как государства, характеризующий ее конституционно-правовой статус»².

¹ Ковалева Н. Н. Информационное обеспечение органов власти : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2023. С. 157–158.

² Постановление Конституционного Суда РФ от 07.06.2000 № 10-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Конституции Республики Алтай и Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

В нормативных правовых актах, литературе, средствах массовой информации получили распространение самые различные формулировки в этой области: «информационный суверенитет», «цифровой суверенитет», «сетевой суверенитет», «электронный суверенитет», «научно-технологический суверенитет», «технологический суверенитет» и т.д. Вместе с тем корреляция с классическими теоретическими конструкциями не всегда в полной мере способна отразить истинное назначение и природу рассматриваемого феномена, а отсутствие таких корреляций является весомым поводом к видоизменению подходов к определению. Это основание, с одной стороны, позволяет ученым сделать вывод о корректности использования понятия «государственный суверенитет в информационном пространстве»¹. С другой стороны, позволяет заключить, что указанные категории ни в нормативном, ни доктринальном плане не поддаются разграничению и, следовательно, должны рассматриваться в качестве синонимов².

В отечественных актах стратегического планирования информационный суверенитет понимается как средство достижения информационной безопасности³. Цели на суверенизацию информационного пространства содержатся практически во всех отраслевых актах стратегического планирования⁴.

В актах международных организаций информационный суверенитет государств-участников понимается как «способность и возможность самостоятельно осуществлять функции государства в информационной сфере с целью соблюдения прав и свобод граждан, обеспечения национальной и коллективной безопасности»⁵. Исходя из содержания данных актов, исследуемый феномен можно понимать как правовой статус безопасности государств в контексте способности противодействовать угрозам в политической, экономической, военной, социальной, научно-технологической и экологической сферах; соблюдение информационного суверенитета выдвигается в качестве принципа, на котором выстраивается сотрудничество государств-участников в области цифрового развития общества и цифровой экономики.

Неопределенность просматривается и в отечественной юридической доктрине, где определение понятий конструируется через признаки и (или) основания его осуществления. Можно выделить следующие признаки информационного суверенитета: верховенство, информационное пространство (осуществление суверенитета в рамках территории государства); юрисдикционность (правомочие на принятие решений, выработку и реализацию государственной политики в информационной сфере).

Термин «информационный суверенитет» представляется наиболее универсальным, т.к. охватывает не только техническую, научно-технологическую стороны феномена, но и так называемый «когнитивный суверенитет», т.е. обеспечение защиты граждан от информационно-психологического воздействия со стороны зарубежных государств (финансируемых ими информационных «агентов»). Такое воздействие может проявляться в реализации широкого спектра психологических операций; политической пропаганде сепаратистских настроений, экстремистской и террористической идеологии;

¹ Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

² Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет в цифровом мире?» // Вестник международных организаций. 2020. № 15 (4). С. 48–69; Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцев И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10. С. 14–22.

³ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27, (ч. II). Ст. 5351; Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

⁴ Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700; распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации» // СЗ РФ. 2023. № 27. Ст. 5055.

⁵ Постановление № 41-13 Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ «О проекте Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых государств». Принято в г. Санкт-Петербург 28.11.2014 // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств – участников Содружества Независимых Государств. 2014. № 62 (ч. 2); Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств». Принято в г. Москве 25.10.2019 // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 15.11.2023).

распространении фейковой и диффамационной информации; инспирировании массовых беспорядков и иных противоправных акций; развитии в интернет-медиа сетей псевдосубкультурных течений радикальной направленности: гетероагрессивной (сообщества, оправдывающие и (или) пропагандирующие насилие по отношению к другим лицам: колумбайнеры (скулшутеры)¹, массшутеры, М. К. У., тру-крайм комьюнити и т.д.); аутодеструктивной (сообщества, оправдывающие и (или) пропагандирующие насилие по отношению к самому себе: суицидальные сообщества, в том числе «группы смерти», «сообщества анорексичек», сообщества «опасных хобби», сообщества, пропагандирующие психоактивные вещества и т.д.); администрировании онлайн-сообществ, пропагандирующих антисемейные ценности, девальвацию традиционных семейных ценностей, обесценивание ценности самой человеческой жизни и т.д.

Можно условно выделить две функции таких деструктивных онлайн-сообществ: 1) возвращение адептов, совершающих резонансные акты насилия, что ведет к устрашению населения и дестабилизации обстановки; 2) подготовка в целом из всего контингента подписчиков протестной массы молодых людей, готовых к противоправным действиям, в том числе к преступлениям против конституционного строя («цветным революциям»).

В узком смысле ряд специалистов определяет информационный суверенитет как устойчивость государства к информационным атакам независимо от форм их проявления². В указанном подходе предлагается считать «информационный» и «электронный» суверенитет составными элементами «цифрового» суверенитета. Одним из распространенных дефиниций информационной войны выступает ее определение как комплекса «мероприятий по информационному воздействию на массовое сознание для изменения поведения людей и навязывания им целей, которые не входят в число их интересов, а также защита от подобных воздействий»³.

В отношении Российской Федерации ведется информационная (гибридная) война, направленная на дестабилизацию внутригосударственной обстановки, создание ситуаций социальной напряженности, возбуждение ненависти и вражды, деморализацию как военнослужащих, так и гражданского населения через проведение операций в киберпространстве, операций дезинформации и широкого спектра психологических операций.

Стратегией национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400⁴) развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия определены в числе национальных интересов государства. В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646⁵), Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации (распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р⁶), Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г. (Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358⁷), Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809⁸) подчеркивается необходимость обеспечения различных аспектов информационной безопасности и когнитивного суверенитета.

¹ Колумбайн (Скулшутинг) – запрещенная в РФ террористическая организация.

² Ашманов И. С. Информационный суверенитет. URL: <http://eurasian-defence.ru/sites/default/files/doc/ashmanov.pdf> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Василенко И. Информационная война как фактор мировой политики // Государственная служба. 2009. № 3.

⁴ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.

⁵ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р» // СЗ РФ. 2023. № 19. Ст. 3481.

⁷ Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

⁸ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

В широком смысле феномен информационного суверенитета предлагается понимать как «верховенство и независимость государственной власти при формировании и реализации информационной политики в национальном сегменте и глобальном информационном пространстве»¹; «юридическое свойство (признак) государства как особого субъекта информационно-правовых отношений, осуществляющего их правовое регулирование как в пределах своей территории (внутригосударственное информационное пространство), экстерриториальных режимов, так и при участии в международно-правовом регулировании (глобальное и региональные информационные пространства)².

Во многих иностранных государствах в отсутствие легальной дефиниции создается система нормативно-правовой гарантированности информационного суверенитета.

Так, КНР в условиях нестабильной международной обстановки уже достаточно давно закрепила обязанность государства по защите суверенитета киберпространства³. В Республике Таджикистан право собственности на национальные информационные ресурсы признается основой информационного суверенитета, к которым относится информация, независимо от содержания, формы, времени и места создания. Устанавливается, что исключительное право собственности Республики на информационные ресурсы, которые формируются за счет средств государственного бюджета, защита безопасности национальных систем информации, установление режима доступа других государств к информационным ресурсам Республики и использование ресурсов на основе равноправного сотрудничества⁴. Необходимость принятия нормативных правовых актов в целях обеспечения информационного суверенитета и кибербезопасности страны подчеркивается Конституционным Судом Республики Беларусь⁵.

Проанализированные подходы к определению понятия и сущности информационного суверенитета больше сводятся к односторонней характеристике и не имеют взаимообусловленный характер. Исследования в этой области направлены либо на взгляд с позиций классической теории о суверенитете, либо с позиций цифровых технологий (специфики в информационной среде, объектов инновационной инфраструктуры, субъектов).

Исходя из вышесказанного, категорию «информационный суверенитет» в широком смысле можно рассматривать в качестве потенциала государства независимо от других осуществлять деятельность по выработке гибкого нормативно-правового регулирования информационных технологий, идеологической и научно-технической политики в сферах, где могут использоваться информационные технологии; в узком – как выработку и реализацию государством его информационной функции и политики, ограниченная пространственными пределами. Сказанное, к сожалению, не всегда может подтверждаться на практике в силу различных обстоятельств (например, установления гегемонии других стран в киберпространстве, степени внедрения отечественных цифровых технологий в гражданский оборот, действий разработчиков, определяющих начала функционирования технологий). Все государства (или почти все), являющиеся лидерами по производству и использованию современных цифровых технологий, сегодня не обладают всеми характеризующими информационный суверенитет признаками и имеют недостаточную самостоятельность или полуавтономность⁶.

Заметим, что содержание более подвержено изменениям и рассматривается в динамике, в то время как форма и сущность – утвердившиеся в юридической науке статичные элементы.

¹ Кучерявый М. М. Государственная политика информационного суверенитета России в условиях современного глобального мира // Управленческое консультирование. 2014. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-informatsionnogo-suvereniteta-rossii-v-usloviyah-sovremennogo-globalnogo-mira-1> (дата обращения: 15.11.2023).

² Ефремов А. А. Технологический суверенитет vs фрагментация Интернета. URL: <https://rigf2023.ru/docs/efremov.pdf?ysclid=lrdu3tmy9j5206445158> (дата обращения: 15.11.2023).

³ Хунжуй Ч. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности : учеб. пособие / пер. с кит. В. Хунвей, В. Личжун, В. Юе. М.; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 6.

⁴ Закон Республики Таджикистан от 10.05.2002 № 55 «Об информации» (с изм. и доп. по состоянию на 27.11.2014). URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁵ Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 10.03.2022 № Р-1203/2022 «О состоянии конституционной законности в Республике Беларусь. URL: <https://continent-online.com/> (дата обращения: 15.11.2023).

⁶ Хунжуй Ч. Киберпространство и суверенитет. Введение в законодательство о кибербезопасности : учеб. пособие / пер. с кит. В. Хунвей, В. Личжун, В. Юе. М.; СПб. : Нестор-История, 2020. С. 199.

Таким образом, смысловые оттенки понятия «информационный суверенитет» в различных правовых порядках вытекают из соблазна практической необходимости правового регулирования. Четко и обстоятельно не выделяются признаки, раскрывающие содержание понятия, что объясняется его собирательным характером как индикатора, свидетельствующего о готовности государства быть независимым в обеспечении безопасности, защите от новых угроз, решении вопросов, имеющих первостепенное значение, к суверенитету государства в целом. В этой связи выработка универсальной методологической категории позволит сформировать отправные, руководящие начала и повысить эффективность в практическом решении задач, в том числе в сфере государственного управления, устранив системную неопределенность для выработки способов реализации целей, установления гарантий в других нормативных правовых актах.

Пальянова Н. В.

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Перспективы импортозамещения программного обеспечения в России

Санкции западных стран на импорт программного обеспечения в отношении России действуют с 2014 г. В России курс на использование исключительно российского программного обеспечения был объявлен еще в 2016 г., но с февраля 2022 их влияние многократно усилилось. Результатом стал взрывной рост спроса на Российское программное обеспечение (ПО) из «Единого реестра программного обеспечения для электронных вычислительных машин и баз данных»¹.

Ежегодно в нормативные акты Российской Федерации вносились корректировки и изменения, целью которых было обязать госзаказчиков всех уровней закупать программное обеспечение, разработанное и произведенное в России². Особенно чувствителен к запретам и ограничениям на поставку зарубежного аппаратного и программного обеспечения сектор, в котором информационные технологии стали базисом важнейшей составляющей сервиса. Противостоять санкциям призвана политика импортозамещения, которая реализуется уже не первый год³.

Сейчас, спустя два года начала санкционной политики, можно констатировать: в каких-то аспектах она даже работает, но никакой катастрофы и коллапса нет. Хотя, не во всех сегментах дела обстоят удовлетворительно⁴. Постановлением Правительства РФ установлено, что замене подлежат в первую очередь: процессоры и серверы, системы хранения данных, системы защиты данных, системы управления базами данных, операционные системы, офисные пакеты, прикладное программное обеспечение, интернет-браузеры, почтовые приложения.

Один из важнейших аспектов функционирования любого предприятия – обеспеченность вычислительными мощностями, то есть серверами. Официально процессоры двух основных производителей – Intel и AMD – в Россию больше не поставляются. Отечественных процессоров, пригодных для крупного бизнес-сектора, по сути, нет и не предвидится.

Однако по факту ограничения на доступности «железа» практически не сказались. С поставками проблем никаких нет. И даже уровень цен вернулся на прежние, «дофевральские», рубежи. Сегодня поставщики готовы закрыть любые потребности клиента и собрать практически любой сервер, включая основанный на самых современных процессорах от Intel (до 80 ядер) и AMD (до 128 ядер).

¹ URL: <https://pravo.ru/>.

² Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» // СПС «Гарант».

³ См.: Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : ООО «Амирит», 2023. 124 с. ; Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 14. Ст. 2242.

⁴ «Перечень антикризисных мер в 2022 г.» (КонсультантПлюс, 2022).

Если говорить именно об импортозамещении, то придется признать: с реальными альтернативами процессорам AMD или Intel в России на сегодня дела обстоят не лучшим образом. Да, существуют российские процессоры «Эльбрус» от МЦСТ и Baikal от «Байкал Электроникс», но по производительности они заметно отстают от решений Intel и AMD даже десятилетней давности. Кроме того, их производство сейчас остановлено, так как чипы выпускались на Тайване, на мощностях TSMC, которая от российских заказов отказалась. То же самое касается и оперативной памяти, которая также является незаменимым компонентом любого сервера или персонального компьютера. Оборудование, которое доступно сегодня на рынке под отечественными брендами – это сборки серверов, основанные в лучшем случае на комплектующих западных производителей, либо на железе от никому не известных азиатских заводов.

В основном выделяют два подхода к построению архитектуры приложений: монолит и микросервисы. У каждого из них есть свои плюсы и минусы. В частности, микросервисная архитектура позволяет привлекать одновременно несколько команд разработки для создания одного приложения. Микросервисы идеально подходят для работы в «облаках». А вот монолитная архитектура оказалась неспособной в полной мере использовать потенциал, заложенный в облаке. Микросервисы – это легкость и простота. Каждый модуль выполняет уникальную функцию и имеет небольшой размер. Ключевая идея микросервиса – независимость от окружающей среды и высокий уровень повторного использования. Модуль можно легко изменить, добавив или убрав необходимые опции. Выход из строя одного сервиса не приводит к остановке системы в целом. Всё это привело к тому, что сегодня микросервисный подход стал одним из мэйнстримов архитектуры приложений.

Важный сегмент серверного рынка – **Системы Хранения Данных**. Российских стабильных и отказоустойчивых СХД для крупных предприятий недостаточно. Чаще всего клиент, приобретая отечественное решение, сталкивается с необходимостью содержать несколько СХД вместо одной зарубежной, для обеспечения нужного уровня отказоустойчивости. Проблема в целом закрывается двумя реальными альтернативами: это либо «серый» импорт, либо решения от производителей из дружественных стран, например, от китайского Huawei.

Однако не стоит думать, что российских решений нет совсем. В недалеком будущем системы TATLIN и «Аэродиск» вполне смогут выступить в качестве реальной альтернативы. В сегменте систем резервного копирования также есть российские решения – «Кибер бэкап» и RuBackup. Их можно тестировать и внедрять в корпоративном сегменте. В сегменте решений по виртуализации существует более 25 российских продуктов, и часть из них вполне готовы к использованию в корпорациях. Основная задача сейчас – протестировать лидирующие решения, выбрать победителя и начинать осуществлять миграцию виртуальных серверов на новую платформу.

Вопрос по сетевому оборудованию также закрывается поставками решений из дружественных стран. Аналогичным образом решается и вопрос по межсетевым экранам, хотя российские альтернативы по данному классу решений присутствуют. В секторе систем защиты периметра потребности практически полностью закрываются «Лабораторией Касперского». Антивирусная защита Dr.Web позволяет информационным системам клиентов эффективно противостоять любым, даже неизвестным угрозам. В целом можно сказать, что ситуация в секторе сетей и телекоммуникаций стабильна. Кроме одного момента – есть проблемы в сегменте телефонии. Между тем это особо чувствительно для крупных потребителей информации, так как нестабильность в этом аспекте влечет прямые потери бизнеса. Приходится констатировать, что стабильного решения отечественной разработки, готового к внедрению в корпоративном сегменте, на рынке очень не хватает – этот сегмент мог бы стать важной точкой роста в плане развития импортозамещающих производств.

Вопрос эффективного функционирования любой крупной корпорации – это всегда большая и критически важная база данных. Между тем в корпорациях до сих пор используются системы управления базами данных (СУБД) зарубежной разработки. Чаще всего это решения Oracle, Microsoft SQL Server, SAP HANA, которые сегодня в России недоступны. Уже купленное и развернутое решение, конечно, будет продолжать работу, несмотря на отсутствие фирменной поддержки и обновлений.

Альтернатива отечественной разработки на самом деле есть – Postgres Pro DBMS. Сама по себе замена СУБД в рамках прикладных решений представляет собой длительный проект, который упирается в людские и финансовые ресурсы, необходимые для его реализации. Многие компании рассматривают

переход с Oracle на Postgres. Останавливает в основном низкая окупаемость проектов – это около 5 лет на крупную корпоративную систему, где основная логика реализована в базе данных.

Для решения задач, связанных с микросервисами или с управлением большим количеством малых баз данных, подойдет Tantor, созданная на базе той же Postgres. Для массивно-параллельных баз данных, используемых в хранилищах, подойдет открытые СУБД с открытой лицензией – Arenadata или Greenplum DB. Такие решения можно применять при наличии собственной команды для доработок – они наверняка потребуют дodelывания под конкретные потребности и бизнес-процессы корпораций. В целом в секторе СУБД альтернативы, в том числе российские, существуют, и они отработаны.

В любой корпорации используется широкий спектр прикладного программного обеспечения:

- системы управления клиентскими данными (*MDM*),
- решения класса бизнес-аналитики (*BI*),
- управления взаимоотношениями с клиентами (*CRM*),
- системы управления бизнес-процессами (*BPM*),
- автоматизированные банковские системы (*АБС*),
- системы электронного документооборота.

Программное обеспечение ранее всегда разворачивались с использованием СУБД зарубежных производителей. Сейчас эти системы активно мигрируют на тот же Postgres в качестве основной СУБД. Существуют новые решения локальных российских разработчиков, построенные на микросервисной архитектуре с использованием OpenSource-стека.

В секторе решений по управлению клиентскими данными *MDM*, проблемы нет. Существуют и давно внедряются российские решения на базе «1С» и специализированные разработки – «Единый клиент».

Для продуктов класса *BI* есть большое количество альтернатив как российской разработки, так и от вендоров из дружественных стран. Это же касается и СЭД – доступно множество российских разработок, а также и решения с открытым исходным кодом.

Некоторые проблемы заметны в секторе *CRM*. Ранее корпорации активно внедряли либо решения Microsoft Dynamics CRM, либо Oracle Siebel CRM, сейчас они недоступны в России. На рынке малого и среднего бизнеса присутствует довольно много российских разработок, и для небольшой организации подойдет простое решение на базе «1С». Но для крупной корпорации – придется внедрять индивидуально разработанную систему, либо что-то на базе аналогов *BPMSoft*.

Облака предоставляют возможность быстрого масштабирования, поэтому программисты, которые хотят оставаться в тренде, должны уделить особое внимание разработке программного обеспечения и созданию сервисов, активно использующих облачные технологии. Это сейчас один из основных запросов рынка. Однако до сих пор существуют определенные ограничения на использование таких решений в ряде отраслей. Яндекс Диск – одна из самых популярных облачных платформ в России. Воплотить инициативу введения запрета зарубежными компаниями на предоставление облачных услуг для клиентов РФ достаточно сложно с технической точки зрения. Скорее всего, в ближайшее время барьеры будут сняты, и мы станем свидетелями взрывного роста этого рынка.

Еще одна существенная проблема – почтовые сервера. Хотя российские решения в этом секторе существуют, с точки зрения стабильности они пока не дотягивают до Exchange от Microsoft. И это отличная возможность для отечественных разработчиков занять важную нишу на рынке.

Отдельный важный вопрос – прекращение коммерческой доступности решений от Microsoft – речь идет об операционных системах и пакете офисных приложений. Для замещения операционных систем можно использовать дистрибутивы Linux, в том числе отечественной разработки – есть *ASTRA Linux*, *ALT Linux*, Эльбрус. Но, увы, надо понимать, что большая часть прикладного программного обеспечения работает на сегодняшний момент только под Windows и процесс замены будет тяжелым, затратным и болезненным. Аналоги офисного ПО от Microsoft на рынке присутствуют. В первую очередь это «Мой офис» и «Р7-Офис». Функционально они вполне готовы заменить продукцию западных производителей.

Сейчас на рынке IT-решений не хватает таких привычных для пользователей Microsoft комплексных пакетов, с помощью которых можно сразу развернуть операционную систему, офисное ПО, сервисы для коммуникаций/видеоконференций, управление подписками, что позволяло бы гибко

управлять всем офисным ПО. Пока российские разработки IT-ресурсов очень разрознены, их надо подбирать, стыковать друг с другом, настраивать взаимодействие. Будем надеяться, что такие предложения в ближайшем будущем появятся.

Сегодня переиспользование готовых кусков кода в виде шаблонов и коробочных решений является одним из наиболее востребованных запросов на рынке разработки приложений, сайтов и сервисов. Так называемый подход LCNC (Low Code и No Code) направлен на создание информационных систем и цифровых сервисов без привлечения программистов или с минимальным их участием. Эта тенденция имеет простое объяснение. Цикл разработки ПО становится всё более сложным, а бизнес требует скорейшего результата. Поэтому команды разработчиков всё чаще создают программы, которые позволяют решить бизнес-задачу без привлечения «кодера», комбинируя нужные компоненты как в конструкторе. Таким образом, «кодим код для работы без кода».

Российским IT-разработчикам удалось значительно опередить западные страны в цифровизации целого ряда отраслей, в том числе и в сфере LegalTech¹. Можем похвастаться госуслугами в электронном виде, которыми пользуются почти 100 млн человек. Онлайн-банкинг – впереди планеты всей и даже задает мировые тренды. Западные эксперты также отмечают технологичность и высокие темпы развития российских экосистем такси, каршеринга и сервисов доставки. Поисковик «Яндекс» – в пятерке самых популярных в мире, а словарем и распознавателем текста АБВУЮ пользуются более ста миллионов человек. Отечественный антивирус «Касперский» востребован более чем в двухстах странах мира и насчитывает 400 млн юзеров. Российские разработчики умеют создавать инновационные и конкурентоспособные продукты мирового уровня, есть все основания насытить отечественный рынок достойным и качественным софтом, а также усилить позиции на международном уровне.

Наблюдается даже некоторое перенасыщение рынка отечественными IT-продуктами. На данный момент в «Едином реестре российских программ для электронных вычислительных машин и баз данных» более 16 тыс. записей об отечественных разработках². Это, конечно, хорошо, ведь конкуренция – двигатель прогресса. С другой стороны, эта избыточность часто сопровождается недостаточной технологичностью, не все, что опубликовано, можно реально считать продуктом.

Исход иностранных гигантов освободил большую долю рынка, которую с большим удовольствием занимают российские компании. Импортзамещение сегодня – это компромисс³. Заказчики вынуждены создавать новый IT-ландшафт, с одной стороны, удовлетворяющий потребностям бизнеса, с другой – принципам цифрового суверенитета России. И тут будут иметь преимущество те разработчики, которые смогут собрать полноценный ландшафт или решение из российских продуктов и удовлетворить все необходимые запросы бизнеса.

Мартынова Т. Л.

кандидат технических наук, доцент,
доцент кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Технологический суверенитет отрасли связи

Основной целью деятельности отрасли связи является обеспечение функционирования комплекса взаимосвязанных объектов цифровой инфраструктуры и сооружений связи, обеспечивающих телекоммуникационные, вычислительные и сетевые мощности, а также функционирование и развитие

¹ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / А. В. Минбалева, Т. А. Полякова, М. Б. Добраба [и др.]. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2023. 368 с.

² Постановление Правительства РФ от 23.03.2017 № 325 (ред. от 07.03.2018) «Об утверждении дополнительных требований к программам для электронных вычислительных машин и базам данных, сведения о которых включены в реестр российского программного обеспечения, и внесении изменений в Правила формирования и ведения единого реестра российских программ для электронно-вычислительных машин и баз данных» // СЗ РФ. 2017. № 14. Ст. 2062.

³ Пальянова Н. В. Юридические нормы и технические средства при импортзамещении программного обеспечения в России // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума : в 3 ч. М., 2023. С. 234–239.

информационного пространства с целью достижения максимально быстрой передачи информации в пространстве от первичного источника до конечного потребителя без обязательной необходимости ее конвертации. Важность отрасли связи определяется выполняемой ею ролью единой инфраструктуры связывающей все сектора экономики.

Принятая Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 г.¹ призвана содействовать достижению государственных целей по обеспечению национальной безопасности и технологического суверенитета, а также развитию экономики Российской Федерации в целом. Стратегия развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 г. является отраслевым документом стратегического планирования в части развития отрасли связи для гражданского применения в Российской Федерации.

Достижение технологического суверенитета в отрасли связи призвано обеспечить устойчивое функционирование единой сети электросвязи Российской Федерации. Риски и угрозы, оказывающие существенное влияние на работу российских сетей электросвязи связаны с санкционными ограничениями в части поставок телекоммуникационного оборудования и программного обеспечения, уходом с российского рынка иностранных производителей, зависимостью от иностранных производителей².

Под технологическим суверенитетом в отрасли связи понимается способность государства обеспечить управляемость сетями электросвязи и всеми пользовательскими устройствами (включая любые устройства, которые формируют электрический сигнал и передают информацию), находящимися в пределах территории Российской Федерации. Для оценки технологического суверенитета предлагается использовать комплексный показатель – управляемость сетями электросвязи и пользовательскими устройствами. Управляемость сетями электросвязи и пользовательскими устройствами – это способность государства обеспечить:

- самостоятельное управление сетью электросвязи, услугами, которые предоставляются с использованием сети электросвязи, и доступом к контенту на пользовательских устройствах при отсутствии доступа иностранных государств к системе управления телекоммуникационным оборудованием и сетью электросвязи, а также пользовательскими устройствами;

- самостоятельное техническое обслуживание телекоммуникационного оборудования, образующего сети электросвязи, и пользовательских устройств, подключаемых к сетям электросвязи Российской Федерации;

- возможность разработки и производства российских телекоммуникационного оборудования и пользовательских устройств на основе российских «сквозных» технологий либо наличие управляемых иностранных каналов поставок;

- устойчивое функционирование сетей электросвязи, телекоммуникационного оборудования и оконечных устройств;

- контроль подключения оконечных устройств, находящихся в границах Российской Федерации, к внешним сетям электросвязи без использования единой сети электросвязи Российской Федерации.

В Стратегии определено две основные формы обеспечения технологического суверенитета:

исследование, разработка и внедрение критических и «сквозных» технологий;

производство высокотехнологичной продукции, основанное на указанных технологиях.

Согласно Концепции технологического развития на период до 2030³ года под критическими технологиями понимаются отраслевые технологии, критически необходимые для производства

¹ Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2023 № 3339-р «Об утверждении Стратегии развития отрасли связи Российской Федерации на период до 2035 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 04.12.2023.

² Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : ООО «Амирит», 2023. 124 с. ; Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / А. В. Минбалева, Т. А. Полякова, М. Б. Добраба [и др.]. М. : ООО «Проспект», 2023. 368 с.

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с Концепцией технологического

важнейших видов высокотехнологичной продукции и создания высокотехнологичных сервисов, имеющие системное значение для функционирования экономики, решения социально-экономических задач и обеспечения обороны страны и безопасности государства. Сквозные технологии – это перспективные технологии межотраслевого назначения, обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков.

Достижения стратегической цели задачи «Построение на основе российских телекоммуникационных систем и оборудования современной информационной инфраструктуры Российской Федерации, обеспечивающей национальный контроль и устойчивость единой сети электросвязи Российской Федерации, повышение привлекательности отрасли связи в том числе для высококвалифицированных специалистов» определяется следующими показателями развития отрасли связи, характеризующими:

а) уровень технологического суверенитета:

уровень технологического суверенитета по видам продукции на основе критических технологий в фиксированной связи;

уровень технологического суверенитета по видам продукции на основе критических технологий в мобильной связи;

уровень технологического суверенитета по видам продукции на основе критических технологий в спутниковой связи.

б) надежность сетей связи:

уровень надежности (коэффициент готовности) в первичных сетях фиксированной связи;

в) темпы развития спутникового широкополосного доступа к сети «Интернет» с применением негеостационарных спутниковых систем связи:

количество космических аппаратов российской негеостационарной спутниковой системы связи и широкополосного доступа к сети «Интернет» с глобальным покрытием;

г) безопасность сетей связи критической инфраструктуры:

доля урегулированных в пределах установленного периода инцидентов информационной безопасности и мошеннических действий в общем числе зарегистрированных инцидентов в отраслевом центре государственной системы обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы Российской Федерации.

Положения Стратегии увязаны с мероприятиями государственной программы Российской Федерации «Информационное общество», государственной программы Российской Федерации «Космическая деятельность России»; национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Для достижения технологического суверенитета отрасли связи в Стратегии определены мероприятия по следующим направлениям: построение современной и защищенной телекоммуникационной инфраструктуры, внедрение новых технологических решений, развитие научного и кадрового потенциала, совершенствование нормативной правовой базы для предоставления гражданам, бизнесу и государству качественных, востребованных и конкурентоспособных услуг связи.

Таран К. К.,

кандидат юридических наук,
ассистент кафедры информационного права
и цифровых технологий Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
эксперт Центра цифровой экономики
и финансовых инноваций МГИМО МИД России

Правовая оценка цифровой трансформации бизнеса в условиях санкционного давления

Цифровая трансформация представляет собой трансформацию бизнеса путем пересмотра бизнес-стратегии, моделей, операций, продуктов, маркетингового подхода, целей и т.д. путем принятия цифровых технологий и их использования при ведении предпринимательской и иной деятельности.

Цифровая трансформация является довольно обширной, она распространяется не только на компании в ИТ-секторе, но и на государственные органы. Вопросы цифровой трансформации активно обсуждаются в научной и практической области юриспруденции. К. С. Евсиков подробно рассматривает процессы цифровой трансформации государственного управления, реализации государственного управления, поднимает вопросы безопасного использования данных, в том числе и персональных¹.

Цифровая трансформация затрагивает компании, которые работают в отличных от ИТ-сектора сферах, таких как: добыча энергоресурсов, например, компания ПАО «Роснефть» уже длительное время реализует такие проекты, как цифровые двойники скважин и производственных объектов, цифровой завод, развивает и использует собственное ПО², нефтехимическая компания «Сибур» увеличивает объем прибыли за счет использования информационных технологий³.

Какие технологии используются различными компаниями и государственными органами? Искусственный интеллект, нейросети, виртуальная реальность, цифровые валюты, цифровые квазивалюты, токены, блокчейн, облачные хранилища информации и облачные технологии, различные виды видео-конференц связи, технологии для обработки данных, в том числе больших данных. Перечень может быть бесконечным с учетом того, что многие технологии являются сквозными, т.е. они будут модифицированы, изменены или заменены в будущем новыми технологиями, т.е. будут так называемой основой для развития права и технологий.

Внутренние факторы цифрового развития компаний и государственных органов

Цифровая трансформация выражается в составлении стратегии цифровой трансформации компании, для государственных компаний были разработаны Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием⁴; введению новых должностей, таких как директор по цифровой трансформации (англ. Chief Digital Transformation Officer), директор по работе с данными (англ. Chief Data Officer); наличие цифрового менеджмента – специалистов, которые будут обладать комплексными навыками управления цифровыми продуктами и понимать технические особенности реализации проектов цифровой трансформации в компании.

Ввиду того что цифровая трансформация требует существенных усилий руководства и сотрудников компании по внедрению и адаптации технологий и процессов к инновациям, возникает ряд правовых проблем:

¹ Евсиков К. С. Государственно-правовые концепции использования информационных технологий в государственном управлении // Lex russica. 2022. Т. 75. С. 79–80.

² «Роснефть» сегодня. ПАО «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/about/Glance/> (дата обращения: 28.11.2023).

³ Цифровизация и трансформация процессов к 2023 году принесли СИБУРУ более 30 млрд руб. Сибур. URL: <https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/tsifrovizatsiya-i-transformatsiya-protseessov-k-2023-godu-prinesli-siburu-bolee-30-mlrd-rublej/> (дата обращения: 28.11.2023).

⁴ Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием (утв. Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ 31 августа 2022 г.) // СПС «Гарант» (дата обращения: 28.11.2023).

- Изменения в корпоративной культуре требуют прозрачности и открытости бизнес-процессов для повышения функциональности, и результативности бизнес-процессов. Для повышения качества работы среди сотрудников должна проводиться просветительская деятельность, а также повышение уровня квалификации кадров.

- Недостаток финансирования – это достаточно частая ситуация, с которой могут столкнуться директор по цифровой трансформации, директор по информационным технологиям и директор по данным. В целях экономии ресурсов компании могут сэкономить на том, чтобы внедрить в корпоративную структуру только одну из данных должностей и добавить ряд полномочий сотрудникам-менеджерам. Такая модель отчасти эффективна, так как позволяет потратить большее количество средств именно на закупку технологии и ее внедрение. Но такая ситуация допустима скорее для небольших компаний, который пробуют использовать инновацию, для крупных компаний недостаток квалифицированных сотрудников или передача полномочий одному лицу, в подразделении которого не будет команды, обладающей соответствующими компетенциями, не приведет к желаемому успеху. Более того, при выборе цифровой инновации сложно фактически оценить ее дальнейшую финансовую выгоду и период, когда она начнет ее приносить. Важно также отметить и тот факт, что любая цифровая инициатива затрагивает сразу несколько процессов в компании и правовых вопросов.

- Недостаточная аналитика при работе с большими данными. Данная проблема связана как с недостаточной компетенцией сотрудников, так и с тем, что процессы анализа, сбора и обработки больших данных в компании не налажены на то, чтобы выявлять проблемы, риски, проводить актуализацию направлений деятельности и т.д.

Скорость осуществления цифровой трансформации зависит от многих факторов: финансирование, величина экономических издержек, экономическая эффективность, скорость и восприимчивость организации к введению изменений, наличие налаженной корпоративной структуры, переквалификация персонала и набор новых специалистов и т.д. Скорость зависит от конкретной компании, ее объема производства или оказываемых услуг, количества сотрудников, технологической оснащенности и иных факторов, относящихся к данной конкретной компании. Крайне важными являются условия, которые предоставляет государство для ИТ-компаний и компаний, которые внедряют в свою деятельность информационные технологии. Условия, влияющие на скорость цифровой трансформации, являются общими для различных видов компаний.

Внешние факторы цифрового развития компаний и государственных органов

С учетом текущей внешнеполитической ситуации по отношению к России иностранными государствами были возложены санкции политического и экономического характера, которые включают ряд запретов на экспорт информационных технологий, программного обеспечения в Российскую Федерацию.

Среди государств, которые ввели санкции против РФ, затрагивающие сферу информационных технологий, можно выделить: Великобританию, США, Канаду, Южную Корею и др. Санкционные ограничения по отношению к РФ были введены и Европейским Союзом.

С одной стороны, влияние санкций крайне негативно, потому что многие пользователи привыкли к иностранной продукции и программному обеспечению. С другой стороны, санкции являются реальным стимулом к развитию национальной ИТ-промышленности и отечественного программного обеспечения и стимулируют переход к собственным программным продуктам и решениям в России.

В России выделилось следующие модели развития, которые сопровождают цифровую трансформацию:

- Импортозамещение данное направление позволит Российской Федерации повысить собственный уровень технологического развития страны и перейти на национальные ИТ-продукты и технологии.

- Параллельный импорт. Сложная модель с точки зрения реализации, поскольку иностранные государства препятствуют ввозу в РФ технологической продукции, а также есть вопросы касательно качества ввозимой продукции, которая может быть несертифицирована.

- Создание дочерних компаний на территории иностранных государств.

Модель импортозамещения реализуется в текущих условиях достаточно успешно и государство способствует развитию данной модели. И наиболее приоритетным направлением является развитие своей технологической инфраструктуры.

Комплексность развития

Развитие IT-сектора в любой стране сопровождается техническими и правовыми сложностями. В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. Н. Клочкова, А. А. Ефремов выделяют и правовые проблемы, и вопросы, связанные со стандартизацией и техническим регулированием, говорят о важности планирования и соблюдения плана и др.¹ Вопросы, рассматриваемые учеными тесно взаимосвязаны, поэтому решение одной из проблем напрямую затрагивает остальные. В связи с тем, что уровень развития компаний и государственных органов ввиду влияния внутренних и внешних факторов нельзя привести к единому знаменателю, предполагается, что наиболее эффективным инструментом для развития представляет собой стратегия цифровой трансформации, которая должна быть максимально детальной и основательно проработанной для различных рисков и положительных/негативных сценариев развития².

Шельменков В. Н.

эксперт отдела научно-правового консалтинга
Научно-исследовательского института,
старший преподаватель кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Отношение к морально-этическим аспектам при использовании современных биомедицинских технологий

Представителями юридической науки отмечается, что отечественная практика решения вопросов правового регулирования клеточных технологий и оборота биомедицинских клеточных продуктов путем принятия специальных законов, с одной стороны, позволяет быстро реагировать на происходящие изменения в сфере биомедицинских технологий, но с другой – не соответствует уровню проблематики, в рамках которой затрагиваются базовые права человека³.

Выдающиеся достижения в области биологических и медицинских наук, открывающие огромные возможности биомедицины XXI в., одновременно с повышением эффективности диагностики и качества лечения скрывают в себе большие риски для человека, связанные с неконтролируемым использованием новых знаний в области клеточных технологий и генетики и вмешательством в наследственность человека, которые требуют своевременного решения вопросов правового и этического характера⁴.

На данный момент генно-инженерная деятельность и получение биомедицинских клеточных продуктов не являются рутинной деятельностью, которая может обеспечить полную безопасность для каждого пациента. Не считая того, что существует возможность появления генетических мутаций и риска развития онкологических заболеваний в результате применения стволовых клеток с неограниченным сроком действия, существует риск увеличения количества онкологических заболеваний как побочный эффект использования стволовых клеток. В силу новизны биомедицинских технологий возможны и врачебные ошибки.

¹ Государственное управление в сфере стимулирования развития информационных технологий: проблемы и направления совершенствования / В. Н. Южаков, Э. В. Талапина, Е. Н. Клочкова, А. А. Ефремов // Журнал юридических исследований. 2017. Т. 2. № 3. С. 95.

² Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : ООО «Амирит», 2023. 124 с.

³ Романовский Г. Б. Биомедицинское право в России и за рубежом : монография // Биомедицинское право в России и за рубежом : монография / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М. : Проспект, 2015. 364 с.

⁴ Белоусов Д. Р. Развитие науки и технологий: возможности и риски для общества : монография / Д. Р. Белоусов, А. Ю. Апокин, Е. А. Пенухина, Е. М. Сабельникова, И. С. Фролов. М. : МГИУ, 2015. 156 с.

Принимая во внимание возможные риски геномных технологий, декларация о геноме человека и правах человека, принятая 11 ноября 1997 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО, стала первым всеобъемлющим правовым актом в области биологии¹. Достоинством этого документа является достигнутая в нем сбалансированность между гарантированным соблюдением прав и основных свобод человека и необходимостью обеспечения свободы исследований.

В стремлении к всестороннему обеспечению прав и основных свобод человека в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права для всех, вне зависимости от расовой, этнической принадлежности, языка, религии, политических или иных убеждений, в том числе права на равный и справедливый доступ к результатам научно-технического прогресса и их практическому применению на XXIX пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ были приняты Рекомендации «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах – участниках СНГ»².

В Российской Федерации права и свободы человека и гражданина гарантируются в соответствии с Конституцией³, декларирующей, что «человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2). Основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». В части 2 ст. 21 Конституции РФ содержится прямой запрет на проведение медицинских опытов без согласия человека. Статья 41 Конституции РФ прямо закрепляет право на охрану здоровья и медицинскую помощь: «каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь. Медицинская помощь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения оказывается гражданам бесплатно за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений».

В России сегодня также действует несколько этических документов, закрепляющих правило, сформулированное в ст. 73 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в РФ»⁴, согласно которому медицинские работники в своей деятельности должны руководствоваться принципами медицинской этики и деонтологии, а также уважительного и гуманного отношения со стороны медицинских работников и иных работников медицинской организации.

К таким документам, принятым российским врачебным сообществом относятся:

- Этический кодекс российского врача (утвержден 4-й Конференцией Ассоциации врачей России в ноябре 1994 г.)⁵;
- Кодекс врачебной этики (одобрен III (XIX) Всероссийским Пироговским съездом врачей 7 июня 1997 г.)⁶;
- Медико-социальная хартия Российской Федерации (принята IV (XX) Всероссийским Пироговским съездом врачей 16 апреля 2004 г.)⁷;

¹ Всеобщая декларация о геноме человека и о правах человека от 11.11.1997 г. // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (международные документы и аналитические материалы) / сост. В. И. Иванов, Б. Г. Юдин. М., 1998. С. 99–114.

² Рекомендации «Об этико-правовом регулировании и безопасности генетических медицинских технологий в государствах – участниках СНГ» // XXIX пленарное заседание Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. Постановление от 31.10.2007 № 29-12 // URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov (дата обращения: 13.12.2023).

³ Конституция Российской Федерации 12.12.1993 // Российская газета. 25 декабря 1993 г. № 237.

⁴ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2008. № 48. Ст. 6724.

⁵ Этический кодекс российского врача (утвержден 4-й Конференцией Ассоциации врачей России в ноябре 1994 г.) // URL: <https://studfile.net/preview/2252971/> (дата обращения: 11.12.2023).

⁶ Кодекс врачебной этики (одобрен III (XIX) Всероссийским Пироговским съездом врачей 7 июня 1997 г.) // URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=257618> (дата обращения: 12.12.2023).

⁷ Конвенция о правах и обязанностях врачей в Российской Федерации (принята V (XXI) Всероссийским Пироговским съездом врачей 16 апреля 2004 г.) // Российская медицинская ассоциация/ URL: <http://www.rmass.ru/publ/info/kony> (дата обращения: 12.12.2023).

- Конвенция о правах и обязанностях врачей в Российской Федерации (принята V (XXI) Всероссийским Пироговским съездом врачей 16 апреля 2004 г.)¹;
- Кодекс профессиональной этики врача Российской Федерации (принят Первым национальным съездом врачей Российской Федерации (г. Москва, 5 октября 2012 г.)².

К направлениям биотехнологий, которые связаны с высоким риском нарушения прав личности и вызывают наиболее острую дискуссию по поводу их применения относятся пересадка органов и клеток, использование эмбриональных стволовых клеток в терапевтических целях и клонирование³.

Уровень интереса к исследованиям и медицинским применениям эмбриональных стволовых клеток человека в последние годы значительно возрос, что обусловлено их перспективным применением в онкологии, гематологии, трансплантологии, генной терапии, тестировании лекарств, в других областях медицины. Современные клеточные технологии не до конца изучены и имеют ограниченный потенциал для использования. Неясно, в каком режиме они работают, какова продолжительность их полезного воздействия на организм пациента и какова степень их положительного влияния на течение болезни, а также не определены отдаленные последствия трансплантации клеточного продукта. Исходя из этого, широкое применение биомедицинских клеточных продуктов в медицинской практике возможно только при строгом соблюдении этических норм, которые направлены на защиту прав и интересов человека⁴.

Статья 5 проекта закона «О биомедицинских клеточных продуктах»⁵ четко устанавливает (ч. 1), что для приготовления клеточных линий, предназначенных для производства БМКП, могут использоваться исключительно клетки человека живого или человека, в отношении которого констатирована смерть, включая клетки оболочек плода оболочек плода человека, выделенные из плаценты, вартониева студня пуповины и пуповинной крови человека после родов.

Применяя иные клетки для приготовления клеточных линий, предназначенных для производства биомедицинских клеточных продуктов, не допускается и несет за собой ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Статья 4 законопроекта четко говорит о том, что не допускается создание эмбриона человека для производства БМКП и использование биоматериала, полученного в результате прерывания или нарушения развития эмбриона или плода человека.

В соответствии с принципами биоэтики, отказ от эмбрионального материала в пользу постнатальных стволовых клеток для получения БМКП является положительным примером.

Согласно новому законопроекту, в статье 14 говорится о проведении этической экспертизы, которая проводится «с целью получения заключения об этической обоснованности возможности проведения клинического исследования биомедицинского клеточного продукта». Эксперты по этике могут быть представителями медицинских, научных, образовательных организаций высшего образования, общественных организаций, религиозных организаций и средств массовой информации.

¹ Конвенция о правах и обязанностях врачей в Российской Федерации (принята V (XXI) Всероссийским Пироговским съездом врачей 16 апреля 2004 г.) // Российская медицинская ассоциация/ URL: <http://www.rmass.ru/publ/inf/konv> (дата обращения: 12.12.2023).

² КонсультантПлюс: сайт. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2023).

³ Никитина А. Е. Правовое регулирование биомедицинских технологий (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 283 с.

⁴ Добробаба М. Б. Искусственный интеллект в государственном управлении: новые возможности и новые угрозы // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели. XXII Международная научно-практическая конференция; XXIII Международная научно-практическая конференция Юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова : в 5 ч., Москва, 23–25 ноября 2022 года. Том Часть 2. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 263–267; Минбалеев А. В. Этическое регулирование использования искусственного интеллекта при проведении медицинских и генетических исследований // Генетические технологии и право в период становления биоэкономики / отв. ред. А. А. Мохов, О. В. Сушкова. М. : ООО «Проспект», 2020. С. 78–85; Минбалеев А. В. Формирование этического регулирования искусственного интеллекта в мире // Третьи Бачиловские чтения. Цифровая трансформация: вызовы праву и векторы научных исследований : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 7 февраля 2020 г. М. : ООО «Проспект», 2020. С. 176–184; Минбалеев А. В. Проблемы цифрового права. Саратов : Амирит, 2022. С. 126–130.

⁵ КонсультантПлюс: некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2023).

Биологи смогли «заставить работать» соматические клетки на передачу генетической информации, используя перенос ядра соматической клетки в яйцеклетку, которая лишена ядра. Это стало началом развития исследований по клонированию.

Сегодня учеными четко разграничивается «репродуктивное» клонирование, цель которого – создание целого живого организма, идентичного другому организму по генотипу, и «терапевтическое» клонирование, при котором развитие эмбриона останавливается в течение 14 дней и биоматериал может использоваться для выращивания колонии стволовых клеток, для лечения многих заболеваний – рассеянный склероз, болезнь Альцгеймера, паркинсонизм, инфаркт миокарда, недостаточность регенерации костной или хрящевой ткани, при черепно-лицевых травмах, БАС, сахарном диабете I типа, других. После 14-дневного срока развития эмбриона, в его развитии начинается процесс формирования центральной нервной системы, и уже сформировавшийся конгломерат клеток (эмбрион, бластоцист) можно считать полноценным живым существом. Другие исследователи утверждают, что эмбрион представляет собой оплодотворенную яйцеклетку в течение 24 часов после ее оплодотворения, и уже через 12 дней после этого он начинает проявлять свои индивидуальные особенности, которые будут характерны для будущего человека. По сути, проблема определения правового статуса эмбриона является одной из наиболее сложных проблем, которая касается применения эмбриональных клеток человека. Многие считают, что терапевтическое клонирование является первым шагом к репродуктивному клонированию, так как оно не предполагает естественного слияния генетического материала отца и матери, что может восприниматься как вызов для человеческого достоинства. Кроме того, при проведении процедуры клонирования могут возникнуть некоторые технические проблемы, которые могут привести к повреждению здоровья клона, а также к множеству мутаций и быстрому старению. В связи с этим Федеральным законом от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»¹ вводится временный запрет на клонирование человека, следуя принципам уважения человека, признания ценности личности, необходимости защиты прав и свобод человека и учитывая недостаточно изученные биологические и социальные последствия клонирования человека. Согласно статье 2 данного закона, эмбрион человека – это жизнеспособный зародыш человека, который находится на стадии развития до восьми недель. В период с 9 недели беременности эмбрион называется плодом. Плод – это человеческий организм, который начинает свое развитие внутриутробно, начиная с 9-й недели беременности до момента рождения. Он называется фетальным периодом внутриутробного развития. С 9-й недели беременности, когда начинается процесс формирования организма, его называют эмбрионом или зародышем².

Срок действия закона о запрете клонирования истек в 2007 г., в связи с чем в 2010 г. был принят Федеральный закон от 29.03.2010 № 30-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека»³, которым в России продлевается временный мораторий на репродуктивное клонирование. В соответствии с настоящим законом, до вступления в силу федерального закона, который регулирует порядок использования технологий клонирования организмов для создания человека, будет введен временный запрет на клонирование человека. Из-за того, что в будущем будут использоваться новые технологии клонирования организмов и их материалы, существует возможность продлить запрет на использование технологий для клонирования человека или же его отменить по мере развития научных знаний в данной области

¹ Федеральный закон от 20.05.2002 № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // СЗ РФ. 2002. № 21. Ст. 1917.

² КонсультантПлюс: сайт: некоммерч. интернет-версия. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.12.2023).

³ Федеральный закон от 29.03.2010 № 30-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона «О временном запрете на клонирование человека» // СЗ РФ. 2010.-№ 14.-С т. 1550.

Игумнов В. В.аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**Правовое обеспечение цифрового профилирования как составляющей суверенитета России**

Одним из главных направлений развития информационных технологий является обеспечение взаимодействия государства и гражданского общества в цифровой среде. В настоящее время становится очевидным, что информационные и цифровые технологии позволяют субъектам хозяйственной жизни решать многие проблемы, существующие при традиционном формате взаимодействия граждан, государства и общества¹. Цифровые технологии также позволяют государству собирать и обрабатывать информацию о гражданах и организациях, создают возможность отслеживать показатели их деятельности, а также обеспечивают национальную безопасность и экономическое развитие².

Осознав важность информации для развития современных технологий, Россия вступила на путь информационной и цифровой трансформации. Важным элементом технологического развития государства и обеспечения информационного суверенитета является правовое регулирование общественных отношений, связанных с применением цифровых технологий, которое осуществляется за счет разработки и реализации базовых принципов и норм информационного права, а также положений его отдельных институтов, которые регулируют распространение и степень использования технологий³.

Цифровое профилирование является одним из компонентов системы публичного управления и позволяет заложить основы для эффективного использования новых технологий в деятельности государственных и муниципальных органов власти и организаций, раскрыть потенциал существующей организационной и технологической структуры управления⁴, а также создать условия для оперативного и безопасного обмена информацией о физических лицах, юридических лицах и индивидуальных предпринимателях.

Цифровое профилирование имеет значительное влияние на суверенитет государства, поскольку данный инструмент активно используется государством и организациями для повышения эффективности своей работы, быстрого и качественного оказания услуг, предоставления пользователям необходимой информации. В связи с этим в статье автором рассматриваются основные аспекты правового обеспечения цифрового профилирования в России и его роль в поддержании суверенитета страны.

Правовое обеспечение цифрового профилирования является важным аспектом суверенитета России в цифровом мире. Поэтому в целях обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации стратегически важным является решение теоретических вопросов, связанных с определением природы публично-правовых отношений, складывающихся в процессе цифрового профилирования. Кроме того, проработанность научно-теоретических подходов к пониманию цифрового профилирования позволит обеспечить совместимость информационного законодательства с нормативными правовыми актами иных отраслей права.

Следует отметить, что цифровое профилирование в России основывается на положениях стратегических документов, определяющих цели, принципы, задачи и сценарии развития

¹ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / А. В. Минбалева, Т. А. Полякова, М. Б. Добраба [и др.] М. : Проспект, 2022. 368 с.

² Чубукова С. Г. Стратегии развития информационного общества и направления развития законодательства // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 67–72.

³ Добраба М. Б., Чаннов С. Е. Цифровое профилирование гражданских служащих как способ повышения эффективности дисциплинарной ответственности в системе государственной службы // Юридический мир. 2022. № 11. С. 32–36.

⁴ Организационное и правовое обеспечение информационной безопасности : учебник и практикум / Полякова Т. А., Стрельцов А. А., Чубукова С. Г., Ниесов В. А. М., 2016. Серия 61, Бакалавр и магистр. Академический курс. 325 с.

цифровизации публичного управления, а также источники и механизмы обеспечения реализации этих целей¹.

Основные стратегические акты подчеркивают приоритетность национальной безопасности Российской Федерации, которая обеспечивается в том числе за счет охраны суверенитета Российской Федерации. Отдельно упоминается, что целью обеспечения информационной безопасности является укрепление суверенитета в информационном пространстве.

В качестве информационных угроз, направленных на подрыв суверенитета, выделяются следующие:

1) использование специальными службами иностранных государств возможностей информационных технологий и средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации;

2) повышение сложности, увеличение масштабов и рост скоординированности компьютерных атак на объекты критической информационной инфраструктуры;

3) нарастание угроз применения информационных технологий в целях нанесения ущерба суверенитету Российской Федерации;

4) применение информационных технологий в военно-политических целях, противоречащих международному праву;

5) использование информационных технологий для пропаганды дискриминации в целях подрыва суверенитета и т.д.

Основным стратегическим документом, упоминающим понятие «цифровой профиль» является Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», в рамках которой был разработан паспорт федерального проекта «Цифровое государственное управление»².

Цифровой профиль является элементом системы цифрового профилирования, которая представляет собой совокупность общественных отношений, возникающих при осуществлении цифрового профилирования, и включает в себя комплекс правовых, организационных, программных, программно-аппаратных и технических средств, обеспечивающих цифровое профилирование с использованием инфраструктуры цифрового профиля. Инфраструктура цифрового профиля разрабатывается в рамках эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах. Порядок его проведения регулируется специальным положением³.

Что касается цифрового профилирования, то его основными функциями являются: получение, обработка, использование и предоставление данных о физических лицах, юридических лицах и индивидуальных предпринимателях различным пользователям, запрашивающим сведения из инфраструктуры цифрового профиля⁴; управление профилируемыми лицами своими данными и

¹ Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030-

е годы» // СЗ РФ. 2017. № 20, Ст. 2901 ; Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351 ; Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2020. № 30, Ст. 4884 ; Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 49, Ст. 6887 ; Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50, Ст. 7074.

² Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утвержден президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) // Официальный сайт Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. URL : <https://digital.gov.ru> (дата обращения: 23.10.2023).

³ Постановление Правительства РФ от 03.06.2019 № 710 «О проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах» (вместе с Положением о проведении эксперимента по повышению качества и связанности данных, содержащихся в государственных информационных ресурсах) // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2963.

⁴ Минбалеев А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2022. Т. 22. № 1. С. 110–116; Минбалеев А. В., Титова Е. В. Цифровой профиль спортсмена: проблемы правового регулирования и защиты // Человек. Спорт. Медицина. 2021. Т. 21. № 52. С. 154–160.

наличие бесперебойного доступа к ним; оказание содействия лицам в получении ими государственных и муниципальных услуг; обеспечение безопасности, конфиденциальности и доступности инфраструктуры цифрового профиля в части обмена сведениями, содержащимися в публичных информационных системах и т.д.¹

В связи с этим в целях развития теории информационного права и для практического применения в процессе реализации государственными и муниципальными органами власти своих полномочий, представляется необходимым определить цифровое профилирование как процесс сбора, хранения, обработки, использования и предоставления цифровых данных о физических лицах, юридических лицах и индивидуальных предпринимателях, содержащихся в цифровом профиле, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг, исполнения государственных и муниципальных функций в электронной форме, реализации государственных и муниципальных задач по повышению качества и связанности данных, а также для предоставления сведений и документов о соответствующих субъектах цифрового профилирования пользователям данных цифрового профиля с помощью инфраструктуры цифрового профиля, в том числе по инициативе или с согласия субъекта цифрового профилирования.

В России ответственность за контроль, координацию и техническую поддержку проведения эксперимента в сфере цифрового профилирования возложена на различные государственные органы, такие как Минцифры России, МВД России, ФСБ России, Минэкономразвития России и на ряд других органов и организаций. Они отвечают за обеспечение соответствия проведения эксперимента законодательству, контроль за обработкой данных, а также за защиту информации от несанкционированного доступа и недопущение иных угроз информационной безопасности.

Правовое обеспечение цифрового профилирования играет ключевую роль в обеспечении суверенитета России в следующих сферах:

1. Защита национальной безопасности. Регламентация цифрового профилирования позволит государству контролировать и предотвращать возможные угрозы национальной безопасности в сфере персональных данных, государственной, служебной, коммерческой, профессиональной и иных видов тайн, защите объектов критической информационной инфраструктуры и т.д.

2. Развитие экономики. Правовое обеспечение цифрового профилирования способствует развитию экономики, поскольку оно позволит обеспечить защиту данных о гражданах и организациях от несанкционированного доступа, сократит количество правонарушений и преступлений в сфере информации и персональных данных². Также цифровое профилирование создаст возможность предоставления оперативного и безопасного доступа к данным в силу закона или согласия, позволит компаниям быстрее и качественнее оказывать услуги и создавать на основе имеющихся сведений о профилируемых лицах новые технологии и информационные продукты.

3. Совершенствование оказания государственных и муниципальных услуг. Правовое обеспечение цифрового профилирования поможет органам публичной власти и подведомственным органам и организациям улучшить качество предоставления государственных и муниципальных услуг, устранить бюрократические барьеры, снизить до минимума бумажный документооборот, за счет чего повысить эффективность работы публичных органов власти.

В настоящее время в основе правового обеспечения цифрового профилирования лежат Конституция Российской Федерации, федеральные законы, касающиеся защиты информации, а также регулирующие процесс доступа к ней и ее обработки, в частности, законы об информации, защите

¹ Виноградова Е. В., Полякова Т. А., Минбалева А. В. Цифровой профиль: понятие, механизмы регулирования и проблемы реализации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 4. С. 5–19.

² Пальянова Н. В. Правовые вопросы защиты персональных данных при работе в удаленном доступе / Московский юридический форум онлайн – 2020 : сборник тезисов докладов : в 4 ч. М., 2020. С. 176–182; Минбалева А. В. Проблемы гражданско-правовой защиты личных неимущественных прав в процессе цифрового профилирования граждан // Гражданское право. 2022. № 2. С. 9–11; Минбалева А. В., Филоненкова В. А. Проблемы защиты персональных данных и цифрового профиля человека в сети Интернет в условиях пандемии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2020. Т. 20. № 3. С. 89–94.

персональных данных, функционирования государственных информационных систем, предоставлении государственных и муниципальных услуг, а также законы об объектах критической информационной инфраструктуры и об осуществлении идентификации и аутентификации. К источникам правового регулирования цифрового профилирования также относятся подзаконные акты в сфере реализации концепции электронного правительства, функционирования Единой системы идентификации и аутентификации, национальной системы управления данными и другие нормативные акты.

Кроме того, суверенитет России в области цифрового профилирования также обеспечивается за счет развития отечественной технологической базы и программного обеспечения. Россия активно развивает собственные технологии, такие как блокчейн, большие данные, квантовые технологии, облачная квалифицированная электронная подпись и биометрические системы, которые могут значительно улучшить цифровое профилирование и обеспечение информационной безопасности данных цифрового профиля¹.

Всё это позволит государству контролировать доступ к данным, хранящимся в публичных информационных системах², анализировать их и предоставлять сведения по запросу граждан, организаций, государственных и муниципальных органов власти обеспечивая соблюдение законодательства о национальной безопасности. Применение данных технологий в публичном управлении также требует развития информационного законодательства.

Таким образом, российское законодательство должно быть адаптировано к современным требованиям цифрового мира. Для этого требуется разработать и внедрить законодательные акты, регулирующие сферу цифрового профилирования, а также создать механизмы контроля и надзора за процессом цифрового профилирования.

В результате исследования стоит подчеркнуть, что правовое обеспечение цифрового профилирования является ключевым аспектом суверенитета Российской Федерации, создает условия для обеспечения безопасности и национальной целостности страны, что в дальнейшем позволит активно развиваться в области цифровых технологий, защищать свои интересы, контролировать оборот персональных данных и развивать экономику в современном цифровом мире.

Окишев Б. А.

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Проблема правового определения понятия «передача персональных данных» в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»

Проблема правовой определенности понятия «персональные данные» и связанных с ним терминов, используемых в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», неоднократно поднималась в научной литературе³. Под передачей персональных данных, в

¹ Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104; Polyakova T. A., Naumov V. B., Minbaleev A. V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. № 1. С. 139–

147; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Наумов В. Б. Правовое регулирование квантовых коммуникаций в России и в мире // Государство и право. 2022. № 5. С. 104–114.

² Чубукова С. Г. К вопросу о правовом регулировании информационных систем // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2017. № 4 (26). С. 41–44.

³ Добробаба М. Б. Понятие персональных данных: проблема правовой определенности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 2 (102). С. 42–52; Минбалеев А. В. Проблемные вопросы понятия и сущности персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 4–9; Брызгин А. А., Минбалеев А. В. Правовой режим биометрических персональных данных // Вестник УрФО. Безопасность в и

соответствии со статьей 3 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – Федеральный закон № 152-ФЗ)¹, понимается распространение данных, предоставление персональных данных и доступ к персональным данным. Однозначного определения «передачи» в законе не содержится, но в тексте закона формулировка дана следующим образом: «...передачу (распространение, предоставление, доступ)...». Таким образом, понятие «передача» вмещает в себя три понятия (распространение, предоставление, доступ).

Интересно отметить тот факт, что в Федеральном законе № 152-ФЗ термин «распространение персональных данных» означает передачу персональных данных неограниченному кругу лиц, тогда, как термин «предоставление персональных данных» означает передачу персональных данных определенному, ограниченному кругу лиц. В Федеральном законе № 152-ФЗ термина «доступ» нет, но из закона следует, что передача персональных данных может быть реализована путем передачи доступа к персональным данным двумя способами соответственно: распространению доступа – неограниченному доступу или предоставлению доступа – ограниченному доступу лиц.

То есть термин «доступ» имеет созависимый смысл от других терминов. Логически данные определения имеют разный объем и непропорционально вмещают, и описывают друг друга. Схема кругов Эйлера, на которой отображено действительная логическая связь понятия «передача персональных данных» размещена на схеме № 1.

Схема № 1. Логическая схема понятия «передача персональных данных».

Важно отметить, что закон предусматривает отдельное правовое регулирование, своего рода надстройку, к понятию «трансграничная передача персональных данных», под которой понимает распространение, предоставление, доступ персональных данных на территорию иностранного государства органу власти иностранного государства, иностранному физическому лицу или иностранному юридическому лицу в соответствии с пунктом 3 подпунктом 11 Федерального закона № 152-ФЗ. Понятие не влияет на результат выводов данной статьи и не несет правовых последствий при реализации мер, приведенных в выводе.

Построение цепочки взаимосвязанных и тесно связанных определений по текущей схеме (Схема № 1) интересно тем, что правовое регулирование, ответственность и меры защиты персональных данных при предоставлении и распространении сильно различаются. Кроме прочего, для каждого типа «передачи» персональных данных требуется особый тип согласия на передачу персональных данных. Например, требуется отдельное согласие на распространение персональных данных. Тогда, когда для предоставления персональных данных, требуется указать конкретный перечень третьих лиц, кому будут предоставляться персональные данные.

Обобщающее понятие «передача персональных данных» консолидирует разные по своей сути правовые понятия, влекущие впоследствии разную обработку персональных данных для субъекта права, что вводит в заблуждение субъектов обработки персональных данных. В законе не приведены самостоятельные определения каждого отдельного термина, что влечет описанную в статье неоднозначность и сложность понимания логики терминологии.

информационной сфере. 2012. № 2 (4). С. 35–

41; Полякова Т. А. Вопросы правового регулирования сбора, использования и обработки персональных данных // Человек: п респупление и наказание. 2008. № 2 (61). С. 109–112.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-

ФЗ (ред. от 06.02.2023) «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

Под «обработкой персональных данных», в соответствии с пунктом 3 подпунктом 3 Федерального закона № 152-ФЗ понимаются в том числе действия, включающие «...передачу (распространение, предоставление, доступ)...», то есть гражданин, выражая свое «согласие на обработку персональных данных», фактически считает возможным или нужным, предоставление согласия на передачу своих данных в целом, а не в части только конкретного способа передачи. Таким образом, нарушается принцип свободно, своей волей и в своем интересе давать согласие на обработку персональных данных. Согласие становится вынужденным, притворным.

В целом понятия предоставление и передача являются синонимами в русском языке. Так, в соответствии со Словарем русских синонимов¹:

Передача – «...распространение, пиктография, транш, радирование, предоставление...»;

Предоставление – «...выдача, обеспечение; вручение, франчайзинг, разрешение, передача, уделение, доставление, позволение, оказание, доставка, снабжение...».

То есть можно резюмировать вышесказанное тем, что:

Самостоятельного и полного определения понятию «передача персональных данных» законодатель в тексте закона прямо не дает, кроме как расшифровку, в рамках определения иного термина «Обработка» в статье 3 пункта 3 Федерального закона № 152-ФЗ, путем заключения в объем термина «передача» трех других, которые и составляют, по логике законодателя, общий термин «передача».

Каждый термин: «предоставление», «распространение» по факту, являются самостоятельными правовыми терминами, влекущими разное правовое регулирование, оформление и ответственность, а значит, что смешение правовых понятий, терминологии – может ввести в заблуждение конечных «мажоритарных» бенефициаров Федерального закона № 152-ФЗ, а именно граждан Российской Федерации.

Выходом из сложившейся ситуации, по нашему видению, является введение четких определений в статью 3 Федерального закона № 152-ФЗ, определяющих понятийный аппарат закона. Введение отдельного понятия для термина «передача персональных данных», отдельного термина «доступ к персональным данным». Данным способом возможно исправить сложившейся «крен» правовой техники, но сложно избавиться от лингвистического.

По нашему мнению, следует упростить схему (Схема № 1) понимания определения «обработки персональных данных» исключив самостоятельное понятие, группирующее иные самостоятельные понятия: понятие «передача персональных данных», как не соответствующее общей логики и терминологии, выдержанной в законе (Схема № 2).

Схема № 2. Предлагаемая логическая схема понятия (исключая понятие передача)

Представляется возможным изложить определение обработки персональных, данных в статье 3 Федерального закона № 152-ФЗ, следующим образом: «любое действие (операция) или совокупность действий (операций), совершаемых с использованием средств автоматизации или без использования таких средств с персональными данными, включая сбор, запись, систематизацию, накопление, хранение, уточнение (обновление, изменение), извлечение, использование, распространение, предоставление, доступ, обезличивание, блокирование, удаление, уничтожение персональных данных».

¹ URL: <https://sinonim.org/> (дата обращения: к источнику «Интернет»: 20.10.2023).

Долунц В. С.аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**Обеспечение информационного суверенитета
при формировании регулирования технологий виртуальной реальности**

Второе и третье десятилетие XXI в. характеризуется повышенным вниманием со стороны государства вопросам суверенитета. По верному замечанию А. А. Ефремова глобализационные подходы конца XX – начала XXI в., связанные с усилением международно-правового регулирования (причем в значительной мере не в форме международных договоров, а документов международных организаций), сменяются возвратом к национально-правовому (внутригосударственному) регулированию, созданием правовых основ для отказов от исполнения, в частности, решений международных судов¹. Понятие суверенитета весьма многогранно. Расширительный подход к составлению государственного суверенитета отражен в решениях Конституционного Суда РФ, в которых упоминается: экономический суверенитет², фискальный суверенитет³, налоговый суверенитет⁴.

Важность приобретает и информационный суверенитет. В последние годы Российская Федерация проводит активную политику, направленную на обеспечение информационной независимости государства. Это, в частности, проявляется в характере принимаемых нормативных правовых актов в информационной сфере. Так, одним из важнейших нововведений является изменения, внесенные в статью 71 Конституции Российской Федерации, в соответствии с которыми, информация, информационные технологии и связь отнесены к исключительному ведению Российской Федерации, что предполагает в первую очередь регулятивную компетенцию федерального уровня публичной власти с тем, чтобы нормативно установить основания и порядок реализации государством и иными субъектами своих прав, в том числе в сфере реализации информационного суверенитета⁵.

Не менее важными нововведениями являются Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации более известный как «Закон о суверенном Рунете», а также Федеральный закон от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» более известном как «пакет Яровой».

Цель принятых изменений, в соответствии с излагаемой российскими властями позиции заключается в защите устойчивой работы Интернета в России в случае возникновения угрозы его функционирования из-за рубежа⁶.

Вместе с тем обеспечение информационного суверенитета невозможно в отрыве от цифровой трансформации. Развитие цифровых технологий, оказывающих непосредственное влияние на осуществление публичной власти в Российской Федерации, имманентно связано с трансформацией

¹ Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215.

² Определения Конституционного Суда РФ от 08.06.2000 № 118-О; от 08.06.2000 № 165-О; от 19.05.2009 № 596-О-О; от 19.01.2010 № 87-О-О; от 12.05.2011 № 737-О-О; от 05.07.2011 № 924-О-О; постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2011 № 20-П; определения Конституционного Суда РФ от 02.11.2011 № 1447-О-О; от 17.11.2011 № 1621-О-О.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 07.12.2010 № 1572-О-О.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 19.05.2009 № 757-О-О; постановление Конституционного Суда РФ от 25.06.2015 № 16-П.

⁵ Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцева И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10.

⁶ Пояснительная записка к Федеральному закону от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Система КонсультантПлюс.

традиционных общественных отношений, складывающихся в этой сфере¹. Одними из таких технологий являются технологии виртуальной и дополненной реальности. Эти, весьма сходные технологии, уже сегодня нашли свое применение в самых различных отраслях, начиная с компьютерных игр и заканчивая промышленностью. Кроме того, использование технологий виртуальной реальности способно оказать позитивное воздействие и на правовую среду. В частности, по мнению Д. А. Степаненко и А. А. Митрофанова, виртуальная среда может быть использована в целях компьютерного моделирования, позволяющего визуализировать реконструкцию криминального события, при проведении таких процессуальных действий, как проверка показаний на месте, следственный эксперимент, ситуационные судебные экспертизы².

Вместе с тем использование технологий виртуальной реальности порождает и ряд правовых дискуссий. На сегодняшний день всё еще остаются нерешенными вопросы защиты авторских прав на результаты интеллектуальной деятельности в виртуальной реальности, ответственности за действия в виртуальной реальности, рекламы, вопросы международного характера и многие другие вопросы.

Следует отметить, что применение технологий виртуальной реальности обычно сопровождается использованием других передовых технологий, таких как большие данные (big data), искусственный интеллект (ИИ) и интернет вещей (IoT), что создает дополнительную сложность при формировании правового регулирования виртуальной среды.

Более того, на момент ноября 2023 г. в Российской Федерации отсутствует специализированное законодательство, регулирующее применение технологий виртуальной реальности. Это отсутствие регулирования в первую очередь обусловлено сложностью данных технологий и отношений, возникающих в виртуальной среде. Кроме того, основными участниками рынка технологий виртуальной реальности продолжают быть зарубежные компании, что в данном контексте подчеркивает отсутствие технологического суверенитета страны.

Вторым, не менее существенным фактором, характерным для всех цифровых технологий, является трансграничность отношений. В условиях данной трансграничности процесс формирования полноценного регулирования становится особенно сложным.

В подобных условиях вопрос информационного суверенитета становится особенно остро. Интерес представляет позиция, в рамках которой при анализе цифрового суверенитета предлагается отойти от рассмотрения в качестве субъектов осуществления цифрового суверенитета исключительно государства³. В этом случае автор выделяет в качестве субъектов, реализующих цифровой суверенитет, физические лица, общественные организации и т.д., а само по себе осуществление такого суверенитета предопределено взаимодействием обозначенных субъект⁴.

И ведь действительно цифровизации общества оказывает самое существенное влияние на информационный суверенитет государства. Это в равной степени касается и субъективного состава его реализации. Ни для кого не секрет, что крупные компании, такие как Apple, Microsoft, Google в США, Сбер, VK group, Яндекс в России оказывают большое воздействие на формирование регулирования в информационной среде.

При этом стоит отметить, что сама по себе возможность признания в качестве субъектов информационных отношений, складывающихся в рамках реализации информационного суверенитета, иных отличных от государства акторов не отрицает определяющую роль именно публичной власти в нормативном его обеспечении и гарантировании⁵. Так, в частности, отмечается, что информационный суверенитет государства представляет собой высшую власть при реализации информационной политики и поддержании информационного порядка в стране, а также проявляется в полном юридическом равенстве государств и их независимости от внешнего контроля при производстве и

¹ Виноградова Е. В., Полякова Т. А. О месте информационного суверенитета в конституционно-правовом пространстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 1 (63). С. 33.

² Степаненко Д. А., Митрофанова А. А. Цифровизация как фактор и условие развития современной криминалистики // Российский следователь. 2023. № 4. С. 16–22.

³ Петроченков И. А. Указ. соч.

⁴ Нарутто С. В., Колмаков С. Ю., Япрынцева И. М. Информационный суверенитет: конституционно-правовые основы в условиях развития цифрового государства // Образование и право. 2022. № 10.

⁵ Указ. соч.

использовании информации¹. Ярким примером такой политики является блокировка со стороны государства доступа к некоторым интернет-ресурсам.

Не менее важную роль, конечно же, играют пользователи информационных ресурсов. Несмотря на возможные ограничения со стороны государства, стоит безусловно учитывать тот факт, что именно пользователи являются основными участниками различных платформ. Кроме того, ограничения со стороны государства нередко обходятся пользователями с использованием различных технических средств.

В этой связи важным для дальнейшего развития государственности в Российской Федерации видится не рассматривать сферу информационно-цифрового поля реализации суверенитета как дополнительный инструмент для ограничения прав и свобод человека и гражданина, прикрывая это обеспечением и гарантированием государственного суверенитета в условиях развития информационного общества².

Изложенное свидетельствует о необходимости учета позиции всех участников виртуальной среды при формировании правового регулирования применения технологий виртуальной реальности. В контексте обеспечения информационного суверенитета государства стоит учитывать, что несмотря на преимущественное внимание к стремлению сохранить и укрепить контроль над информационным пространством, представляется целесообразным для государства проявлять более широкую лояльность к участникам рынка. Это направление может способствовать формированию благоприятных условий для инновационного развития соответствующих технологий.

Жарков К. К.

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Информационно-правовое обеспечение технологического суверенитета в транспортном комплексе Российской Федерации

В соответствии с перечнем поручений Президента РФ по итогам заседания Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам 15 декабря 2022 г., утвержденным Президентом РФ 26 января 2023 г. № Пр-144, укрепление технологического суверенитета Российской Федерации является одной из ключевых задач, решению которых необходимо уделить особое внимание при реализации мер по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2030 г.³

В целях реализации вышеуказанного перечня поручения Совет Федерации Российской Федерации постановлением от 22.02.2023 № 71-СФ⁴ «Об обеспечении научно-технологического развития Российской Федерации в целях достижения технологического суверенитета» в качестве первоочередных мер решения задачи технологического суверенитета в том числе определил:

Правительству РФ проработать совместно с Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации вопросы совершенствования законодательного регулирования в сфере науки и государственной научно-технической политики, а также проработать предложения по внесению изменений в законодательство Российской Федерации в части закрепления понятия «технологический суверенитет», установления правовых основ осуществления крупными научно-техническими проектами.

¹ Gong W. Information Sovereignty Reviewed // Intercultural Communication Studies. 2005. Vol. XIV. Iss. 1. P. 119–135.

² Жувенель Б. Власть. Естественная история ее возрастания. Пер. с франц. В. П. Гайдамака и А. В. Матешук. М. : ИРИСЭН. Мысль, 2011. С. 217–219, 319.

³ URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=1&nd=604746913&bpa=cd00000&bpas=cd00000&intelsearchh=%EF%F0%EE%EC%FB%F8%EB%E5%ED%ED%E0%FF+%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0++ (дата обращения: 28.11.2023).

⁴ Указ.ист..

Таким образом, в конце 2022 г. в России взят курс на обеспечение технологическим суверенитетом абсолютно всех сфер экономики, включая и транспорт, реализация которого должна завершиться до 2030 г.

Во исполнение вышеперечисленных поручения Минэкономразвития России¹ в кратчайший срок был подготовлен и внесен в Правительство РФ проект Концепции технологического развития на период до 2030 г. (далее – Концепция), который позднее был принят и утвержден распоряжением Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р. Реализация которой направлена на развитие высокотехнологичных отраслей экономики Российской Федерации, что характеризует ее как отраслевой документ стратегического планирования Российской Федерации, определяющий развитие определенной сферы или отрасли экономики.

В свою очередь, в Концепции нормативно определены такие понятия, как: «вызовы технологического развития», «импортозамещение», «проекты технологического суверенитета», «собственная линия разработки технологии», «технологическое лидерство», «технологическая политика», «технологический приоритет», а также «технологический суверенитет».

Таким образом, под технологическим суверенитетом определяется «наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы»².

Технологический суверенитет обеспечивается в 2 основных формах – исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами.

Вместе с тем стоит отметить, что Концепция включает в себя не только нормативное закрепление понятий, прямо или косвенно связанных с технологическим суверенитетом, но и также наличие двух факторов в среднесрочной перспективе, а именно ряда внешних и внутренних угроз технологического отставания и деградации российской экономики, а также открывающихся новых возможностей ускорения ее инновационно ориентированного роста.

К ключевым угрозам для технологического развития Российской Федерации в период с 2023 по 2030 гг. Концепция относит:

«недостаточная способность национальной экономики адаптироваться к глобальным трендам, имеющим системный характер, что приводит к структурным деформациям экономики и повышает социальную напряженность;

отставание от наиболее развитых стран в темпах инновационно ориентированного экономического роста, что обусловлено низкой мотивацией разработчиков технологических решений к созданию соответствующих производств в силу слабой защищенности технологических предпринимателей, недостатка финансовых ресурсов и относительно небольшой емкости внутреннего рынка высокотехнологичной продукции, а также компаний и корпораций – к исследованиям и технологическим инновациям, прежде всего в силу низкой конкуренции и возможности покупки готовых технологических решений за рубежом (до применения санкций);

отток талантов и высококвалифицированных кадров за рубеж, уменьшающий возможности научного и технологического развития страны, конкурентоспособность российской экономики;

¹ Минэкономразвития завершает разработку Концепции технологического развития России до 2030 года // URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_zavershaet_razrabotku_koncepcii_tehnologicheskogo_razvitiya_rossii_do_2030_goda.html (дата обращения: 28.11.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года».

нарушение функционирования производственных систем (разрыв производственных цепочек) под воздействием санкционных ограничений в области технологий»¹.

В части транспортной отрасли сто́ит отметить, что заданный вектор обеспечения технологическим суверенитетом Российской Федерации также коснулся и данной сферы.

Распоряжением Правительства РФ от 03.11.2023 № 3097-р были утверждены стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 г. (далее – стратегическое направление).

К задачам стратегического направления отнесены:

цифровизация пассажирских перевозок;

цифровизация грузовых перевозок;

цифровизация жизненного цикла инфраструктуры и транспортных средств;

цифровизация управления транспортным комплексом;

обеспечение безопасности на объектах критической информационной инфраструктуры в транспортной отрасли;

повышение уровня технологического развития и декарбонизация транспортного комплекса².

В целях реализации задач по цифровизации пассажирских перевозок, а также повышению уровня технологического развития заместитель Председателя Правительства Д. Чернышенко на XVII Международном форуме «Транспорт России» отметил, что «у цифровых разработок транспортной отрасли высокий экспортный потенциал. В 2022 г. мы отмечали успех отечественной системы бронирования «Леонардо», на которую перешли все отечественные компании. Сейчас сервис работает в Армении, Кыргызстане и Республике Беларусь, а с 2024 г. будет внедрен крупнейшим авиоперевозчиком Венесуэлы»³.

Вместе с тем в целях реализации задачи по обеспечению безопасности на объектах критической информационной инфраструктуры в транспортной отрасли генеральным директором подведомственного Минтрансу России ФГУП «ЗащитаИнфоТранс» отмечается, что «ФГУП «ЗащитаИнфоТранс» Минтранса России принимает непосредственное участие в этом процессе в части информационных систем на объектах критической информационной инфраструктуры (КИИ). С марта 2022 г. в соответствии с приказом Минтранса России на предприятия действует отраслевой центр компетенций по импортозамещению программного обеспечения в транспортной отрасли (ОЦК). Организации транспортной отрасли в соответствии с требованиями законодательства готовят и утверждают планы по переходу на использование отечественного программного обеспечения. Организации, в структуре которых есть значимые объекты КИИ, должны осуществить переход на российское программное обеспечение до 1 января 2025 г. Наш ОЦК осуществляет всестороннюю поддержку этого процесса: проводит методическую работу по вопросам импортозамещения и категорирования объектов КИИ, организует при поддержке Минтранса России семинары с регионами и региональными предприятиями»⁴.

Принимая во внимание обеспечение технологического суверенитета в транспортной отрасли сто́ит также выделить ряд рисков, которые могут помешать его реализации. К ним можно отнести следующие риски:

разнородность в вопросах финансового и правового регулирования сферы транспорта на уровне субъектов Российской Федерации (например, при создании единой защищенной цифровой среды для обеспечения информационной безопасности и цифрового инструмента контроля состояния объектов транспортной инфраструктуры);

¹ Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : ООО «Амирит», 2023. 124 с.

² Распоряжение Правительства РФ от 03.11.2023 № 3097-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации транспортной отрасли Российской Федерации до 2030 года».

³ У цифровых разработок транспортной отрасли высокий экспортный потенциал // URL: <https://ac.gov.ru/news/page/ucifrovuyh-razrabotok-transportnoj-otrasli-vysokij-eksportnyj-potencial-27636> (дата обращения: 28.11.2023).

⁴ ИТ-СУВЕРЕНИТЕТ И БЕЗОПАСНОСТЬ // URL: [HTTPS://TRANSPORTRUSSIA.RU/RAZDELY/IT-TEKHNologii/10560-IT-SUVERENITET-I-BEZOPASNOST.HTML](https://TRANSPORTRUSSIA.RU/RAZDELY/IT-TEKHNologii/10560-IT-SUVERENITET-I-BEZOPASNOST.HTML) (ДАТА ОБРАЩЕНИЯ: 28.11.2023).

отсутствие необходимых технологий и оборудования (например, технологии 5G для развития инфраструктуры беспилотных транспортных средств), несовместимость или отсутствие необходимого программного обеспечения (в том числе ПО западных вендоров);

неравномерное развитие транспортной инфраструктуры, которое влияет на различия в стоимости реализации инфраструктурных проектов в разных регионах Российской Федерации.

В контексте инновационного развития отраслей экономики, технологический суверенитет играет важную роль. Тем не менее его значение должно оцениваться в сочетании с другими факторами, такими как научные и образовательные институты, инфраструктура и экономические условия.

Обеспечение доступности и защищенности технологий, а также создание соответствующей инфраструктуры, способствует созданию новых продуктов и услуг, повышению конкурентоспособности компаний и улучшению качества жизни граждан. Однако следует отметить, что обеспечение технологического суверенитета требует значительных инвестиций в науку и технологии, и может ограничивать доступность иностранных технологий и инноваций.

Майоров А. А.

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Обеспечение информационного суверенитета России при применении системы дистанционного электронного голосования в избирательном процессе

Применение системы дистанционного электронного голосования (далее – ДЭГ) как одной из форм выражения волеизъявления граждан в избирательном процессе Российской Федерации порождает многочисленные риски в области информационно-общественной безопасности, связанной не только с обеспечением бесперебойной работы данной цифровой технологии, но и защиты данных от их взлома. Учитывая, что система ДЭГ применяется в общественно-политической жизни общества и государства, связанной с избранием должностных лиц и формированием органов государственной власти, определяющих в последующем политику страны, обеспечение информационного суверенитета при цифровизации процедуры выборов в рамках проводимой реформы избирательного законодательства является крайне важной темой. Особенно она актуализируется в свете происходящего геополитического противостояния между Россией и коалицией стран, относящихся к так называемому «коллективному Западу», когда борьба ведется на различных фронтах, включая информационно-технологический.

В рамках статьи предлагается рассмотреть обеспечение информационного суверенитета Российской Федерации при применении системы дистанционного электронного голосования в избирательном процессе.

В российском законодательстве в настоящий период времени отсутствует понятие «информационная безопасность». Вместе с тем в п. 1 главы 1 «Общие положения» Указа Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» дается понимание информационной сферы, рассматриваемую как: «совокупность информации, объектов информатизации, информационных систем, сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее – сеть «Интернет»), сетей связи, информационных технологий, субъектов, деятельность которых связана с формированием и обработкой информации, развитием и использованием названных технологий, обеспечением информационной безопасности, а также совокупность механизмов регулирования соответствующих общественных отношений»¹.

В научной литературе изложено несколько подходов к понятию рассматриваемого термина, которые можно расположить в хронологическом порядке. В 1980-е гг. понятие «информационный суверенитет» было связано с динамичным развитием средств массовой информации, которые стало возможно передавать через такие способы вещания, как: радио, телевидение и спутниковое вещания.

¹ Указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СПС «Гарант».

То есть государства имеют контроль и могут устанавливать ограничения над поступающими и распространяющимися потоками информации, а также принимать меры по обеспечению необходимой для данных целей инфраструктуры, устанавливая соответствующее нормативно-правовое регулирование и стандарты¹.

С 1990-х в связи с развитием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информационный суверенитет начинает рассматриваться через две составляющие: внутреннюю и внешнюю. Внутренний суверенитет связан с контролем над информационными потоками внутри государства, а внешний в юридическом равенстве государств и их независимости от какого-либо внешнего контроля при производстве и использовании информации².

В настоящее время понятие «информационный суверенитет» включает в себя не только, собственно, распространение информации, но и технологический аспект, связанный как с самостоятельностью при правовом регулировании применяемых достижений науки и техники, так и с их производством, отходом от зависимости от других государств при разработке соответствующих программ и технических компонентов³.

В мире существует множество компаний, занимающихся разработкой программно-аппаратных комплексов для организации и проведения электронного голосования в государствах в качестве альтернативы традиционному, когда волеизъявление выражается с помощью традиционного бумажного бюллетеня. Многие из них размещены в государствах, которые на сегодняшний день не являются дружественными для России. К ним относится нидерландский завод по производству машин для электронного голосования NEDAP, испанская компания по поставке избирательных технологий ScytI Election Technologies S.L.U., ряд компаний США, такие как Diebold, Safesote Inc., Sequoia Voting Systems и др. Помимо обеспечения своих стран необходимыми технологиями для цифровизации выборов, они активно поставляют свои разработанные программно-аппаратные в зарубежные страны. Вместе с тем импорт данных машин несет в себе определенные риски. Как показывает история с введенными необоснованными санкциями против России и последующее приостановление деятельности ряда зарубежных IT-компаний на ее территории⁴, при опоре исключительно на импортные технологии возникает определенная зависимость от иностранных государств, которые посредством политических действий могут принудить свои юридические лица прекратить свою деятельность в конкретной стране⁵, а также ограничить их в праве предоставления программного обеспечения и необходимой компьютерной техники⁶, которые могут поставить под угрозу проведение выборов. Следует также отметить, что не все эти компании могут обеспечить надлежащую защиту данных в избирательных процессах своих стран, а также становятся нередко замешаны в различных скандалах, связанных с подозрением в умышленном искажении голосов избирателей⁷, как это часто наблюдалось в США. Более того, деятельность некоторых из американских разработчиков программно-аппаратных комплексов для электронного голосования нарушают закон, угрожая ученым и исследователям, занимающимся изучением уязвимостей, судебными разбирательствами, блокировали судебные процессы, когда на них требовали предоставить записи с техники (когда были допущены ошибки при подсчете голосов), а также замечены во лжи и журналистам и должностным лицам о

¹ Damon I. Freedom of information versus National Sovereignty: The Need for a New Global Forum for the Resolution of Transborder Data Flow Problems // *Fordham International Law Journal*. 1986. Vol. 10 Iss. 2. P. 262–287.

² Gong W. Information Sovereignty Reviewed // *Intercultural Communication Studies*. 2005. Vol. XIV. Iss. 1. P. 119–135.

³ Iron K. Government Cloud Computing and National Data Sovereignty // *Policy and Internet*. 2012. Vol. 4. Iss. 3–4. P. 40–71.

⁴ Проблемы и перспективы правового обеспечения развития цифровой среды Российской Федерации в условиях санкционного давления : монография / под ред. А. В. Минбалева. Саратов : ООО «Амирит», 2023. 124 с.

⁵ Петрова Е. Ушел и не вернулся: какие IT-компании покинули Россию и кто сможет занять их место. URL: <https://hightech.fm/2022/05/26/it-companies-went-away> (дата обращения: 28.11.2023).

⁶ Корнев Т. AMD и Intel приостановили поставки своей продукции на территорию России. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/27/02/2022/621a7f4f9a79473d8899b18d?from=copy (дата обращения: 28.11.2023).

⁷ Matt Blaze, Arel Cordero, Sophie Engle, Chris Karlof, Naveen Sastry, Micah Sherr, Till Stegers, Ka-Ping Yee. Source Code Review of the Sequoia Voting System. URL: https://web.archive.org/web/20080213214853/http://www.sos.ca.gov/elections/voting_systems/ttbr/sequoia-source-public-jul26.pdf (дата обращения: 28.11.2023).

прозрачности и защищенности в работе машин, предназначенных для выборов¹. Как итог, некоторые из штатов США (как Вирджиния) аннулировали сертификацию таких технических средств и отказались от них, перейдя к традиционному голосованию на избирательных участках².

Российская Федерация при реформировании своего избирательного законодательства, имея надлежащую научно-техническую базу и квалифицированные кадры в сфере цифровых технологий, проводя цифровизация избирательного процесса посредством внедрения новых технологий отталкивалась исключительно от своих отечественных разработок. Так, для проведения электронного голосования в Москве в 2019 г. концерн «Автоматика» государственной корпорации «Ростех» занимался разработкой мобильных терминалов для голосования на выборах в Московскую городскую Думу 2019 г.³ Помимо разработанного программного обеспечения, данное техническое средство было построено на новейших 32-разрядных микроконтроллерах серии STM32F7, отличительной чертой которых является программирование данных устройств на стадии сборки, что является дополнительной защитой от незаконного вмешательства в работу системы на избирательном участке⁴.

Система дистанционного электронного голосования, активно применяемая на выборах с 2019 г. (в ходе проведенного эксперимента на выборах в Мосгордуму 2019 г.), стала новым шагом в цифровизации избирательного процесса, позволяющая избирателям голосовать без посещения избирательных участков, используя для данных целей свои смартфоны, компьютеры, планшеты. В разработке системы ДЭГ приняли участие исключительно российские разработчики. Для города Москвы систему разработал департамент информационных технологий города Москвы (ДИТ)⁵, а на федеральном уровне российская телекоммуникационная компания ПАО «Ростелеком»⁶. Построена система ДЭГ на отечественной блокчейн-платформе Waves Enterprise⁷, для защиты голосов избирателей от несанкционированного доступа и обеспечения принципа тайного голосования использованы российские криптографические алгоритмы и средства защиты.

Данные меры, в своей совокупности, позволяют обеспечить информационный суверенитет Российской Федерации при проведении реформы избирательного законодательства и процесса, связанного с внедрением цифровых технологий, так как позволяют, с одной стороны, избежать технологической зависимости при использовании и эксплуатации системы от иностранных государств, а также проводить самостоятельную политику в сфере правового регулирования системы ДЭГ.

¹ 'They think they are above the law': the firms that own America's voting system. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2019/apr/22/us-voting-machine-private-companies-voter-registration> (дата обращения: 28.11.2023).

² Scott Wise, Jerrita Patterson. Virginia voting machines decertified after Election Day debacle. URL: <https://www.wtvr.com/2015/04/14/virginia-voting-machines-decertified> (дата обращения: 28.11.2023).

³ «Ростех» начал производство терминалов для голосования на цифровых участках в Москве. URL: <https://news.rambler.ru/other/42387741-rosteh-nachal-proizvodstvo-terminalov-dlya-golosovaniya-na-tsifrovyyh-uchastkah-v-moskve/> (дата обращения: 28.11.2023).

⁴ Ростех разработал новый электронный терминал для голосования. URL: <https://rostec.ru/news/rostekh-razrabotal-novyyu-elektronnyu-terminal-dlya-golosovaniya/> (дата обращения: 29.11.2023).

⁵ Электронное голосование на выборах в Мосгордуму в 2019 г. URL: https://drive.google.com/file/d/1L9U2ssdjw_nRJMjBIzebHPDppfoWZgmJ/view (дата обращения: 29.11.2023).

⁶ «Ростелеком» и ЦИК создали новую избирательную платформу к выборам 2024 г. URL: <https://www.interfax.ru/russia/905217> (дата обращения: 29.11.2023).

⁷ Янушевская А. Демократия в электронной форме: в России создана уникальная система дистанционного голосования. URL: https://www.vedomosti.ru/technologies/industries_and_markets/articles/2023/07/19/986120-demokratiya-v-elektronnoi-forme (дата обращения: 29.11.2023).

Степанова А. Е.аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**Сетевая экология как путь к укреплению национального суверенитета
в глобальном информационном пространстве**

Злоупотребления в международном управлении киберпространством структурно меняют глобальный информационный ландшафт, заставляя с новой силой задуматься над необходимостью защиты суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве посредством осуществления самостоятельной и независимой политики, направленной на реализацию национальных интересов в информационной сфере¹. Киберсуверенитет является продолжением государственного суверенитета в киберпространстве, но его пределы выходят за рамки традиционных сфер (воздушной, морской, космической, сухопутной). Укрепление киберсуверенитета, национальной идентичности в Интернете, духовно-нравственных ценностей, приобретают особое значение в условиях, когда некоторые государства используют киберпространство, чтобы манипулировать мировым сознанием, навязывая деструктивные неолиберальные идеологические установки².

Дмитрий Чернышенко справедливо отметил: «Почти 85 % населения страны имеют широкополосный доступ к Интернету, у нас один из самых доступных с точки зрения стоимости Интернет в мире»³. Это утверждение дает ключ к пониманию причин того, почему высокие технологии являются сегодня частью привычной жизни. Всемирная паутина стала уникальной средой для межкультурного диалога, новым мощным инструментом влияния на умы и сознание людей по всему миру. Такая сила не обязательно и вообще далеко не всегда используется во благо. Ранний оптимизм по поводу универсальной полезности Интернета, сменился глубоким пониманием необходимости модерации контента в интернет-пространстве.

Содержимое киберпространства разительно изменилось за последние годы. Объемы негативного контента вызывают беспокойство. Сначала информационный поток о распространении новой коронавирусной инфекции (COVID-19), затем – несоответствующая действительности информация о специальной военной операции на Украине, сообщения о незамедлительно последовавших санкциях, объявления об уходе крупнейших зарубежных компаний с российского рынка, о «слабости и волатильности» рубля, о чуждых традиционным семейным ценностям идеях, пропагандирующих нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения, педофилию, смену пола и т.п. Этот поток не останавливается. Теперь модно говорить, что люди привыкли к шокам. Но если бы это было и в самом деле так, то правительства не ставили бы перед собой амбициозных целей по постепенному очищению киберпространства.

Признавая значение позитивного контента в современных реалиях, заговорили о сетевой экологии – целенаправленном продвижении правительством, бизнесом, обществом, пользователями Интернета положительного контента, утилизации незаконной и вредной информации. Пришло понимание: сетевым информационным контентом можно и нужно управлять. Стратегически важно прилагать широкомасштабные усилия по построению надежной сетевой экосистемы. Это особенно сложная задача, потому что пространства, в которых создается, размещается, а затем потребляется контент, принадлежат частным компаниям, принимающим решения о контенте, основываясь на собственных принципах и политиках, которые могут не соответствовать высоким стандартам сетевой экологии или прямо им противоречить, если компания распространяет вредный или опасный контент. Загрязняют интернет-пространство и сами пользователи.

¹ п. «а» ст. 29 Указа Президента РФ от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

² ст. 8 Указа Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

³ Прим. авт.: из выступления Заместителя Председателя Правительства России на III Молодежном форуме по управлению Интернетом (Youth RIGF 2023). URL: <http://government.ru/news/48456> // (дата обращения: 15.11.2023).

Учитывая набирающий силу тревожный тренд на разобщенность государств, попытка создать глобальную цифровую политику «чистоты Интернета» представляется неосуществимой, поскольку это требует координации совместных усилий всего мира. Однако твердые шаги в нужном направлении уже предпринимаются отдельными странами. Опыт Китая в этом отношении заслуживает самой высокой оценки, а положения повестки, отражающей «Китайскую мечту превратить киберпространство в духовный сад, который поклоняется добродетели и добру, является цивилизованным и вежливым и согревает сердца людей»¹, должны подлежать самому внимательному изучению, поскольку и в России те же ценности выступают основополагающими. Для нас также чрезвычайно важны историческая память, уважение к своей культуре, традициям, языку, мы привержены тем же взглядам о нормах морали и нравственности².

Желая устранить очаги напряженности, разжигающиеся на фоне новых вызовов, Китай продемонстрировал, как государство, бизнес и общество могут наращивать и направлять усилия на создание и распространение положительного контента, потребление которого благоприятно сказывается на социальном самочувствии народа. В России также понимают, что доступ к качественному интернет-контенту играет важную роль в укреплении российской гражданской идентичности и сохранении духовно-нравственных ценностей³. Не в пример многим странам Запада, Россия фокусируется на создании условий для воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности, находя опору в духовно-нравственных ценностях народов России, исторических и национально-культурных традициях. Кроме того, активно развиваются цифровые сервисы в сфере образования⁴, формируется единое электронное пространство знаний⁵.

Забота о цифровом имидже предполагает, что киберпространство должно быть полно положительными примерами проявления самых лучших качеств, на которые способны люди: любви, доброты, искренности, сострадания, взаимопомощи, самоотверженности, мудрости. В противном случае обилие негативного контента поставит под угрозу физическое и психологическое здоровье человека, приведет к тому, что Фёдор Михайлович Достоевский называл «всеобщим растлением»⁶. Чтобы этого не произошло, совершенно необходимо защищать киберпространство от пошлости, жестокости, грубости, слухов, дезинформации, негативной пропаганды и т.д.

Каким будет сетевой информационный контент, зависит от каждого отдельно взятого человека. Стремление способствовать созданию «здорового Интернета» должно означать предпринятые нами реальные и эффективные действия по формированию у себя навыка самостоятельного и ответственного потребления информационной продукции, умения анализировать и отличать достоверные новости от дезинформации, противостоять манипулированию и злой рекламе асоциального поведения, а также вовлечению в различные асоциальные группы в сети Интернет.

¹ Прим. авт.: из выступления Лу Вэя на XIII Китайском онлайн-медиафоруме. URL: <https://digichina.stanford.edu/work/luwei-concentrate-positive-energy-online-build-the-chinese-dream-together> // (дата обращения: 15.11.2023).

² Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Троян Н. А. Формирование культуры информационной безопасности граждан Российской Федерации в условиях новых вызовов: публично-правовые проблемы // Государство и право. 2023. № 5. С. 131–144.

³ Прим. авт.: так, например, предоставляются субсидии в рамках федерального проекта «Доступный и качественный контент в современном информационном пространстве» государственной программы Российской Федерации «Информационное общество».

⁴ Прим. авт.: примером может служить онлайн-платформа «Цифровой образовательный контент», которая работает в рамках федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика», благодаря которой школьники, студенты и преподаватели получают возможность бесплатно в дистанционном режиме обучаться программированию, финансовой грамотности, иностранным языкам и другим профильным предметам.

⁵ Полякова Т. А., Минбалеев А. В. Формирование единого российского электронного пространства знаний как стратегическая задача обеспечения информационной безопасности в Российской Федерации // Информационные технологии и право : Правовая информатизация – 2018 : сборник материалов VI Международной научно-практической конференции. под общ. ред. Е. И. Коваленко. 2018. С. 235–240; Морозов А. В., Полякова Т. А., Филатова Л. В. Этапы и проблемы формирования единого информационно-правового пространства России // Информационное право. 2012. № 1. С. 3–7.

⁶ Достоевский Ф. М. в воспоминаниях современников : в 2 т. Т. 1 / Редкол.: В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина [и др.]; Вступ. п. статья, сост. и коммент. К. Тюнькина; Подгот. текста К. Тюнькина и М. Тюнькиной. М. : Худож. лит., 1990. С. 24. (Литературные мемуары).

Словом, интернет-пользователи должны следить за своим собственным «голосом» в Интернете, избегать любых проявлений грубости или невежества, формировать способность к рефлексии¹. Важно, чтобы люди, обладающие особым влиянием на других, распространяли контент преимущественно в положительном ключе.

Не подлежит сомнению, что уважение киберсуверенитета невозможно в условиях кибергегемонии. Необходимо научиться противостоять таким негативным явлениям, развивая сотрудничество с теми странами, которые готовы принимать суверенитет других стран и прилагать совместные усилия для построения желаемого порядка в киберпространстве, в котором все участники отношений равноправны. Объединяющей должна стать идея о том, что без киберсуверенитета государственный суверенитете уже не полон.

Лагаева В. П.

аспирант кафедры информационного права
и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Влияние искусственного интеллекта на цифровой суверенитет России

Понятие «цифровой суверенитет» не имеет унифицированного определения в российской и зарубежной юридической науке. Наряду с указанным понятием используются такие термины, как «информационный суверенитет», «технологический суверенитет», которые, на мой взгляд, допустимо рассматривать в данной работе как синонимы.

В качестве цифрового суверенитета можно рассматривать суверенитет государства в информационном пространстве, который, по мнению А. А. Ефремова, «заключается в возможности государства осуществлять посредством своего национального (внутригосударственного) и формируемого с участием данного государства международного права регулирование определенного информационного пространства². Полагаю, что указанный подход полностью коррелирует с пониманием выдающегося ученого – конституционалиста О. Е. Кутафина государственного суверенитета как «свойства государственной власти самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на его территории и за ее пределами в международном общении»³.

В статье автор исходит из такого подхода, что цифровой суверенитет – это суверенитет государства в цифровом пространстве, в сфере применения информационных технологий и оборота данных. Цифровой суверенитет означает право каждого государства на независимое управление своими цифровыми ресурсами; на самостоятельное от других государств правовое регулирование; на проведение государственного контроля (надзора) за деятельностью цифровых платформ вне зависимости от территории их размещения в случае, если их действие направлено на граждан такого государства; на ограничение доступа государством к информации, которая запрещена национальным законом.

Согласно Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490⁴, (далее – Стратегия), искусственный интеллект (далее – ИИ) представляет собой комплекс технологических решений (информационно-коммуникационная инфраструктура, программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений), позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая

¹ Минбалеев А. В. Роль медиаобразования в формировании информационно-правовой культуры современной молодежи // Медиаобразование. 2007. № 1. С. 12–16; Повышение уровня информационно-коммуникативной культуры граждан правовыми средствами и механизмами : монография. М. : ООО «Русайнс», 2021. 294 с.

² Ефремов А. А. Конституционные основы и законодательное обеспечение государственного суверенитета РФ в информационном пространстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 12. С. 40.

³ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. М., 1995. С. 120.

⁴ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 11.10.2019, СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека.

К технологиям, основанным на ИИ, согласно Стратегии и Федеральному закону от 24.04.2020 № 123-ФЗ¹ относятся, в частности, компьютерное зрение, обработка естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальная поддержка принятия решений и перспективные методы ИИ. Можно расширить приведенный перечень технологий ИИ, указав также синхронный перевод, распознавание лиц, массовое наблюдение (тотальная слежка)².

Мы исходим из понимания ИИ как применение информационных технологий для анализа больших данных (big data) в целях выявления закономерностей в таких данных и без постоянного контроля и руководства со стороны человека. Реализация цифрового суверенитета Российской Федерации, на наш взгляд, осуществляется, в том числе посредством нормативно-правового регулирования и осуществления государственного контроля (надзора), и в области информации, информационных технологий и связи. Рассмотрим отдельные аспекты применения ИИ в нормотворческом процессе и в контрольной (надзорной) сфере.

В указанной выше Стратегии определены основные принципы развития и использования технологий ИИ, в том числе предусмотрена прозрачность (объяснимость) работы ИИ и процесса достижения им результатов, что является важным условием и для нормотворческого процесса. При соблюдении указанного принципа применение рассматриваемых в настоящей статье информационных технологий крайне полезно для моделирования развития общественных отношений, подпадающих под область действия проектов нормативных правовых актов (далее – проекты НПА), с целью превентивного определения максимально возможных вариантов последствий применения разрабатываемых правовых норм.

Функциональные возможности ИИ можно задействовать для прогнозирования поведения людей (девиантного, противоправного и агрессивного) в период действия нормативного требования, разрабатываемого уполномоченными государственными органами. Результаты такого анализа учитываются в проектах НПА в соответствии с установленным воздействием проектируемых требований на типы и формы активности человека или организаций, для обоснования необходимости принятия проектов НПА, определения срока их вступления в силу и периода их действия.

В настоящее время в России отсутствует комплексное правовое регулирование применения в нормотворческом процессе моделирования поведения людей и организаций в период действия проектируемых НПА. Авторы нормотворческих инициатив не обязаны вместе с проектом НПА предоставлять результаты прогнозирования, проведенного в том числе с применением технологий ИИ. Возможно, отсутствие обязательности исследования потенциального воздействия разрабатываемых правовых норм является причиной непоследовательности российского законодательства, его избыточности и неопределенности в отдельных случаях.

Помимо своей прогностической функции технологии ИИ являются эффективным методом и средством для проведения правовой экспертизы проектов НПА, под которой в статье понимается исследование проектируемых правовых норм «на предмет оценки их соответствия положениям Конституции РФ и решениям Конституционного Суда РФ, международным договорам РФ, действующим федеральным конституционным законам и федеральным законам, а также требованиям к разработке самих нормативных правовых актов»³.

Представляется важным сразу отметить, что автор статьи не предлагает в качестве цели цифровой трансформации правовой экспертизы проектов НПА рассматривать замену (полную или частичную) юриста на информационные технологии. Наоборот, следует стремиться к высвобождению рабочего времени правоведа от технической работы, для производства которой не требуются специальные

¹ Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 24.04.2020.

² Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Черешнева. М. : Дело РАНХиГС, 2022. С. 8.

³ Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Черешнева. М. : Дело РАНХиГС, 2022. С. 112.

познания в праве. В частности, имеются в виду мониторинг и выявление НПА, предмет регулирования которых в той или иной степени соприкасается с областью действия проектируемого акта, или обнаружение пробелов, неточностей в правовых положениях. Способности ИИ по анализу огромных массивов данных, по прогнозированию хода развития ситуации на основании аналитической обработки НПА помогут юристу не упустить из виду существенную информацию, принять правильное решение, провести полную и квалифицированную правовую экспертизу.

При проведении оценки соответствия проекта НПА действующему законодательству недостаточно, а порой даже вредно, исходить исключительно из актуальной редакции НПА. Ведь проект акта может разрабатываться в том числе и с целью совершенствования правового регулирования, и здесь повторение ошибок недопустимо. Поэтому правовая экспертиза проекта НПА в обязательном порядке охватывает и анализ внесенных изменений в действующие акты, а также административную и судебную практику правоприменения. И здесь помощь технологий ИИ бесценна, потому что позволяет обработать данные по широкому спектру НПА (например, федерального и регионального уровня, российского и зарубежного законодательства), постановлений по делам об административных правонарушениях и судебных решений, разъяснений и информационных писем уполномоченных государственных органов¹.

В российских документах, регламентирующих проведение юридической экспертизы проектов НПА, к сожалению, отсутствует регулирование в части принципов применения ИИ, требований к машинному обучению, контроля за использованием ИИ². Разработка и принятие норм касательно использования рассматриваемой сквозной технологии в нормотворческом процессе представляется одной из актуальных задач государства.

В настоящее время в России информационные системы в сфере государственного контроля (надзора) осуществляют сбор и обработку огромного массива данных о контролируемых лицах, о планировании и проведении контрольных (надзорных) и профилактических мероприятий, о результатах указанных мероприятий (акты, предписания, отчеты и иные документы), а также обращений и жалоб граждан и контролируемых лиц.

Полноценный и глубокий анализ указанных данных только усилиями должностных лиц органов контрольно-надзорных органов невозможен, поскольку в силу человеческого фактора (физическая и моральная усталость, сложность в концентрации внимания и т.д.) неизбежны ошибки, просчеты, упущения. И здесь могут быть полезны функциональные способности информационных технологий ИИ для обработки больших объемов данных, для определения категорий риска в отношении каждого контролируемого лица и объекта контроля, для подготовки органами контроля (надзора) разъяснений и руководств по соблюдению обязательных требований. При этом риск непрозрачности принятия технологиями ИИ решений минимизируется посредством нормативно-правового регулирования в области государственного контроля (надзора), а также механизма досудебного и судебного обжалования действий контрольного (надзорного) органа.

Выявление органом контроля (надзора) индикаторов риска нарушений обязательных требований было бы значительно эффективнее в случае применения им машинного интеллекта, что обеспечило бы не только высокую скорость обработки данных, но и беспристрастность в анализе и выявлении индикаторов риска нарушений обязательных требований. При этом безусловно, что ИИ не подменит в рассматриваемом случае ни контролирующий орган, ни его должностных лиц (инспекторов), поскольку указанные лица принимают решение в рамках своих полномочий с учетом аналитической информации, полученной посредством информационных технологий. Однако в НПА, регулирующих порядок осуществления государственного контроля (надзора), необходимо установить требования к применению ИИ, чтобы обеспечить баланс прав и обязанностей всех участников административного процесса.

¹ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / А. В. Минбалева, Т. А. Полякова, М. Б. Добраба [и др.]. М. : ООО «Проспект», 2023. 368 с.

² Возможности применения искусственного интеллекта в государственном управлении и юридические экспертизы / Э. В. Талапина, В. Н. Южаков, А. А. Ефремов, И. А. Черешнева. М. : Дело РАНХиГС, 2022. С. 137–141.

Исследование вопроса влияния ИИ на цифровой суверенитет России было бы неполным без указания на возможные угрозы от ИИ¹. О. И. Чердаков и С. Б. Куликов видят опасность «в случае, когда государство ослабит контроль над развитием цифровых технологий, а всемирная цифровая трансформация будет способствовать интеграции институтов управления государством в единую информационную систему, отобрав ключевые алгоритмы управления у суверенного государства, тем самым лишив его суверенитета»². По мнению указанных авторов, решение проблемы возможно путем контроля государства за доступом технологий ИИ к сети Интернет, их обменом данными, а также посредством введения этических ограничений ИИ на уровне программ для ЭВМ. Справедливо утверждение указанных авторов о том, что контроль за ИИ должен быть у государства, а не только у разработчиков и заказчиков рассматриваемых информационных технологий³.

Важно отметить взаимовлияние ИИ и цифрового суверенитета России. Развитие и использование отечественных конкурентоспособных технологий ИИ способствует технологической независимости России. В то же время одним из условий развития и внедрения рассматриваемых технологий в России является цифровой суверенитет, при котором обеспечивается самостоятельность российского государства в правовом регулировании ИИ, в том числе и в вопросе использования преимущественно российских информационных технологий ИИ и технологических решений на основе ИИ.

Соловкин С. В.

аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Закономерности развития публично-правового регулирования процессов автоматизированного сбора данных о человеке в условиях цифровой трансформации

Формирование современного отечественного законодательства в сфере данных о человеке началось в 1995 г. с принятием Федерального закона от 20.02.1995 № 24-ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации». Впоследствии Указом Президента РФ от 06.03.1997 № 188 был утвержден Перечень сведений конфиденциального характера. Значимой (если не ключевой) вехой в истории формирования законодательства о данных о человеке в России стала ратификация Россией Конвенции Совета Европы «О защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных» 19 декабря 2005 г., ознаменовавшая переход отечественного законодательства к европейским стандартам защиты персональных данных. Спустя полгода, 27 июля 2006 г. были приняты ныне действующие Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и не менее важный Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Законодательство России о данных о человеке не исчерпывается вышеуказанными актами. Соответствующие правовые нормы постепенно проникали и проникают в нормативные правовые акты

¹ Добробаба М. Б. Искусственный интеллект в государственном управлении: новые возможности и новые угрозы // Государство и право России в современном мире : сборник докладов XII Московской юридической недели : в 5 ч. Ч. 2. М. : Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. С. 263–267.

² Чердаков О. И., Куликов С. Б. Обеспечение безопасности социально-экономических институтов в связи с внедрением технологий искусственного интеллекта в России // Безопасность бизнеса. 2022. № 6. С. 3–4.

³ Минбалеев А. В. Проблемы цифрового права. Саратов : Амирит, 2022. С. 113–130; Егорова М. А., Минбалеев А. В., Кожевина О. В., Дюфло А. Основные направления правового регулирования использования искусственного интеллекта в условиях пандемии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2021. Т. 12. № 2. С. 250–262; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Основные тенденции и проблемы развития науки информационного права // Государство и право. 2022. № 9. С. 94–104; Polyakova T. A., Naumov V. B., Minbaleev A. V. Trust in the law during the digital transformation // State and Law. 2022. № 1. С. 139–147; Полякова Т. А., Минбалеев А. В., Кроткова Н. В. Развитие доктрины российского информационного права в условиях перехода к экономике данных // Государство и право. 2023. № 9. С. 158–171.

различной юридической силы на разных уровнях, а в некоторых случаях и формируют такие акты, образуя группы однородных правовых норм. Вместе с тем прослеживается отсутствие комплексного подхода законодателя к регулированию рассматриваемых вопросов и единого вектора выстраивания и развития указанного регулирования.

Отметим несколько ключевых инициатив в рамках дискуссии о будущем регулирования сферы данных о человеке, обсуждаемых в последние годы:

разработка концепции по защите цифровых прав граждан Советом при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ)¹;

регулирование вопросов, связанных с обработкой данных, прошедших процедуру обезличивания²; инициатива, связанная с процессами идентификации и аутентификации физических лиц посредством инфраструктуры цифрового профиля. Соответствующий законопроект³ и указанный вопрос в целом получили широкое освещение и осмысление в правовой доктрине⁴.

Рассматривая актуальные инициативы в сфере регулирования отношений, связанных с данными о человеке, можно сделать вывод о том, что они являются попытками законодателя дать конкретные, точечные ответы тем вызовам, которые в настоящее время стоят перед ним. Вместе с тем представляется, что только инициатива, связанная с концепцией по защите цифровых прав граждан, реализуемая Советом по правам человека, может быть квалифицирована на комплексное, цельное направление правотворческой работы в области данных о человеке, нацеленное на решение базовых вопросов, адресация которых сегодня является весьма актуальной.

Можем выделить следующие закономерности развития рассматриваемого регулирования.

Первую правовую закономерность охарактеризуем как «Постепенный переход от значимости общественного и государственного к признанию значимости личного и далее к признанию и обеспечению интересов всех участников рассматриваемых отношений».

Постепенно, начиная с 1991 г., российское государство признало и выработало общие и специальные правовые механизмы, которые сперва обеспечили право на неприкосновенность частной жизни, а затем сбалансировали его с интересами других участвующих сторон (общество, государство, частные лица) в аспектах сбора и дальнейшей обработки персональных данных, что нашло закрепление как в действующей Конституции Российской Федерации, так и в Федеральном законе от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» и других актах.

Вместе с тем продолжает иметь место проблема того, какие именно стороны участвуют в процессе выработки механизмов регулирования процессов автоматизированного сбора данных и их последующей обработки. Как отмечает Н. А. Дмитрик, ключевая дискуссия о будущем рассматриваемого регулирования разворачивается между государством и бизнесом (операторами данных) в отсутствие прямого, непосредственного выражения воли самих субъектов данных: «они

¹ Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве. Доклад Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека. URL: <https://ifap.ru/pr/2021/n211213a.pdf> (дата обращения: 11.12.2023) ; проект концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации. URL: <https://rocit.ru/uploads/4f68dc0a2487678a7675ad7589280277050b4004.docx?t=1639585614> (дата обращения: 11.12.2023).

² Законопроект № 992331-

7 «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» (в части уточнения порядка обработки персональных данных). URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/992331-](https://sozd.duma.gov.ru/bill/992331-7)

7 (дата обращения: 12.09.2023) ; Гаврилюк А. Минцифры хочет собирать обезличенные данные в своей информационной системе. URL: <https://www.forbes.ru/tehnologii/493181-mincifry-hocet-sobirat-obezlicennye-dannye-v-svoej-informacionnoj-sisteme> (дата обращения: 12.09.2023) ; Королев П. Организации начнут обезличивать персональные данные граждан. URL: <https://www.comnews.ru/content/228740/2023-09-11/2023-w37/1007/organizacii-nachnut-obezlichivat-personalnye-dannye-grazhdan> (дата обращения: 12.12.2023).

³ Проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты (в части уточнения процедуры идентификации и аутентификации)», ID проекта 04/13/03-19/00089871. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=89871> (дата обращения: 12.12.2023).

⁴ Жарова А. К. Парадигма цифрового профилирования деятельности человека: риски, угрозы, преступления / А. К. Жарова, В. М. Елин, А. В. Минбалева. М. : ООО «Русайнс», 2022. 240 с. ; Минбалева А. В. Понятие и правовая природа цифрового профиля человека // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Право». 2022. Т. 22. № 1. С. 110–116; Минбалева А. В. Проблемы цифрового права. Саратов : Амирит, 2022. С. 77–94.

[государство и бизнес] ведут дискуссию не о себе, а о других»¹. Данный фактор представляется угрозой для построения эффективного регулирования, реально обеспечивающего права и интересы субъектов данных. В связи с этим представляется необходимым если не прямое подключение представителей субъектов данных-физических лиц к существующей дискуссии, то хотя бы внедрение в дискуссию государства и бизнеса материалов глубокой и детальной аналитики общественного мнения по вопросам автоматизированного сбора и последующей обработки данных о человеке.

Далее, вторую правовую закономерность охарактеризуем следующим образом: «Постепенная актуализация вопроса о переосмыслении и формировании базового регулирования рассматриваемых отношений».

Расширение признания различных прав человека российским государством, среди которых было и право на неприкосновенность частной жизни, а также неизбежное распространение информационных технологий и их внедрение во все сферы жизни общества привели законодателя к необходимости регуляторного обеспечения указанных прав физических лиц.

Инициированная Президентом РФ работа Совета по правам человека совместно с Правительством РФ над «Проектом концепции обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина в цифровом пространстве Российской Федерации» показывает, что в настоящее время осуществляется возврат к формированию нового регулирования на уровне принципов, описания ключевых прав человека, целей, задач и механизмов адресации ключевых вызовов и угроз цифровой трансформации.

Наконец, третью закономерность, которая не только сама по себе фиксирует социальные процессы, но и отражается в правовом регулировании, охарактеризуем как «Размывание границ между личным и общественным, частным и публичным».

В условиях цифровой трансформации многие обстоятельства личной жизни физических лиц по их собственной воле или в отсутствие таковой могут быть доведены до сведения той или иной группы лиц. В каждый момент нельзя с полной уверенностью сказать, находится ли человек, а значит, и его данные, в пространстве частной жизни или же происходит взаимодействие с общественной, публичной составляющей.

Наиболее существенным представляется факт того, что даже те сведения, которые по выработанным правовой системой критериям являются сведениями о частной жизни (например, место пребывания лица) в условиях цифровой трансформации зачастую «покидают» зону контроля человека и обрабатываются в публичных интересах или интересах частных третьих лиц.

В связи с этим в настоящее время законодательство должно развиваться именно в сторону формулирования общих критериев и механизмов определения того, когда происходит необоснованное вторжение в частную жизнь физического лица, но не определение конкретных границ между частной жизнью и публичностью.

На основании вышеизложенного будущий тренд развития законодательства в области автоматизированного сбора данных о человеке, который, по нашему мнению, может стать основой эффективного обеспечения прав всех заинтересованных сторон, мы видим следующим образом:

отказ от приоритетности дихотомии «частное-публичное» в пользу регулирования, действующего постоянно и комплексно, обеспечивающего фундаментальное право на личную свободу и неприкосновенность физических лиц в цифровой среде и другие права;

формирование универсального регулирования, обеспечивающего права физических лиц при сборе любых данных о человеке, допускающего при этом применение специального (содержащего более высокие требования) регулирования отношений по автоматизированному сбору отдельных категорий данных о человеке, например персональных данных;

формирование корпуса новых принципов регулирования в рассматриваемой сфере, призванных обеспечить эффективность и актуальность регулирования в долгосрочной перспективе;

расширение спектра специальных информационных прав субъектов, основанных на и вытекающих из информационной (цифровой) неприкосновенности личности и права на информационное самоопределение личности.

¹ Дмитрик Н. А. История, смысл и перспективы института персональных данных // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20. № 3. С. 68–69.

Одинцов В. И.аспирант кафедры информационного права и цифровых технологий
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)**Анализ вопроса включения роботов
в перечень технических средств реабилитации**

В соответствии с Конституцией Российской Федерации установлено, что Российская Федерация является социальным государством и осуществляет государственные меры социальной поддержки и социального обеспечения, поощряет добровольную помощь и пожертвования, а Правительство РФ, в свою очередь, обеспечивает функционирование системы социальной защиты инвалидов, основанной на полном и равном осуществлении ими прав и свобод человека и гражданина, их социальную интеграцию без какой-либо дискриминации, создание доступной среды для инвалидов и улучшение качества их жизни.

Конвенция о правах инвалидов, принятая резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи от 13.12.2006, подписанная от имени Российской Федерации в городе Нью-Йорке 24 сентября 2008 г., ратифицированная Федеральным законом от 03.05.2012 № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов», дополнительно внедрила в Закон о социальной защите инвалидов важные принципы недискриминации и другие нормы, внесенные Федеральным законом от 01.12.2014 № 419-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам социальной защиты инвалидов в связи с ратификацией Конвенции о правах инвалидов».

Дополнительные меры, гарантии, понятия и принципы раскрываются в Федеральном законе от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (далее – Закон о социальной защите), раскрывающий подробно понятия реабилитации, абилитации и технических средств реабилитации. Меры такой поддержки обязаны осуществлять органы исполнительной власти, а финансированием расходов согласно части 8 статьи 11.1 Закона о социальной защите, связанных с этими мерами, возлагаются на федеральный бюджет и внебюджетные фонды социального страхования.

Правоотношения, складывающиеся между людьми с ограниченными возможностями, использующими роботов, и государственными органами власти, производителями роботов и разработчиками программного обеспечения для роботов, обусловлены такими особенностями, как социальная значимость таких правоотношений, наличием установленной законодательством процедуры и существующими требованиями со стороны законодательства в области социальной защиты инвалидов.

Государство гарантирует проведение реабилитационных мероприятий и предоставление технических средств реабилитации, предусмотренного федеральным перечнем¹ (далее – Перечень технических средств реабилитации), утверждаемым Правительством РФ, за счет средств федерального бюджета.

На основании статьи 11.1 Закона о социальной защите к техническим средствам реабилитации инвалидов относятся устройства, содержащие технические решения, в том числе специальные, используемые для компенсации или устранения стойких ограничений жизнедеятельности инвалида.

Согласно части 4 статьи 1 Закона о социальной защите для получения технического средства реабилитации обязательно прохождение медико-социальной экспертизы (МСЭ), которая установит инвалидность гражданина и определит потребности в предоставлении мер социальной защиты инвалидов, обращаться гражданин может в бюро федерального государственного учреждения медико-социальной экспертизы по месту жительства. с этим индивидуальным планом реабилитации, который позволит получить техническое средство реабилитации при обращении в фонд социального страхования или в компетентные органы исполнительной власти.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2005 № 2347-р.

На 2021 г. по сведения Росстата число бюро медико-социальной экспертизы для лиц старше 18 лет составляет 1 750 единиц и в них задействовано 8 759 сотрудников, где 5 991 составляет количество работников, принимающих экспертное решение из числа врачей-специалистов, психологов, специалистов по реабилитации и социальной работе. За 2021 г. было освидетельствовано 611 265 и признано инвалидами 535 627 человек, а переосвидетельство прошли 2 378 761 человек.

Всего с 2011 по 2021 на 40 % снизилось количество признанных инвалидами и снизилось всего на 6 % количество человек, прошедших переосвидетельствование. На настоящий момент остается еще много людей, которым необходимо получать меры социальной поддержки.

Роботизация переживает новый подъем после COVID-19, когда роботизация и автоматизация процессов показала свою целесообразность во время введения режима карантина. Медико-социальные экспертизы проходили дистанционно, которые бы исключили контакт человека и распространения заражения. Видеообращение от 06.05.2020 генерального секретаря Антониу Гутерриш по случаю публикации аналитической записки по вопросу об инвалидах и COVID-19 можно дополнить словами о необходимости более широкого распространения роботизированных средств и роботов для предоставления людям с ограниченными возможностями жизненно необходимой помощи и доступа к медицинским процедурам без риска распространения заражения¹, ввиду того, что люди с ограниченными возможностями находятся в зоне риска заражения COVID-19 и они подвержены риску развития более тяжелых заболеваний и смертельного исхода в результате заражения COVID-19, особенно в таких опасных зонах, как медицинские учреждения.

Несмотря на полученный трагический урок после пандемии COVID-19 в настоящем перечне технических средств реабилитации, так и не появились роботизированные системы и реабилитационные роботы, которые могут выполнять необходимую работу по обеспечению функционирования людей в отсутствие сотрудников и специалистов социальных служб. Повышая уровень автономности людей с ограниченными возможностями, решая многие бытовые и рутинные вопросы.

Отсутствие реабилитационных роботов в перечне технических средств реабилитации обусловлено экономическим и техническими проблемами, так, например, отсутствуют реабилитационные роботы, запущенные в серийное производство. Известные модели создаются штучно под запрос медицинских клиник и распространяются через специалистов в клиниках.

Модели постоянно совершенствуются и при всех негативных аспектах нужно отметить впечатляющий прогресс, достигнутый на настоящий момент. Например, Atalante X компании Wandercraft² позволяет восстанавливать опорно-двигательную систему людей у которых парализованы часть конечностей или ATLAS компании Marsi Bionics³, являющийся экзоскелетом, помогающий детям в возрасте от 4 до 10 лет, страдающим травмой спинного мозга, мышечной атрофией, мышечной дистрофией, миопатией или другим нервно-мышечным заболеванием. Это удивительный результат технического прогресса, который, к сожалению, не доступен для большего количества инвалидов.

Повторяя вышесказанное, в перечне технических средств реабилитации нет упоминания о реабилитационных роботах, а сам список является закрытым. Таким образом, предоставление роботов или компенсации на их покупку за счет средств федерального бюджета или фонда пенсионного и социального страхования невозможно без включения таких роботов в перечень технических средств реабилитации. Не представляется возможным актуальность мер социальной поддержки и реабилитации.

Считаю целесообразным в статью 11.1 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» внести реабилитационного робота, как техническое средство реабилитации инвалидов. Внесение именно в этот закон позволит большему

¹ Видеообращение Антониу Гутерриша // URL: <https://webtv.un.org/ru/asset/k18/k18kqzm2dc> (дата обращения: 12.12.2023). Аналитическая записка: принятие мер реагирования на COVID-19 с учетом потребностей инвалидов. URL: https://www.un.org/sites/un2.un.org/files/2020/05/russian_disability_brief.pdf (дата обращения: 12.12.2023).

² Atalante X. // URL: <https://en.wandercraft.eu/> (дата обращения: 12.12.2023).

³ ATLAS / URL: <https://www.marsibionics.com/> (дата обращения: 12.12.2023).

количеству нуждающихся в реабилитационных роботах претендовать на его получение или на получение компенсации за самостоятельное приобретение.

Это важно ввиду того, что реабилитационные роботы могут выполнять работу в опасных условиях для человека или выполнять такую работу, которая требует много физических и точных усилий, когда для человека-специалиста требуется специально отведенное место в учреждении. Реабилитационный робот может поддерживать условия жизни человека с ограниченными возможностями на более долгий срок и оставаться без наблюдения со стороны специалиста.

На текущем техническом моменте развитии реабилитационные роботы не собирают и не передают информацию о своих пациентах, что решает вопрос в необходимости дополнительного регулирования вопроса о защите персональных данных.

Коноров В. Д.

аспирант кафедры административного и финансового права
Российской таможенной академии

Проблема правового обеспечения интеллектуального суверенитета России

С развитием Интернета правообладатели исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности столкнулись с новыми препятствиями. Резко увеличилось количество нарушений авторского права в сети Интернет. Плагиат является одной из распространенных проблем нарушения авторских прав в Интернете, подразумевая под собой копирование или использование чужих творческих работ, идей, текстов, изображений или другого контента без разрешения и указания источника. Второй проблемой, с которой можно столкнуться в цифровой среде, является размещение чужих материалов в сети Интернет, с предоставлением к ним открытого доступа без получения разрешения правообладателя. Зачастую проблема «пиратства» остается безнаказанной для нарушителей.

Для обеспечения правопорядка в цифровой среде и устойчивого развития экономики, в роли некоего щита государства выступает интеллектуальный суверенитет. В настоящее время на законодательном уровне понятие интеллектуального суверенитета не закреплено, и многие ученые предлагают свои трактовки.

По мнению О. П. Неретина, интеллектуальный суверенитет – это комплексная система правовых, управленческих, финансовых, кадровых, научных и технологических инструментов поддержки и развития института интеллектуальной собственности, гарантирующая полноценное обеспечение потребностей страны совокупностью охраняемых результатов интеллектуальной деятельности для создания отечественных высокотехнологичных производств по всем критически важным отраслям экономики¹.

Интеллектуальный суверенитет является ключевым элементом обеспечения технологического суверенитета, импортозамещения и цифрового суверенитета. Это условие, в свою очередь, играет важную роль в обеспечении безопасности государства в целом, поскольку государственная политика в сфере интеллектуальной собственности направлена на повышение конкурентоспособности экономики и обеспечение роста валового внутреннего продукта, национальной безопасности и технологической независимости.

В России функции формирования государственной политики в области интеллектуального суверенитета реализуются Роспатентом – Федеральной службой по интеллектуальной собственности. В связи с обстоятельствами санкционного давления Роспатент в пилотном формате предлагает реализовать сервис патентно-аналитической поддержки ускоренного патентования результатов интеллектуальной деятельности в сфере IT-технологий и здравоохранения. Таким образом,

¹ Неретин О. П. Интеллектуальный суверенитет экономики России. М. : Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2022. С. 12.

распространение цифровых сервисов Роспатента, являющихся LegalTech решениями¹, для российских стартапов создает организационные механизмы, обеспечивающие развитие интеллектуального суверенитета нашей страны.

Также полномочия на охрану интеллектуальных прав в цифровом пространстве возложены на Роскомнадзор – Федеральную службу по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Согласно статье 15.2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»², правообладатель в случае обнаружения в сети «Интернет» объектов авторских и (или) смежных прав, распространяемых без его разрешения или иного законного основания, вправе обратиться с заявлением о принятии мер по ограничению доступа к информационным ресурсам, распространяющим такие объекты или информацию. Роскомнадзор на основании вступившего в силу судебного акта в течение трех рабочих дней определяет лицо, обеспечивающее размещение в сети «Интернет» и направляет в электронном виде уведомление о нарушении исключительных прав и о необходимости ограничить доступ к незаконно размещенной информации с требованием удалить незаконно размещенную информацию или принять меры по ограничению доступа к ней.

Однако решить проблему защиты интеллектуальных прав в сети «Интернет» навсегда блокировка сайта по решению суда неспособна. Существуют различные примеры нарушения авторских прав VPN-провайдерами, которые разрешают своим пользователям обходить географические ограничения стриминговых сервисов, таких как Netflix, и позволять использовать их сервис для анонимного скачивания. Примером может послужить известный на территории нашей страны торрент-ресурс «Rutracker.ru», решение о блокировке которого было принято еще в 2015 г.³ Данный сайт насчитывает более пяти петабайт нелегальной информации, нарушающей интеллектуальные права других лиц. Однако на данный момент ресурс продолжает существовать, и интернет-пользователю достаточно воспользоваться VPN-сервисом для изменения своего местоположения, чтобы воспользоваться запрещенным ресурсом на территории нашего государства.

Необходимо отметить, что в России количество патентных заявок составляет около 35 тыс., что ставит ее на восьмое место в рейтинге стран по числу патентных заявок на изобретения. Для сравнения, лидером рейтинга является торговый партнер нашего государства – Китай (1,4 млн заявок)⁴. В нашей стране были созданы льготные условия и меры поддержки для IT-компаний, что также положительно повлияло на разработчиков цифровых объектов интеллектуальной собственности. В России число заявок, направляемых в Роспатент для регистрации программ для ЭВМ, баз данных и топологий интегральных микросхем увеличилось в 1,69 раз, что также благополучно влияет развитие интеллектуального суверенитета нашей страны⁵.

Обеспечение интеллектуального суверенитета в современных условиях потребовало частично ограничить исключительные права правообладателей из недружественных государств. Был введен так называемый временный мораторий на объекты интеллектуальной собственности для правообладателей, располагающихся в странах, которые ввели санкции в отношении России. Правовой принцип исчерпания исключительных прав направлен на защиту интересов прав потребителей. Он позволяет осуществлять импортерам ввоз товаров, закрепленных в приказе Министерства

¹ Информационно-технологическое обеспечение юридической деятельности (LegalTech) : учебник / А. В. Минбалева, Т. А. Полякова, М. Б. Добраба [и др.]. М. : ООО «Проспект», 2023. 368 с.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Российская газета. 2006 . 29 июля.

³ Решение Московского городского суда по делу № 3-0726/2015 по иску: ЗАО «СБА Продакшн», ООО «Эксмо к Дримторрент Корп., Хеэнер Онлайн АГ о защите авторских и (или) смежных прав в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет» (дата обращения: 15.10.2023).

⁴ WIPO // URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4577&plang=RU> (дата обращения: 15.10.2023).

⁵ Неретин О. П. Интеллектуальный суверенитет экономики России. М. : Федеральный институт промышленной собственности (ФИПС), 2022. С. 90.

промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532¹. Принцип исчерпания в интересах национальной безопасности ранее уже применялся. Так, распоряжениями Правительства РФ от 31.12.2020 № 3718-р² и от 28.12.2021 № 3915-р³ АО «Фармасинтез» было предоставлено право использования изобретений с действующим веществом «Ремдесивир» без согласия патентообладателя. Данное решение не отвечало интересам зарубежных компаний, однако Верховный Суд подтвердил законность выпуска медицинского препарата⁴. По этой причине, исчерпание права не является нарушением исключительных прав в отношении товаров, которые были правомерно введены в оборот в любой другой стране мира. Из этого явления мы можем вывести взаимосвязь двух понятий, которые возникли в современной правовой реальности – «интеллектуального суверенитета» и «параллельного импорта» – ввоза товаров, в которых выражен/размещен объект интеллектуальной собственности, осуществляемый лицом, не уполномоченным правообладателем⁵.

В заключение, автор предлагает поддерживать тенденцию совершенствования и развития законодательства в области интеллектуальной собственности для обеспечения интеллектуального суверенитета России. Теоретическая и практико-ориентированная разработка концепции интеллектуального суверенитета является новым, актуальным, но недостаточно исследованным направлением в юридической науке.

¹ Приказ Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 19.04.2022 № 1532 // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 15.10.2023).

² Распоряжение Правительства РФ от 31.12.2020 № 3718-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2021 № 3915-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.10.2023).

⁴ Решение Верховного Суда РФ от 27.05.2021 № АКПИ21-

303 по административному исковому заявлению Gilead Pharmasset LLS (Гайлид Фармассет ЛЛС (US)), Gilead Sciences INC (Дж илид Сайэнсиз, ИНК. (US)) об оспаривании распоряжения Правительства РФ от 31.12.2020 № 3718-р.

⁵ Экономика сегодня: Роспатент назвал правовые инструменты РФ для борьбы с западным эмбарго. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/news/ekonomika-segodnya-22032022> (дата обращения: 15.10.2023).

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СУВЕРЕНИТЕТ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОГО ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПОРЯДКА: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Черныш А. Я.

АО «К-Технологии»

доктор военных наук, профессор,
заместитель главного конструктора по АСУ

Организационно-правовые проблемы формирования инновационно-инвестиционных проектов модернизации высокотехнологичных систем

Начало XXI в. в мире ознаменовалось бурным развитием новых высоких технологий во всех сферах жизни и особенно в сфере обороны¹. Эти процессы в Российской Федерации активно начали развиваться с переходом экономики на интенсивные пути развития и особенно быстро с началом специальной военной операции (СВО).

Проведенные исследования показали, что развитие новых высоких технологий (например, технологий искусственного интеллекта) и высокотехнологичных систем (например, систем поддержки принимаемых решений, автоматизированных информационно-аналитических систем – АИАС) нуждаются не только в значительных государственных финансовых ассигнованиях, но и в дополнительном инвестировании со стороны частных инвесторов². Инвестирование со стороны частных инвесторов может осуществляться, например, в рамках государственно-частного партнерства (ГЧП). Однако при реализации этого подхода применительно к НИОКР двойного назначения возникают нормативно-правовые проблемы, которые необходимо решать³.

Анализ развития процессов мировой экономики убедительно свидетельствует о том, что в современных условиях основным фактором, определяющим экономическое развитие любого государства, является инновационно-инвестиционная составляющая⁴. Дело в том, что инновационное направление развития государства позволяет сформировать такую инвестиционную среду, которая может обеспечить решение насущных научно-технических проблем высокой сложности, создать высокотехнологические отрасли и наукоемкие технологии, расширить рынок интеллектуальных продуктов в кратчайшие сроки⁵.

Кроме того, с ростом инвестиций, как правило, заметно начинает расти капиталоемкость производства (доля капитальных затрат в стоимости производства), особенно в связи с процессами автоматизации и цифровизации производства, с развитием его логистики, с развитием его диверсификации. Поэтому традиционные методы оценки стоимости производства, основанные на методах бухгалтерского подхода и на показателе себестоимости, вообще не учитывают влияние фактора времени, никак не учитывают вполне реальные издержки производителей, обусловленные «связыванием» средств и капитальных ресурсов в процессе производства («вмененные» издержки по терминологии инвестиционного анализа).

¹ Чеботарев С. С., Проскурин Б. В., Ельшин В. А. Векторы управления инновациями высокотехнологичных организаций промышленности: методологические аспекты : монография. М. : Русайнс, 2022. 148 с.

² Черныш А. Я., Манько В. Л., Попов В. В. О развитии интеллектуальных систем поддержки принятия решений в автоматизированных информационно-управляющих центрах // Журнал «Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России». 2020 г. № 2. С. 33–40.

³ Кохно П. А., Чеботарев С. С. Синергия социалистического управления и капиталистического менеджмента в решении проблем оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2015. № 1. С. 19–34.

⁴ Чеботарев С. С., Ельшин В. А. Рекомендации по государственному стимулированию инвестиционной деятельности предприятий ОПК // Вестник алтайской академии экономики и права. 2022. № 10 (ч. 3). С. 484–491.

⁵ Черныш А. Я., Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г. Оценка эффективности автоматизированных информационно-управляющих систем военного назначения на основе натурных испытаний. Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России, № 1, 2022. г С. 37–41.

По этой причине с ростом капиталоемкости производства инновационной (высокотехнологичной) оценки его доходности и стоимости традиционными и инвестиционными методами начинают всё более и более расходиться. Это расхождение – в сторону существенного занижения традиционными методами оценок стоимости продукции и в сторону существенного завышения оценок ее доходности (рентабельности). Данное расхождение усугубляется тем, что вся сегодняшняя система мер государственного планирования, учета и регулирования промышленности (в том числе – через каналы инвестирования, имущественной, таможенной, налоговой, ценовой и тарифной политики) целиком построена на существующей нормативно-правовой базе и традиционных подходах бухгалтерского анализа. Под влиянием этой системы расхождения в оценках доходности и стоимости традиционными и инвестиционными методами еще больше усиливаются. Как результат – у предприятий промышленности, стремящихся к обеспечению высокой эффективности производства, резко снижаются реальные экономические стимулы к любой инновационной и инвестиционной деятельности в сфере его развития. А с учетом экономических санкций значимость новых подходов в практике предприятий и организаций бизнеса только возрастает¹.

В наиболее общем виде развитие систем любой природы, в том числе и в автоматизированных информационно-аналитических системах (АИАС) государственного и муниципального уровня представляет собой протекающий во времени процесс их зарождения, возникновения, становления и трансформации. Особенностью развития таких технических систем является целенаправленность. Она проявляется в том, что их зарождение, возникновение, становление и трансформация связаны с осмысленной деятельностью людей и направлены на удовлетворение непрерывно возрастающих потребностей государства². Ограниченность ресурсов, требуемых для развития таких систем, обуславливает необходимость совершенствования нормативно-правовой базы управления этим процессом (в том числе и управление инвестиционной деятельностью).

Источники инвестиций принято делить на две группы. Первую составляют внутренние, а вторую внешние источники инвестиций предприятия. Внутренние инвестиции осуществляются за счет собственных средств. Источниками этих средств являются:

- нераспределенная прибыль предприятия;
- амортизационные отчисления;
- суммы, выплачиваемые страховыми органами в виде возмещения за ущерб и т.п.;
- иные виды активов (основные фонды, земельные участки, промышленная собственность и т.п.).

Внешние инвестиции предприятия привлекают извне за счет различных источников. Их принято делить на следующие группы:

- 1) привлеченные средства;
- 2) ассигнования из федерального, региональных и местных бюджетов, фондов поддержки предпринимательства, предоставляемые на безвозмездной основе;
- 3) иностранные и др. инвестиции, предоставляемые в форме финансового или иного участия в уставном капитале совместных предприятий, а также в форме прямых вложений (в денежной форме) международных организаций и финансовых институтов, государств,

Целенаправленность инвестиционного процесса обеспечивается нормами права, обеспечивающими легитимность соответствующих управленческих решений в инвестиционных процессах. По нашему мнению, управление инвестиционными процессами – это целенаправленная деятельность инвесторов по выявлению (формированию) множества допустимых инвестиционных проектов, формированию необходимых ресурсов, их распределению и перераспределению между проектами. Оно (управление) включает³:

¹ Чеботарев С. С., Чеботарев В. С., Яхонт В. В. Импортзамещение в развитии оборонно-промышленного комплекса // Вестник воздушно-космической обороны. 2016. № 2 (10). С. 21–34.

² Черныш А. Я., Анисимов В. Г., Анисимов Е. Г., Мельник Д. А. Модель поддержки принятия решений при формировании программ инновационного развития предприятий электротехнической отрасли машиностроения. Статья. Вестник РЭУ имени Г.В. Плеханова № 4, 2021. С. 140–151.

³ Черныш А. Я., Анисимов В. Г. Концептуальные положения теории эффективности инновационно-инвестиционных проектов и программ развития информационно-

организацию работы системы управления инвестициями;
управление процессом определения допустимого множества инвестиционных проектов;
управление формированием инвестиционных ресурсов;
управление распределением инвестиционных ресурсов;
поддержание непрерывного взаимодействия инвесторов с объектами инвестиций.

Выполнение задач управления инвестициями состоит в осуществлении циклического процесса формирования и реализации инвесторами (управляющей системой) управляющих воздействий (решений по выбору наиболее целесообразных проектов, созданию необходимых инвестиционных ресурсов и их распределению) на управляемую систему (инвестиционные ресурсы и их источники) в интересах достижения поставленных целей.

При этом в каждом цикле процесса управления должны выполняться следующие функции:

1. Добывание, сбор, изучение, отображение и анализ необходимых для управления инвестициями данных.

2. Формирование решения по созданию инвестиционных ресурсов, их распределению или перераспределению, обеспечивающего достижение поставленных целей и определение мер для его реализации (формирование управляющих воздействий).

3. Постановка задач по формированию или распределению инвестиционных ресурсов (осуществление управляющих воздействий).

4. Контроль результатов цикла управления.

Инвестиционное решение, по нашему мнению, должно содержать:

- множество подлежащих реализации инвестиционных проектов;
- источники и порядок создания необходимых инвестиционных ресурсов;
- распределение инвестиционных ресурсов между выбранными инвестиционными проектами;
- порядок инвестирования и реализации каждого из выбранных проектов;
- порядок взаимодействия инвесторов с объектами инвестиций.

В рыночной экономике на микроэкономическом уровне цель инвестиционного процесса заключается в обеспечении достаточной (а в идеале – максимально возможной) в сложившихся условиях прибыли от использования инвестируемых ценностей (средств).

Характерной особенностью практики управления инвестиционными процессами как на макро, так и микроэкономическом уровнях является неполная предсказуемость результатов управленческих воздействий. Она обусловлена тем, что инвестиционные процессы протекают во внешней среде, не управляемой их менеджментом. Состояния же среды существенно влияют на результаты инвестирования. Кроме того, и внутренние характеристики инвестиционных процессов формирования и развития АИАС, вследствие их многообразия, далеко не всегда могут быть в полном объеме учтены при формировании управляющих воздействий. То есть инвестиционные процессы реализуются в условиях объективно существующей и принципиально неустранимой неопределенности.

Неопределенность порождает опасность отклонения реальных результатов процесса от запланированных. В результате поставленная цель не будет достигнута или достигнута не в полной мере. Возможность отклонения от цели, т.е. несовпадение фактически полученного результата с результатом, намеченным в момент принятия решения, характеризуется такой категорией, как инвестиционный риск. Для его оценки необходима всесторонне обоснованная теория оценки эффективности, позволяющая развить инновационно-инвестиционный подход для развития инновационно-инвестиционных проектов модернизации существующих высокотехнологичных систем (АИАС), а также признание в качестве приоритетности показателей оценки обеспечения военной безопасности государства над экономическими (финансовыми) показателями оценки эффективности в случае острой военно-политической обстановки.

Цель инновационного проекта должна определяться как создание новых или изменение существующих систем – технической, технологической, информационной, социальной, экономической, организационной и достижение в результате снижения затрат ресурсов

(производственных, финансовых, человеческих) коренного улучшения качества продукции, услуги и высокого коммерческого эффекта.

По – существу инновационный проект является лишь формой воплощения инновационного процесса, отражающей механизм его осуществления. На авторский взгляд, главное отличие заключается в том, что проект имеет начальную и завершающую стадии, тогда как процесс может осуществляться бесконечно, переходя из одной стадии в новую. Очевидно, речь может идти об узкой и широкой трактовках.

В самом общем виде *инвестиции* в развитие сложных технических систем представляют собой вложения имущественных и интеллектуальных ценностей в объекты предпринимательской, коммерческой и других видов деятельности с целью получения положительного эффекта. При этом управление развитием сложных технических систем представляет собой циклический процесс формирования и оказания управляющих воздействий, направленных на рациональное использование ресурсов в интересах удовлетворения потребностей в модернизации имеющихся технических систем и замене их более совершенными.

Разработанная теория оценки эффективности формирования и реализации инновационно-инвестиционных проектов создания АИАС реализуется методами инновационно-инвестиционного подхода.

Инновационно-инвестиционный подход (ИИП) к управлению предприятиями-изготовителями АИАС рассматривает проблемы, задачи, системы, механизмы управления предприятиями с позиции теории инвестиций, инноваций, инвестиционного анализа, проектно-инвестиционного управления, проектно-инновационного управления по производству инновационно-инвестиционного продукта (АИАС).

Цель применения ИИП – экономически эффективный отбор инновационно-инвестиционных проектов и производство высокотехнологичной продукции, т.е. инновационно-инвестиционного продукта (ИИПрод) АИАС.

ИИПрод с заданными потребительскими свойствами (потребительная стоимость) при установленной и/или согласованной цене (стоимость плюс рентабельность). Эта цель достигается решением ряда задач: мониторинг, анализ, оценка и управление эффективностью предприятий методологией ИИП по инновационно-инвестиционному проектированию соответствующей высоко конкурентной продукции, что можно считать приоритетным направлением в экономической теории и практике, способствующей развитию финансового суверенитета государства. Особую значимость данное направление имеет для предприятий радиоэлектронного кластера.

Ильин С. Ю.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры управления и экономики

К вопросу оценки стоимостных показателей устойчивости функционирования отраслевого управления в условиях современной хозяйственной конъюнктуры

Эффективное и интенсивное отраслевое управление обеспечивает монолитность иерархии национальных звеньев, находящихся друг с другом в интегральной зависимости, иными словами, с его помощью органично сочетаются менеджмент на уровне юридических и физических лиц и менеджмент на государственном и муниципальном уровне, придавая целостность принимаемым решениям в области анализа, прогнозирования и моделирования, учета и корректировки искомым индикаторов, идентифицирующих конкурентоспособность страны в федеральном, региональном и местном масштабах и, соответственно, действиям по регламентированию и координированию, мотивированию и стимулированию трудовых процессов населения, занятого в общественном воспроизводстве¹.

¹ Гасанов М. А., Селимова У. А. Комплексное формирование и развитие производственно-отраслевой системы региона // Известия Дагестанского ГАУ. 2023. № 2 (18). С. 159–167.

Важность данного факта приводит автора к необходимости рассмотрения вопроса оценки стоимостных показателей устойчивости функционирования управления этим народнохозяйственным звеном и создания инструментария, отражающего объективность методик исчисления выбранных индикаторов по определению результативности и затратности (статических или тактических индикаторов) и изменений результата и затрат (динамических или стратегических индикаторов), что обусловлено существованием и развитием товарно-денежных отношений, при которых им отводится первостепенное внимание¹. Исходя из сказанного выше, обратимся к существующей отраслевой структуре народного хозяйства и выделим в ее составе расходы в сфере управления материальным производством, расходы в сфере управления нематериальным производством, расходы в сфере управления оптовой торговлей, расходы в сфере управления розничной торговлей, расходы в сфере управления инвестициями, сводимые по всем национальным уровням (интегральные национальные консолидированные расходы, сгруппированные по отраслевым элементам). Для получения интересующих нас статических показателей сопоставим интегральные национальные консолидированные расходы с доходами (формулы (1), (2)), калькулируемыми по аналогичному признаку (интегральными национальными консолидированными доходами, создаваемыми в рассматриваемых нами отраслях и зачисляемых в бюджеты и государственные внебюджетные фонды), а динамические показатели, в свою очередь, сможем получить через сопоставление приращений статических индикаторов в процессе сравнения их в отчетном и базисном периодах, взаимодействующих с соответствующими отчетными показателями результата и затрат, согласно расчетно-конструктивному методу в симбиозе с методом цепных подстановок (формулы (3), (4)):

$$PT_{oy} = \frac{НКД_{инт}}{НКР_{умп} + НКР_{унп} + НКР_{уот} + НКР_{урт} + НКР_{уи}}, (1)$$

где PT_{oy} – результативность (доходность или прямая статическая устойчивость функционирования) отраслевого управления;

$НКД_{инт}$ – интегральные национальные консолидированные доходы, руб.;

$НКР_{умп}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления материальным производством, руб.;

$НКР_{унп}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления нематериальным производством, руб.;

$НКР_{уот}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления оптовой торговлей, руб.;

$НКР_{урт}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления розничной торговлей, руб.;

$НКР_{уи}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления инвестициями, руб.;

$$ЗТ_{oy} = \frac{НКР_{умп} + НКР_{унп} + НКР_{уот} + НКР_{урт} + НКР_{уи}}{НКД_{инт}}, (2)$$

где $ЗТ_{oy}$ – затратность (расходность или косвенная статическая устойчивость функционирования) отраслевого управления;

$НКР_{умп}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления материальным производством, руб.;

$НКР_{унп}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления нематериальным производством, руб.;

$НКР_{уот}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления оптовой торговлей, руб.;

$НКР_{урт}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления розничной торговлей, руб.;

$НКР_{уи}$ – национальные консолидированные расходы в сфере управления инвестициями, руб.;

$НКД_{инт}$ – интегральные национальные консолидированные доходы, руб.;

¹ Иванкович А. В. Отраслевое управление. Прошлое, настоящее и будущее // Морской вестник. 2017. № 2 (62). С. 36–39.

$$\Delta \text{НКД}_{\text{инт(ипоу)}} = \Delta \left(\frac{\text{НКД}_{\text{инт}}}{\text{НКР}_{\text{умп}} + \text{НКР}_{\text{унп}} + \text{НКР}_{\text{уот}} + \text{НКР}_{\text{урт}} + \text{НКР}_{\text{уй}}} \right) * \text{НКУОР}_{\text{инт1}}, \quad (3)$$

где $\Delta \text{НКД}_{\text{инт(ипоу)}}$ – изменение интегральных национальных консолидированных доходов под воздействием приращения прямых качественных параметров устойчивости функционирования отраслевого управления, руб.;

$\Delta \left(\frac{\text{НКД}_{\text{инт}}}{\text{НКР}_{\text{умп}} + \text{НКР}_{\text{унп}} + \text{НКР}_{\text{уот}} + \text{НКР}_{\text{урт}} + \text{НКР}_{\text{уй}}} \right)$ – динамика результативности отраслевого управления;

$\text{НКУОР}_{\text{инт1}}$ – отчетные интегральные национальные консолидированные расходы, руб.;

$$\Delta \text{НКУОР}_{\text{инт(икоу)}} = \Delta \left(\frac{\text{НКР}_{\text{умп}} + \text{НКР}_{\text{унп}} + \text{НКР}_{\text{уот}} + \text{НКР}_{\text{урт}} + \text{НКР}_{\text{уй}}}{\text{НКД}_{\text{инт}}} \right) * \text{НКД}_{\text{инт1}}, \quad (4)$$

где $\Delta \text{НКУОР}_{\text{инт(икоу)}}$ – изменение интегральных национальных консолидированных управленческих отраслевых расходов под воздействием приращения косвенных качественных параметров устойчивости функционирования отраслевого управления, руб.;

$\Delta \left(\frac{\text{НКР}_{\text{умп}} + \text{НКР}_{\text{унп}} + \text{НКР}_{\text{уот}} + \text{НКР}_{\text{урт}} + \text{НКР}_{\text{уй}}}{\text{НКД}_{\text{инт}}} \right)$ – динамика затратности отраслевого управления;

$\text{НКД}_{\text{инт1}}$ – отчетные интегральные национальные консолидированные доходы, руб.

Предложенным авторским методикам оценки устойчивости функционирования отраслевого управления присуща причинно-следственная органичность, тесно коррелирующая факторные индикаторы в системе исследованных статических и динамических причинно-следственных связей. Благодаря таким методикам, возможно точное определение общих результирующих индикаторов (совокупных показателей доходности и расходности, национальной финансовой выгоды по доходам и расходам) и подобных им результирующих индикаторов, рассчитываемых в частном порядке для научного обоснования мероприятий, проведение которых необходимо для сбалансированности народнохозяйственной сферы по отраслевым секторам, что обеспечит соблюдение пропорций в распределении между ними денежных ресурсов, положительно влияющей на воспроизводственную стабильность и социальное благополучие общества.

Богданов В. В.

аспирант ФГУП «ВНИИ «Центр»,
генеральный директор АО «ЭКОС»

Косарев А. С.

начальник управления Альфа Банка,
аспирант ФГУП «ВНИИ «Центр»

Дюндик Е. П.

кандидат экономических наук, доцент
руководитель аспирантуры ФГУП «ВНИИ «Центр»

Проблемы обеспечения экономического суверенитета и пути его повышения

Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденная Указом Президента РФ от 13.05.2017 № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» определяет «экономический суверенитет Российской Федерации» (далее – экономический суверенитет) – объективно существующая независимость государства в проведении внутренней и внешней экономической политики с учетом международных обязательств. То есть суверенитет – это фактически независимость. Экономический суверенитет государства представляет собой способность правительства принимать экономические решения

независимо от решений правительств других стран¹. Эти решения касаются издания законов, выпуска денежной массы, использования национальных природных ресурсов и др. При этом следует отметить, что для суверенитета недостаточно только независимости так как все страны зависят друг от друга и что сильная экономика страны, например, как США, не обеспечивает ей экономического суверенитета.

В Конституции России указывается примат (верховенство) международного права, но и для принятия норм международного права необходимо согласование и учет всех аспектов целесообразности и пользы для государства. Аналогичные законы о суверенитете имеются в иных странах.

Например, в Германии и Японии правовое регулирование их экономики не отгородило их от присутствия на своей территории многочисленных военных баз США, взрыва «Северного потока-2», запрет ввоза-вывоза товаров. Наличие такой надстройки над государствами запада, как ЕС, позволяет ей нарушать экономический суверенитет этих государств. Страны могут быть против или за, но решения о запрете ввоза, вывоза товаров не обеспечивают их экономический суверенитет.

Экономический суверенитет включает в себя другие суверенитеты, например продовольственный суверенитет² или социальный суверенитет³. Существует множество исторических примеров обеспечения экономического суверенитета, но авторы рассматривают современные аспекты этого вопроса.

Будем рассматривать нарушение экономического суверенитета как факторы вмешательства других правительств в экономический процесс, осуществляемый по усмотрению правительства данного государства. При этом авторы исключают ограничения, накладываемые на экономический процесс конкурентным законодательством государства, а также условиями выполнения международных договоров в рамках международной торговли. В международном праве правила устанавливаются единогласно, а не большинством, при этом оно рассматривается как право координации, а не подчинения.

Безусловно санкционные ограничения стран Запада США о запрете импорта и экспорта производимой российскими предприятиями продукции являются нарушением экономического суверенитета государства.

Вопрос об экономическом суверенитете государства неразрывно связан с суверенитетом природных ресурсов в контексте постоянного растущего спроса на природные ресурсы и наличия конфликтов из-за контроля над ними⁴.

Растет геополитическое и экономическое значение Арктики, что формирует проблемы ее развития⁵. Арктика располагает значительными природными ресурсами и многие ищут способы использовать их для получения экономической выгоды. В Арктике строятся крупные транспортные, энергетические объекты, возрождается Северный морской путь, который превращает Арктику в ключевую транспортную артерию планеты. Растет геополитическое и экономическое значение Арктики, что формирует проблемы ее развития

С Арктическим регионом связаны интересы многих стран – как арктических, так и отдаленных от Арктики. Важную роль играет фактор безопасности, так как внешние державы заинтересованы в

¹ Rosenberg D., (2013), «Quelques observations sur la souveraineté économique de l'Etat post-moderne», in Coll, Penser la science administrative dans la post-modernité, Mélanges en l'honneur de Jacques Chevalier, Paris, Librairie Générale du Droit et de la Jurisprudence.

² Une déclaration du forum des ONG. Adressée au sommet mondial de l'alimentation. URL: <http://www.fao.org/wfs/begin/pa-ral/cngo-f.htm>.

³ Krasner S. (2002), «Globalization and sovereignty» in Smith D., Solinger D., Topik S. (ed), (2002), States and Sovereignty in the Global Economy, Londres, Routledge. P. 34–52.

⁴ Цивилева А. Е., Голубев С. С. Организационно-правовые механизмы обеспечения устойчивости работы угледобывающих предприятий России в чрезвычайный период // Устойчивое развитие России: правовое измерение : сборник докладов X Московского юридического форума : в 3 ч. М., 2023. С. 302–306. Цивилева А. Е., Голубев С. С. Обеспечение технологического суверенитета угольной отрасли в условиях долгосрочных санкций. Уголь. 2023. № 11 (1173). С. 16–22.

⁵ Иванченко Д. С., Картамышева Е. С. Развитие промышленности и технологий в Арктике // Молодой ученый. 2016. № 2 8. С. 333–336.

экспансии на север. Поэтому необходимо развивать присутствие России в арктическом регионе. Если Россия ослабит свое присутствие в Арктике, то ее место будет достаточно быстро занято другими, более активными конкурентами. При этом национальная безопасность не сводится только к военным угрозам, но она также включает и социально-экономическую составляющую.

Для решения бытовых проблемы жителей Арктики, развития присутствия в Арктическом регионе необходимо определение приоритетных направлений научно-технологического развития Арктического региона Российской Федерации. Необходимость правильного выбора приоритетных направлений научно-технологического развития ОПК обусловлена тем, что современное состояние экономики и общества характеризуется все возрастающей сложностью, высоким уровнем неопределенности и скорости происходящих процессов, ключевую роль в которых играют наука и технологии. В этих условиях цена ошибок при принятии стратегических решений значительно возрастает, что приводит к необходимости формирования адекватных представлений о глобальных вызовах, связанных с ними перспективах развития отдельных секторов экономики, факторах, определяющих это развитие, их количественных и качественных характеристиках.

Методология формирования приоритетных направлений научно-технологического развития Арктического региона определяется совокупностью научных методов прогнозирования и планирования, а также целью, задачами и принципами регионального управления в современных экономических условиях. При этом главными целями являются защита национальных интересов страны и обеспечение экономической безопасности самих арктических регионов. Методология обоснования перспективных направлений научно-технологического развития Арктического региона предполагает выявление глобальных научно-технологических трендов, а также разработку предложений по перспективным направлениям развития научно-технологического развития Арктического региона, включая развитие технологий гражданского, двойного назначения.

Энергетические проблемы оказывают самое существенное влияние на экономическую безопасность государства. Это подтверждают факты подрыва газопровода «Северный поток». До сих пор расследование не завершено и виновный не определен.

Проблема энергетического суверенитета возникает также в отношениях с государствами, имеющими крупные добывающие компании. В ряде случаев экономическая мощь этих компаний может быть сопоставима с экономической мощью рассматриваемого государства. Конфликт между государством и этими компаниями может стать причиной длительных и зачастую чрезвычайно дорогостоящих процедур, особенно в случае пересмотра системы концессий. Эта проблема должна быть связана с проблемой «фактической» технологической монополии, которой обладают определенные компании в определенных секторах¹.

Вопрос о суверенитете действительно имеет основополагающее значение и присутствует в истории развития институтов на протяжении очень длительного времени. Имеются мнения об обеспечении экономического суверенитета путем развития цифровых активов (цифровых валют и финансов). Но фактически на криптоплощадках за наличие гражданства не той страны замораживаются их активы. Так, Салвадор первым в мире принял биткойны в качестве законного платежного средства. В результате этого сегодня он имеет самый высокий риск дефолта среди всех стран. Можно сделать вывод о том, что невозможно обеспечить экономический суверенитет исключительно переходом на цифровые финансовые технологии².

Основным направлением обеспечения экономического суверенитета авторы считают технологическую независимость или технологический суверенитет государства. Необходимо иметь свою науку, которая бы позволяла развивать технологии, максимально ограничивая их «экспорт».

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что сущность экономического суверенитета заключается в экономической безопасности, именно она позволяет

¹ Сапир Ж. Основы экономического суверенитета и вопрос о формах его реализации. URL: file://C:/Users/Сергей/Downloads/ekonomicheskij-suverenitet-i-formy-ego-realizatsii.pdf / (дата обращения: 12.11.2023).

² Первая в мире страна узаконила биткойн в качестве платежного средства. РБК:

<https://www.rbc.ru/crypto/news/60c061bd9a79473cfacba878?from=copy> (дата обращения: 23.11.2023).

достигать экономического суверенитета. Специальная военная операция стала индикатором прочности нашего государства и способствует укреплению суверенитета нашего государства.

Ельшин В. А.

главный научный сотрудник АО «НИИАА»,
доктор экономических наук, доцент

Гимадеев А. Д.

соискатель АО «НИИАА»

Применение инвестиционного подхода для эффективного функционирования и развития высокотехнологичных промышленных предприятий

Одним из достоинств традиционных методов ценообразования является их простота. Они легко применимы в условиях простых контрактов, где финансовая составляющая не слишком сложна. Однако с развитием высокотехнологичной промышленной продукции, эти методы становятся менее эффективными. Недостатки традиционных методов, связанные с игнорированием влияния временного фактора, становятся всё более очевидными. В условиях сложной кооперации, когда финансовые потоки усложняются, а разрывы между действиями и результатами все увеличиваются, традиционные методы становятся менее применимыми.

Среди недостатков традиционных методов следует отметить¹:

- не приводят показатели доходности к годовому измерению, если сроки выполнения контрактов не равны году;
- ориентированы на дискретный характер реализации затрат и игнорируют реальные режимы их реализации;
- не учитывают влияние на стоимость и доходность контрактов таких факторов, как авансы, задержки платежей и требования обеспечения контрактов;
- неадекватно учитывают влияние инфляции и кредитования на стоимость контрактов;
- недостаточно учитывают стоимость использования различных капитальных затрат и нематериальных активов при выполнении контрактов;
- основаны на простых методах учета косвенных затрат на по контрактам, игнорируя сложные процессы формирования стоимости в развитых структурах кооперации.

В свете всех этих недостатков, появляются новые требования к методам и механизмам ценообразования для высокотехнологичной продукции. Необходимо разработать и использовать искусственные механизмы оценки и увязки интересов заказчиков и производителей, системы ценообразования, учитывающие риски и стимулирующие подходы, а также методы оценки реальной стоимости капитальных затрат. Особое внимание следует уделять формированию контрактных цен от цен спроса заказчиков, детализации контрактно-ценовых условий и учету разрывов времени между реализацией затрат и получением эффектов².

Использование инвестиционного подхода к оценке стоимости производства на предприятиях высокотехнологичных отраслей позволяет достичь более объективной и комплексной оценки эффективности проектов. Этот подход учитывает все необходимые затраты на производство, инвестиционные риски, социальные и экологические аспекты производства. Такая оценка стоимости

¹ Чеботарев С. С., Доброва К. Б. Финансовое оздоровление стратегических организаций оборонно-промышленного комплекса в современных условиях // Экономические аспекты технологического развития современной промышленности, 11/2018 Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 223–226. Чеботарев С. С., Чеботарев В. С., Яхонт В. В. Импортозамещение в развитии оборонно-промышленного комплекса // Вестник воздушно-космической обороны. 2016. № 2 (10). С. 21–34.

² Кохно П. А., Чеботарев С. С. Тенденции развития высокотехнологичной промышленности // Общество и экономика. 2015. № 4–5. С. 44–63.

является базой для принятия решений о ценообразовании и управлении предприятием с учетом интересов всех заинтересованных сторон¹.

Оценка стоимости производства на предприятиях высокотехнологичных отраслей с точки зрения инвестиционного анализа должна проводиться с учетом необходимых затрат на производство, а также с учетом инвестиционной доходности производства для самих предприятий. Предприятия высокотехнологичных отраслей должны не только покрывать необходимые текущие издержки, но и иметь достаточно средств и стимулов для своего повседневного функционирования и развития. Один из проблемных вопросов при этом – обеспечивают ли применяемые на сегодня традиционные методы оценки рентабельности, основанные на методах бухгалтерского подхода, объективную оценку реальной инвестиционной эффективности, достаточной доходности контрактов для предприятий высокотехнологичных отраслей промышленности?

Если эта объективность не обеспечивается, «провисает» вся система анализа и управления эффективностью предприятий – эффективности и для государства, и для самих предприятий. «Провисают» возможности эффективного ценового стимулирования производственно-технологических и продуктовых инноваций, возможности устойчивого развития предприятий, возможности управления реализацией любой выбранной стратегии управления эффективностью предприятий.

Инвестиционный подход к оценке стоимости производства означает взгляд на управление этим производством как на управление инвестициями в это производство. Это означает, что оценка стоимости производства должна осуществляться с применением методов дисконтированных денежных потоков (ДДП), и этот взгляд имеет определенную специфику.

Первая особенность: оценка эффективности производства высокотехнологичной продукции должна рассматриваться именно как оценка проекта государственного назначения. Это означает, что при оценке стоимости проекта со стороны государства должны учитываться все затраты государства (включая затраты на контроль и управление предприятиями высокотехнологичных отраслей, контрактами). Это означает также, что при оценке проекта в целом затраты должны оцениваться в показателях не номинальной, а общественной стоимости – за вычетом трансфертов (налогов, сборов и пошлин), возвращаемых в бюджет государства. Кроме того, это означает, что при оценке проекта, затрат должны применяться норма дисконта, отражающая интересы именно государства (социальная норма дисконта)².

При оценке участия в проекте предприятий высокотехнологичных отраслей оценка затрат (стоимости) должна также осуществляться методами ДДП, но в категориях номинальной стоимости и с применением норм дисконта, отражающих реальные коммерческие интересы предприятий высокотехнологичных отраслей.

Вторая особенность связана с нерыночным характером продукции высокотехнологичных отраслей. В «классических» инвестиционных проектах основной задачей оценки проектов является прямая задача оценки эффективности проектов, а также участия в проектах частных субъектов (производителей, инвесторов) при заданных рынком ценах. В новой формирующейся системе управления предприятиями высокотехнологичных отраслей помимо прямой задачи – оценки эффективности проектов и участия в проекте – не менее важной является задача «обратной» («двойственной») оценки – обоснования контрактных, в том числе ценовых соглашений при задаваемом уровне доходности контрактов для их исполнителей и задаваемом уровне их эффективности для заказчиков.

¹ Golubev S. S., Chebotarev S. S., Sekerin V. D., Gorokhova A. E. Development of employee incentive programmes with regard to risks taken and individual performance // International Journal of Economic Research. 2017. Т. 14. № 7. С. 37–46.

² Федеральный закон от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) Бюджетный кодекс Российской Федерации. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377026 (дата обращения: 12.11.2023). Федеральный закон от 31.07.1998 № 146 (ред. от 29.11.2023) Налоговый кодекс Российской Федерации. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_377497 (дата обращения: 12.11.2023). Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-

ФЗ (ред. от 18.03.2023) «О контрактной системе в сфере закупок товаров; работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388926 (дата обращения: 12.11.2023).

При оценке стоимости производства нужно учитывать не только текущие затраты на производство, но и инвестиционные затраты на развитие и модернизацию предприятия. Кроме того, необходимо учитывать риски, связанные с инвестициями, такие как неопределенность в спросе, изменения в технологиях, конкурентные факторы и другие факторы, которые могут повлиять на доходность производства.

Третья особенность: оценка стоимости производства должна учитывать не только финансовую эффективность, но и социальную и экологическую эффективность проекта. Это означает учет влияния производства на окружающую среду, здоровье людей, условия труда и другие социальные и экологические аспекты. Один из подходов к учету социальной и экологической эффективности – использование методов оценки стоимости в рамках концепции «тройного счета» (экономического, социального и экологического счетов).

Задачами инвестиционного анализа стоимости производства в новой формирующейся системе стратегического управления высокотехнологичными предприятиями должны быть следующие:

- а) оценка затрат на производство с точки зрения государства;
- б) оценка величины и стимулирование сокращения уровня издержек производства, комплексная оптимизации уровня этих издержек;
- в) обоснование цен производителей и экономических условий контрактов, обеспечивающих реальную экономическую выгодность производства высокотехнологичной промышленной продукции для производителей.

Обоснование контрактных решений в высокотехнологичных отраслях при этом становится частью обоснования инвестиционных решений, требующей применения развитых методов инвестиционного анализа. Инвестиционный подход к обоснованию экономических условий контрактов в высокотехнологичных отраслях призван обеспечить при этом учет влияния на доходность контрактов следующих факторов¹:

- факторов сроков и динамики реализации расходов и доходов при производстве продукции, выполнении работ;
- факторов авансирования, обеспечения и кредитования контрактов;
- фактора инфляции;
- фактора задержек платежей;
- условий и режимов налогообложения;
- особенностей учетной политики конкретных предприятий;
- условий и режимов реального возмещения стоимости капитальных ресурсов в процессе их использования;
- факторов рисков и неопределенностей при выполнении контрактов;
- методов формирования контрактных цен субподрядчиков, поставщиков материалов, методов формирования конечных цен контрактов;
- мер поддержки и поощрения производителей со стороны заказчиков и государства;
- различных организационных, общеэкономических и финансовых факторов рисков обеспечения приемлемой доходности контрактов.

По видам продукции инвестиционные методы должны в перспективе применяться для контрактов по НИОКР, по производству высокотехнологичной промышленной продукции, по ремонтам, модернизациям, сервисному обслуживанию процессов жизненного цикла.

Предлагаемый подход по применению методов ДДП для оценки стоимости производства, для обоснования и анализа цен контрактов по производству продукции предприятий высокотехнологичных отраслей основан на общей методологии анализа и оценок эффективности инвестиций, изложенной в официальных «Методических рекомендациях (МР) по оценке

¹ Ельшин В. А. Подходы к развитию системы управления предприятий и отраслей оборонно-промышленного комплекса (ОПК) // Журнал прикладных исследований. 2020. № 2. С. 16–21.

эффективности инвестиционных проектов» (вторая редакция)¹. Используются также положения третьей редакции этих МР (они еще не получили официального статуса)².

Но в частном методическом плане подходы данных МР не полностью соответствуют особенностям контрактов предприятий по производству высокотехнологичной промышленной продукции как частного вида инвестиционных проектов и задачам инвестиционной оценки стоимости их производства. В этих МР явный акцент сделан на задаче прямой оценки эффективности инвестиционных проектов при заданных ценах. Обратная (двойственная) задача обоснования цен продукции от заданной эффективности (доходности) проектов в них затрагивается лишь косвенно.

В качестве основного показателя оценки эффективности инвестиционных проектов в МР принят абсолютный показатель чистого дисконтированного дохода как интегрального эффекта от проекта – ЧДД. Относительный показатель эффективности – внутренняя норма доходности, ВНД – рассматривается в роли чисто вспомогательного показателя.

Это связано главным образом с известными недостатками показателя ВНД – с возможностью его неопределимости в определенных условиях, с возможностью наличия множества корневых решений по уравнениям ВНД, с асимптотической неустойчивостью поведения показателя ВНД в ситуации сближения потоков доходов и расходов. Кроме того, явно выражена тенденция рассмотрения инвестиционных проектов как уникальных и не тиражируемых, вследствие чего трудно решается задача сравнительной оценки эффективности разных проектов.

Контракты как частный вид инвестиционных проектов обладает определенной спецификой. Специфика контрактов как частного вида инвестиционных проектов состоит в том, что основные экономические агенты как субъекты их реализации уже известны, известны, как правило, и основные параметры предстоящих затрат и получаемых эффектов.

Задача сравнительной оценки эффективности (доходности) для этого типа, зависящей от соотношения затрат и доходов для этого типа проектов является одной из важнейших. Формируемая цена контрактов при этом является предметом соглашения. В базовом случае – при отсутствии авансов, использования кредита, оплате цены в конце контракта или в конце его этапов – контракты фактически относятся к инвестиционным проектам депозитного типа, для которых показатель ВНД всегда определяется и всегда четко характеризует доходность проектов³.

Но каким образом определять цену производителя от заданной доходности при наличии авансов, задержек платежей, при использовании кредитов? От заданного значения классического показателя ВНД не получается, т.к. этот показатель асимптотически неустойчив к вариациям величины кассового разрыва между потоками расходов и доходов по контрактам вследствие авансов, кредитов, задержек платежей.

Рассчитав цену контракта от заданного уровня ВНД для базовой без авансовой и бескредитной ситуации финансирования контрактов, можно иметь прочную базу для оценки цен контрактов и в случаях измененных условий финансирования – с авансами, кредитами, задержками платежей.

Основная идея использования показателя ЧДД следующая: изменение потоков доходов контрактов при авансировании, использовании кредитов, задержках платежей и т.д. не зависит от исполнителей контрактов. Поэтому логично расчеты в обоснование цен при авансировании, кредитах, задержках платежей, при различных апостериорных доплатах осуществлять при условии сохранения

¹ Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: утв. Минэкономки РФ, Минфино м РФ, Госстроем РФ от 21.06.1999 № ВК 477. URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348515 (дата обращения: 12.11.2023).

² Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов (третья редакция, уточненная и дополненная). М.: ЦЭМИ РАН, 2008. 234 с.

³ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_405765 (дата обращения: 12.11.2023).

уровня доходности (измеряемого через показатель ЧДД), достигнутого в базовом варианте с выплатой цены в конце контракта (в конце отдельно финансируемого этапа контракта)¹.

Для этого варианта ВНД всегда гарантированно существует и объективно отражает реальную доходность контракта. Цена при этом обосновывается с использованием критерия ВНД через заданный заранее норматив ВНД. Далее производится перерасчет цены в условиях изменения потока доходов по контракту при использовании авансов, кредитов и т.д. с сохранением уровня ЧДД, достигнутого в базовом варианте.

В данном случае, при решении задачи обоснования инвестиционными методами цен контрактов, основным показателем эффективности становится не абсолютный показатель эффекта ЧДД, а относительный показатель ВНД (выраженный в привязке к базовому варианту финансирования). Абсолютные показатели ЧДД выступают при этом в качестве очень важных, но вспомогательных показателей. Показатели ЧДД при этом могут быть определены применительно ко всем затратам исполнителей контрактов, а также к каждой составляющей этих затрат.

Показатели ЧДД вследствие своего характера не очень удобны при сравнительной оценке эффективности (доходности) разных контрактов, а также при сравнительной оценке различных вариантов финансирования одного и того же контракта, но можно их относительно нормировать, привязывая к базовым показателям дисконтированных затрат. В этом случае нормирование будет осуществляться через показатель ВНД, определенный при заданных модельных условиях. Этими условиями являются следующие:

- а) расчет показателя ЧДД при реальных потоках расходов и доходов по контрактам;
- б) расчет ВНД при условии фактического достигаемого уровня ЧДД, фактического уровня дисконтированных затрат по контракту, реализуемых при их фактической динамике, фактического уровня дисконтированных доходов по контракту, реализуемых (модельно) в конце контракта.

Таким образом, возможными методами инвестиционного анализа доходности и стоимости контрактов по производству высокотехнологичной продукции следует считать метод ДДП с применением критерия ВНД (метод ДДП-ВНД).

В рамках метода ДДП-ВНД обоснование цен, оценка стоимости и анализ доходности контрактов должен осуществляться через анализ ДДП расходов и доходов по контрактам с использованием в качестве критерия оценки доходности показателя ВНД.

Этот метод относительно прост. Он работоспособен при коротких контрактах, при незначительном уровне авансов, кредитов и задержек платежей, но на длинных контрактах с перемежающимися расходами и доходами, при значительном уровне авансов, большом использовании кредитов, больших задержках платежей он может не срабатывать.

¹ Чеботарев С. С., Мельников Г. Н. Двойной подход к оценке эффективности управления организациями наукоемких отраслей экономики в сфере государственного оборонного заказа // Вестник воздушно-космической обороны. 2019. № 2. (22). С. 5–14.

Щербаков А. Г.кандидат экономических наук,
доцент аспирантуры ФГУП «ВНИИ «Центр»**Экономический и технологический суверенитет современной России
в условиях нового геополитического порядка**

Экономический суверенитет современного государства в условиях нового геополитического порядка включает в себя несколько ключевых аспектов:

1. Независимость экономических решений: стремление к самостоятельному определению экономической политики, минимизации внешних влияний и зависимостей.

2. Импортозамещение и поддержка местной промышленности: развитие внутреннего производства для снижения зависимости от импорта и укрепления национальной экономики.

3. Развитие национальных технологий и инноваций: инвестиции в научные исследования и разработки для усиления технологической независимости и конкурентоспособности.

4. Энергетическая безопасность: управление и оптимизация использования энергетических ресурсов для обеспечения стабильности и экономической независимости.

5. Финансовая политика и валютный контроль: управление национальной валютой и финансовыми потоками для устойчивости в условиях глобальной экономики.

6. Международные экономические отношения: развитие новых форм международного сотрудничества и торговых связей, адаптация к изменяющейся геополитической обстановке.

На данный момент Россия является объектом многочисленных международных санкций и ограничений. Европейский Союз наложил на Российскую Федерацию 11 пакетов санкций, нацеленных на ключевые секторы и политическую элиту, ограничения на экспорт, поставку и доставку различных товаров и услуг.

Великобритания ввела запреты на экспорт, нацеленные на секторы, зависящие от западных товаров и услуг, ограничения на информационные технологии и инжиниринговые услуги. Наложено запрета на новые предметы – критически важные промышленные товары, квантовые вычисления, оборонные технологии.

Канада ввела санкции против высокопоставленных чиновников и заморозила их активы. Эта страна первой объявила о выпуске облигаций суверенитета Украины для перечисления средств этой стране.

Соединенные Штаты Америки ввели санкции против более, чем 100 лиц и организаций за уклонение от санкций и введены санкции на будущие энергетические возможности, нацеленные на ключевые производственные фирмы и финансовые учреждения.

Экономический суверенитет отражает такой показатель, как объем валового внутреннего продукта (ВВП) на душу населения России, динамика которого представлена на рисунке 1. Рост объема ВВП на душу населения России говорит о росте экономического суверенитета нашего государства.

Рисунок 1. Динамика объема ВВП на душу населения России¹

Другим показателем экономического суверенитета России может служить доля текущего государственного долга к ВВП по странам к 2023 г., представленное на рисунке 2².

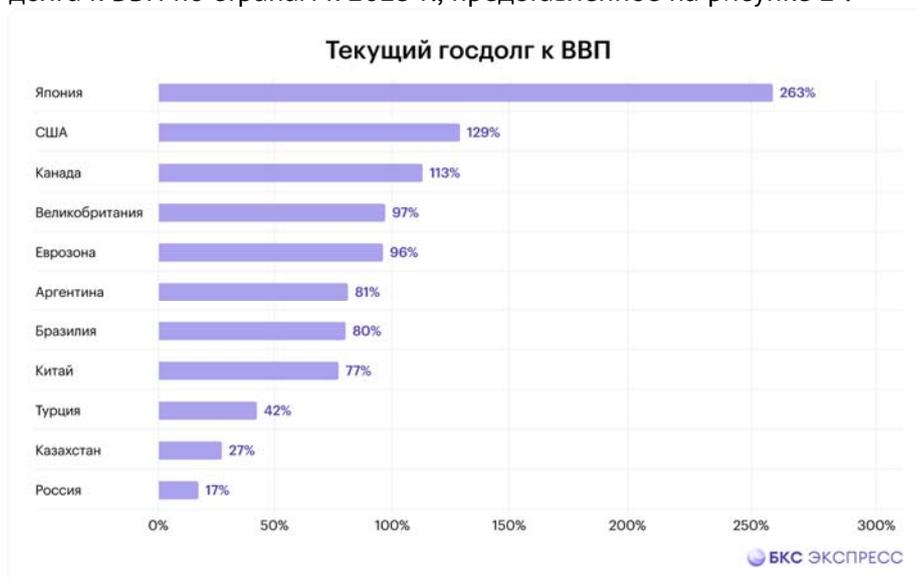

Рисунок 2. Текущий долг стран к ВВП

Отношение долга к ВВП — это экономический показатель, который сравнивает государственный долг страны с ее ВВП. Обычно используемое для определения стабильности и состояния экономики страны, отношение долга к ВВП выражается в процентах и дает краткую оценку способности страны погасить свои текущие долги. Страны с низким отношением долга к ВВП смогут относительно легко погасить свои долги. Соотношение долга к ВВП выше 77 % может препятствовать экономическому росту и подвергать страну риску дефолта по своим долгам, что может нанести ущерб ее экономической безопасности. Текущий государственный долг в 2023 г. России составляет всего 17 %³. Страной с самым высоким отношением долга к ВВП (350 %) является Венесуэла.

¹ ВВП на душу населения в России по итогам 2022 г. приблизился к рекорду. РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20230520/vvp-1873074388.html> / (дата обращения: 23.11.2023).

² Отношение долга к ВВП по странам к 2023 г. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.abb74d21-6561bcf3-6add3c2b-74722d776562/https/worldpopulationreview.com/country-rankings/debt-to-gdp-ratio-by-country/ (дата обращения: 23.11.2023).

³ Указ.ист.

Технологический суверенитет – это способность государства самостоятельно разрабатывать, производить и управлять ключевыми технологиями, необходимыми для его экономического развития, безопасности и общественного благосостояния. Это понятие охватывает несколько важных аспектов:

1. Независимость в ключевых технологиях: Возможность создавать и контролировать критически важные технологии, такие как полупроводники, искусственный интеллект, квантовые вычисления, биотехнологии.

2. Собственная инфраструктура: Разработка и поддержание инфраструктуры, необходимой для технологического развития, включая научно-исследовательские учреждения, производственные мощности и сети связи.

3. Безопасность и кибербезопасность: Способность защищать свои технологические системы от внешних угроз, включая кибератаки и шпионаж.

4. Развитие талантов и навыков: Воспитание и развитие отечественных талантов в области науки и технологий для поддержки технологической инновации.

5. Законодательная и политическая поддержка: Создание благоприятного законодательного и политического климата для развития и внедрения технологий.

Технологический суверенитет является ключевым фактором для обеспечения экономической независимости и конкурентоспособности. Технологический суверенитет можно разделить на две основные части:

1. Оборудование, комплектующие, материалы: развитие и производство собственного высокотехнологичного оборудования, производство электронных компонентов и полупроводников, разработка и использование отечественных материалов, необходимых для производства технологического оборудования.

2. Программное обеспечение: разработка национальных операционных систем и прикладного программного обеспечения, поддержка отечественных платформ и инструментов разработки, защита данных и обеспечение кибербезопасности через использование национального программного обеспечения.

В каждой из этих сфер стремление к технологическому суверенитету направлено на уменьшение зависимости от иностранных технологий, повышение независимости и конкурентоспособности на мировом рынке.

Тема импортозамещения и внедрения отечественных ИТ-решений в России является актуальной и многогранной. Она охватывает стремление России к уменьшению зависимости от зарубежных технологий и повышению доли отечественных разработок в ИТ-секторе. Это включает в себя не только программное обеспечение, но и аппаратные компоненты, а также сервисы и инфраструктуру.

Важными аспектами этой темы являются:

1. Развитие отечественного программного обеспечения: поддержка и развитие местных разработчиков и компаний в сфере ИТ.

2. Инвестиции в научные исследования и разработки: фокус на внутренние исследования и разработку новых технологий.

3. Защита данных и кибербезопасность: Обеспечение безопасности информационных систем и данных в условиях использования отечественных ИТ-решений.

4. Политика и законодательные инициативы: Государственная политика и законодательные меры, направленные на поддержку импортозамещения и внедрения отечественных ИТ-решений.

5. Сотрудничество между государством и бизнесом: Партнерство между государственными структурами и частным сектором для продвижения отечественных ИТ-технологий.

6. Образование и подготовка специалистов: Важность образовательных программ для подготовки квалифицированных ИТ-специалистов, способных работать с отечественными технологиями.

Эта тема отражает стремление к технологическому суверенитету и укреплению внутреннего рынка ИТ в России.

Выводы из текущей ситуации с учетом экономических санкций и политического давления на Россию заключаются в следующем:

1. Усиление экономических санкций: необходимо осознавать, что санкции, вероятно, сохранятся или усилятся в обозримом будущем.

2. Технологическая зависимость: Россия сталкивается с ограничениями в доступе к западным технологиям и компонентам, что подчеркивает потребность в развитии собственной технологической базы.

3. Финансовые ограничения: Западные финансовые меры влияют на внешнеэкономическую деятельность и стабильность национальной валюты.

4. Изоляция на международной арене: Россия столкнулась с уменьшением числа традиционных союзников и партнеров.

Дальнейшие шаги для укрепления суверенитета в современных геополитических условиях могут включать следующие:

1. Диверсификация экономики: Развитие и поддержка не сырьевых секторов экономики, включая сельское хозяйство, производство и высокие технологии.

2. Импортозамещение и технологическая независимость: программы поддержки отечественного производства ключевых товаров и услуг для уменьшения зависимости от импорта.

3. Технологическое развитие: инвестиции в научные исследования и разработки для создания собственных технологических решений.

4. Укрепление финансового сектора: Развитие внутренних финансовых рынков и институтов, а также создание и поддержка национальных платежных систем.

5. Энергетическая независимость: Развитие альтернативных и возобновляемых источников энергии, а также усиление контроля над собственными энергетическими ресурсами.

6. Развитие международных отношений: Расширение экономического сотрудничества с не западными странами, такими как Китай, Индия, страны БРИКС и др.

7. Образование и подготовка кадров: Инвестиции в образование и профессиональную подготовку, особенно в области высоких технологий и инженерии.

8. Социальная политика: Повышение качества жизни граждан для поддержания социальной стабильности и согласия.

Эти меры могут помочь России справиться с текущими вызовами и укрепить свой экономический и технологический суверенитет в долгосрочной перспективе.

Гимадеев А. Д.
соискатель АО «НИИАА»,

Ельшин В. А.
доктор экономических наук, доцент
главный научный сотрудник АО «НИИАА»,

Возможности адаптации стратегического управления высокотехнологичными промышленными предприятиями в новых условиях современности

Сложности, связанные с военно-политической обстановкой, также затрагивают высокотехнологичные отрасли. Они должны быть готовы к изменениям в международных отношениях и возможности военных конфликтов. При этом предприятия должны проводить инновационную деятельность, разрабатывая продукцию и технологии, соответствующие текущим требованиям военно-политической сферы. С политической точки зрения важными аспектами являются ценообразование на высокотехнологичную продукцию и финансовая поддержка предприятий. Государство должно создавать условия для успешного функционирования и развития этих предприятий, включая поддержку финансовых ресурсов и создание специальных программ и мероприятий.

Стратегическое управление высокотехнологичными промышленными предприятиями является актуальной проблемой современности. Важно не только принимать стратегические решения, но и уметь оценивать их последствия. Для этого необходимы инструменты оценки наступивших последствий и

возможности внесения корректировок. Только такие предприятия смогут успешно развиваться и достигать поставленных целей.

В настоящее время стратегия планирования и управления развитием высокотехнологичными промышленными предприятиями должна быть пересмотрена и адаптирована к новым условиям. Существующая модель, основанная на оценке затрат и формировании цен на основе норм прибыли, не учитывает динамику реализации расходов и доходов, а также не стимулирует снижение издержек и повышение качества продукции.

Важным аспектом при планировании и управлении развитием высокотехнологичных предприятий является также стратегия закупок высокотехнологичной продукции. В развитых странах используются различные модели ценообразования, которые учитывают сложность и инновационность продукции, а также риски заказчиков и производителей. Особое внимание уделяется ситуации закупок сложной продукции у единственного поставщика.

Для обеспечения развития высокотехнологичных отраслей необходимо государственное воздействие, направленное на стимулирование инновационно-инвестиционной деятельности предприятий. Государство должно обеспечить достаточные ресурсы для инвестиционной деятельности предприятий и закупок продукции для государственных нужд¹.

Таким образом, в настоящее время необходимо пересмотреть и адаптировать стратегию планирования и управления развитием высокотехнологичных промышленных предприятий, учитывая сложные и нестабильные внешние условия. Также необходимо разработать эффективную стратегию закупок высокотехнологичной продукции, учитывающую сложность и инновационность продукции, а также риски заказчиков и производителей. Важным аспектом является также государственное воздействие, направленное на стимулирование инновационно-инвестиционной деятельности предприятий.

В 90-х гг. в Министерстве обороны РФ были предприняты действия по введению системы рыночных закупок с фиксированными ценами на основе федеральных законов ФЗ-94², ФЗ-223³ и ФЗ-44⁴. Однако эти законы не учитывали отсутствие развитого рынка совершенной конкуренции в высокотехнологичных отраслях промышленности. Вместо этого проблема закупок высокотехнологичной продукции обрабатывалась как ситуация двойной монополии, где заказчик и производитель являются монополистами, что делало подходы этих законов неэффективными.

Политика и стратегия закупок высокотехнологичной продукции поэтому сегодня совершенно одинаковы для всех видов продукции предприятий – и для стабильной, и для инновационной продукции, и в равной степени малоэффективны.

Реально стоящая проблема – это как перестраивать, как развивать систему и методы стратегического планирования и управления развитием высокотехнологичными промышленными предприятиями в современных условиях.

Для управления развитием высокотехнологичных промышленных предприятий необходимо перестраивать и развивать систему стратегического планирования и управления. Вопросы совершенствования методов и систем управления развитием высокотехнологичных предприятий

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» (с изм. и доп.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140175/ (дата обращения: 13.11.2023).

² Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ (в ред. от 02.07.2021) «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389716 (дата обращения: 13.11.2023).

³ Федеральный закон от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд». URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148890 (дата обращения: 13.11.2023).

⁴ Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров; работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд». URL: https://consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388926 (дата обращения: 13.11.2023).

рассматриваются в исследованиях зарубежных и отечественных авторов, таких как И. Ансофф, А. Д. Стрикленд, А. М. Батьковский, В. М. Буренко и С. С. Чеботарев¹.

Анализ этих работ показывает, что высокотехнологичным отраслям промышленности характерна несовершенная конкуренция при наличии множества монополистов-производителей. Одной из главных проблем является монопольное давление отдельных субъектов промышленности и заказчиков высокотехнологичной продукции, которые могут препятствовать развитию новых технологий и инноваций.

Кроме того, необходимо подчеркнуть несогласованность рассмотрения различных аспектов управления высокотехнологичными промышленными предприятиями. Например, обсуждаются вопросы управления рентабельностью, инновациями, портфелями заказов, проектами и т.д., но игнорируется проблема несовместимости критериев инвестиционного анализа с системой ценообразования на высокотехнологичную продукцию. Такой подход может приводить к различным и противоречивым решениям на предприятии относительно оценки стоимости и определения цен.

Необходимо также указать на принципиальное противоречие между действующими методами и формами планирования и управления развитием высокотехнологичных отраслей и сущностью нового этапа технологического развития. Это противоречие сопровождается ухудшением экономической эффективности и ростом издержек в данных отраслях, что может быть обусловлено как монопольным давлением, так и внешними санкциями.

Отметим некоторые типичные недостатки систем управления развитием высокотехнологичными промышленными предприятиями и отраслями с позиции требований сегодняшнего дня²:

1. Требование проблемной ориентации методов программного планирования и управления.

Вместо доминирования характерных для современной программной методологии проблемных форм организации программ, оценок и планов, ориентированных на конечные потребности, в системе наблюдается доминирование их чисто видовых и отраслевых форм организации.

2. Требование интеграции действия функциональных подсистем управления, их ориентации на косвенные экономические рычаги воздействий.

Схема распределения функций субъектов планирования и управления развитием высокотехнологичными промышленными предприятиями, порядок и процедуры планирования и управления до сих пор, по сути, ориентированы на условия системы централизованного административного управления, на внеэкономические воздействия.

3. Требование ориентации системы оценочных и плановых показателей на целевые показатели эффективности высокотехнологичных отраслей.

Сама форма разработки, представления, контроля и учета оценочных и плановых показателей, по сути, обеспечивает доминирование не целевого, а ресурсно-технологического аспекта планирования и управления. То есть фактически не цели определяют ресурсы и технологии, а наоборот, доступные (или привычные, или выгодные) ресурсы и технологии определяют явно или неявно выбираемые цели в программах и планах. В этой связи можно считать, что система управления развитием высокотехнологичными промышленными предприятиями по своей природе имеет не инновационный, а производственный характер, направлена больше не на поиск и реализацию принципиально новых решений, а только на тиражирование и доработку известных.

4. Требование применения развитых методов оценки эффективности высокотехнологичной промышленной продукции, методов оценки эффективности управленческих решений.

Ведомственно-видовой и «нецелевой» характер методов и моделей программного планирования и управления развитием высокотехнологичными промышленными предприятиями значительно

¹ Ансофф И. Новая корпоративная стратегия. СПб. : Питер, 1999. 416 с. Батьковский А. М. Теория и методология разработки стратегии развития предприятия. М. : Международная академия оценки и консалтинга, 2009. 278 с. Буренко В. М., Погребняк Р. Н., Скотников А. П. Методология обоснования перспектив развития средств вооруженной борьбы общего назначения. М. : Машиностроение, 2010. 367 с. Клейнер Г. Б. Стратегия предприятия. М. : Дело, 2008. 567 с. Кохно П. А., Чеботарев С. С. Синергия социалистического управления и капиталистического менеджмента в решении проблем оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2015. № 1. С. 19–34.

² Кохно П. А., Кожанов Д. А., Чеботарев С. С., Юсупов Р. М. Управление качеством вооружения в жизненном цикле : монография. М. : Граница, 2015. 335 с.

усугубляется заметной слабостью применяемых методов оценки эффективности их управления, методов оценки эффективности управленческих решений.

Фактически эти методы на сегодня больше служат средством не обоснования будущих решений, а оправдания уже принятых решений. Не применяются в настоящее время ни методы экономического анализа, активно развивавшиеся до середины 1990-х гг., ни методы инвестиционного анализа. Методы инвестиционного анализа, правда, используются при оценке ФЦП и инвестиционных программ, но, по сути, сугубо формально.

5. Требование интеграции методов обоснования и оценки решений, применяемых в различных подсистемах управления.

Существующие методы обоснования и оценки эффективности решений в разных подсистемах управления обычно специализированы и плохо стыкуются между собой. Так, методы и показатели оценки эффективности предприятий высокотехнологичных отраслей и цены на разрабатываемые и производимые образцы никак не связаны с оценками эффективности этих образцов. Типичен специализированный характер связей подсистемы программного планирования с другими подсистемами – ценообразования и финансирования, реализуемых по принципу «вход-выход», при очень слабом развитии обратных связей разных подсистем.

С усилением ограничений финансирования и усложнением требуемых решений применяемые методы планирования и управления оказываются всё более неэффективными. Они, в частности, связываются неприемлемыми в условиях применения «плодотворных» и изменчивых технологий, требующих постоянных адаптаций, итеративных уточнений оценок, применения методов целенаправленного стимулирования.

6. Требование ориентации системы планирования и управления развитием высокотехнологичными промышленными предприятиями на инновационную и нестабильную внешнюю среду.

Концепция, принятая сегодня в программном планировании развития высокотехнологичными промышленными предприятиями и отраслями, с точки зрения теории стратегического управления¹, – это, по сути, концепция долгосрочного экстраполяционного планирования, основанная на допущении возможности прямого непосредственного распространения на будущее существующих сегодня явлений и тенденций. Это проявляется, в частности, в следующих моментах:

- в статическом, неадаптивном характере планирования;
- в жестком характере связи целевой и ресурсной частей программ;
- в строго адресном характере формулировки программных установок, целей применительно к существующей организационной структуре;
- в фактическом смешивании стратегических и тактических целей программ и планов;
- в жесткой априорной фиксации цен контрактов и исполнителей, в жестком, неадаптивном и нестимулирующем характере ценообразования;
- в крайне низкой роли функции прогнозирования в общей системе функций планирования и управления;
- в доминировании методов планирования «от достигнутого».

Такая концепция по самой своей природе очень плохо стыкуется с современными тенденциями повышения изменчивости, жесткости внешней среды, повышения роли «плодотворных» и изменчивых технологий. Системы управления, реализующие данную концепцию, оказываются просто неспособными адекватно реагировать на изменения, происходящие на уровне технологического базиса высокотехнологичных промышленных предприятий, и, соответственно, эффективно управлять развитием этого базиса.

В принципе, изменить сложившуюся очень неблагоприятную на сегодня ситуацию может только государство, являющееся и основным заказчиком продукции высокотехнологичных отраслей, и основным инвестором, и регулятором всей деятельности. Государство может и должно обеспечить

¹ Томпсон А. А., Стрикленд А. Д. Стратегический менеджмент. Концепции и ситуации. М. Наука, 2006. 576 с.

нормальное развитие высокотехнологичных отраслей, эффективную инвестиционную деятельность предприятий¹. Но требуются очень серьезные шаги в следующих направлениях²:

- развитие контрактной системы и системы ценообразования для высокотехнологичной продукции;
- развитие инвестиционных институтов, институтов кредитования и страхования для высокотехнологичных отраслей;
- развитие институтов управления госсобственностью в высокотехнологичных отраслях.

Самые серьезные шаги – необходимо коренное развитие систем ценообразования и контрактации для высокотехнологичных отраслей. Но для этих шагов необходима глубокая подготовка, обсуждение которой и осуждение самих этих шагов выходит далеко за рамки статьи.

Проскурин Б. В.

кандидат экономических наук,
главный риск-менеджер департамента управления рисками
и внутреннего контроля компании «РОЛЬФ»

Яхонт В. В.

соискатель АО «НИИАА»

Управление рисками инвестиционной деятельности компании как фактор ее экономической безопасности в условиях нестабильной экономической среды

Сложившаяся в последние годы неустойчивая экономическая среда объективно повлияла на увеличение рисков инвестиционной деятельности (ИД) компаний, ослабив их экономическую безопасность. Особенно возросла роль управления финансовыми и операционными рисками.

Безопасность любой компании может отражать комплекс взаимосвязанных вопросов научно-технической, экологической, техногенной, физической, финансово-экономической, психологической, социальной и вероятно других элементов безопасности. Однако в конечном итоге все виды безопасности находят единство в одном неоспоримом проявлении: их атрибутом, как правило, является денежное измерение рисков.

Для анализа и оценки инвестиционных рисков, связанных с разными мерами безопасности компании, могут применяться количественные и качественные методы. Если к первым можно отнести статистические и аналитические способы, то ко вторым – методы экспертных оценок, метод ранжирования, способ оценки рисков по баллам (в отличие от ранжирования этот способ дает возможность рассчитать средневзвешенную в баллах оценку уровня риска) метод риск-интервью, метод Дельфы, метод комиссии.

Сам процесс управления рисками инвестиционной деятельности не может ограничиваться только математическими или социологическими методами измерения ущерба и прогнозированием его вероятности в будущем. Он предполагает рассмотрение зависимости принятия управленческих решений относительно вероятности возрастания рисков в системе внешних и внутренних факторов обеспечения безопасности компании.

Повышение эффективности управления рисками ИД компании возможно при комплексном использовании разных методов анализа, а также выработки конкретных путей снижения уровня риска: распределение рисков среди инвесторов и страхование с привлечением страховых организаций. Как вариант, может применяться самострахование компании путем собственного фонда страхования, создаваемого для компенсации работникам потерь при наступлении страхового случая (возникновение пожара на предприятии, или отключение энергоснабжения).

¹ Чеботарев С. С., Ельшин В. А. Рекомендации по государственному стимулированию инвестиционной деятельности предприятий ОПК // Вестник алтайской академии экономики и права. 2022. № 10 (ч. 3). С. 484–491.

² Чеботарев С. С., Проскурин Б. В., Ельшин В. А. Векторы управления инновациями высокотехнологичных организаций промышленности: методологические аспекты : монография. М. : Русайнс, 2022. 148 с.

К важным методам снижения рисков относятся также диверсификация и хеджирование. Диверсифицируя свои вложения в разные объекты инвестирования, технологично не связанные с основным видом производственной деятельности, компания имеет вероятность возмещения ущерба за счет других вложений.

Благодаря хеджированию рисков, позволяющих поддерживать на определенном уровне цену приобретения или цену продажи продукции, компания может с помощью срочных контрактов заключать фьючерсные сделки или участвовать в опционах, что в конечном итоге позволит ей защитить инвесторов от рыночной неопределенности, изменения ценовой конъюнктуры. Одновременно хеджирование дает определенные гарантии инвесторам получить ожидаемую прибыль.

Управление рисками инвестиционной деятельности компании, являясь важным фактором ее экономической безопасности, в значительной мере зависит от конкретной экономической среды предприятия, имеющего свои специфические особенности.

Используя разнообразные методы снижения рисков, компания обеспечивает для себя вероятность минимизации возможного ущерба и соответственно, получение более точной оценки «горизонтов потерь», относящихся как для страховых случаев, так и для оценки рисков типа форс-мажор, не подлежащих, как правило, страхованию.

Инвестиционные риски компании зависят от структуры ее капитала, соотношения удельных весов собственного и заемного капитала. Чем больше у компании заемных средств, тем, с одной стороны, выше риск неплатежеспособности, с другой стороны, при благоприятной конъюнктуре рынка возможна более высокая операционная прибыль и соответственно, больше объемы получаемой чистой прибыли.

Зависимость экономической безопасности компании от эффективности управления инвестиционными рисками особенно проявляется в условиях нестабильной экономической среды. В методологическом плане важно разграничивать действие внутренних (микроэкономических) и внешних (макроэкономических) факторов. К факторам внутренней среды можно отнести такие векторы управленческой деятельности, как эффективность, стабильность, справедливость¹.

Такую трактовку предложили П. Самуэльсон и В. Нордхаус при определении функций государства в своем классическом учебнике «Экономика»². Однако выделенные понятия целиком можно рассматривать на микроуровне, экстраполируя их по отношению к любым формам взаимосвязи управления рисками ИД предприятий и экономической среды. Рассмотрим «эффективность» этой взаимосвязи³. Ее отрицательные проявления⁴:

– кадровая политика, выдвижение на руководящие должности людей «со стороны», не имеющих адекватной квалификации. Как результат, высокий уровень инвестиционных рисков при достижении требуемой эффективности, замедление экономического роста;

– противоречие интересов представителей частного бизнеса и государства. Если для первых главной целевой установкой была и остается прибыль, то для государственных структур преобладают интересы страны и населения;

– низкая социальная ответственность частного бизнеса перед государством (это особенно проявилось после возвращения Крыма в состав России и позднее, с начала СВО);

– ключевая ставка Банка России и неустойчивый курс национальной валюты, меняющиеся по несколько раз в году. Их эпизодические «взлеты и падения» не способствуют повышению эффективности управления рисками ИД. Напротив, они искусственно тормозят деловую активность, выработку стратегических планов развития, снижение уровня межрегиональных и меж

¹ С. С. Чеботарев, Б. В. Проскурин, В. А. Ельшин. Векторы управления инновациями высокотехнологичных организаций промышленности: методологические аспекты : монография. М. : Русайнс, 2022. С. 26.

² Самуэльсон Пол, Нордхаус Вильям. Экономика. 19-е изд. Пер. с англ. М. : Вильямс, 2018.

³ Чеботарев С. С., Ельшин В. А. Рекомендации по государственному стимулированию инвестиционной деятельности предприятий ОПК // Вестник алтайской академии экономики и права. 2022. № 10 (ч. 3). С. 484–491. Кохно П. А., Чеботарев С. С. Тенденции развития высокотехнологичной промышленности // Общество и экономика. 2015. № 4–5. С. 44–63.

⁴ Кохно П. А., Чеботарев С. С. Синергия социалистического управления и капиталистического менеджмента в решении проблем оборонно-промышленного комплекса // Научный вестник оборонно-промышленного комплекса России. 2015. № 1. С. 19–34.

организационных связей. Например, резкое повышение ключевой ставки всегда в автомобильной отрасли приводило и будет приводить в будущем к снижению объема продаж автомобилей. Как следствие, возрастут проценты за кредит, и потенциальные клиенты начинают размещать свои сбережения на банковских депозитах. Такая ситуация наблюдается не только в автомобильной промышленности, но и в других секторах экономики.

Эффективность системы управления рисками ИД компании, зависимой от негативных проявлений экономической среды, может отрицательно влиять на уровень стабильности:

- неустойчивость коммерческих договоров
- нарушение логистических связей, поиск новых поставщиков
- снижение у работников мотивации к труду
- торможение государственной политики импортозамещения промышленной продукции и др.

Поддержание на должном уровне эффективности и стабильности объективно связаны с категорией «справедливость». К основным формам ее проявления относятся:

- реализация принципа «каждому по труду»; сокращение разницы в оплате труда работников высшего и низшего звена управления; установление справедливости в оплате труда работников, имеющих ученую степень и большой стаж работы по конкретному виду научно-производственной деятельности;

- участие рядовых работников в распределении чистой прибыли компании; повышение роли профсоюзов, которые в настоящее время действуют формально; введение в частных компаниях сокращенной рабочей недели; установление жесткой зависимости оплаты труда, в том числе бонусов, от динамики показателей доходности компании;

- создание социального прозрачного «лифта продвижения» для **собственных** молодых специалистов на должности руководителей среднего и высшего звена. Это приведет к уменьшению среди них текучести кадров и стремлению миграции за рубеж.

Управление инвестиционными рисками приобрело особую значимость именно в условиях непредсказуемости экономической среды. Преодоление возникающих элементов ее нестабильности дает возможность компании обеспечить безопасность вложений, повысить финансовую устойчивость и сохранить свое финансово-экономическое положение даже при волатильной конъюнктуре рынка.

Чеботарев С. С.

начальник отдела АО «НИИАА»,
доктор экономических наук, профессор

Чеботарев В. С.

главный научный сотрудник АО «НИИАА»,
доктор экономических наук, профессор

Научно-методическое обеспечение экономической безопасности региона (субъекта федерации) России

Научно-методическое обеспечение экономической безопасности региона (субъекта федерации) России заключается в определении сущности экономической безопасности, ее индикаторов, методического аппарата анализа, оценки и прогнозирования экономической безопасности региона (-ов) России и разработки эффективных программ по ее обеспечению. В целях однозначности и ясности определим в первую очередь научную и правовую формы понятия – «Экономическая безопасность» (ЭБ). Это связано с тем, что у многих авторов термин экономическая безопасность, несмотря на общее сходство, определяется по-разному и исторически во времени имеет интервал от середины XVIII в. и до наших дней. Это объясняется тем, что вопросы экономической безопасности были присущи человеку с самого своего зарождения как социума в целях выживания в довольно сложных условиях обитания.

В косвенной постановке термин «экономическая безопасность» появился сравнительно недавно – в начале XX в. как составная часть системы национальной безопасности. В прямой постановке впервые

термин «Экономическая безопасность» обозначил и применил президент США Франклин Рузвельт в 1934 г., создав Федеральный комитет по экономической безопасности в связи с отказом от классической практики невмешательства государств в экономическую жизнь и осознанием необходимости государственного регулирования экономики. Официально термин «Экономическая безопасность» был принят на 40-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1985 г. В России интерес к этому понятию возник гораздо позже: серьезные исследования начали проводиться только в 90-х гг., когда страна вступила на путь рыночных преобразований¹.

Впервые в принятой Указом Президента РФ от 29.04.1996 № 608 Государственной Стратегии экономической безопасности Российской Федерации с определением «...возможность и готовность экономики обеспечить: достойные условия жизни; военно-политическую стабильность общества и целостность государства; противостоять влиянию негативных внешних и внутренних факторов и быть материальной основой национальной безопасности».

Дальнейшее развитие она (ЭБ) получила в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 633) – «Стратегическими целями обеспечения национальной безопасности РФ являются: развитие экономики страны, обеспечение экономической безопасности и создание условий для развития личности; перехода экономики на новый уровень технологического развития; вхождение России в экономически развитые страны мира». И новейшие определения даны в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (Указ Президента РФ от 13.05.2017 № 208) – «Состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз при которой обеспечиваются: экономический суверенитет; единство экономического пространства; условий для реализации стратегического национального приоритета Российской Федерации» (далее – Стратегия-30). В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400) определение дано через цели – «Целями обеспечения экономической безопасности Российской Федерации являются укрепление экономического суверенитета страны, повышение конкурентоспособности российской экономики и ее устойчивости к воздействию внешних и внутренних угроз, создание условий для экономического роста Российской Федерации, темпы которого будут выше мировых».

Справедливости ради надо отметить, что события и их темпы, происходящие сегодня в мире объективно порождают новые угрозы и риски их наступления для Российской Федерации и других стран мира (санкции, военные конфликты, высоко смертные болезни на основе новых и опасных для человека инфекций выведенных искусственным путем, засуха, резкое потепление климата, подъем уровня воды мирового океана, терроризм, загрязнение воды, атмосферы и космоса, прогрессирующий рост чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера и др.), что закономерно требует уточнений и корректировок не только в правовом формате категории «Экономической безопасности», но и – в научном, практическом. Прежде всего, это сегодня касается непосредственно самого человека как личности и как основы семьи, организаций, а в целом системы государственного устройства Российской Федерации. И проводимая сегодня научно-методическая конференция является фактической площадкой, на которой в результате докладов, выступлений и в целом объективной дискуссии представителями разных научных школ и течений (направлений) как известными учеными, так и начинающими исследователями формируется научная база как предпосылка зарождения новых определений (подходов) категории «Экономическая безопасность»².

Состояние экономической безопасности Российской Федерации, учитывая территориальные масштабы и разнообразие ее социально-экономической системы методологически целесообразно оценивать на уровне региона (-ов) (субъекта (-ов)) федерации, как в текущем аспекте (мониторинг), так и – в будущем (прогноз).

¹ Чеботарев С. С. Промышленная политика Российской Федерации в области оборонно-промышленного комплекса // Экономические аспекты технологического развития современной промышленности 11/2018 : материалы Международной научно-практической конференции. Московский политехнический университет (МАМИ). М. : Научный консультант, 2018. С. 220–223.

² Экономика чрезвычайных ситуаций: теория. Т. 1 : монография / С. С. Чеботарев, А. И. Овсяник, А. С. Родионов, Р. М. Юсупов ; под науч. ред. С. С. Чеботарева. М. : РУСАЙН, 2021. 174 с.

В соответствии со Стратегией-30: «Мониторинг экономической безопасности – процесс непрерывного наблюдения за возникновением негативных воздействий (угроз) на экономику региона (страны), определение их видов и причин возникновения», с конкретным решением задач по «...оценке состояния и динамики развития экономики по системе показателей (индикаторов), выявления деструктивных тенденций и кризисных явлений в экономике региона, определение причин, источников, характера интенсивности воздействия критических угроз на экономику. «Анализ и прогнозирование экономической безопасности – процесс управления, направленный на поддержание устойчивости и потенциала развития экономики региона» с задачами «Оценки и выработки направлений деятельности по обеспечению экономической безопасности региона, разработки и обоснованию программно-целевых мероприятий, нейтрализующих негативные последствия кризисной ситуации». При этом индикаторами экономической безопасности являются известные нормативные показатели определяющих (значимых) критериев, которые в количественной форме отражают угрозы ЭБ; обладают высокой чувствительностью и изменчивостью – большей сигнальной способностью предупреждать общество, государство и субъектов экономики о возможных опасностях в связи с изменением макроэкономической ситуации, принимаемых правительством мер в сфере экономической политики; выполняют функции индикаторов не отдельно друг от друга, а во взаимосвязи функциональной совокупной зависимости).

Систему индикаторов экономической безопасности региона (-ов) России рекомендуется рассматривать как минимум через триаду сфер деятельности: экономическую, социальную и финансовую. Каждая сфера деятельности представлена своими основными (федеральная компонента) и особенными (региональная компонента) индикаторами, которые во времени от состояния социально-экономической системы региона могут изменяться (замещаться на новые и модернизируемые) под воздействие факторов внешней экономической среды. Системно-анализирующий подход индикации ЭБ выражается соответствующим методическим аппаратом анализа, оценки и прогнозирования экономической безопасности региона (-ов) России и включает шесть основных этапов.

На первом этапе формируются системы показателей (индикаторов) по трем сферам экономической безопасности: экономической (е), социальной (s), финансовой (f), а также подготавливаются соответствующие им (сферам ЭБ) базы данных по показателям за шести – десятилетний период мониторинга (наблюдений).

На втором этапе производится экспертная оценка пороговых значений индикаторов.

На третьем этапе осуществляется нормирование индикаторов по двум шкалам относительно порогового значения: (х – значение индикатора; а – пороговое значение индикатора; у – нормированное значение индикатора): на основе степенной функции определяется фактическое состояние индикатора через его нормирование.

На четвертом этапе производится расчет интегральных индексов экономической безопасности по каждой из трех сфер безопасности: I_k – интегральный индекс К-й сферы, W_i – весовой коэффициент i-го индикатора, y_i – нормированное значение i-го индикатора, n – количество индикаторов К-й сферы, аналитической зависимостью как сумма произведений весового коэффициента (W_i) и нормированного (y_i) значения i-го индикатора для каждой совокупности индикаторов К-й сферы (в нашем случае трех: экономической – I_e , социальной – I_s , финансовой – I_f).

На пятом этапе производится непосредственно расчет интегрального индекса экономической безопасности ($I_{ЭБр}$) по классической аналитической зависимости: $I_{ЭБр} = (I_e + I_s + I_f):3$.

На шестом этапе производится прогнозирование индекса экономической безопасности на основе построения эконометрического уравнения (уравнения линейной множественной регрессии). Для корректного анализа производится выбор перечня показателей, влияющих на главный показатель, таким образом, чтобы они не коррелировали между собой (отсутствовала мультиколлинеарность). Далее строится модель линейной регрессии вида:

$Y = C + a_1 * X_1 + a_2 * X_2 + \dots + a_n * X_n + \varepsilon$, где: C – константа, ε – ошибка модели, $a_i, i=1, \dots, n$, – коэффициенты регрессии. Коэффициенты регрессии подбираются методом наименьших квадратов таким образом, чтобы значения линейной модели максимально приближались к реальным. Итогом расчета оценки и

прогноза ЭБ региона (-ов) России является выделенная по критерию риска область пяти зонной индикации ЭБ.

Первая зона катастрофического риска: $y = (1,8-2,0)*a$ – для группы нормированных индикаторов «не более а» (например, децильный коэффициент – не более 8; доля людей, имеющих доходы ниже прожиточного уровня – не более 10); $y = (0-0,2)*a$ – для группы индикаторов «не менее а» (например, расходы на образование в % от ВВП – не менее 10; объем инвестиций в % к ВВП – не менее 25 %).

Вторая зона критического риска: $y = (1,6-1,8)*a$ – для группы нормированных индикаторов «не более а»; $y = (0,2-0,4)*a$ – для группы индикаторов «не менее а».

Третья зона значительного риска: $y = (1,3-1,6)*a$ – для группы индикаторов «не более а»; $y = (0,4-0,7)*a$ – для группы индикаторов «не менее а».

Четвертая зона умеренного риска: $y = (1-1,3)*a$ – для группы нормированных индикаторов «не более а»; $y = (0,6-0,9)*a$ – для группы индикаторов «не менее а».

Пятая зона без риска (зона стабильности): ($y > a$ – для группы нормированных индикаторов «не более а»; $a < y$ – для группы индикаторов «не менее а».

В заключение следует отметить, что представленный научно-методический аппарат позволяет обеспечить региональным органам власти:

1) осуществлять эффективный мониторинг текущего состояния экономической безопасности региона (-ов); выделять из множества социально-экономических показателей наиболее существенные индикаторы, требующие особого внимания, а также прогнозировать экономическую безопасность по различным направлениям; задействовать механизмы и спланировать мероприятия, направленные на повышение конкурентоспособности и улучшение социально-экономической ситуации в регионе в целом;

2) результат оценки экономической безопасности региона может служить одной из отправных точек для формирования и обоснования целевых показателей Стратегии социально-экономического развития региона или ожидаемых результатов региональных государственных программ, а также при разработке сценариев социально-экономического развития региона;

3) появляется реальная возможность объективного сравнения регионов по уровню экономической безопасности.

Бевза В. О.

руководитель проекта в области молодежной политики
Проектного офиса Федерального кадрового резерва
ОПК ФГУП «НИИИ «Центр», член Координационного совета
по делам молодежи в научной и образовательной сферах
Совета при Президенте Российской Федерации
по науке и образованию

Кадровый резерв как инструментальный обеспечения кадрового суверенитета оборонно-промышленного комплекса

В настоящее время в условиях быстро меняющейся геополитической ситуации и возрастающих угроз безопасности, страны должны обладать достаточным количеством квалифицированных и опытных кадров, готовых противостоять современным вызовам и активно участвовать в развитии оборонной промышленности.

В научной литературе встречается много вариантов определения понятия «кадровый резерв». Общим аспектом во взглядах на кадровый резерв является специальная подготовка и продвижение на вышестоящие должности.

Формирование кадрового резерва преследует цели:

- обеспечение текущей и перспективной потребности в замещении руководящих должностей;
- обеспечение непрерывности и преемственности управления;
- вертикальная и горизонтальная ротация кадров;

– совершенствование деятельности по подбору и расстановке кадров для своевременного удовлетворения потребности компании в замещении руководящих должностей.

Подготовка кадров для оборонно-промышленного комплекса – обязательный элемент его стабильного функционирования. Кадровый резерв – обязательный элемент его развития.

Работа с кадрами предполагает на этапе их подготовки формирование основы профессиональных знаний и общепрофессионального уровня культуры работника, а на этапе повышения квалификации (работы с кадровым резервом) – повышение их мотивации, совершенствование знаний.

Система кадрового резерва является действенным институтом работы с профессиональным сообществом, в том числе по расширению профессиональных компетенций работников и готовности брать на себя ответственность за производственные процессы, структурные подразделения и трудовые коллективы.

Факторами, влияющими на эффективность кадрового резерва в оборонно-промышленном комплексе (ОПК), являются:

- грамотное планирование и прогнозирование потребностей в кадрах;
- разработка и внедрение программ по подготовке и развитию перспективных кадров и др.

Кадровый резерв является важным инструментарием обеспечения кадрового суверенитета, а обеспечение кадрового суверенитета, в свою очередь, является одним из условий обеспечения национальной безопасности.

Чтобы лучше понять эту зависимость, рассмотрим наиболее информативные подходы к содержанию категории «кадровый суверенитет»¹.

Адаптационный подход. Предполагает мягкую смену трудовых поколений, при сохранении надлежащего функционирования предприятия, отрасли, промышленного комплекса, экономической системы.

Инструментом работы с кадровым резервом здесь выступает поддержка трудовых династий, развитие наставничества. Наставничество важно в любом коллективе, и оборонно-промышленные предприятия в настоящее время в нем остро нуждаются. Ведь кадровый резерв ОПК – это умудренные опытом руководители и ведущие специалисты. Они могут стать настоящими наставниками и учить молодежь, которая в последствие станет им достойной сменой.

Важно еще на этапе школьной скамьи заинтересовать молодежь, чтобы выпускники школ выбирали те профессии, которые востребованы в сфере ОПК, а предприятия ОПК получали мотивированных молодых кадров, и смена поколений проходила мягко, без стрессов для предприятия и отрасли.

Гуманистический подход к понятию «кадровый суверенитет» – это формирование профессиональных и личностных качеств работника, обеспечивающих комфорт выполнения профессиональных обязанностей и психологическую устойчивость к изменениям. Здесь важным инструментом в работе с кадровым резервом является проведение дискуссионных клубов, семинаров, экспертных сессий; организация работы психологической службы на промышленных предприятиях.

Последняя играет важную роль в том числе для работников сферы ОПК. Цель психологической подготовки кадров из резерва – выработка у них готовности к успешному преодолению психологических трудностей управленческой деятельности, развитие умения применить на практике психологические знания для эффективного выполнения своих обязанностей в любых условиях. Психологическое сопровождение вновь назначенного руководителя также имеет большое значение, ведь новая должность подразумевает период адаптации сотрудника. Для того чтобы исключить и минимизировать такие факторы, как неуверенность в своих силах, психическое напряжение, обеспечить работнику психологическую поддержку – на предприятии должна работать психологическая служба. К сожалению, сейчас не существует единых обязательных рекомендаций по психологическому обеспечению работы с резервом кадров, нет перечня методик, рекомендуемых для психологического обследования кандидатов.

¹ Яковлев Э. Н., Чеботарев С. С., Звягин А. А. Человеческие ресурсы как фактор безопасности Российской Федерации // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006. № 6. С. 225.

Следующий подход – Институциональный. Этот подход подразумевает создание, модернизацию, развитие регулирования трудовых, социальных, экономических и др. отношений в системе работы с кадрами на различных уровнях управления. Инструмент работы с кадровым резервом в этом подходе – это совершенствование содержания коллективного трудового договора, на основе широкого обсуждения в трудовом коллективе; формирование общих для ОПК рекомендаций со стороны отраслевых союзов и органов управления.

Реализация коллективного трудового договора, а также его систематический пересмотр с учетом мнения и рекомендаций сотрудников является гарантом социальной стабильности в трудовом коллективе. Его заключение оказывает положительное влияние на мотивацию труда, руководители видят отдачу сотрудников, а сотрудники видят, что руководитель считается с их мнением. Такая организация станет привлекательной для новых сотрудников, ведь ее имидж подразумевает надежность, серьезность, благожелательное отношение к работникам.

Когнитивно-аффективный подход к кадровому суверенитету представляет собой сложную систему мыслей, ожиданий, установок, стереотипов, ценностей, идеалов, смыслов субъекта и социума об объекте (в нашем случае этот объект – карьерное развитие).

Здесь необходимо обучение состава кадрового резерва дизайну мышления и методикам повышения уровня эмоционального интеллекта.

Эмоциональная сторона интеллекта имеет превалирующее значение в рамках роста сотрудника в компании, потому что руководитель должен уметь формировать сплоченный коллектив, слышать окружающих, видеть их потребности, быть эмоционально устойчивым в стрессовой ситуации, ведь эмоциональный интеллект – это способность к осознанию как собственного эмоционального состояния, так и других людей, пониманию причин появления эмоций, регулированию деструктивных эмоций. Важно уметь использовать эмоции для акцентирования внимания на важных моментах, распознавать эмоции, управлять эмоциями и влиять на эмоции других. Поэтому и в кадровом менеджменте ОПК стоит обратить внимание на повышения уровня эмоционального интеллекта.

Материалистический подход предполагает оптимальное постоянное обеспечение материальных потребностей работников в совокупности с действенной системой повышения уровня благосостояния, увязанной с показателями уровня ответственности и творчества выполняемых профессиональных обязанностей.

Грамотно сформированная система премирования сотрудников обеспечивает организациям получение необходимой прибыли, ведь материальное стимулирование работников способствует повышению показателей эффективности их работы. Косвенно повышает уровень дохода система социальных льгот, это также и один из способов организации конкуренции, где цель – удержание и привлечение наиболее ценных работников.

Отраслевой подход к содержанию категории «кадровый суверенитет» представляет собой обеспечение баланса кадров на основе системы межотраслевой и внутриотраслевой координации, мобильности кадров.

Это промышленный дизайн (взаимодополнение и взаимосвязь) образовательных программ для состава резерва кадров разных промышленных комплексов экономики, имеющих сходные или смежные профессиональные обязанности. Разумеется, глубокий уровень знаний, опыт и навыки в определенной сфере приводят работника к отличным достижениям. Но для постоянного развития и повышения компетентности необходимо также получать дополнительные знания, в том числе в смежных отраслях.

Такие знания усиливают уже имеющиеся у сотрудника таланты, помогают ему эффективнее работать, когда человек узнает больше об обязанностях своих коллег – это усиливает эмпатию и люди начинают больше ценить вклад сотрудника в общее дело. Изучение смежных навыков улучшает коммуникацию, расширяет угол обзора, раскрывает карьерные перспективы.

Политологический подход подразумевает учет интересов субъектов общественных отношений при реализации формирования, воспроизводства и движения кадров на всех уровнях хозяйствования и управления.

Здесь важно сформировать навыки критического мышления и здоровый уровень патриотизма. Формирование у кадров патриотических качеств на основе критического мышления связано с качественными изменениями в познавательной и патриотической деятельности, расширении их мировоззрения, укреплении убеждений и общественно-политических взглядов, что предполагает знакомство работников с теорией критического мышления, формирование потребности к реализации патриотических мотивов, культивирование политических ценностей, профессиональной и социальной этики, защиту и продвижение национальных интересов.

Системный подход к содержанию категории «кадровый суверенитет» – это система устойчивого удовлетворения потребности в кадрах национальной экономики, системы публичной власти, общественных институтов и т.д.

В этом подходе инструментом работы с кадровым резервом выступает обеспечение участие работников в профессиональных конкурсах; стимулирование резерва кадров к участию в избирательных компаниях различного уровня.

В настоящее время профессиональные конкурсы по большей части имеют узкую направленность, не реализуя всю систему мотивационных инструментов, способствующих профессиональному развитию, этому вопросу следует уделить больше внимания, если мы хотим обеспечить себе кадровый суверенитет по всем параметрам работы с кадровым резервом.

Философский подход – это способ оптимального хозяйствования и управления жизненными стратегиями населения.

Здесь важно обеспечить кадровому резерву изучение основных документов стратегического развития страны, экономики, оборонно-промышленного комплекса. Такие документы определяют приоритеты политики организации, предприятия, государственной структуры в сфере их развития. Только после понимания и осмысления кадрами стратегии предприятия возможно его движение вперед, ориентация на эту стратегию, достижение поставленных целей, решения соответствующих задач.

И последний подход, – экономический. Содержание категории «кадровой суверенитет» в этом подходе означает удовлетворение спроса на рынке труда, обеспечение экономики одним из основных факторов производства – трудом!

В рамках кадрового резерва работа заключается в расчете прогноза необходимости в кадрах на средне и долгосрочную перспективу. Такой расчет позволяет сформировать оптимальную численность кадрового состава, поддерживать рациональное количество сотрудников и уровень затрат на их содержание, увеличить производительность, эффективность и качество работы кадров, поддерживать численность состава трудящихся с минимальными издержками. Планирование потребности в персонале – это длительный и продуманный процесс, к которому надо подходить тщательно, опираясь на определенные принципы, учитывая факторы, которые влияют на потребность в кадрах (внешние и внутренние), принимая во внимание научно-технический прогресс.

Расчет прогноза в необходимости кадров на перспективу позволяют компаниям оборонно-промышленного комплекса не попасть в кадровую яму и эффективно поддерживать текущую деятельность, что напрямую влияет на обеспечение кадрового суверенитета.

После обзора подходов хотелось бы резюмировать, что их стоит учитывать для повышения институционального уровня ряда применяющихся в системе кадрового резерва инструментов, а также апробации новых.

В заключение, отмечу, что кадровый резерв играет важную роль в обеспечении кадрового суверенитета оборонно-промышленного комплекса. Внедрение систематического подхода к выявлению, подготовке и развитию перспективных кадров позволит нашей стране эффективно противостоять вызовам современного мира и достичь высокого уровня развития оборонной промышленности.

Голубев С. С.доктор экономических наук, кандидат технических наук, профессор,
профессор каф. управления и экономики**Илькун А. А.**Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистр**Проблемы кадрового суверенитета для реализации новых технологий
и пути его повышения на примере вертолетных компаний.**

Сегодня наблюдается возрастающая роль кадрового обеспечения как основного фактора экономического развития. Проблемы государственной кадровой политики ОПК России связаны прежде всего с низким уровнем профессионального мастерства прежде всего управленческих кадров во многих сферах деятельности, низким уровнем их кадровой культуры, отсутствием сформированных кадровой политики и кадровой стратегии предприятия или их слабую ориентацию на развитие персонала и творческую реализацию личности, несоответствие кадровой политики или стратегии практике кадровой работы. Все вышеперечисленное оказывает негативный эффект на кадровый суверенитет и его развитие, способствует появлению кадровых проблем. Целью написания данной работы является проведение анализа кадрового суверенитета в сфере ОПК, а именно в вертолетных компаниях; определение проблем с недостатком кадров; выявление путей развития кадрового потенциала; рассмотрение фактов, влияющих на эффективность сохранения и развития кадрового потенциала и предложения по его повышению¹.

Одной из причин острой нехватки в отрасли квалифицированных кадров считают пробелы в системе образования. По их мнению, она до сих пор ориентирована на требования предприятий, работающих по устаревшей производственной модели. На предприятиях авиапрома не хватает не только инженерно-технических работников, но и специалистов в сфере системного инжиниринга, маркетинга, проектного управления, управления инновациями и интеллектуальной собственностью, специалистов по праву или экономистов, способных отладить систему послепродажного обслуживания. Многие проблемы ранее решались за счет привлечения специалистов из-за границы. Сейчас такой возможности нет, что существенно снижает кадровый суверенитет отраслей народного хозяйства, в частности вертолетной отрасли. Под кадровым суверенитетом понимают обеспечение когнитивной независимости страны, а также способность обеспечить критические направления своего развития на основе использования собственных кадров.

Хотя отечественные программы профессионального образования сильно дифференцированы, они все равно не способствуют укреплению кадрового суверенитета страны. Современное состояние системы многоуровневого образования и реализуемый комплекс мер по закреплению кадров в ОПК не в полной мере отвечают потребностям высокотехнологичных отраслей. Для изменения этой ситуации наряду с усилением работы вузов по профориентации, необходимо активное и непосредственное участие представителей работодателей – корпораций, организаций и бизнеса, которые должны более активно направлять граждан в вузы на условиях целевого приема. Кадровая политика должна коррелироваться с программами регионального и муниципального развития.

Существует экстренная необходимость модернизации кадрового потенциала отрасли. Ускоренная подготовка перспективных специалистов новой формации, способных работать в современной информационно-технологической среде, развивать эту среду применительно к конкретному авиастроительному проекту и быстро адаптироваться к ее внешним изменениям. За последние 20 лет численность студентов, обучающихся по специальностям «Самолетостроение» и «Двигателестроение», сократилась в 5–6 раз, а подавляющее большинство выпускников предпочитают работу не по

¹ Горячева Т. В., Мырзова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. Т. 23, Вып. 2. С. 134–145. URL: <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2023-23-2-134-145>, EDN: GHNDZK.

специальности. Стагнация опытно-конструкторских работ и отраслевой прикладной науки и одновременная деградация большинства авиастроительных серийных производств вызвали не востребованность специалистов основных авиастроительных специальностей.

Наиболее трудно восполняемым является дефицит перспективных инженерно-технических кадров. Здесь необходим качественный скачок: нужны специалисты новой формации, способные работать в современной информационно-технологической среде, развивать эту среду применительно к конкретному авиастроительному проекту и быстро адаптироваться к ее внешним изменениям.

Подготовка таких специалистов требует серьезных инноваций, прежде всего в составлении новых образовательных стандартов специальностей. При этом содержательные акценты должны быть перенесены с требований к знаниям молодого специалиста на требования к его умениям и навыкам, необходимым для успешной работы в конкретном авиастроительном проекте.

Даже в рамках одной специальности набор и характер требований к умениям и навыкам специалиста зависят от требуемой специализации, динамичны и меняются от одного авиастроительного проекта к другому. Подготовка кадров должна носить «агрегатированный» характер, т.е. базовый вуз здесь должен выступать в роли своего рода «стартово-финишного» и, отчасти, «сборочного предприятия», а отдельные конкретные разделы учебного плана должны изучаться и осваиваться студентами в наиболее продвинутых по данным направлениям вузах или непосредственно на предприятии. Такой подход к организации учебного процесса потребует, во-первых, достаточно конкретного и четкого взаимодействия промышленности и вузов в части формулирования требований к профессиональной подготовке конкретных групп студентов, а во-вторых – достаточно жесткой учебной кооперации отраслевых вузов. И то, и другое на сегодня развивается слабо¹.

Есть потребность в некоторой организационной структуре, которая бы играла роль некоего коммуникатора в организации взаимодействия между федеральными органами исполнительной власти, таких как Минпромторг и Минобрнауки и Объединенной авиастроительной корпорацией или Вертолетами России и др.

На самих предприятиях существуют проблемы организации труда, связанные с недостатком компетенций у персонала. Это уязвимое место, т.к. менеджмент часто забывает о важности организации труда. Сегодня высшие школы не готовят специалистов по материально-техническому снабжению. Этим направлением в 40 % случаев занимаются переученные экономисты, юристы и инженеры-технологи. Почти 60 % сотрудников по материально-техническому снабжению – это учителя, врачи, музыканты, люди без профильного образования в этой области. Причем все эти сотрудники приобрели эту специальность на рабочем месте. Материалы и комплектующие составляют 30 % себестоимости продукции, а этим процентным соотношением управляют люди, не имеющие специального высшего образования.

Есть проблемы и с наличием специалистов по организации самого производства. Идет замена профессиональных директоров на управляющих, которые не знают внутреннего механизма работы производства. Потребность в персонале представляет собой определенную совокупность работников соответствующей структуры и квалификации, которые объективно необходимы интегрированной структуре для реализации стоящих перед ней целей и задач в соответствии с выбранной стратегией развития.

Выделяется ряд факторов, существенно влияющих на эффективность сохранения и развития кадрового потенциала ОПК, в частности в авиастроительной отрасли. В первую очередь, это технологическая трансформация. Требования к кадрам коренным образом меняются под воздействием цифровизации экономики, автоматизации и роботизации производства, локализации ряда новых для России производств в рамках импортозамещения.

На рисунке 1 показаны наиболее востребованные компетенции высококвалифицированных кадров авиационной промышленности с учетом перспективных направлений научно-технологического развития в период до 2030 г.

¹ Тищенко Е. В., Бевза В. О. Кадровый суверенитет как цель функционирования системы кадрового резерва // Russian Journal of Management, 2022, № 4. С. 100–111.

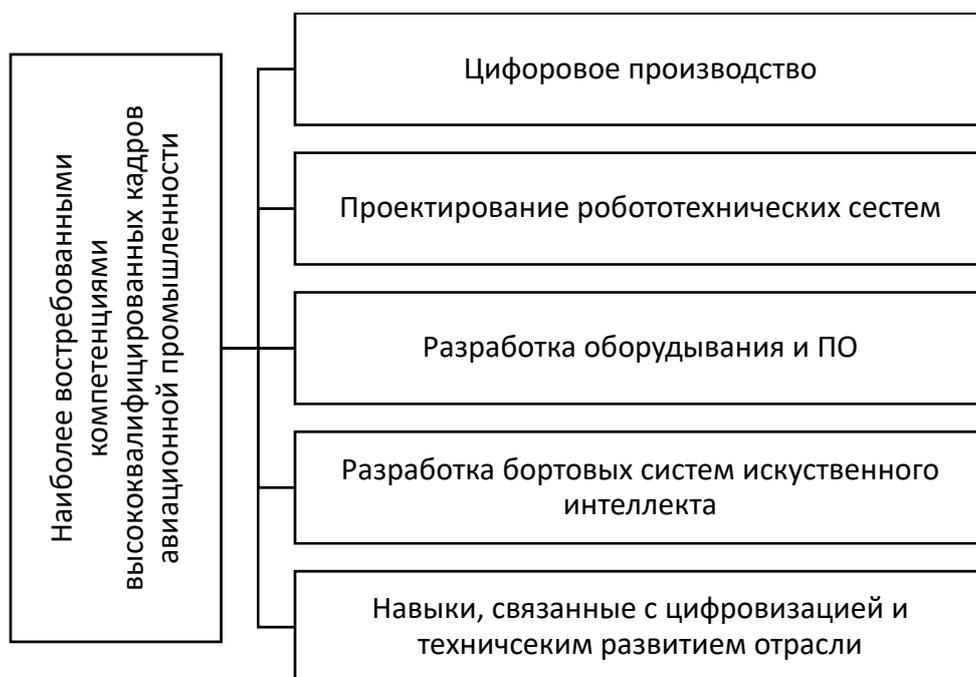

Рисунок 1. Наиболее востребованные компетенции высококвалифицированных кадров авиационной промышленности

Один из факторов, влияющих на кадровый потенциал, наряду с технологической трансформацией, является демография. Например, в холдинге «Вертолеты России» структура возрастного состава говорит о том, что основу кадрового потенциала в настоящее время составляют сотрудники в возрасте от 36 до 65 лет (64 %), молодых сотрудников до 35 лет в настоящее время 31,7 %, при этом общий уровень текучести кадров в 2020 г. в холдинге составил 8,1 %, что говорит о риске уменьшения интеллектуального потенциала компании к 2030 г. Мы видим стабильное снижение доли молодежи. Стоит отметить низкий процент создаваемых высокотехнологичных рабочих мест, отвечающих требованиям цифровой трансформации.

Существует и ряд субъективных факторов, которые влияют на развитие кадрового потенциала ОПК. На большинстве таких предприятий не формируется концепция развития персонала, не отслеживаются тенденции в области квалификационных требований к персоналу, отсутствует отлаженный механизм привлечения и удержания специалистов. Нет эффективной взаимосвязи между общеобразовательными, научными организациями и организациями ОПК в части формирования требований к профессиональным качествам специалистов.

Сейчас существует тренд продления периода трудоспособности. Из-за роста числа лиц пожилого возраста возникает проблема их интеграции в экономические и социальные процессы. В период до 2030 г. стоит ожидать обострения конкуренции молодого и старшего поколений на рынке труда. Повышение демографической нагрузки на трудоспособное население потребует более активного вовлечения в экономику лиц старшего возраста, совершенствования механизмов их адаптации и переподготовки.

Качественные отличия кадров оборонных отраслей промышленности состоят в специфических условиях их формирования – от подготовки, отбора специалистов к формированию высокоэффективных и дееспособных коллективов с высоким уровнем мотивации. Ключевыми специалистами любой высокотехнологичной компании, занятой в разработке и производстве инновационной техники, являются инженеры в сфере исследований и разработок. Именно за счет этой группы специалистов формируется научно-технический задел, реализуются амбициозные задачи и создаются новые продукты. Доля специалистов этой категории в кадровой структуре основных предприятий Холдинга «Вертолеты России» составляет около 40 % от основного производственного персонала. Зарубежный подход к присвоению инженерной квалификации стандартизирован и

опирается на документы целого ряда международных организаций и проектов, таких как Washington Accord, FEANI, ENAEE и CDIO.

Российские государственные стандарты инженерного образования постепенно гармонизируются с этими документами. Большинство высших учебных заведений, где готовят соответствующие кадры в нашей стране уже прошли международную аккредитацию, что позволяет выпускникам иметь возможность для получения международного инженерного статуса.

Сегодня успешный инженер должен не просто владеть фундаментальными и специализированными знаниями, но и уметь применять их на практике, работать с большим объемом информации, постоянно следить за развитием технологий во всем мире, нестандартно и творчески подходить к решению задач, эффективно коммуницировать, работать в команде, соблюдать проектную дисциплину и брать на себя ответственность за результат работы. Важную роль играет и то, что ради достижения количественных показателей многие государственные вузы вынуждены «лояльно» относиться к успеваемости студентов.

Авиастроение является лидирующей отраслью ОПК по темпам внедрения цифровых технологий. Цифровые технологии позволяют создавать современные боевые, транспортные и пассажирские вертолеты, в которых применены все достижения в области высоких технологий. Дополнительным источником внедрения современных цифровых технологий в холдинге «Вертолеты России» является и высокая конкуренция на международном рынке. Также в условиях цифровой экономики особую ценность приобретают навыки сотрудников, которые не могут быть повторены машинами. Это, как правило, навыки, связанные с продвижением инноваций.

Все менее значимыми становятся навыки, связанные с четким выполнением однотипных операций, строгое исполнение правил и инструкций. Роботы выполняют эту работу лучше. Сегодня от человека требуется быть независимым в любых вопросах и быстро ориентироваться в новых обстоятельствах, принимать положительно любые перемены. Увеличение объемов работы с большими данными в условиях технологической трансформации стимулируют спрос на специалистов с цифровыми навыками и аналитическим мышлением. Востребованы специалисты, которые хорошо ориентируются в цифровой среде. Перечисленные компетенции относятся в целом к цифровому обществу будущего и будут являться базовыми при трудоустройстве.

Само понятие «профессия» трансформируется. На смену жестко фиксированному и сохраняющемуся на всю жизнь набору знаний, которыми должен обладать работник, получивший подготовку по определенной специальности, приходит динамически меняющийся профиль – то есть некий профиль компетенций, модифицирующийся вслед за технологическими и организационными трансформациями. Качественную потребность в кадрах, то есть число требуемых работников каждой специальности и компетенций, определим как «профиль кадровой потребности». При описании профиля кадровой потребности необходимо в первую очередь проанализировать уже сейчас сформированные требования рынка к специалистам авиастроительной отрасли. Кадровый профиль предлагается описать через компетенции. Компетенция – это совокупность знаний, навыков, личностных качеств и мотивов человека, проявляющаяся в виде его рабочего поведения. Для разных должностей и категорий сотрудников существуют свои наборы компетенций.

При планировании кадрового профиля особое внимание следует уделить технологическим компетенциям. Профиль компетенций представляет собой описание требований к профессиональным компетенциям работников интегрированной структуры для эффективного выполнения ими должностных обязанностей. Профиль компетенций служит для оценки соответствия кадрового потенциала организаций целям и задачам текущей деятельности, а также перспективам развития компании и отрасли в целом. Формирование профиля компетенций позволит эффективнее планировать кадровую потребность по ключевым направлениям развития компании для поддержания конкурентоспособности в отрасли. Анализируя основные тенденции развития авиационной отрасли, маркетингового анализа и анализа стратегических документов, можно сформировать профиль компетенций вертолетостроительной отрасли.

Можно выделить ключевые знания в области современного вертолетостроения и разделить их на 3 группы: это цифровые компетенции, производственно-технологические компетенции и личностные

компетенции. Предложенный профиль компетенций способствует формированию компетенции по группам, работодатели смогут определить требуемые конкретизированные знания и навыки, описываемые в профиле компетенций. Это является необходимыми условиями для прогнозирования требуемого профиля кадровой потребности организации, что позволит более эффективно формировать планы по обучению и подготовки специалистов.

Таким образом, для повышения кадрового суверенитета и реализации новых технологий следует провести некое реформирование системы образования по подготовке соответствующих кадров. Проводить исследования и оказывать дальнейшее развитие в предложенном мною «профиле» компетенций, который способствует определению отдельного кадра как человека с определенной совокупностью навыков и знаний, которые позволят ему расти как специалист, тем самым повышая весь кадровый потенциал и суверенитет в определенной отрасли в условиях влияния цифровизации, импортозамещения и других факторов.

Пащенко Д. С.

кандидат технических наук,
директор CEO SSSConsulting

Стратегия и тактика развития корпоративного ИТ-ландшафта в условиях технологического эмбарго и ускоренного импортозамещения

Стабильное развитие российских корпораций зависит от своевременной модернизации основных бизнес- и производственных процессов в условиях постоянно растущей конкурентной борьбы и значительных экономических и технологических ограничений со стороны недружественных стран. Цифровая трансформация в настоящее время является магистральным направлением модернизации основных отраслей экономики и позволяет в высокой степени адаптировать российские корпорации к мировой конкуренции, повысить их экономическую эффективность и существенно улучшить все основные параметры (качество, сроки выпуска, себестоимость и т.д.) высокотехнологичной продукции¹. Указом Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» «цифровая трансформация» определена одной из основных целей для национальной экономики. Однако низкая скорость реализации программ цифровизации экономики и недостаточная прозрачность в вопросах возврата инвестиций приводят к прогрессирующему отставанию России в освоении базовых цифровых технологий. Российский объем рынков интернета вещей, искусственного интеллекта, роботизации, аддитивных технологий составляет менее 1 % от мирового². Более того, согласно отчету Минпромторга России уровень показателей «цифровой зрелости» промышленных предприятий, определенный министерством в 2021 г., требует многократного роста до 2030 г.: от необходимого двукратного увеличения использования интернета вещей и диспетчерского контроля производственных процессов в режиме реального времени до пятнадцатикратного роста использования предиктивной аналитики в обслуживании промышленной продукции³.

Программы цифровизации высокотехнологичных предприятий требуют управления постоянными изменениями для преодоления проблем и рисков фундаментального характера (пандемия COVID, милитаризация экономики, технологические санкционные ограничения и пр.). Принятые пакеты санкций со стороны США, Канады, Великобритании, части стран ЕС, Японии и Австралии против России в связи с событиями на Украине в 2022 г. имеют своей целью разрушение экономического потенциала

¹ Приказ Министерства промышленности и торговли РФ от 11.06.2020 № 1863 «Об утверждении Перечня высокотехнологичной продукции, работ и услуг с учетом приоритетных направлений модернизации российской экономики». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007300007?index=0&rangeSize=1> (дата обращения: 28.05.2023).

² Формирование цифровой экономики в России: проблемы, риски, перспективы: РАН. Коллективный научно-аналитический доклад // под ред. Е. Б. Ленчук. URL: https://inecon.org/docs/2018/Lenchuk_paper_20181220.pdf (дата обращения: 14.05.2023).

³ Минпромторг России. Отчет «Показатели цифровой зрелости отрасли Промышленность» // URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/371da805d6a083111877a2ac0f9f9b29/Minpromtorg.pdf> (дата обращения: 28.05.2023).

России, и, в частности, радикальное снижение возможностей выпуска высокотехнологичной продукции. Снижение ВВП России в 2022 г., нарастающие потоки эмиграции IT-специалистов, максимальные ограничения по импорту американских и европейских цифровых технологий и оборудования, уход международных технологических корпораций из России стали настоящим вызовом для всех отраслей национальной экономики¹.

Вместе с этим регулятивное давление государства в сфере информационных технологий возрастает. Указ Президента РФ № 166² заметно повышает заинтересованность значительного количества государственных и частных корпораций к российскому программному и аппаратному обеспечению. Оставим без обсуждения принципиальные возможности его реализации в п. 1б) и очевидную непрозрачность процессов ускоренной сертификации российского ПО, чтобы обеспечить хотя бы видимость исполнения данного закона после 1 января 2025 г. Однако сам вектор уже задан, и мотивация перехода крупнейших корпораций на российское ПО (системное и прикладное) очевидна. Реализация импортозамещения информационных технологий в российских корпорациях идет довольно давно (условно с 2014 г.), но именно события 2022 г. сделали ее реальной и для некоторых игроков рынка – обязательной.

Данное исследование направлено на решение актуальных вопросов в развитии корпоративного IT-ландшафта российских корпораций в условиях фактического технологического эмбарго со стороны наиболее развитых экономик мира и ускоренного импортозамещения программного и аппаратного обеспечения. В отличие от теоретических рассуждений и рекомендательных прогнозов, опирающихся на декларативные государственные программы, в данной работе приведен критический анализ практического опыта 2022–2023 гг. нескольких российских софтверных компаний, крупнейших банков, многопрофильных корпораций и системных интеграторов в области замещения иностранного программного и аппаратного обеспечения в следующих отраслях – автомобилестроение, банкинг, строительство, розничная торговля, фармацевтика, энергетика. Цели подавляющего числа российских корпораций в области информационных технологий после февраля – марта 2022 г. стремительно изменились и стали похожи: вместо устойчивого развития, инвестиционной привлекательности, экологической разумности и новых конкурентных преимуществ на тактическом уровне стало необходимым сохранить бесперебойность IT-сервисов на предприятии и предпринять адекватные усилия для сохранения технологической функции в условиях отказа от своих обязательств со стороны значительного числа мировых вендоров ПО и АО для российских клиентов. Очевидно, что на стратегическом уровне появилась цель не допустить повторение такой ситуации в будущем и необходимость снизить зависимости бизнеса от факторов такого рода. Для государственных корпораций к данным целям были добавлены «отказ от использования иностранного ПО с 1 января 2025 года».

В данной работе ставится научная задача определить границы возможного влияния от управленческих усилий менеджмента российских корпораций и выделить оптимальные подходы к сохранению оптимального уровня автоматизации предприятий с опорой на импортозамещение информационных технологий по всем классам информационных систем. Для оптимизации и рационализации поиска новых точек рыночного равновесия между спросом (в том числе иррациональным) и предложением (с учетом «параллельного» импорта, импортозамещения и многократного роста цен на услуги отечественных IT-компаний) необходимо использовать критический анализ опыта реальных компаний: заказчиков – российских корпораций и исполнителей – российских IT-компаний.

Для решения поставленной научной задачи используется набор аналитических методов и подходов. Так, сбор информации о практическом опыте импортозамещения ПО и АО проводился в формате интервью с менеджерами российских IT-компаний и корпораций-заказчиков и охватил следующие бренды: Яндекс, Сбер, ВТБ24, Банк Санкт-Петербург, Нестле Россия, Кока-кола Россия,

¹ Чеботарев С., Чеботарев В., Журенков Д. Инициатива «Индустрия 4.0»: новая промышленная политика // Общество и экономика. 2016. № 6. С. 43–57.

² Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации».

Дом.РФ, Группа ПСБ, Ламода, Ауксо, Опен Вижен, Инфосистемы Джет и др. Далее этот опыт был обобщен, оценены подходы и результаты и составлена дорожная карта, позволяющая определить управленческие возможности, лучшие практики и выученные уроки из активных процессов импортозамещения АО и ПО в 2022–2023 гг.

Следует выделить три уровня задач по обеспечению непрерывности ИТ-услуг по необходимой скорости реагирования: операционный, тактический, стратегический. Операционный уровень подразумевает немедленное реагирование на проблемы, связанные с операционной деятельностью корпорации: от работы офисных сотрудников до обслуживания клиентов в режиме реального времени. Весной 2022 г. операционный уровень стал первым в решении возникших проблем и рисков. Тактический уровень подразумевает срочное разрешение выявленных и потенциальных проблем, связанных с достижением корпорацией поставленных тактических целей. Стратегический уровень ориентирован на следование регулятивным нормам и лучшим отраслевым практикам, которые получили серьезные изменения после февраля 2022 г.

Результаты исследования представлены в виде общих выводов на основе критического анализа опыта импортозамещения и в виде общих дорожных карт в таблицах с выбором доминирующего успешного решения. При этом следует выделить целый класс корпораций, чья деятельность на законодательном уровне определена как критическая и инфраструктурная для российской экономики. Для данных корпораций Указ Президента № 166 является доминирующим мотивом в реализации развития информатизации и цифровизации, это оказывает самое прямое влияние на выбор решений и создает уникальные особенности их внедрения. В следующих трех таблицах выделены классы ПО и доминирующее успешное решение по реальному или декларируемому импортозамещению, примененное большинством корпораций, чьи представители приняли участие в данном исследовании. В колонке с особенностями внедрения даны альтернативные подходы, условно успешно применимые к российскому ИТ-рынку. Также в особенностях внедрения описаны сценарии для гос. корпораций, обязанных к полному замещению импортного программного обеспечения к 2025 г. (таблицы 1,2,3).

Следует принять во внимание, что весной 2023 г. не произошло массового отказа по аппаратному обеспечению. Даже в наиболее проблемных областях (телекоммуникационное оборудование CISCO и сервера всех мировых брендов) российские корпорации оказались готовы к соответствующим рискам.

Таблица1. Операционный уровень реагирования на риски в области ПО

Класс системы	Область автоматизации и расшифровка	Рекомендуемое успешное решение	Особенности внедрения
Мессенджер, включая видеозвонки	Корпоративные коммуникации	Замена на российские аналоги (например, мессенджер «Пачка»)	Корпорации с сильной внутренней разработкой сделали свои решения (например, в Сбере, Яндексe, ВТБ24)
Обслуживание контакт-центра	Обслуживание клиентов	Замена на ПО китайских производителей	Ускоренная сертификация иностранных решений под российские бренды

Таблица 2. Тактический уровень реагирования на риски в области ПО

Класс системы	Область автоматизации и расшифровка	Рекомендуемое успешное решение	Особенности внедрения
Электронная почта	Корпоративные коммуникации	Решения с открытым исходным кодом	Ускоренная сертификация решений с открытым исходным кодом под российские бренды
Облачное хранилище	Хранение и обработка информации	Замена на российские аналоги (например, Яндекс.Облако)	Развертывание собственных облачных хранилищ на базе решений с открытым исходным кодом
Трекер-системы	Управление задачами, проектами, дефектами ПО и пр.	Замена на российские аналоги (например, мессенджер «Yandex Tracker»)	Корпорации с сильной внутренней разработкой сделали свои решения (например, в Яндексе и ВТБ24)
CRM-система	Обслуживание клиентов (Customer Relationship Management)	Нет доминирующего решения	Соглашаться на какое-то неоптимальное российское решение и ждать его улучшения
ERP-система	Основные бизнес-процессы предприятия (Enterprise Resource Planning)	Переход на российские решения, в некоторых случаях с глубокой адаптацией под корпорацию	Для корпораций от 10 тыс. человек сложно найти оптимально подходящее решение российского производства

Хотя с марта 2022 г. спрос на любое аппаратное обеспечение перешел в режим ажиотажа, но всё же к середине 2023 г. механизмы параллельного импорта (включая «серые» и «черные» схемы) смогли обеспечить минимальные потребности российской экономики. Импортозамещение в области аппаратного обеспечения существует. Как объективный процесс, но носит скорее декларативный характер (Таблица 4).

Таблица 3. Стратегический уровень реагирования на риски в области ПО

Класс системы	Область автоматизации и расшифровка	Рекомендуемое успешное решение	Особенности внедрения
IDE – средства	Разработка программного обеспечения (Integrated development environment)	Нет адекватных решения	Задача не может быть решена – нет никаких российских IDE, поддерживающих популярные языки разработки
СУБД	Хранение и обработка информации (Система управления базами данных)	Переход на решения с открытым исходным кодом (например, PostgreSQL)	Ожидается выход на рынок полностью российских решений (например, YaDB от Яндекс)
Прикладное ПО для серверов	Основные бизнес-процессы предприятия	Переход на решения с открытым исходным кодом	Ускоренная сертификация решений с открытым исходным кодом под российские бренды
Системное ПО для серверов	Основные бизнес-процессы предприятия	Переход на решения с открытым исходным кодом (например, Red Hat Enterprise Linux)	Ускоренная сертификация решений с открытым исходным кодом под российские бренды (например, Астра-Линукс)
Прикладное ПО для рабочих машин	Основные бизнес-процессы предприятия	Переход на решения российских поставщиков (например, решения с открытым исходным кодом)	Ускоренная сертификация решений с открытым исходным кодом под российские бренды
Системное ПО для рабочих станций ПК	Основные бизнес-процессы предприятия	Переход на Linux-образные решения с открытым исходным кодом	Ускоренная сертификация решений с открытым исходным кодом под российские бренды)

Таблица 4. Реагирование на технологические угрозы в области АО

Уровень реагирования и класс устройств	Область автоматизации	Рекомендуемое успешное решение	Особенности внедрения
Операционный			
Телекоммуникационное оборудование	Обслуживание клиентов	Переход на устройства китайских производителей (прежде всего Huawei)	Сертификация китайского оборудования под российскими брендами в основном не успешна
Рабочие станции ПК	Основные бизнес-процессы предприятия	Параллельный импорт устройств от мировых брендов	Китайские рабочие станции хуже американских и даже дороже на рынке РФ
Тактический			
Серверное оборудование	Основные бизнес-процессы предприятия	Параллельный импорт устройств от мировых брендов	Сертификация китайского оборудования под российскими брендами
Периферийное оборудование	Основные бизнес-процессы предприятия	Переход на устройства китайских производителей	Российские аналоги неконкурентоспособны
Стратегический			
Индивидуальные мобильные устройства	Основные бизнес-процессы предприятия	Переход на устройства китайских производителей	Российские аналоги неконкурентоспособны

Следует привести общие выводы по исследованию, обобщающие опыт импортозамещения российских корпораций в 2022 и 2023 гг.:

1) Отказ западных компаний от сотрудничества с российскими партнерами, регулятивный нажим государства и общая турбулентность бизнеса обеспечили явный интерес (и бюджеты) к реальному, а не декларируемому импортозамещению. Цены на продукты и услуги российских IT-компаний выросли от 40 до 200 %;

2) Импортозамещение и «параллельный» импорт удорожают себестоимость технологической функции в каждой корпорации, также очевидно их негативное влияние на бизнес-процессы корпораций из-за низкого качества и недостаточной адаптации российского ПО под требования заказчиков;

3) Импортозамещение в области аппаратного обеспечения представляется декларацией, эксперты в исследовании не нашли реальных путей поддержания своего бизнеса, кроме «параллельного импорта» и «сертификации под российский бренд китайской продукции». «Параллельный импорт» работает в 2023 г. лучше, чем в 2022 г. – логистические цепочки значительно оптимизировались, но все равно с трудом удовлетворяют полностью спрос российского технологического рынка;

4) Несмотря на большой человеческий капитал и собственные IT-технологии, большинство корпораций не смогли обеспечить заметное импортозамещение ни в базовых системных технологиях, ни в аппаратном обеспечении. Корпорации с тысячами собственных разработчиков и начавшие импортозамещение еще в 2014 г. обладают всеми возможностями выполнить требования Указа президента № 166, однако это слабо связано с российскими программными продуктами и усилиями российских IT-компаний;

5) Большинство корпораций построили планы по импортозамещению ПО по всем классам решений, приведенных в Таблицах 1, 2, 3 с горизонтами планирования в 2026–2027 гг. Движение очевидно начато, инвестиции считаются правильными и будут продолжены.

Романенко Н. Ю.Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
кандидат экономических наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой управления и экономики**Ушаков А. Н.**Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистр**Канкулов М. М.**

аспирант ФГУП «ВНИИ «Центр»

Проблемы технологического суверенитета и пути его решения

В современном мире технологии играют ключевую роль в развитии экономики и общества. Они стали неотъемлемой частью нашей повседневной жизни и влияют на все сферы нашего бытия – от производства до коммуникации, от образования до здравоохранения. В этом контексте понятие «технологический суверенитет» приобретает особую актуальность.

Технологический суверенитет подразумевает способность государства контролировать и регулировать использование и развитие технологий в своих интересах. Сегодня многие страны сталкиваются с проблемой зависимости от иностранных технологий, что может представлять угрозу для национальной безопасности и экономики. Это особенно заметно в области информационных технологий, где доминируют несколько крупных международных компаний.

Кроме того, вопросы технологического суверенитета становятся всё более актуальными в контексте цифровизации общества и экономики, развития искусственного интеллекта, больших данных и других новых технологий. В связи с этим поиск эффективных путей решения проблем технологического суверенитета становится одной из ключевых задач для многих государств. Под технологическим суверенитетом будем понимать достигнутую степень локализации мирового процесса создания технологий, обеспечивающую такое влияние на технологический процесс стран-партнеров международного технологического обмена и кооперации, которое бы делало неприемлемыми для данных стран издержки ограничения свободы использования иностранных технологий отечественными компаниями¹.

Технологический суверенитет рассматривается как часть экономического суверенитета, обеспечивающего базовые потребности мир-системы России. К такого рода потребностям можно отнести обеспечение безопасности граждан на своей территории, предоставление гражданам продовольственной независимости, поддержание современного уровня производства информации, и предоставление доступа к средствам производства таких технологий².

Технологический суверенитет предлагает ряд преимуществ.

Во-первых, он позволяет странам обеспечить свою экономическую независимость и конкурентоспособность. Страны, которые обладают технологическим суверенитетом, могут развивать и внедрять новые технологии, которые помогают им увеличивать производительность, создавать новые рабочие места и повышать качество жизни своих граждан.

Во-вторых, технологический суверенитет помогает странам обеспечить свою безопасность. В эпоху цифровизации и глобализации, когда технологии становятся всё более важными для национальной безопасности, контроль над своими технологическими активами становится жизненно важным. Это позволяет странам защитить свои критические инфраструктуры от кибератак и других угроз, а также сохранить свою информационную независимость.

¹ Приходько И. И. Теоретические аспекты концепции технологического суверенитета // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Экономика и управление. 2022. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-aspekty-kontseptsii-tehnologicheskogo-suvereniteta> (дата обращения: 30.11.2023).

² Дежина И. Г. Пономарев А. К. Подходы к обеспечению технологической самостоятельности России // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 3.

Однако достижение технологического суверенитета на сегодняшний момент затруднено существующим рядом проблем и вызовов

Во-первых, отсутствие систематического роста патентной активности при условии увеличения доли затрат на исследования и разработки в ВВП по Российской Федерации. Это говорит о неспособности текущего научного сообщества выстраивать научную работу по экспоненте, а только о способности реагировать на потребность в создании технологий «заменителей».

Во-вторых, диспропорция наблюдается и в структуре средств, направленных на финансирование НИОКР. В общемировой практике подобные разработки финансируются за счет предприятий. Российская же практика показывает, что только до 30 % разработок приходится на их долю¹. Таким образом, мы можем сказать, что сектор наукоемкого бизнеса еще только находится в стадии создания собственных научных коллективов и структуры.

В-третьих, в технологическом направлении можно выявить целый перечень подобных вызовов, которые модно объединить понятием «ресурсные»:

– исчерпание возможностей экономического роста России, основанного на экстенсивной эксплуатации сырьевых ресурсов, на фоне формирования цифровой экономики и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих новыми производственными технологиями и ориентированных на использование возобновляемых ресурсов;

– качественное изменение характера глобальных и локальных энергетических систем, рост значимости энерговооруженности экономики и наращивание объема выработки и сохранения энергии, ее передачи и использования²;

В-четвертых, кризис научных кадров и собственных научных школ, совместно с тенденцией «утечки мозгов» порождает ситуацию кадрового и экспертного дефицита при постоянно возрастающей потребности в них.

Данная тенденция приведет либо к кризису и возвращению на привычный для России путь заимствования технологий, но уже с ориентацией на Восток, либо к формированию новой экспериментальной системе подготовки и переквалификации имеющихся научных кадров в приоритетные направления.

Мы можем заметить, что озвученные выше проблемы имеют сопряжены со всеми стадиями научной разработки или научно-технологического изобретения. Таким образом, сейчас мы имеем стабильную, но относительно существующих вызовов не эффективную систему.

Естественной реакцией государства на подобные проблемы станет реформирование или иное изменение научно-технологического сектора. Особый интерес, в этом процессе будет вызывать направление, которое выберет государство для реорганизации научной деятельности. Очевидно, что выбор будет производиться между «государственной моделью» формирования науки и технологий и «предпринимательской моделью», когда основной упор будет сделан на поддержку создания сети научных коллективов в крупном отечественном бизнесе.

Однако сейчас исследователями выдвигаются разные предложения по иным вариантам и моделям построения. Так, выдвигается гипотеза, что стремление к технологическому суверенитету должно сопровождаться появлением в стране «второй промышленности» с опорой не на министерства и корпорации, а на команды разработчиков, средние технологические компании и университеты.

Государством начата работа по совершенствованию данной системы. Так, федеральный проект «Передовые инженерные школы» направлен на трансформацию системы подготовки инженерных кадров под запросы ведущих высокотехнологичных компаний; разработку инновационных подходов к подготовке инженерных кадров «нового» типа, внедрение практик и стажировок будущих

¹ Горячева Т. В., Мырзова О. А. Роль и место технологического суверенитета в обеспечении устойчивости экономики России // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Серия «Экономика. Управление. Право». 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-mesto-tehnologicheskogo-suvereniteta-v-obespechenii-ustoychivosti-ekonomiki-rossii> (дата обращения: 01.12.2023).

² Константинов И. Б., Константинова Е. П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник ПАГС. 2022. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologicheskii-suverenitet-kak-strategiya-buduschego-razvitiya-rossiyskoy-ekonomiki> (дата обращения: 30.11.2023).

инженеров в содержательные форматы деятельности высокопроизводительного сектора экономики, тиражирование лучших образовательных практик и форматов взаимодействия с индустриальными партнерами в образовательное пространство Российской Федерации¹.

Белоконев С. А.,
ведущий консультант Минпромторга России, аспирант

Белокопытов К. В.
эксперт по экономическим вопросам
Экспертной группы по вопросам стратегического планирования ОПК, аспирант

Слободчиков М. И.,
эксперт по юридическим вопросам
Экспертной группы по вопросам стратегического планирования ОПК, аспирант
ФГУП «ВНИИ «Центр»

Технологическая независимость в документах стратегического планирования в сфере ОПК

Государственная политика в сфере стратегического планирования представляет собой совокупность скоординированных мер, направленных на определение с учетом национальных интересов Российской Федерации, долгосрочных целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, стратегических национальных приоритетов, путей и основных инструментов их достижения, на прогнозирование рисков социально-экономического развития и угроз национальной безопасности, на совершенствование системы стратегического планирования.

Стратегическое планирование, связанное в том числе с функционированием и развитием оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации (далее – стратегическое планирование), осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» и Указом Президента РФ от 08.11.2021 № 633, которым утверждены Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации.

В соответствии с основами стратегического планирования существенно изменилась архитектура согласованности документов стратегического планирования. В рамках цикла стратегического планирования обозначено строгое соблюдение последовательности разработки и утверждения документов стратегического планирования. При этом на октябрь 2023 г. в Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» пока не внесены соответствующие изменения по порядку последовательности разработки и утверждения документов стратегического планирования².

Следует отметить, что Федеральный закон № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», в частности, не относил национальные проекты к документам стратегического планирования. Кроме того, в установленном законом порядке разработки документов стратегического планирования документы, разрабатываемые в рамках прогнозирования, принимались после утверждения и принятия документов, разрабатываемых в рамках целеполагания как на федеральном так и на отраслевом уровне³.

В 2021–2023 гг. был принят целый ряд документов стратегического планирования, ставших основой для разработки (корректировки) документов стратегического планирования, реализации государственных программ Российской Федерации, а также плановых и программно-целевых

¹ Федеральный проект «Передовые инженерные школы». URL: <https://engineers2030.ru/>.

² Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 «Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации».

³ Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

документов государственных корпораций, государственных компаний и акционерных обществ с государственным участием, в том числе:

Стратегия национальной безопасности (Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400);

Концепция внешней политики (Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229);

Концепция технологического развития на период до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р);

Морская доктрина Российской Федерации (Указ Президента РФ от 31.07.2022 № 512);

Основы государственной политики Российской Федерации в области авиационной деятельности на период до 2030 г. (Указ Президента РФ от 31.12.2021 № 758);

Основы государственной политики Российской Федерации в области развития электронной и радиоэлектронной промышленности на период до 2030 г. и дальнейшую перспективу (Указ Президента РФ от 12.05.2023 № 344);

Стратегия развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. и план мероприятий по ее реализации (распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-р);

В сентябре 2023 г. внесены изменения в сводную стратегию развития обрабатывающей промышленности (распоряжение Правительства РФ от 06.06.2020 № 1512-р) с детализацией планов и задач на перспективу;

Наряду с этим, внесены существенные изменения в утвержденную в 2022 г. Комплексную программу развития авиационной отрасли Российской Федерации до 2030 г. (распоряжение Правительства РФ от 25.06.2022 № 1693-р).

В указанных документах особое внимание уделяется вопросам обеспечения технологической независимости Российской Федерации.

В частности, в Стратегии национальной безопасности отмечается, что целью научно-технологического развития Российской Федерации является, в том числе обеспечение технологической независимости и конкурентоспособности страны, достижение национальных целей развития и реализации стратегических национальных приоритетов. Задача по обеспечению технологической независимости оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации, его инновационное развитие, сохранение лидерства в разработке и производстве новых (перспективных) образцов (комплексов, систем) вооружений, военной и специальной техники решается в рамках реализации военной политики для достижения целей обороны страны¹.

В Концепции внешней политики отмечается, что «укрепление России в качестве одного из ведущих центров развития современного мира, считая ее самостоятельную внешнюю политику угрозой западной гегемонии, Соединенные Штаты Америки (США) и их сателлиты использовали принятые Российской Федерацией меры по защите своих жизненно важных интересов на украинском направлении как предлог для обострения многолетней антироссийской политики и развязали гибридную войну нового типа. Она направлена на всемерное ослабление России, включая подрыв ее созидательной цивилизационной роли, силовых, экономических и технологических возможностей, ограничение ее суверенитета во внешней и внутренней политике, разрушение территориальной целостности».

Кроме того, с учетом долгосрочных тенденций развития ситуации в мире, отмечается, что содействие устойчивому развитию российской экономики на новой технологической основе является одним из национальных интересов Российской Федерации во внешнеполитической сфере².

В Концепции технологического развития на период до 2030 г. введены следующие понятия:

«проекты технологического суверенитета» – проекты полного инновационного цикла по производству высокотехнологичной продукции на основе собственных линий разработки с использованием критических и сквозных технологий, охватывающие все стадии инновационного цикла и включающие, в том числе кадровые и регуляторные аспекты;

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

² Указ Президента РФ от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

«вызовы технологического развития» – объективно требующая реакции со стороны государства и общества совокупность проблем, угроз и возможностей в области разработки и внедрения технологий, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы без структурных изменений исключительно за счет увеличения ресурсов;

«высокотехнологичная продукция» – товары, относящиеся к следующим продуктовым группам в соответствии со Стандартной международной торговой классификацией Организации Объединенных Наций: вооружение, измерительные инструменты, научные и оптические приборы, компьютерная и офисная техника, космические и иные летательные аппараты, включая беспилотные, неэлектрические машины и оборудование, лекарственные препараты и медицинские инструменты, химические продукты и материалы, электрические машины, электроника и телекоммуникационное оборудование;

«критические технологии» – отраслевые технологии, критически необходимые для производства важнейших видов высокотехнологичной продукции и создания высокотехнологичных сервисов, имеющие системное значение для функционирования экономики, решения социально-экономических задач и обеспечения обороны страны и безопасности государства;

«технологический суверенитет» – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы. Технологический суверенитет обеспечивается в 2 основных формах – исследования, разработка и внедрение критических и сквозных технологий (по установленному перечню) и производство высокотехнологичной продукции, основанного на указанных технологиях. Технологический суверенитет обеспечивается в том числе с опорой на устойчивое международное научно-техническое сотрудничество с дружественными странами.

Необходимо обратить внимание, что в представленных в «Концепции технологического развития на период до 2030 года» показателях достижения цели технологического развития Российской Федерации «Обеспечение национального контроля над воспроизводством критических и сквозных технологий» указано, что необходима разработка методики расчета по следующим показателям:

«Достигнутый уровень технологического суверенитета по видам продукции»;

«Достигнутый уровень развития критических и сквозных технологий (в соответствии с установленным перечнем)».

В то же время в Концепции технологического развития показатель «Коэффициент технологической зависимости» предлагается считать через «Индекс технологической зависимости», который выражается в процентах и рассчитывается по следующей формуле:

$$I_{ТЗ} = \frac{\Pi_3^{OT}}{\Pi_3^{ЗАР}} \times 100$$

где:

Π_3^{OT} – число заявок на выдачу патентов Российской Федерации на изобретение, поданных в Роспатент в отчетном году, по которым хотя бы один из заявителей является резидентом Российской Федерации;

$\Pi_3^{ЗАР}$ – число заявок на выдачу патентов Российской Федерации на изобретение, поданных в Роспатент в отчетном году, по которым ни один из заявителей не является резидентом Российской Федерации¹.

Курс на укрепление технологического суверенитета Российской Федерации отмечен в Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2035 г. Технологический суверенитет упоминается во всех разделах данного документа. В соответствии с базовым сценарием одним из целевых значений показателей развития отрасли беспилотной авиации к 2030 г. являются «уровень технологического суверенитета беспилотной

¹ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года».

авиации – коэффициент 1,5». Методология расчета данного коэффициента в документе не приводится¹.

24 октября 2023 г. состоялась стратегическая сессия о крупных проектах технологического суверенитета под руководством главы Правительства Михаила Мишустина. Для снижения зависимости от импорта и достижения суверенитета по ключевым направлениям будут запущены 10 мегапроектов. Среди них: выпуск дизельных двигателей, станков; лекарств и медицинских изделий; химической электронной и радиоэлектронной продукции; беспилотных авиасистем; производства сжиженного и природного газа; выпуска самолетов и судов.

Он отметил, что «отраслевые эксперты разработали и специальную методику для определения уровня технологического суверенитета станкоинструментальной области. На помощь этой индустрии предусмотрено в проекте трехлетнего бюджета около 130 млрд руб.».

Тем самым можно отметить, что государственная политика, направленная на обеспечение технологической независимости, активно закрепляется в нормативных документах стратегического планирования. Продолжается разработка методического аппарата по расчету показателей технологического суверенитета. Создание подобного методического аппарата крайне важно, в том числе для ОПК, особенно в современных условиях беспрецедентного санкционного давления и проведения Специальной военной операции.

Губин А. М.

кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой управления и экономики

Гончарова Т. Э.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистр

Проблемы обеспечения правового суверенитета Российской Федерации в современных условиях с учетом международного опыта

Суверенитет государства представляет собой многогранные процессы, происходящие как во внутренней, так и во внешней политике государства. Исторически сложилось, что люди стремясь иметь защиту от каких-либо угроз объединились в более крупные группы – государства. Однако в настоящее время мы можем видеть, что интересы многих государств соприкасаются, что нередко приводит к каким-либо конфликтам.

Для начала необходимо обратиться к истории. Так, международное право получило широкое распространение после Второй мировой войны. Это обуславливается тем, что большое количество населения было вовлечено в указанный процесс. В результате чего были сделаны определенные выводы, касающиеся установления нового миропорядка во всем мире. Из истории мы знаем, что в 26 июня 1945 г. является датой образования Организации Объединенных наций (далее – ООН). Целью создания ООН было организация устойчивого миропорядка, многополярного мира и безопасности, а также установление стойкого сотрудничества в области развития государств. При этом считается, что ООН является универсальной организацией, которая обладает специфической легитимностью, которая несет в себе уникальную конструкцию международной системы безопасности.

Россия же является правовым государством, которая также является участником ООН. При этом в Конституции РФ закрепляются положения, согласно которым многонациональный народ выступает в качестве единственного носителя суверенитета в России. При этом в нашем государстве имеются определенные ограничения, которые также характерны для большинства цивилизованных стран.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 21.06.2023 № 1630-

р «Об утверждении Стратегии развития беспилотной авиации Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2035 года и плана мероприятий по ее реализации».

Санкции, которые были введены в период с 2013 по 2014 г., большого влияния на экономику нашего государства большого влияния не оказывали. Их целью не являлась финансовая блокада. Они выступали как средство реагирования на проводимую Россией политики. Однако санкции, введенные после воссоединения полуострова Крым с Россией, имели более существенный экономический характер. Ограничительные меры коснулись многих политиков и бизнесменов, а также деятельность банков и предприятий в большей степени за границей также коснулись ограничения.

В настоящее время западные аналитики говорят о том, что действие санкций можно увидеть только в долгосрочном периоде. Сейчас их действие заключается в том, что прекратилось большое количество инвестиций в российскую экономику, а также закрылись многочисленные проекты между РФ и странами, которые ввели санкции¹.

Несомненно, можно сказать о том, что за тот период действия санкций, который мы рассмотрели выше, экономика нашего государства адаптировалась к создавшимся условиям. Представляется возможным выделить сферы, которые подверглись наибольшим ограничительным воздействиям, а именно:

1. Персональные санкции. Многие санкции коснулись видных политических деятелей РФ, а также бизнесменов, которые имели значительные доли в ведущих корпорациях, компаниях и организациях нашего государства.

2. Банковский сектор. В создавшихся условиях банковский сектор практически был отрезан от западных рынков капитала, а те источники заимствования, которые имелись после введения ограничительных мер, стали значительно дороже. Образовался определенный банковский кризис, но впоследствии ситуация стала улучшаться, так как произошла переориентация на привлечение средств по вкладам и облигациям населения. Также введенные санкции позволили создать собственную платежную систему «Мир»².

3. Значительно был сокращен импорт товаров. Данный процесс повлиял на то, что произошла переориентация рынка. В значительной степени возрос импорт из азиатских стран, а также это позволило «оживить» собственные ресурсы³.

4. Ограничения также коснулись на сферу высокой технологий. Это повлияло на то, что существенным образом ограничивалась поставка товаров военного и двойного назначения. Однако есть и положительные моменты, связанные с тем, что произошло импортозамещение в данной сфере, что также способствует только увеличению независимости от зарубежных стран.

5. Санкции способствовали еще большей интеграции с Китаем, а также странами Юго-Восточной Азии и Ближнего Востока. Значительным образом расширились сферы сотрудничества во многих сферах⁴.

На основании вышеизложенного представляется возможным сказать о том, что санкции затрагивают практически все сферы жизни общества. Но несмотря на негативные последствия, которые возникают от действия санкций, мы можем видеть и положительные тенденции в части становления независимой от других стран экономической составляющей нашего государства. Во многом санкции способствовали развитию тех отраслей экономики нашего государства, которые находились в упадке либо требовали особого внимания. В связи с принятием оперативных мер удалось в кратчайшие сроки наладить процесс импортозамещения.

В настоящее время после начала специальной военной операции на Украине мы можем увидеть, что такие страны, как США, Франция, Великобритания и Германия вводят многочисленные санкции, пытаясь оказать воздействие на политику нашего государства. Они затрагивают все сферы нашей жизни, носят более жесткий характер. По мнению западных стран, санкции должны способствовать

¹ Атурин В. В. Антироссийские экономические санкции и проблемы импортозамещения в условиях современной между народной конкуренции // Вестник евразийской науки. 2019. № 2. С. 48–58.

² Варьяш И. Ю. Экономическая социология антироссийских санкций // Вестник науки и образования. 2019. № 22-2 (76). С. 50–56.

³ Яркова Т. М. Влияние санкций на продовольственную безопасность государства // Вестник Прикамского социального института. 2018. № 2 (80). С. 86–92.

⁴ Николаева И. П., Шаховская Л. С. Мировая экономика и международные экономические отношения : учебник для бакалавров. М. : Дашков и К, 2019. 244 с.

тому, что Россия либо объявит дефолт, либо прекратит совершать действия, которые, по мнению вышеуказанных стран, являются неправильные. Мы видим, что несмотря на то, что российский фондовый рынок потерял большое количество позиций, что привело к тому, что стоимость большого количества компаний значительно уменьшилось. Также наблюдался резкий скачок курса рубля по отношению ко многим валютам. Однако в настоящее время Президент РФ и наше Правительство РФ проводят грамотную политику, которая привела к тому, что курс рубля стабилизировался. Также были введены ответные меры, что привело к тому, что цены на экспортируемые из России товары значительно выросли, что также не может сказываться на экономиках зарубежных стран. Ведь практически все страны Европы зависят от российских энергоресурсов, которые позволяют обеспечивать важнейшие экономические процессы в таких странах. Безусловно, введение эмбарго как на энергоносители, так и на остальные продукты, экспортируемые нашим государством, приведет к тому, что инфляционные процессы в зарубежных странах также примут большие масштабы, что непременно приведет к ухудшению благосостояния населения.

Решение вышеуказанной проблемы состоит в развитии суверенитета нашего государства во всех сферах общества от иностранных технологий, ресурсов и т.д. Только такой путь позволит полностью обеспечить правовой суверенитет нашего государства в мире, поскольку независимость в развитии позволит повысить уровень влияния на принятие многих решений на политической арене.

Коломиец А. Г.

начальник отдела ПАО «Транснефть»

аспирант ФГУП «ВНИИ «Центр»

Практические государственные инициативы по достижению технологического суверенитета в строительной отрасли

В последнее десятилетие, с переходом к «цифровой экономике», рост эффективности в строительстве связывают прежде всего с переходом строительной отрасли к новым информационным технологиям планирования, проектирования, возведения и последующей эксплуатации объектов капитального строительства.

Данные технологии, изначально появившиеся на западе в 80-х гг. прошлого века и получившие название BIM-технологий (building information modeling) или технологий информационного моделирования в их отечественной интерпретации, обеспечивают управление информацией об объекте строительства на всех этапах его жизненного цикла от инвестиционного замысла о строительстве нового объекта до вывода его из эксплуатации, после того как он отслужит свой срок и будет утилизирован.

Технологии информационного моделирования (ТИМ) объединяют методологию управления информацией, стандарты моделирования и обмена информацией, специализированное программное обеспечение для проектирования и сопровождения строительства, а также новые знания и компетенции персонала организаций – участников строительного процесса. Внедрение ТИМ в России изначально развивалось в формате локализации зарубежного опыта, освоения иностранного программного обеспечения, т.е. по пути «подстройки» под западные стандарты и практики. Молодые отечественные разработчики ПО были вынуждены конкурировать с крупными западными игроками на рынке BIM, зачастую проигрывая им в борьбе за отечественного потребителя.

С началом специальной военной операции в России в 2022 г. ситуация изменилась. Иностранные разработчики ПО в рамках санкционного давления на нашу страну прекратили техническую поддержку своих продуктов на территории нашей страны, создав угрозу безопасного функционирования российских компаний. В этих условиях, государственная повестка от ранее привычного «импортозамещения в сфере информационных технологий», в 2023 г. эволюционировала до «технологического суверенитета», установив соответствующие акценты в области развития отечественного рынка цифровых технологий.

Понимая под технологическим суверенитетом – наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий, собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы¹, можно с уверенностью сказать, что технологический суверенитет в области строительства лежит в области создания в нашей стране собственного нормативно-технического фонда, программно-технического ландшафта и образовательной базы, обеспечивающих согласованное развитие отечественных информационных технологий, учитывающих национальные особенности технического регулирования, сметного нормирования и ценообразования в строительстве.

На государственном уровне работа по достижению технологического суверенитета в строительстве идет под руководством профильного министерства – Минстроя России. Применение ТИМ в строительстве внесено в Градостроительный кодекс Российской Федерации. Выпущено постановление Правительства РФ², предписывающее обязательное применение с 2022 г. информационных моделей объектов капитального строительства при строительстве объектов с использованием денежных средств государственной бюджетной системы.

Для координации действий различных министерств разработана и утверждена дорожная карта³, направленная на внедрение ТИМ в строительство и применение связанных с ними прогрессивных цифровых технологий. Она включает комплекс мероприятий по поддержке и развитию отечественного программного обеспечения, формированию требований к структурам информационных моделей объектов строительства, разработке регламентов взаимодействия участников строительства, интеграции государственных классификаторов в области строительства, организации работ по дополнительному образованию и профессиональной переподготовке, развитию государственных информационных систем в области строительства и ряд других мер.

В целях формирования отечественного нормативно-технического фонда в области ТИМ в Росстандарте в 2022 г. сформирован и начал свою работу профильный технический комитет ТК-505 «Информационное моделирование» под председательством заместителя министра строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации. Данный комитет объединил ведущих отечественных экспертов в области ТИМ из числа работников крупных государственных компаний, компаний – разработчиков программного обеспечения, консалтинговых и экспертных организаций. В 2023 г. утвержден основополагающий стандарт серии Единая система информационного моделирования ГОСТ Р 10.00.00.00-2023 «ЕСИМ. Основные положения», заложивший основу создания и развития единого нормативно-методического ландшафта ТИМ на ближайшие 5–7 лет. В работе ТК 505 сейчас также находится 19 документов серии ЕСИМ на различной стадии разработки и обсуждения.

В целях формирования единых требований в части области управления данными, обеспечения их интероперабельности и переходу на машиночитаемую форму документов в строительстве в электронном юридически значимом виде, Минстроем России разработаны более 40 XML-схем документов для этапов проектирования и строительства объектов. Для формирования единого «языка» обмена информацией между всеми участниками строительного рынка разработан и запущен Классификатор строительной информации, включивший 21 классификационную таблицу, отражающую различные аспекты строительного процесса. Оператором КСИ выступил ФАУ «Федеральный центр нормирования, стандартизации и технической оценки соответствия в строительстве».

¹ Концепция технологического развития на период до 2030 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 2.05.2023 № 1315-р.

² Постановление Правительства РФ от 05.03.2021 № 331 «Об установлении случая, при котором застройщиком, техническим заказчиком, лицом, обеспечивающим или осуществляющим подготовку обоснования инвестиций, и (или) лицом, ответственным за эксплуатацию объекта капитального строительства, обеспечиваются формирование и ведение информационной модели объекта капитального строительства».

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.12.2021 № 3719-р «Об утверждении плана мероприятий («дорожная карта») по использованию технологий информационного моделирования при проектировании и строительстве объектов капитального строительства, также по стимулированию применения энергоэффективных и экологических материалов, в том числе с учетом необходимости их производства в Российской Федерации».

Для консолидации усилий по формированию государственной политики по широкому внедрению и развитию ТИМ в Российской Федерации, в 2021 г. при поддержке Минстроя России создана ассоциация НОТИМ – Национальное объединение организаций в сфере технологий информационного моделирования», объединившая в своих рядах ведущих российских застройщиков, разработчиков программного обеспечения для ТИМ, крупнейших производителей строительных материалов.

В рамках замещения иностранных программных решений в области технологий информационного моделирования Минстроем России разработан и опубликован Перечень российского программного обеспечения для субъектов градостроительной деятельности в соответствии с данными единого реестра российского программного обеспечения для ЭВМ, включивший основную информацию об отечественных аналогах зарубежного ПО, предназначенного для решения различных задач в области ТИМ. Данный перечень насчитывает более 300 наименований отечественного ПО, разделенных на 40 подгрупп в зависимости от сценариев его применения, и является своеобразной «картой» отечественного ландшафта ПО в области ТИМ.

Дополнительным стимулом перехода на отечественное ПО для достижения технологического суверенитета послужили директивы государственным корпорациям и компаниям с госучастием по разработке и утверждению стратегий цифровой трансформации от 19.04.2021, включившие требования по достижению госкомпаниями целевых показателей по импортозамещению программного обеспечения.

Для координации мер государственной поддержки отечественным разработчиком программного обеспечения в июле 2022 г. по поручению Правительства РФ было сформировано 35 индустриальных центров компетенций по замещению зарубежных отраслевых цифровых продуктов и решений, 2 из которых созданы при Минстрое России. Основная задача данных центров компетенций – регулирование инвестиций и господдержки отдельных предприятий и разработчиков на отечественном рынке программного обеспечения. На поддержку отечественных компаний в рамках работы ИЦК в период до 2024 г. запланировано направить 37 млрд руб. из государственного бюджета.

Достижение технологического суверенитета в строительной отрасли – масштабная работа, ведущаяся одновременно на нескольких уровнях под общим руководством Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства, обеспечивающего согласованность действий всех участников этого процесса с целью выхода отрасли на новый уровень эффективности, основанной на прогрессивных методах управления, широком применении современных цифровых технологий и новых компетенциях, востребованных в эпоху цифрового общества и экономики знаний.

Волкова Ю. А.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
кандидат экономических наук, доцент
кафедра управления и экономики

Воронов В. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант

Актуальные проблемы спортивного суверенитета России и способы его обеспечения

За прошедшие десять лет Россия подверглась сильнейшему санкционному давлению со стороны недружественных стран. Данные действия направлены на дестабилизацию обстановки в огромном множестве сфер жизни общества и государства. Спортивный блок не стал исключением, так как он давно известен своими возможностями по повышению авторитета государства на международном уровне и демонстрации своей силы в отношении иных стран без использования политического влияния. Базисом особого положения спорта, является его автономия, согласно которой «он должен

быть свободен от прямого политического или государственного вмешательства»¹. В настоящий момент управляющие лица в международных и национальных спортивных организациях и профессиональных лигах окончательно превратили спорт в политический инструмент, при помощи которого предпринимают попытки оказать давление на различные государства. основополагающие принципы олимпийского движения и спорта в целом не принимаются во внимание – спортивная арена ныне используется не для определения лучших из лучших среди команд и отдельных спортсменов, а для бесосновательной дискриминации указанных выше лиц и для лоббирования интересов отдельных стран и их политических союзов. В отношении РФ активно ведется политика по устранению страны как одной из ведущих спортивных держав. Олимпийский девиз «Citius, altius, fortius – communiter», сошел на нет и мы сталкиваемся с новыми реалиями, в которых образовалась необходимость в закреплении нового понятия – «спортивный суверенитет государства».

Сформировать единую позицию о том, что входит в данное понятие, крайне сложно, однако можно выделить существенные характеристики, которые являются основой для закрепления такого термина. По нашему мнению, спортивный суверенитет государства, является одним из так называемых «отраслевых суверенитетов» и определить его можно как основанную на спортивном принципе и честной конкуренции, независимую от политических и иных факторов возможность участия спортивных команд страны и отдельных спортсменов в международных и национальных спортивных соревнованиях с использованием всех личных неимущественных прав, в том числе государственных атрибутов (герб, гимн, флаг) для идентификации себя и своей национальной принадлежности.

В период проведения Специальной военной операции (СВО), в отношении российских спортсменов было принято самое крупное число дискриминационных решений. В первую очередь необходимо вспомнить о том, что приостановлено членство Олимпийского комитета России (ОКР) в Международном олимпийском комитете (МОК); кроме того, на спортивных мероприятиях мы не можем использовать государственные символы; принимать участие в абсолютном большинстве спортивных соревнований различного уровня наши атлеты также не имеют права; игроки с паспортом гражданина РФ получают отказы в получении трудовых виз в страны ЕС и по этой причине не могут подписывать контракты с зарубежными клубами для осуществления своей деятельности и т.д. Спортсмены теряют способы получения заработка, так как не могут претендовать на призовые за участие в соревнованиях, а эти финансовые поощрения для многих являются основным источником дохода. С учетом особенностей человеческого организма и отдельных спортивных дисциплин, спортсмен может потерять свою единственную возможность за карьеру принять участие в том или ином соревновании, к которому он мог вести подготовку с раннего детства. Мы являемся свидетелями грубейших нарушений прав спортсменов и государства, которое они представляют, со стороны небольшой политизированной группы некомпетентных управленцев-глобалистов², действующих с различными корыстными интересами. Для защиты нарушенных прав и отстаивания спортивного суверенитета, необходимо выработать комплекс мер, которые будут учитывать интересы спортсменов и государства в совокупности. В процессе формирования перечня таких мер существуют риски столкновения с определенными проблемами. Рассмотрим ключевые обстоятельства, влияющие на спортивный суверенитет России, и возможные шаги для борьбы с негативными последствиями, наступающими от них.

1. Излишняя политизация спорта и борьба с ней. На наш взгляд, вести именно борьбу с данной тенденцией нерационально. Спорт является элементом так называемой мягкой силы (soft power) государства³. Но при этом одно государство не может изменить существующие порядки – необходимо

¹ Понкина А. И. Автономность спорта: Теоретико-правовое исследование / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России; Национальное объединение спортивных юристов Российской Федерации. М., 2013. 102 с. (Серия «Актуальные проблемы спортивного права, Вып. 17).

² Иерусалимский Ю. Ю. Российский спорт в 2022–2023 гг.: конфликт глобализма и суверенитета // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2023. № 3. С. 45–54.

³ Официальный сайт газеты Спорт-Экспресс. Текст статьи: Лишение флага – посягательство на спортивный суверенитет страны? Мнение политолога // URL: htt

несколько стран, а получить поддержку в текущей геополитической обстановке от других для нас практически невозможно. Необходимо принять это как данность и сделать все возможное для снижения влияния политических решений, а также попытаться использовать какие-либо политические инструменты и в собственных интересах, принимая точечные зеркальные решения в отношении иных государств, международных спортивных организаций и профессиональных лиг. Но делать их необходимо «с хирургической точностью», чтобы не нанести вред самим себе и отечественному спорту. Примером такого решения может служить законопроект № 227251-8 «О признании утратившей силу статьи 36.4 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Согласно пояснительной записке, он «призван устранить примат международных третейских судов и выносимых ими решений над решениями судов судебной системы Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта»¹. Проект получил неоднозначную реакцию среди законодателей и был отклонен, но стоит отметить, что государство в лице депутатов стало искать способы нормативного регулирования вопросов спортивного суверенитета для защиты прав спортсменов.

2. Запрет на использование государственных символов на соревнованиях и выступление под нейтральным флагом. Мы придерживаемся мнения о том, что необходимо принимать участие в соревнованиях даже без государственных символов. При их отсутствии, фактически на соревновании будет бороться за золотые медали представитель нашей страны, который, почти наверняка, вел подготовку на территории РФ, при поддержке отечественных тренеров и спортивной инфраструктуры. В случае попадания в число призеров и победы, он ничем не будет отличаться от спортсменов, которые победоносно представляли нашу страну с «триколором» на соревнованиях в прошлые досанкционные годы. На первый план выходят вопросы морали и финансов. Некоторые спортсмены не готовы поступиться с принципами и принять дополнительные условия, навязанные международными спортивными организациями, считая это предательством своей страны и моральных устоев. Всё это порождает добровольные отказы от поездок на международные спортивные соревнования. Данная позиция заслуживает уважения и имеет место. Другая сторона медали – денежные затраты на подготовку спортсменов. Предлагается закрепить на законодательном уровне возможность участия на соревнованиях под нейтральным флагом только за счет самого спортсмена, так как выступать будет не член национальной сборной команды, а значит, расход денежных средств будет нецелевым (в интересах конкретного лица). С данным положением, коллектив авторов категорически не согласен. Бюджетные деньги, направленные на подготовку спортсменов, при таких обстоятельствах все равно должны дойти до своих адресатов. Выступая не под флагом своей страны, спортсмен не теряет гражданства и каких-либо прав и обязанностей, а значит, государство в ответ должно выполнять и свои обязательства. Ограничивая финансирование, страна, по сути, осуществляет «выстрел себе в ногу», так как государство также наносит вред собственным спортсменам, поскольку они готовились для выступления на международных соревнованиях с целью продвижения авторитета страны, пусть и при отсутствии флага. Абсолютно каждый зритель, участник и иное лицо, задействованное в состязаниях, понимает, где готовился спортсмен и какую страну он представляет. Не все атлеты располагают средствами для поездки на соревнования, а «жадность» государства может лишить их мечты. Такое, запретительно-ограничивающее направление мысли, можно назвать тупиковым. Нельзя не согласиться с высказыванием о том, что «отсутствие спортсменов на международных турнирах даже под нейтральным флагом – это нулевой спортивный суверенитет»². Понимая, что отечественный суверенитет спорта подорван, достаточное число спортсменов раздумывает о смене спортивного гражданства или уже осуществило его смену. Такое решение открывает им доступ к любым

[ps://m.sport-express.ru/olympics/paris2024/reviews/sport-i-politika-cto-takoe-sportivnyy-suverenitet-kolonka-politologa-natali-golubkovoy-2036926/amp/](https://m.sport-express.ru/olympics/paris2024/reviews/sport-i-politika-cto-takoe-sportivnyy-suverenitet-kolonka-politologa-natali-golubkovoy-2036926/amp/) (дата обращения: 01.11.2023).

¹ Проект закона № 227251-

8 «О признании утратившей силу статьи 36.4 Федерального закона «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/227251-8#bh_histras (дата обращения: 01.11.2023).

² Официальный сайт газеты Спорт-

Экспресс. Текст статьи: Лишение флага – посягательство на спортивный суверенитет страны? Мнение политолога // URL: <https://m.sport-express.ru/olympics/paris2024/reviews/sport-i-politika-cto-takoe-sportivnyy-suverenitet-kolonka-politologa-natali-golubkovoy-2036926/amp/> (дата обращения: 01.11.2023).

соревнованиям, а значит, это один из путей движения к мечте и возможность получения прибыли за осуществление своей профессиональной деятельности. Негативные отклики болельщиков безусловно будут, но стоит поставить себя на место спортсмена и все сразу же станет ясно: он просто вынужден пойти на это. Данный человек существует для того, чтобы соревноваться и, если такой возможности у него нет, ищет все возможные варианты для продолжения соревновательной деятельности.

3. Смена международных спортивных федераций и участие в соревнованиях в иных регионах. Данный подход можно признать самым рациональным, однако и тут существуют свои «но». Переместившись в иной регион, спортсмены получают возможность соревноваться и даже использовать флаг своей страны. Звучит здорово, но это на первый взгляд. Первая и самая значимая проблема – недостаточный уровень конкуренции. Далекое не в каждом виде спорта, например, в Азии, нам смогут навязать достойную борьбу. Такой проблемы нет, допустим, в шахматах, но она присутствует в хоккее. В связи с этим Федерация шахмат России (ФШР) осуществила такой переход. Подумывают об этом и в Российском футбольном союзе (РФС), но никак не в Федерации хоккея России (ФХР). Не стоит забывать и о логистических проблемах, а также и об отказах иных стран от соревновательной деятельности при участии представителей нашей страны¹. Прикрываясь защитой целостности соревнований, организаторы не допускают нас до них. Хотя данные вопросы давно урегулированы регламентами и правилами игры. В случае неявки или отказе от выступления должны применяться положения о дисквалификации или техническом поражении. Но они, по каким-то необъяснимым причинам перестали работать – вместо их использования дискриминируются спортсмены из РФ и РБ. Одним из путей решения, также видится проведение спортивных соревнований с участием дружественных стран, например, в рамках ШОС и БРИКС. Инициатива исходила от В. В. Путина, по поручению которого было принято решение о проведении Всемирных игр дружбы в сентябре 2024 г. Такие Игры далеко не решают проблему в корне, но дают возможность для осуществления спортивной деятельности, теряющим соревновательный тонус спортсменам. Призовые на Всемирных играх дружбы будут приравнены к Олимпийским. Международное спортивное сообщество обвинило нас в нарушении международных документов и предостерегло от участия в Играх зарубежных спортсменов. На лицо двойные стандарты, так как сами нарушающие нормы лица, указывают на нарушения наши, которых не существует, так как проводить такого рода соревнования не запрещает ни один документ в мире.

4. Импортозамещение спортивного инвентаря. Мера одновременно вынужденная и полезная. Из-за отказов в поставках в некоторых видах спорта стали возникать проблемы с инвентарем, особенно сильно это ощутимо в высокотехнологичных видах спорта, в частности хоккее. Сложности в разработке своего продукта вынуждали покупать многое за рубежом. Это было удобно, но, как показало время, решение крайне недальновидное. К концу 2023 г. достаточно большое число экипировки привозится в страну при помощи параллельного импорта и маленькими партиями. Такой прием частично покрывает дефицит, но не способствует развитию внутреннего производства и разработке собственных технологий. Присутствует явный пробел в такой важной области спорта. Государство не использует меры по повышению мотивации для развития собственных технологий в сфере спорта, а это огромный минус.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что спорт оказался болевой точкой, на которую активно надавливают зарубежные управленцы. Мы в определенной степени «проспали» необходимость разработки и применения превентивных мер, направленных на защиту спортивного суверенитета страны, и делаем это постфактум, причем не достигая компромисса по множеству вопросов. Основываясь на выявленных ключевых обстоятельствах, влияющих на него, видим перспективным продолжение изучения проблем спортивного суверенитета и его индикаторов, в частности.

¹ Порошин Д. А. Проблема политизации спорта и международного олимпийского движения в свете антироссийских санкций 2022 года // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 179–185.

Тихомирова Е. С.Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
преподаватель кафедры управления и экономики**Власенкова А. Н.**Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Магистрант**Актуальные проблемы культурного суверенитета России и способы его обеспечения**

В условиях угроз глобального цивилизационного и ценностного кризиса, ведущего к утрате человечеством традиционных духовно-нравственных ориентиров и моральных принципов, Российская Федерация приняла стратегический курс по выводу страны на траекторию реальной культурной независимости – обеспечению культурного суверенитета¹. В этом контексте становится актуальным проведение исследований, направленных на систематизацию научных знаний по данной тематике, анализ механизмов реализации принятого курса.

В современной доктрине по вопросам правового регулирования развития сферы культуры имеются разнообразные мнения, изложенные в работах и статьях Л. В. Андриченко, П. Ф. Голдина, Д. В. Жукова, Д. С. Ивакиной, Г. И. Калинина, С. А. Куликовой, О. Г. Остапеца, Н. В. Путило и других авторов. Вместе с тем следует отметить, что в современной российской доктрине отсутствуют какие-либо фундаментальные работы авторов, в которых была бы всесторонне проанализирована суверенность государственной культуры.

Цель статьи состоит в изучении основных направлений государственной культурной политики по обеспечению культурного суверенитета. К задачам статьи относятся определение роли культурного суверенитета в России; рассмотрение основных направлений деятельности государства и общества в области сохранения и защиты культурного суверенитета.

Научная новизна работы заключается в определении роли культурного суверенитета, а также в комплексном раскрытии механизмов реализации политики по обеспечению культурного суверенитета в России.

Методологическую основу работы составляют анализ, системный, логический методы исследования, а также методы культурно-исторического анализа и юридической интерпретации.

Теоретическая значимость исследования выражается в том, что оно дает возможность изучить и систематизировать факторы и условия обеспечения культурного суверенитета как составной части суверенитета России.

Практическая значимость статьи заключается в выработке предложений по совершенствованию законодательства и формированию комплекса мер, направленных на укрепление государственной культурной политики России.

25.01.2023 Указом Президента РФ № 35 в Основы государственной культурной политики внесены изменения, которыми в частности введено понятие «культурный суверенитет» как «совокупность социально-культурных факторов, позволяющих народу и государству формировать свою идентичность, избегать социально-психологической и культурной зависимости от внешнего влияния, быть защищенными от деструктивного идеологического и информационного воздействия, сохранять историческую память, придерживаться традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Следует отметить, что до выделения самостоятельного понятия, культурный суверенитет регулировался положениями стратегии национальной безопасности Российской Федерации².

В научной литературе предложены определения культурного суверенитета, отражающие способность государства проводить самостоятельную культурную политику³, формировать

¹ Указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики».

² Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

³ Тимофеев М. С. Роль государства в обеспечении культурного суверенитета народа в современной России // Вестник Российской Федерации кооперации. 2017. № 2 (28). С. 139–142.

собственную систему культуры¹. Такие определения представляются широкими, так как при культурном обмене российская культура взаимодействует с мировой.

В данной статье мы будем опираться на определение законодателя, которое как нам представляется, более объемно отражает суть, внутреннее содержание самого понятия.

Актуальность обеспечения культурного суверенитета обсуждается на разных деловых площадках. Так, в рамках деловой программы Форума объединенных культур в Санкт-Петербурге 16.11.2023 состоялась встреча на тему «Культурный суверенитет как основа государственной идентичности» с представителями более 40 стран мира. В рамках данного мероприятия Министр культуры Российской Федерации О. Б. Любимова отметила, что «долгий период продвижения «универсальной» культуры, «новой этики» не привел к установлению общего культурного диалога. Такая модель сделала культурную идентичность уязвимой перед внешним воздействием, а созданные прошлыми поколениями мосты и связи сжигаются «отменой культуры», с которой сейчас сталкивается не только Россия»².

Последствия, прежде всего, сказываются на молодежи, которой предстоит определять курс развития обществ и государств. В этой связи, по словам Министра, «защита наших культур и суверенитета – важнейшая часть безопасности наших стран. И мы готовы делиться нашим опытом и выступаем за обеспечение равных возможностей для взаимодействия с культурами зарубежных стран».

Обеспечение культурного суверенитета в России определяется комплексом внешних и внутренних факторов (по отношению к социальной и культурной сферам), формирующих систему рисков вызовов и угроз. К наиболее значимым можно отнести: ослабление общероссийской гражданской идентичности и единства многонационального народа России; социально-психологическая и культурная зависимость от внешнего влияния; деструктивное идеологическое и информационное воздействие на граждан России; разрушение исторической памяти; формирование общества, пренебрегающего традиционными российскими духовно-нравственными ценностями.

Нейтрализацией возникающих вызовов и угроз в плане продвижения антироссийских ценностей и идеологии на пространство стран, исторически являющихся стратегическими союзниками нашей страны, могло бы стать следующее:

- развитие практики проведения в стратегически важных зарубежных странах масштабных комплексных мероприятий: «Русских Сезонов», «перекрестных»/обменных Годов, Сезонов, Дней культуры с иностранными государствами;
- проведение за рубежом Дней России с включением мероприятий духовного характера;
- укрепление единого культурного, духовного и языкового пространства славянского мира;
- проведение комплекса мероприятий, направленных на поддержание российских соотечественников за рубежом и сохранение их социокультурной идентичности;
- расширение и совершенствование использования информационных и мультимедийных технологий для продвижения национальной культуры за рубежом и развития культурных обменов путем создания, например, российских виртуальных библиотек и читальных залов, виртуальных филиалов музеев;
- поддержание и расширение российского культурного присутствия в СНГ и укрепление единого культурного пространства СНГ посредством проведения регулярных обменных культурных мероприятий, участия в многосторонних проектах;
- сотрудничество с зарубежными музеями и международными исследовательскими центрами в целях противодействия искажению отечественной истории и пересмотру взглядов на роль и место России в мировой истории;

¹ Сазонникова Е. В. О понятии культурного суверенитета государства // Право и политика: теоретические и практические проблемы: сборник материалов 2-й Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию юридического факультета Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. Рязань : Изд-во ООО «Концепция», 2013. С. 210–213.

² Любимова О. Б. Культурный суверенитет как основа государственной идентичности // URL: https://culture.gov.ru/press/news/na_forume_obedinennykh_kultur_obsudili_vazhnost_kulturnogo_suvereniteta_i_nedopustimost_kultury_otme/ (дата обращения: 23.11.2023).

- пересмотр подходов по установлению предельного порога квоты приема иностранных граждан в российские вузы для той или иной страны;
- определение безусловного приоритета приема иностранных граждан в рамках квоты по специальностям и направлениям подготовки в сфере культуры и искусства, русского языка, гуманитарных наук, поскольку подготовка кадров для иностранных государств способствует сохранению влияния Российской Федерации в ряде дружественных России стран мира, позволяет формировать культурную, научную элиту зарубежных стран;
- сотрудничество с муниципальными и региональными территориями государств, настроенных на конструктивный диалог в сфере культуры;
- интеграция учреждений культуры новых территорий в единое культурное пространство России;
- оптимизация и автоматизация процессов разрешительной деятельности: переход оказываемых государственных услуг в сфере культуры в цифровой формат.

В статье перечислены не все возможные способы обеспечения. Многие вопросы по-прежнему требуют внимания – в частности, проблема адаптации мигрантов в российское общество, взаимоотношение властей с молодым поколением, развитие внутреннего туризма, совершенствование механизмов, позволяющих людям из разной культурной среды общаться друг с другом.

З. Х. Тотрова выделяет основные разрушения культурного суверенитета, а именно: утрата самобытности культуры; уничтожение национального культурного наследия и ослабление системы национального образования; десоциализация культуры и замена ее системой биологических инстинктов и рефлексов¹. В связи с этим основными средствами обеспечения культурного суверенитета государства представляются: образование и воспитание; историческая память; культурное наследие; язык.

К числу значимых для обеспечения культурного суверенитета важно отнести историческую память. Представляется справедливой позиция, согласно которой укрепление культурного суверенитета возможно через формирование нового имиджа «позитивной истории» России².

Председатель Государственной Думы В. В. Володин отмечает, что «без сохранения исторической памяти будущее просто невозможно. Если забывают историю, культуру, свой язык и предают веру – тогда у страны просто нет никаких перспектив, она теряет свой суверенитет, свою независимость»³.

При анализе российского опыта наблюдается тенденция расширения государственного участия в культурной политике и осознания того, что культурное наследие народа составляет неотъемлемую часть национальной самоидентификации⁴. К этим объектам, в частности, относятся, юбилейные даты деятелей культуры и искусства⁵. Так, например, в соответствии с Указом Президента РФ от 05.07.2021 № 404 в 2024 г. состоится празднование 225-летия со дня рождения А. С. Пушкина, который по праву занимает особое место в литературе и культуре России и мира. Он создал художественные ценности мирового уровня, стал – как человек и как художник – символом русской духовной жизни. Произведения А. С. Пушкина все также отражают картину русского мира и души, сохраняют наши традиции, утверждают наши идеалы и ценности. Проведение на федеральном уровне подобных юбилейных мероприятий в первую очередь направлено на сохранение и популяризацию культурного наследия и, несомненно, способствует развитию и укреплению национально-культурной идентичности.

6 июня празднуется и день рождения русского языка. Ведь именно Пушкин открыл для России и всего мира красоту и легкость русской речи, выразительность русского слова. В этой связи внесенные

¹ Тотрова З. Х. Проблема культурного суверенитета в условиях глобализации // Современные исследования социальных проблем. 2019. Т. 11. № 2-2. С. 137–144.

² Черняховский С. Ф., Черняховская Ю. С. Вызовы и угрозы культурному суверенитету Российской Федерации и меры по противодействию им // Прогнозируемые вызовы и угрозы национальной безопасности Российской Федерации и направления их нейтрализации : сборник материалов круглого стола. М. : ИМЦ, 2021. С. 657–669.

³ Сигарев А. В., Смирнова М. С. Культурный суверенитет, культурный экстремизм и вопросы конституционной аксиологии // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15. № 2. С. 27–34.

⁴ Безуглая Н. С. Проблемы формирования целостности общества и культурного кода средствами социально-культурной деятельности как фактора обеспечения национальной безопасности // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2021. Т. 18 № 6 (120). С. 195–206.

⁵ Гриценко Г. Д. Российская идентичность и политика идентичности как факторы сохранения культурного наследия и обеспечения национальной безопасности // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сборник научных статей по итогам международного научного форума. М. : Институт наследия, 2019. С. 40–47.

изменения 28.02.2023 в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» в части использования слов русского языка вместо иностранных представляет собой значимый шаг вперед в направлении обеспечения культурного суверенитета, а также формировании русской национальной идентичности, которая выстраивается вокруг ценностей, содержащихся в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Приоритетами стратегического направления в сфере культуры являются обеспечение возможности для самореализации и развития талантов, внедрение отечественных цифровых решений и новых технологических направлений, формирование системы управления процессами цифровой трансформации отрасли, переход на управление и принятие решений на основе данных.

Цифровая трансформация в отрасли культуры проявляется активной работой учреждений в сфере культуры по переносу своих достижений в цифровой формат. Технологии помогают не только сохранить, но и упростить доступ к культурному наследию, уменьшить транзакционные издержки и значительно увеличить эффективность ресурсов отрасли.

Однако встречаются специфические для отрасли проблемы – защита авторских прав при цифровом представлении произведений, разрозненность информационных систем, дублирование и недостоверность данных, ограничение бюджетов на технологическое обновление и проблемы с обучением работников учреждений культуры новым цифровым навыкам.

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 05.12.2016 № 646, определяет главные направления обеспечения информационной безопасности России и представляет базовый документ стратегического планирования, в котором развиваются положения стратегии национальной безопасности России, неотъемлемой частью которой признана государственная культурная политика.

С учетом современных реалий полагаем целесообразным положения указанной Доктрины привести в соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента РФ от 02.07.2021 № 400.

Особое внимание необходимо обратить на интеллектуальную основу культурного суверенитета – отечественную науку. Результаты деятельности научно-технологического комплекса страны является фундаментом интеллектуального обеспечения культурной независимости. Представляется, что решение проблем обеспечения устойчивого состояния культурного суверенитета сопряжено с научно-техническим развитием и суверенным контролем над решениями, определяющими его будущие направления¹.

В стратегических документах обозначены основные меры по сохранению духовно-нравственных ценностей и традиций России, культуры и художественного образования. Однако в свете участившихся зарубежных нападений на отечественное культурное пространство требуется усиление работы по ряду внешнеполитических и внутренних направлений, таких как:

- укрепление позиций Российской Федерации на международной арене, повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве;
- отстаивание духовно-нравственных ценностей и традиций России в сфере культуры, художественного образования, русского языка внутри страны;
- сохранение и развитие общероссийской идентичности народов России, единого культурного пространства страны;
- улучшение материально-технической базы организаций культуры, образовательных учреждений в сфере культуры и искусства, стимулирования творческого развития и художественного образования граждан;
- совершенствование системы подготовки специалистов в области истории и культуры.

¹ Гаврилова В. Д. Обеспечение культурного суверенитета – новая цель государственной культурной политики Российской Федерации // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 2 (63). С. 285–289.

Чхутиашвили Л. В.

Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

доктор экономических наук, доцент

профессор кафедры управления и экономики

Искусственный интеллект в государственном контроле

Цифровизация играет ключевую роль в трансформации государственного контроля, привлекая в него инновации¹, повышая эффективность и обеспечивая новые возможности применения технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Одним из основных аспектов цифровой трансформации управления является переход от традиционных бумажных и ручных методов к автоматизированным системам. Это включает в себя внедрение программных продуктов для управления ресурсами предприятия (ERP), которые интегрируют в себя все аспекты бизнес-процессов – от финансов до логистики. Такие системы обеспечивают единую базу данных, упрощая принятие управленческих решений и повышая операционную эффективность государственного контроля бизнес-процессов.

Технологии ИИ активно внедряются в деятельность Минприроды, МЧС, Росавиации, Росгидромета, Роспатента, Россельхознадзора, Росимущества, ФТС, ФОМС и Роспечать.

Применение ИИ способствует также созданию более гибких и адаптивных моделей государственного управления. Внедрение аналитических инструментов и больших данных позволяет руководителям принимать решения на основе фактической информации, а не интуиции. Алгоритмы машинного обучения помогают предсказывать тенденции и оптимизировать стратегии государственного контроля, учитывая динамичные условия рынка.

Другим важным аспектом цифровой трансформации является внедрение смарт-технологий. Они позволяют компаниям хранить и обрабатывать данные удаленно, обеспечивая гибкость и масштабируемость. Это особенно актуально в условиях удаленной работы, когда доступ к информации должен быть обеспечен независимо от местонахождения.

Принципиально важным изменением является также акцент на цифровой культуре и обучении персонала. Сотрудники должны быть готовы использовать новые технологии, понимать их преимущества и уметь эффективно работать в цифровой среде. Обучение становится неотъемлемой частью корпоративной стратегии.

Цифровизация трансформирует государственное управление, делая его более гибкими, прозрачными и эффективными. Компании, государственные учреждения и организации, успешно внедряющие технологии ИИ в свои процессы управления, могут рассчитывать на повышение своей конкурентоспособности, более точные стратегии и более оперативное принятие государственных решений.

Что касается цифровизации в государственном контроле, то процесс внедрения современных информационных технологий в работу аудиторов привносит много положительных черт. Она включает в себя использование специализированного программного обеспечения для управления документами, автоматизации рабочих процессов, облачных технологий для хранения и обмена информацией, а также использование электронной подписи для оформления юридически значимых документов.

Новые IT-технологии в государственном контроле – это единая цифровая платформа (открытость данных объектов контроля, алгоритмы искусственного интеллекта), расширение форм и методов контроля (формы превентивного контроля, развитие механизмов «обратной связи»), а также гармонизация бизнес-процессов органов контроля и объектов контроля, их эффективное взаимодействие посредством «невидимого» анализа и унифицированных индикаторов риск-факторов².

¹ Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 28.06.2017 № 1632. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (дата обращения: 02.01.2024).

² Чхутиашвили Л. В. Государственный аудит XXI века: новые методы контроля // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4. № 12 (141). С. 242.

Цифровизация способствует развитию государственных онлайн-услуг, созданию новых моделей взаимодействия государства, бизнеса и населения и эффективных технологий смарт-контроллинга. Применение искусственного интеллекта позволяет увеличить эффективность работы аудиторов, сократить время на выполнение рутинных задач, улучшить доступ к информации, повысить безопасность хранения данных и упростить взаимодействие с клиентами.

В целом применение технологий ИИ помогает сделать работу государственных органов и российского бизнеса более эффективной, прозрачной и доступной, что способствует развитию цифровой экономики в целом¹.

Но стоит также отметить и минусы. Вот некоторые из потенциальных негативных аспектов цифровизации государственного контроля:

1. Конфиденциальность и безопасность данных. Переход к электронной обработке и хранению данных может создать уязвимости для кибератак и утечек информации, что представляет угрозу для конфиденциальности клиентов и важных юридических документов.

2. Зависимость от технологий. В случае сбоев в работе программного обеспечения или проблем с доступом к сети возникает риск простоя в работе, что может привести к задержкам в предоставлении государственных услуг.

3. Потеря личного контакта. Цифровизация может привести к уменьшению личного взаимодействия между государством, бизнесом и населением, что может негативно сказаться на качестве обслуживания и понимании потребностей общества.

4. Высокие затраты на внедрение: Внедрение новых технологий и обучение персонала может потребовать значительных инвестиций, особенно для малых юридических фирм.

5. Риск потери рабочих мест: Автоматизация некоторых процессов может привести к сокращению рабочих мест для некоторых специалистов, что может вызвать социальные проблемы.

Несмотря на указанные выше минусы, многие из них могут быть решены правильным подходом к цифровизации государственного контроля, обеспечением безопасности данных и регулярным обучением персонала.

Развитие цифровых технологий на базе ИИ для государственного сектора является приоритетным направлением и подкрепляется вышеупомянутым Указом Президента России «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», согласно которому применение ИИ должно способствовать повышению качества государственных и муниципальных услуг². Внедрение технологий ИИ в управление бизнес-процессами, несомненно, будут способствовать повышению эффективности государственного управления в целом и государственного контроля, в частности, а эффективность станет одной из важнейших характеристик смарт-контроллинга³.

Чхутиашвили Н. В.

кандидат экономических наук, доцент

Повышение производительности труда как условие достижения технологического суверенитета в современной России

Повышение производительности труда играет ключевую роль в достижении технологического суверенитета в современной России⁴. Технологический суверенитет означает, что страна имеет полный контроль над своими технологиями и способна самостоятельно разрабатывать и производить

¹ Чхутиашвили Л. В. Стратегия развития государственного аудита в цифровой экономике России // Право и цифровая экономика. 2022. № 4 (18). С. 16–22.

² Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года).

³ Горохова Д. В. Смарт-контроллинг в государственных учреждениях как инструмент управления государственными финансами // Сибирская финансовая школа. 2022. № 4 (148). С. 25–33.

⁴ Программа развития цифровой экономики в Российской Федерации до 2035 года: распоряжение Правительства РФ от 28.06.2017 № 1632. URL: <http://government.ru/rugovclassifier/614/events/> (дата обращения: 03.01.2024).

инновационные продукты. Для достижения этой цели необходимо не только инвестировать в научные исследования и разработки, но и повысить эффективность труда.

Одним из способов повышения производительности труда является внедрение современных технологий и автоматизации производственных процессов. Это позволяет улучшить качество продукции, сократить временные затраты на производство и увеличить объем выпускаемой продукции. Кроме того, использование новейших технологий способствует развитию инноваций и созданию конкурентоспособных товаров на мировом рынке.

Другим важным аспектом роста производительности труда является обучение и переобучение кадров. Современные цифровые технологии требуют высококвалифицированных специалистов, способных оперировать современным оборудованием и применять новые методы производства. Поэтому важно инвестировать в образование и подготовку кадров, чтобы обеспечить страну квалифицированными специалистами, способными конкурировать на мировой арене.

Кроме того, повышение производительности труда также связано с созданием благоприятных условий для предпринимательской деятельности. Упрощение административных процедур, снижение налоговых и административных барьеров, а также развитие инфраструктуры способствуют увеличению эффективности бизнес-процессов и стимулируют предпринимательскую активность.

Повышение производительности труда требует комплексного подхода, включающего в себя модернизацию производства, развитие кадрового потенциала и создание благоприятных условий для предпринимательской деятельности. В результате этих усилий Россия сможет укрепить свои позиции на мировой арене и обеспечить свой технологический суверенитет. Эта концепция предполагает, что страна способна самостоятельно разрабатывать, производить и внедрять передовые технологии, минимизируя зависимость от иностранных поставщиков.

С октября 2022 г. запущена цифровая экосистема национального проекта «Производительность труда»¹, которая позволяет провести диагностику предприятия, выявить проблемные зоны, автоматизировать рутинные процессы, а значит, повысить контроль над производством и устойчивость предприятия в целом, отвечающего критериям проекта, а именно компании из отраслей торговли, строительства, сельского хозяйства, транспортной сферы и обрабатывающей промышленности с оборотом более 400 млн руб. и долей иностранного участия не превышающей 50 %².

Технологический суверенитет требует развития национальных инновационных систем. Страна должна инвестировать в научно-исследовательскую деятельность, стимулировать создание стартапов и поддерживать инновационные компании. Такой подход позволит не только быть в лидирующих позициях по использованию передовых технологий, но и создавать свои разработки.

Повышение производительности труда и технологический суверенитет взаимосвязаны: с одной стороны, эффективный труд обеспечивает конкурентоспособность национальных производителей, с другой – разработка и внедрение новых технологий поднимает уровень производительности труда. Вместе они способствуют устойчивому и долгосрочному развитию страны, делая ее менее зависимой от внешних поставщиков и технологически более самостоятельной.

Плюсами являются:

1. Экономия ресурсов. Повышение производительности труда позволяет использовать меньше ресурсов для производства большего количества продукции, что способствует экономии материальных и финансовых ресурсов.

2. Рост конкурентоспособности. Увеличение производительности труда позволяет снизить стоимость производства, что делает продукцию более конкурентоспособной на мировом рынке.

3. Развитие инноваций. Повышение производительности труда стимулирует развитие новых технологий и инноваций, что способствует укреплению технологического суверенитета.

Среди минусов:

¹ В России запустили цифровую экосистему нацпроекта «Производительность труда». URL: <http://government.ru/rugovcl-assifier/865/events/> (дата обращения: 03.01.2024).

² Калинина Л. Л. Рост производительности труда как обязательное условие подъема российской экономики // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2022. № 4. С. 179.

1. Риск потери рабочих мест. Внедрение автоматизации и новых технологий может привести к сокращению рабочих мест, особенно в отраслях, где ручной труд всё еще играет важную роль.

2. Необходимость привлечения новых инвестиций. Для повышения производительности труда требуются значительные инвестиции в оборудование, обучение персонала и разработку новых технологий, что может создать дополнительные финансовые барьеры.

3. Наступление неблагоприятных социальных последствий. В случае массового сокращения рабочих мест из-за повышения производительности труда возможны социальные проблемы, такие как безработица и ухудшение условий труда для оставшихся работников.

Таким образом, повышение производительности труда как условие достижения технологического суверенитета в современной России имеет как плюсы, так и минусы. Важно соблюсти баланс между увеличением производительности труда и повышением квалификации персонала, оптимизацией использования внутренних ресурсов и социальными последствиями, внедрением передовых технологий и получением льготных кредитов, чтобы обеспечить устойчивое и эффективное развитие экономики¹.

Среди известных факторов роста производительности труда обычно выделяют технику, технологии и оборудование, рынок труда, науку и образование. Вот почему реформирование системы подготовки и переподготовки кадров, научная организация труда и нормирование, введение стандартов всех бизнес-процессов и разработка стратегических планов будут способствовать повышению производительности труда, а следовательно, повышению благосостояния общества².

Стрельникова Е. В.,

экономист 5520 Военного представительства
Министерства обороны Российской Федерации

Импортозамещение в условиях внешних санкций

Негативная геополитическая ситуация и внешнее санкционное давление на Россию стали причинами усиления государственной политики импортозамещения.

Уход иностранных компаний с российского рынка и ограничения на поставки импортных товаров создали сложную экономическую ситуацию внутри страны. В условиях усиления неблагоприятных масштабных факторов роль государства в оперативном запуске стратегии импортозамещения имеет решающее значение и является фактором конкурентоспособности и гарантом роста и безопасности экономики страны.

Осознавая масштаб серьезных негативных последствий функционирования нынешней экономической модели развития, Российская Федерация готовится к переходу к новой модели развития, основанной на комплексной программе замещения импортных товаров отечественными.

Рассмотрены проблемы в производстве отечественных товаров, предложены меры, направленные на обеспечение независимости страны от импортной продукции в современных условиях. Обозначены приоритетные направления импортозамещения.

Из-за сложной геополитической ситуации и санкционного давления со стороны Соединенных Штатов и стран Европейского Союза государственная политика России взяла курс на импортозамещение и защиту экономики страны. После ухода компаний-импортеров из России и запрета на ввоз широкого спектра иностранных товаров вопрос обеспечения российского рынка отечественной продукцией встал особенно остро.

И хотя государственная политика в области импортозамещения проводится Российской Федерацией с 2014 г., именно сейчас это направление получает столь высокий приоритет.

¹ Чхутиашвили Н. В. Система мотивации и стимулирования трудовой деятельности в условиях цифровизации // Аудит. 2022. № 3. С. 38–40.

² Караева Е. Н., Мартынов Г. Н., Селивоненко О. Г. Рост производительности труда как необходимое условие постиндустриального развития // Экономические и гуманитарные науки. 2015. № 12 (287). С. 99.

Именно в условиях доминирования негативных внешних и внутренних факторов по степени воздействия на экономику Российской Федерации роль государства в оперативном запуске стратегии импортозамещения является критической и является гарантом конкурентоспособности, роста и безопасности в долгосрочной перспективе.

Чтобы преодолеть сложную ситуацию в стране, Российская Федерация готовится перейти к новой модели развития, основанной на комплексной программе замещения импортных товаров отечественными. Импортозамещение на данном этапе становится стратегическим вектором для российской экономики¹.

Несколько российских банков были исключены из международной платежной системы SWIFT, что фактически отрезало их от глобальной финансовой инфраструктуры. Соединенные Штаты, Великобритания, Канада и военно-морской флот ЕС Также был введен запрет на использование международных резервов Центральным банком России, фактически заморозив валютные резервы Центрального банка Российской Федерации в размере 6 640 млрд долл.

В марте 2022 г. Россия столкнулась с еще более сильным экономическим давлением, когда США запретил импорт российских энергоносителей, а Великобритания объявила о своих планах полностью отказаться от импорта российской нефти к концу года.

Центральный банк повысил ключевую ставку с 9,5 % до 20 % 28 февраля 2022 г. в попытке поддержать курс рубля, который только 27 февраля упал более чем на 20 % по отношению к доллару.

Сложное взаимодействие глубоких официальных экономических и финансовых санкций Запада и беспрецедентного в современной экономической истории ухода крупных и средних иностранных компаний, инвесторов и торговых партнеров из России может привести к глубокой рецессии и, предположительно, к длительной экономической стагнации.

Торговые ограничения со стороны Соединенных Штатов и их союзников могут стоить России почти 10 % ее годового валового внутреннего продукта в долгосрочной перспективе, начиная с 2022 г., в соответствии с моделью удвоения нетарифных торговых барьеров.

Согласно оценкам, экономики стран Балтии испытали на себе более негативное воздействие, чем страны Западной Европы и Соединенные Штаты (рисунок 1).

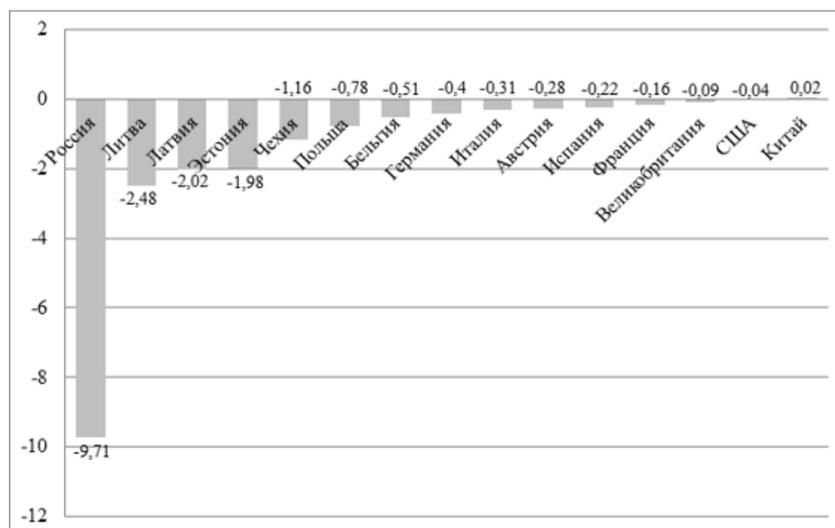

Рисунок 1. Оценка долгосрочных изменений в годовом валовом внутреннем продукте (ВВП) из-за торговых ограничений, введенных в отношении России ВМС ЕС и Соединенными Штатами, по состоянию на 2022 г., в разбивке по странам

Однако России не грозит снижение ВВП, как это произошло с Ираном после революции 1979–1980 гг. (–10 % и –27 % соответственно). В конце концов, у России больше собственных ресурсов, и в

¹ Комков Н. И., Бондарева Н. Н. импортозамещающая стратегия РФ как фактор развития в условиях глобальных вызовов в 2017–2019 гг. // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). М. : Наука, 2017. Т. 8.№ 54(32). С. 640–656.

некоторых подотраслях существуют консолидированные экономические структуры, ориентированные на самообеспечение.

Кроме того, некоторые экспортные операции по-прежнему будут возможны, особенно по суше и выборочно по воздуху и морю. До февраля 2022 г. Россия была одним из основных торговых партнеров Европейского Союза¹.

Импорт в Россию за период 2019–2020 гг. составил 475,8 млрд йен. В основном импортировались машины, оборудование и оснастка (31 %), продукция химической промышленности (13 %) (рисунок 2).

Рисунок 2. Структура импорта Российской Федерации в 2020–2021 гг.

В структуре российского импорта в 2022 г. (и в 2021 г. в целом) основная часть поставок пришлась на следующие виды товаров:

– машины, оборудование и транспортные средства (коды ТН ВЭД 84–90) – 47,26 % от общего объема российского импорта (в 2021 г. – 44,35 %). Продукция химической промышленности (коды ТН ВЭД 28–40) – 19,06 % от общего объема российского импорта (в 2021 г. – 18,32 %).

– Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (коды ТН ВЭД 01–24) – 12,05 % от общего объема российского импорта (в 2021–12,84 %) (рисунок 3).

Рисунок 3. Структура импорта Российской Федерации 2022 г. по товарным группам

В структуре импорта по странам на 2020–2022 гг. Китай находится на первом месте (23 %), Германия – на втором месте (10 %) (рисунок 4).

¹ Китиева М. И., Олигова Т. И. Особенности внешнеэкономической деятельности в России // Colloquium-journal. 2020. № 3–6(27). С. 38–39.

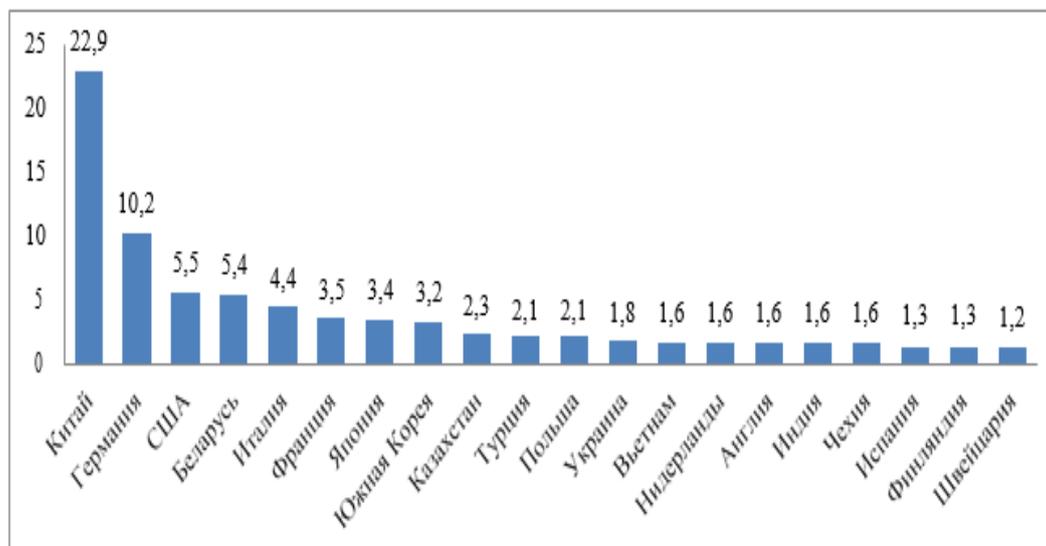

Рисунок 4. Структура импорта по странам на 2020–2022 гг.

Исходя из представленных выше данных, можно сделать вывод, что большая часть товаров, представленных на российском рынке, является импортной продукцией.

Импортозамещение сейчас держится на уровне 30 %, этого слишком мало для полноценного функционирования внутреннего рынка.

В таблице 1 перечислены секторы экономики России, в которых абсолютно необходимо наладить местное производство.

Таблица 1 – Импортозамещение по секторам экономики

Отрасли экономики	Доля импорта, %
промышленное станкостроение	50 % (доля импортных станков в пищевой промышленности)
	более 60 % (доля импортных станков в нефтедобывающей и тяжелой промышленности)
электронная промышленность	80–90 %
легкая промышленность	70–90 %
медицинская промышленность	70–80 %
машиностроение для пищевой промышленности	60–80 %
фармацевтическая отрасль	50 %

Основываясь на данных, приведенных в таблице 1, можно сделать вывод, что зависимость представленных секторов экономики от импорта чрезвычайно высока и важность производства аналогичных отечественных товаров очевидна.

Импортозамещение на данном этапе становится стратегическим вектором для российской экономики, приоритеты которой сосредоточены на промышленности, массовом производстве и машиностроении (рисунок 5).

Рисунок 5. Приоритеты развития импортозамещения в России

Импортозамещение не является новым направлением государственной политики. Курс на импортозамещение был взят нашим правительством еще в 2014 г., после введения Западом ряда ограничений¹.

Чтобы преодолеть внешнее секционное давление на российский рынок, необходимо внедрить комплексный подход к импортозамещению (рисунок 6).

Рисунок 6. Меры по улучшению импортозамещения в России

Таким образом, в качестве приоритетного направления в работе государства необходимо выделить разработку и принятие хорошо продуманной стратегии в отношении импорта.

Реализация политики импортозамещения не только приводит к заполнению рынка товарами отечественного производства, но и имеет множество других положительных экономических эффектов, таких как: положительное влияние на рынок труда (снижает безработицу); развитие государственно-частного партнерства; защита внутреннего рынка от неблагоприятных внешних воздействий; создание положительного имиджа отечественных товаров; повышение экономической активности населения путем стимулирования создания малого и среднего бизнеса.

¹ Содномова С. К., Рубцова Н. В. Анализ реализации программы импортозамещения в Российской Федерации // Экономические отношения. 2022. Т. 10. № 1. С. 187–200.

ВЕКТОР НА ВОСТОК: НОВЫЕ ПРЕДМЕТЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Палюлин А. Ю.

аспирант кафедры фундаментальных юридических
и социально-гуманитарных дисциплин
Московского финансово-промышленного университета «Синергия»

Опыт идеологических запретов в партийных системах Запада как правовой фактор обеспечения национального суверенитета

Партийные системы Запада предоставляют примеры идеологических запретов партий и люстраций по отношению к партиям и гражданам, чьими целями, по мнению регистрирующего органа, выступали или могли выступать нарушения прав и свобод человека и подрыв национального суверенитета. Изучение этого опыта может быть полезно как для рассмотрения зарубежных партийных систем, так и для выбора вектора развития российской партийной системы.

Рассмотрим пример из истории ФРГ. Согласно постановлению Федерального конституционного суда от 17.08.1956 против Федеративной Республики Германия¹ с жалобой обратились М. Рейманн и В. Фиш, члены руководящего комитета Коммунистической партии Германии. Заявители обратились к Европейской Комиссии по правам человека с требованием установить, что роспуск и запрет КПГ властями ФРГ нарушили права, предоставленные им Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, которая вступила в силу в Германии 3 сентября 1953 г.² Федеральный конституционный суд вынес решение 17 августа 1956 г.³, признавая решение о запрете КПГ законным и соответствующим Конвенции о правах человека. Это был один из первых случаев идеологической дискриминации в партийных системах.

В результатах решения Федерального конституционного суда КПГ была признана неконституционной и распущена, создание организаций, замещающих КПГ, или продолжение деятельности существующих организаций, стремящихся достичь такой замены, запрещено, собственность КПГ конфискована.

Заявители ссылались на положения статей 9–11 Конвенции⁴ для обоснования своих претензий, тогда как власти ФРГ утверждали, что роспуск КПГ по решению Федерального конституционного суда основан на законе и совместим с Конвенцией, в соответствии со статьей 21 Основного закона ФРГ, которая гласит следующее: «Партии, цели которых или действия сторонников направлены на причинение вреда или ликвидацию основ свободной демократической системы или угрозу существованию ФРГ, считаются неконституционными»⁵.

Права и свободы, упомянутые в статьях 9–11 конвенции⁶, могут быть ограничены законом в соответствии с условиями указанных статей. В статье 17 Конвенции содержится более общее положение: «Ничто в данной конвенции не может быть толковано так, чтобы государство, группа лиц или отдельное лицо имели право заниматься деятельностью или осуществлять действия, направленные на отмену прав и свобод, признанных данной конвенцией, или на ограничение этих прав и свобод больше, чем предусмотрено в конвенции»⁷.

¹ Entscheidungen des Bundesverfassungsgericht. 1956, v. 5.

² Европейская конвенция по правам человека // Европейский Суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

³ Указ. соч.

⁴ Указ. соч.

⁵ Ст. 21 «Основной закон Федеративной Республики Германия» (принят 23.05.1949) // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Европейская конвенция по правам человека // Европейский Суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

⁷ Указ.ист..

Принимая во внимание, что целью Коммунистической партии является установление социалистической-коммунистической системы через пролетарскую революцию и диктатуру пролетариата (согласно заявлениям КПГ, воспроизведенным в решении Федерального конституционного суда)¹, необходимо предотвращать тоталитарные попытки использования принципов, провозглашенных в конвенции, для подавления прав человека².

Это решение является знаковым делом, устанавливающим ограничения на свободу выражения мнений, которые ставят под угрозу демократию или основаны на тоталитарной доктрине³. Многие из тех же аргументов, изложенных в этом решении, были повторены Европейским Судом по правам человека, когда он поддержал запрет Партии благоденствия в деле *Refah Partisi* (Партия благоденствия) и другие против Турции в 2001 г.

Правовой опыт Турции по защите идеологической системы демонстрирует современные партийные тенденции свободного от колониального прошлого геополитического Востока. Рассмотрим основные аспекты дела «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» от 1990 г. о запрете регистрации компартии и последующую отмену такого решения ЕСПЧ 14 июня 1990 г.⁴ Объединенная коммунистическая партия Турции подготовилась к участию во всеобщих выборах в парламент 1990 г., но Главный государственный советник обратился в Конституционный суд Турции с заявлением о ее роспуске. Объединенная коммунистическая партия Турции обвинялась в стремлении к установлению доминирования одного социального класса над другими, использовании слова «коммунистический» в своем наименовании, подрыве территориальной целостности государства и объявлении себя преемницей Коммунистической партии Турции, существовавшей с 1920 по 1988 гг. В обращении Главного государственного советника к Конституционному суду цитировалась программа Объединенной коммунистической партии Турции, где говорилось о необходимости решения курдской проблемы мирным и демократическим путем.

16 июля 1991 г. Конституционный суд Турции принял решение о запрете Объединенной коммунистической партии Турции. Партия была ликвидирована, а ее имущество передано в Казначейство согласно закону № 2820⁵. Основателям и руководителям партии запретили занимать аналогичные должности в других политических органах. Суд отклонил доводы о превосходстве одного социального класса и о невозможности объявления партией себя преемницей ранее ликвидированной партии. Он также указал, что наименование партии содержало запрещенное слово, что устав и программа партии содержали высказывания, которые могли подорвать территориальную целостность государства и единство нации. Суд подтвердил, что в Турции существует только одна нация и отверг положения устава партии, поддерживающие нетурецкие языки и культуры. Граждане Турции, включая граждан курдского происхождения, могут выражать свою самобытность, но не имеют права формировать отдельные нации или меньшинства. Поэтому суд признал цели партии, поощряющие сепаратизм и разделение, неприемлемыми и оправдавшими ее ликвидацию.

В связи с рассмотрением данного дела, Страсбургский суд пришел к выводам о том, что было нарушено положение статьи 11 Конвенции⁶, но не иных статей Конвенции⁷, отклонил требования об обеспечении справедливой компенсации за причиненный ущерб Объединенной коммунистической партии Турции, признав, что само установление факта нарушения является достаточным видом справедливой компенсации за любой вред, причиненный заявителям Саргину и Ягчи. Тем не менее государство-ответчик должно было выплатить заявителям 120 000 французских франков в

¹ Entscheidungen des Bundesverfassungsgericht. 1956, v. 5. C. 163.

² Там же. С. 191. С. 193–195.

³ Benedek W., Kettemann M. Freedom of expression and the Internet // Council of Europe. URL: <https://rm.coe.int/prems-167417-gbr-1201-freedom-of-expression-on-internet-web-16x24/1680984eae> (дата обращения: 28.09.2023).

⁴ Постановление ЕСПЧ от 30.01.1998 Дело «Объединенная коммунистическая партия Турции (United Communist Party of Turkey) и другие против Турции» (жалоба № 19392/92) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ 2820 Sayılı Siyasi Partiler Kanunu // URL: <https://www.mevzuat.gov.tr/mevzuatmetin/1.5.2820.pdf> (дата обращения: 02.09.2023).

⁶ Европейская конвенция по правам человека // Европейский Суд по правам человека. URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.09.2023).

⁷ Указ. соч, ст. 9, 10, 14 и 18.

качестве компенсации судебных расходов и издержек. Решение было принято и оглашено на открытом слушании во Дворце прав человека в Страсбурге 30 января 1998 г.

Опыт западных стран не ограничивается запретом политических партий. Рассмотрим пример люстраций в Латвии на примере дела «Жданок против Латвии». Т. Жданок вступила в Коммунистическую партию Латвии (КПЛ) в 1971 г., когда сама партия была частью КПСС. В январе 1991 г. КПЛ участвовала в попытке государственного переворота в Латвии. В марте того же года результаты национального опроса, проведенного в Латвии, подтвердили поддержку идеалов национальной независимости. Латвия провозгласила свою полную независимость в августе 1991 г., а КПЛ была объявлена незаконной и позднее распущена¹. Однако Жданок оставалась членом парламента до июня 1993 г.

В 1998 г. Жданок пыталась баллотироваться на парламентских выборах, но ее кандидатура была отклонена Центральной избирательной комиссией. В январе 1999 г. генеральная прокуратура Латвии обратилась в суд с целью доказать, что Жданок была членом КПЛ после попытки государственного переворота. Рижский окружной суд удовлетворил ходатайство прокуратуры, отклонив жалобу Жданок. В результате Жданок была лишена права занимать выборные должности².

Жданок также не смогла зарегистрироваться в качестве кандидата на парламентских выборах 2002 г. Ни в одном из этих случаев не было возбуждено уголовного дела против Жданок. Латвийские власти имели право лишить Жданок права баллотироваться, считая ее взгляды несовместимыми с независимым демократическим процессом. Жданок не опровергала эти предположения в суде.

Политические партии, создаваемые на основе идеологических принципов, подпадают под ограничения, существующие в законодательстве некоторых стран. Обычно перечень запрещенных идеологий не указывается, однако имеются определенные исключения. В Италии, например, восстановление фашистской партии запрещено³, а в Польше законодательство запрещает политические партии и организации, пропагандирующие тоталитарные идеологии, расовую или национальную ненависть, а также насилие⁴. Некоторые партии могут быть запрещены или отказано в их регистрации в соответствии с запретом на определенную идеологию, предусмотренным национальным законодательством. К примеру, украинский «Закон об осуждении коммунистического и национал-социалистического режимов»⁵ стал причиной запрета Коммунистической партии Украины.

ЕСПЧ также занимался вопросами отказов в регистрации или ликвидации политических партий на основе их идеологических принципов. Суд не всегда соглашался с решением органов власти и признавал отказы неосновательными. Например, в случае отказа регистрации Коммунистической партии Болгарии и Объединенной коммунистической партии Турции, ЕСПЧ счел, что причины, указанные властями, были недостаточными и неподходящими. Важным аргументом было то, что выбор названия партии или использование определенных терминов не может быть основанием для роспуска партии.

Настоящим предлагается ограничить регистрацию в России политических партий, которые поддерживают интеграцию нашей страны в международное политическое пространство как подчиненной державы. Это предложение базируется на том, что такая интеграция ограничивает суверенитет, правовую и идеологическую независимость России, ставит под вопрос верховенство национального закона и предполагает принятие обязательств перед международными организациями, которые обладают юрисдикцией над национальными ветвями власти в России.

¹ Деятельность компартии Литвы под запретом // Интерфакс: новости. URL: <https://www.interfax.ru/30years/784046> (дата обращения: 26.09.2023).

² «Case of Zdanoka v. Latvia» // HUDOC. European Court of Human Rights. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/rus/#%7B%22itemid%22:%5B%22001-185937%22%7D> (дата обращения: 26.09.2023).

³ Ст. 12 Переходные и заключительные постановления Конституции Республики Италии. Конституции стран мира. Хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов : в 7 ч. Часть 2. Европа. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 1054 с. С. 152.

⁴ Ст. 13 Конституции Польши. Конституции стран мира. Хрестоматия / сост. Д. В. Кузнецов : в 7 ч. Часть 2. Европа. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2014. 1054 с. С. 723.

⁵ Закон об осуждении коммунистического и национал-социалистического режимов // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=77561 (дата обращения: 26.09.2023).

Интеграция России как подчиненной страны в международное политическое пространство ограничивает ее суверенитет. Принятие обязательств перед международными организациями, такими как МУС, ЕСПЧ и Европарламент, подрывает решения, принимаемые национальным уровнем, и ограничивает возможность страны для самостоятельного развития. Принятие обязательств перед юрисдикционными наднациональными органами может урезать полномочия национальных ветвей власти России и привести к невозможности независимого решения национальных вопросов. Это может привести к потере контроля над собственными делами и сокращению суверенитета, что совершенно не приемлемо.

Базина О. О.

доцент кафедры конституционного права МГИМО МИД России
кандидат юридических наук, доцент

Проблемы изучения права Китая в современной России

В процессе изучения права в Китае традиционно основное внимание уделяется правовым обычаям, политическому курсу и социальной идее. По мнению китайских юристов, на Западе представления о правовом государстве успешно развились благодаря тому, что правовой обычай, правоприменительная практика и статутное право принадлежат к единому понятийному и логическому пространству, между ними нет четкой границы и существенных противоречий.

В Китае же, где правовые документы западного образца начали создаваться недавно (в первой трети XX в.), а их прототипы заимствованы извне (в основном из стран романо-германской правовой семьи), процесс появления основ правового государства (в его западном понимании) затруднен и идет медленно и осторожно, поскольку между национальным обычаем и молодым статутным правом лежит мировоззренческая пропасть. Вследствие исторических и культурных причин развитие государства и права Китая происходит по особому пути с «китайской спецификой»¹.

Во всем мире право становится междисциплинарной наукой, тесно связанной не только с общественными, но и с естественными науками. Это новое направление эволюции права и государства, а также требование социального развития. Источники правовых познаний в КНР оказываются богаче, чем в прошлом веке. Выделим основные из них.

Зарубежная правовая мысль. Как уже отмечалось, на развитие китайского права оказали и продолжают оказывать влияние теория государства и права Советского Союза, идеи просвещенной Европы, современные правовые системы США, Германии, Франции, Великобритании и других стран. Правовая система современной России после распада СССР также стала новой горячей темой правовых исследований в КНР. Как и во всем современном мире, сегодня в КНР защита прав человека и демократия – важный предмет правовых исследований и одно из направлений государственной политики. Благодаря экономическому и технологическому развитию правовые исследования в разных странах тесно взаимодействуют, оказывая влияние друг на друга. Поэтому в наше время перед интенсивно развивающимися странами, такими как Китай и Россия, возникает новая проблема: как защитить свои государственные интересы в условиях глобальной конкуренции, как проявить волю и отстоять свои взгляды в процессе международного сотрудничества.

Национальное историческое правовое наследие. Развитие права неотделимо от исторического наследия – в настоящее время это актуально и для Китая, и для других стран. После реформы 1978 г. китайские юристы стали более рациональными и зрелыми в том, что касается усвоения, извлечения уроков, передачи и закрепления результатов исторического развития права. Китай – одна из самых древних стран в мире. В древнем Китае отлаженная технология составления кодексов стала важным результатом деятельности юристов. Традиция статутного права возникла еще до нашей эры – в частности, в эпоху династии Тан (618–907 гг.) в Китае уже был кодекс. Так, в 652 г. был опубликован известный закон Тан лю шуй юйб – один из самых древних писанных законов в Восточной Азии, самый

¹ Лю Цюцэнь. Специфика права Китайской Народной Республики и особенности его современного развития // Правове дение. 2019. Т. 63. № 2. С. 327–339. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu25.2019.208>.

древний и полный феодальный уголовный кодекс Китая, насчитывающий в общей сложности 30 томов. В нем содержится подробное, систематическое и полное толкование текста закона⁷. После династии Сун (960–1279 гг.) законодатели и юристы сохранили толкование законов династии Тан, создав на этой основе учебную, правовую и культурную традицию. В отличие от западных стран, законодатели в те древние времена не только комментировали кодексы, но и готовили пояснительные записки к законам, а также сопровождали их весьма изысканными комментариями. Всё это было унаследовано последующими поколениями китайских юристов.

Человечество вступило в эпоху глобализации и новых технологий. По мнению Правительства КНР, реализация проекта «Один пояс, один путь» стала новой парадигмой глобализации. «Один пояс, один путь» основывается на уважении к идее правового государства, которая относится к числу определяющих направления развития КНР. Вместе с тем данный проект отличается от американской правовой глобализации, обладающей всеми чертами западной правовой культуры, поскольку идет не по пути насильственного завоевания и культурной агрессии, а по пути мирных равноправных консультаций и взаимных выгод. Проект, реализуемый КНР, вырабатывает глобальные законы, которые представляют собой единое целое, объединяющее элементы правовых культур всего мира с тем, чтобы обеспечить определенное единство и сохранение уникальных особенностей различных правовых культур. Это необходимо не только для независимого существования и развития правовых культур, но и для процветания всего человечества.

Таким образом, в наше время развитие юриспруденции КНР характеризуется попытками Китая найти свой собственный путь, отвечающий потребностям интеграции государств и одновременно базирующийся на древних китайских правовых обычаях и традициях. За последние 40 лет право КНР претерпело значительные положительные изменения, перенимая опыт европейских стран, США, бывшего СССР и современной Российской Федерации. В настоящее время Китай продолжает активный поиск собственного пути развития права.